

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Историко-архивный институт

Исторический факультет
Кафедра вспомогательных
исторических дисциплин и
археографии

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт всеобщей истории

Отдел специальных
исторических дисциплин

*К 90-летию со дня рождения
Сергея Михайловича Каштанова*

**ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ
В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ЗНАНИИ**

Материалы
XXXIV Всероссийской научной конференции
с международным участием

Москва, 7–8 апреля 2022 года

Москва
2022

УДК 930(08)
ББК 63.2
В 85

Редакционная коллегия:

*С.В. Зверев, Н.А. Комочев (отв. секретарь),
И.Г. Коновалова (отв. ред.), Е.В. Пчелов (отв. ред.),
Д.Н. Рамазанова, А.А. Фролов,
К.С. Худин (отв. секретарь), А.П. Черных*

Рецензенты:

*д.и.н., проф., г.н.с. ИВИ РАН М.В. Бибиков
д.и.н., проф., зав. каф. ИАИ РГГУ Т.И. Хорхордина*

Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXIV Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 7–8 апреля 2022 г. / Отв. ред. И.Г. Коновалова, Е.В. Пчелов; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Исторический ф-т, Каф. вспомогат. ист. дисциплин и археологии; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщей истории. – М.: ИВИ РАН, 2022. – 320 с.

В докладах и тезисах на основании новых исторических источников рассматриваются актуальные проблемы таких вспомогательных исторических дисциплин, как палеография, историческая хронология, историческая метрология, историческая география, генеалогия, ономастика, сфрагистика, геральдика, нумизматика и др., освещаются проблемы истории естественнонаучного знания, история и историография вспомогательных исторических дисциплин. Большое место уделяется исследованиям по истории книжной культуры, приказного делопроизводства.

Для специалистов в области гуманитарного знания, истории, источниковедения, вспомогательных исторических дисциплин, историографии.

ISBN 978-5-94067-534-1

- © Институт всеобщей истории РАН, 2022
- © Российский государственный гуманитарный университет, 2022
- © Редколлегия, составление, 2022
- © Коновалова И.Г., Пчелов Е.В., общая редакция, 2022
- © Коллектив авторов, 2022
- © Худин К.С., оригинал-макет, 2022

*К 90-летию со дня рождения
Сергея Михайловича Капитанова*

Слауцаров

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Очередная XXXIV научная конференция «Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании», которую совместно проводят Кафедра вспомогательных исторических дисциплин и археграфии Историко-архивного института РГГУ и Отдел специальных исторических дисциплин Института всеобщей истории РАН, посвящается юбилею выдающегося ученого, члена-корреспондента РАН, профессора Сергея Михайловича Каштанова.

Сергей Михайлович особенно значимая личность как для Историко-архивного института РГГУ, так и для Института всеобщей истории РАН. Выпускник кафедры вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ, он долгое время был профессором кафедры, в 2011 г. возглавив образованную в РГГУ Высшую школу источниковедения, вспомогательных и специальных исторических дисциплин. В самом университете он создал уникальную научную школу своих учеников, и многие видные специалисты в области истории и источниковедения с гордостью называют его своим Учителем. Неразрывно связанный многолетним сотрудничеством с Историко-архивным институтом, Сергей Михайлович является живым символом плодотворного сотрудничества академической и вузовской науки. Более сорока лет Сергей Михайлович был сотрудником Института российской истории РАН, а последние двадцать лет работает в Институте всеобщей истории РАН, где осуществляет научное руководство Отделом специальных исторических дисциплин.

Помимо широкого круга разнообразных исторических проблем, в центре исследовательского внимания С.М. Каштанова всегда находился огромный пласт вспомогательных исторических дисциплин — от палеографии и кодикологии до исторической географии, от генеалогии до сфрагистики и нумизматики. Но особенно весомый вклад Сергей Михайлович внес в такие важнейшие науки исторического цикла, как дипломатика и археография, создав поистине классические труды в этих областях знания. Многочисленные монографии и статьи С.М. Каштанова прочно вошли в золотой фонд как исторической науки в целом, так и вспомогательных исторических дисциплин. И в дни славного юбилея хочется пожелать Сергею Михайловичу новых научных трудов и преподнести в качестве подарка этот сборник материалов нашей конференции.

Л.В. Столярова.
д.и.н., г.н.с. ИВИ РАН

Между прошлым и будущим: С.М. Каштанов в Историко-архивном институте

Вся творческая жизнь Сергея Михайловича Каштанова — ленинградца по рождению и казанца по воспитанию (он учился в знаменитой казанской школе № 2) — связана с Москвой и Историко-архивным институтом. Впервые он появился здесь в 1949 г., когда его отца М.Ф. Каштанова перевели из Казани на новое место службы — в Академию бронетанковых сил. Переезд семьи в Москву точно совпал с окончанием С.М. школы. Выбор вуза определился не только интересом к европейскому средневековью с его королями и герцогами, но и возможностью не сдавать вступительные экзамены: как серебряный медалист, С.М. воспользовался правом поступить в Историко-архивный институт по результатам довольно формального собеседования. С этого момента судьбы Историко-архивного института и одного из самых блестящих его выпускников оказались неразрывно связаны: Каштанов стал его славой и легендой, Историко-архивный институт подарил ему встречу с Учителями — А.А. Зиминим и С.О. Шмидтом, — друзей на всю жизнь и направление его научных занятий. Именно здесь сформировалось ядро научной школы самого С.М. и на протяжении более чем 30 лет при кафедре Вспомогательных исторических дисциплин действовал его знаменитый Семинар.

Мое знакомство с С.М. не было случайным. Напротив, оно было тщательно спланировано и подготовлено добрейшей Е.П. Маматовой. Обещая представить меня Каштанову и похлопотать, чтобы он взял меня «в ученицы», она занесла мою фамилию в гигантский *Grossbuch*, подчеркнув ее трижды, обведя в кружочек и пометив восклицательным знаком и словом «бесхозная». Однако в «бесхозных» я проходила еще год: вероятно, фамилия моя затерялась среди прочих обещанных к похлопотанию, а, скорее всего, Евгения Платоновна забыла обо мне, а я все стеснялась напомнить. А может быть, распухший *Grossbuch* с моей фамилией исчез среди себе подобных в циклопических размерах «сумочке» Е.П., где вечным грузом хранились очередные студенческие контрольные по древнерусскому языку и тексты по палеографии.

В начале моего четвертого курса тянуть с научным руководителем было уже нельзя, и я вновь явилась на кафедру к Маматовой. К моему удивлению, она меня вспомнила и приняла так, как будто я

была ее «родственницей»: накормила гигантской плюшкой из соседней булочной, напоила чаем, рассказала об А.А. Зимине и при мне принялась звонить Каштанову. Оказалось, что Сергей Михайлович получил приглашение тогдашнего заведующего кафедрой вспомогательных исторических дисциплин незабвенного А.Л. Станиславского преподавать (по совместительству) дипломатику в Историко-архивном институте. «Теперь Каштанчик от нас никуда не денется. Возьмет тебя в ученики. Будешь у него учиться. Диплом у него напишешь, а там, глядишь, и еще чего-нибудь. Сейчас мы его поймаем в розовые руки и возьмем в оборот. Он, конечно, ученый с мировым именем. Весь в науке и ему вечно некогда. Но ничего. Мы его обаяем. Главное, чтобы он согласился. А куда ему деваться?» — приговаривала Маматова, время от времени накручивая диск телефона. Телефон не отвечал. «В Ленинке сидит!» — каждый раз резюмировала она и разворачивала очередную плюшку. Время близилось к ночи, мы остались на кафедре одни. Я думала о том, что даже если Евгения Платоновна не дозвонится вовсе, а я так и останусь без научного руководителя, то вот этот вечер все равно будет одним из самых замечательных в моей жизни. Я словно прикоснулась к чему-то прекрасному, что могло быть только мечтой. Е.П. с упоением рассказывала мне о научной школе А.А. Зимина, о его учениках, о С.М. Каштанове — самом любимом и талантливом из них. О том, что все они со временем становились Зимину больше, чем просто ученики, ближе, чем дети, роднее, чем друзья. Беседы с ними он называл «Поговорим о божественном» и всегда и во всем оставался для них Учителем — нравственным ориентиром в науке и жизни. Я мечтала о чем-то подобном. Научная школа представлялась мне в первую очередь содружеством единомышленников, а Учитель — почти Мессией. Я считала, что опоздала родиться, и что такого Учителя и такой дружбы в моей жизни, увы, никогда не будет... Никогда.

Но неожиданно Евгения Платоновна дозвонилась. Мне была назначена встреча, на нее я пришла, волоча за собой большую сумку-тележку, содержимое которой было призвано явить Каштанову плачевный результат моих робких занятий наукой. К моему величайшему изумлению, С.М. принял меня очень по-доброму, сразу предложил тему дипломного сочинения и наметил первоначальный план работы. Он говорил со мной так ободряюще и так светло, что домой я неслась, словно на крыльях. Эта встреча, случившаяся 35 лет назад, определила всю мою дальнейшую жизнь.

На нашем курсе С.М. объявил спецкурс и спецсеминар по дипломатике. Никаких обязательных предметов Каштанов на нашем курсе не вел, наше знакомство с ним началось сразу с высшего пилотажа. Но были счастливицы, кому удалось попасть к Каштанову не только на специальные, но и на базовые семинары по вспомога-

ным историческим дисциплинам и источниковедению, которыми он руководил на 1-м и 2-м курсах. В дальнейшем С.М. старался придерживаться этой линии в преподавании, и большинство его учеников 1990-х – начала 2000-х годов занимались у него буквально с первого курса, сравнительно рано оказывались в архиве, получали тему и к пятому курсу имели не только практически готовую дипломную работу, но и направление научных занятий на всю жизнь. Когда часы практических занятий в РГГУ стали неуклонно сокращаться, курсы урезались, а аудиторная нагрузка преподавателей распределялась по-новому, и ее на всех не хватило (это на нашей-то кафедре, где учили базовым для медиевистов предметам, основе ремесла!), эта преемственность была нарушена. Каштанов сначала получил только семинар по вспомогательным историческим дисциплинам, а занятий по источниковедению с группой второкурсников, которые учились у него в прошлом году, ему не дали. На другой год ситуация повторилась: ему были распределены семинары по источниковедению, но занятий по вспомогательным он лишился. Постепенно и этой нагрузки не стало. За Каштановым оставили только спецкурс по запискам иностранцев и спецсеминар по источниковедению. При этом с 2014 по 2017 г., когда РГГУ избавился от совместителей и, в том числе, от своего почетного профессора С.М. Каштанова, Семинар проводился исключительно на дому у его руководителя под неизменные пирожки к чаю его жены Любови Захаровны.

Мне посчастливилось оказаться в числе первых дипломников С.М. Каштанова в Историко-Архивном институте. Нас было трое «первенцев» — К. Баранов, О. Тюренкова и я. Зная о невероятной загруженности С.М. и (если честно) немного ревнуя Учителя друг к другу, мы с Барановым условились звонить ему исключительно вместе, из телефона-автомата в вестибюле станции метро Смоленская или из Ленинки. Постепенно, конечно, эта договоренность была нарушена, и мы общались с С.М. и вместе, и каждый в отдельности столько, сколько было нам нужно. Каштанов никогда не жалел времени на нас, щедро одаривая нас вниманием и любовью, которыми мы беззастенчиво пользовались. Оторваться от праздника общения с Учителем было невозможно. Мы быстро привыкли к его необыкновенному окрыляющему отношению к нам и пользовались любой возможностью пообщаться, встретиться, поговорить. Помню, как мы караулили Каштанова в Ленинке, время от времени выходя из Третьего читального зала в каталог на балюстраду, откуда открывался прекрасный вид сверху на гардероб читателей Первого (Профессорского) зала. Опознавательным знаком, точно выдающим появление С.М. в библиотеке, была его шапка необыкновенного рыжего цвета, которую мы зорко высматривали как сигнал к старту. Появление шапки означало, что Учитель прибыл, и мы со всех ног неслись

в сторону Профессорского зала здороваться. Далее следовал обязательный ритуал посещения буфета, интереснейшие беседы, в которых мы были восторженными слушателями, стакан странного на вкус кофе с печеньем и «разбор полетов» — консультации по нашим работам.

Когда он находил для нас время? Почему мы никогда не чувствовали, что мы мешаем, пришли не вовремя, отвлекаем, не даем заниматься? Щедрость его к нам не имела и не имеет границ. Я свято храню все свои доклады, статьи, главы дипломной работы и диссертаций, исписанные вдоль и поперек Каштановским каллиграфическим почерком. Всегда — карандашом. Всегда с глубоким уважением к нам — начинающим, но уже коллегам. Его замечания — всегда остроумные, точные, понятные, отмеченные его тонким юмором по отношению к нашим бойким открытиям и чересчур уверенным умозаключениям. Нас, еще не оперившихся, он учил и решительной правкой, и четверостишием на полях, и смешным рисунком. Это не только никогда не было обидно. Это окрыляло и придавало сил и желания работать, искать, не сдаваться. Вот это чувство крыльев у себя за спиной и ощущение счастья не покидает меня и сейчас после каждой встречи, после каждого разговора по телефону, после праздника общения, которое мне так щедро дарит Учитель.

Научно-исследовательский Семинар С.М.Каштанова в МГИ-АИ/ИАИ-РГУ, из которого выросли К.В. Баранов, О.И. Хоруженко, Н.А. Комочев, К.Ю. Ерусалимский, А.С. Усачев, Т.В. Гимон, Д.А. Редин и многие другие уже вполне состоявшиеся исследователи, с известными в научном сообществе своими трудами и довольно громкими именами, был не только научной, но и настоящей школой жизни. Мы проводили много времени вместе — в гостях друг у друга, дома, на даче, в студенческом общежитии. Все праздники, торжества, наши и его достижения, жизненные драмы и даже трагедии — все разделил с нами наш Учитель. Никто так не радовался нашим победам и никто так глубоко не сопереживал нашему горю, как он. И никого не было моложе и веселее него. Мы никогда не чувствовали возраста в отношениях с С.М., которые при том никогда не были панибратскими и всегда — глубоко почтительными. Он растил нас, поднимал до себя, хотя и невозможно было подняться на его высоту. Но мы стремились.

Наши доклады, которые мы готовили для Семинара, разбирались тщательно и основательно. Заседания длились часами, никто не стремился расходиться, даже когда этого требовала охрана, когда караул устал. Священным было заключительное слово Учителя, когда все вопросы уже были заданы, копия дебатов поломаны, выпит весь кафедральный чай и съедены все пироги и пышки, которые девочки обязательно готовили к каждому Семинару. Это было чудо —

вот это самое заключительное слово. Всегда очень спокойно, очень по-доброму, Каштанов разбирал наши построения и систему доказательств. Он одним словом, точно подобранной фразой расставлял все по своим местам, направлял идеи в нужное русло, подсказывал еще не освоенную нами литературу (причем на всех мыслимых языках), советовал, к какому архивному фонду или документу следует обратиться, над чем подумать, что еще попытаться выяснить. Направления наших поисков обретали новые смыслы, оттачивалась методика исследований, открывались новые горизонты. Это было волнительно, захватывающе, интересно. Мы и после Семинара шли до метро кучкой, все вместе, окружив плотным кольцом нашего Учителя, и все не могли наговориться. Кто-то обязательно ехал провожать С.М. до дома. Много раз так ездила и я, не в силах прекратить праздник общения. Иной раз мы провожали друг друга до последнего поезда в метро, иной раз — забыв, кто кого и куда провожает. С Учителем мы совершили незабываемые поездки в Ростов, Ярославль, Муром, Дмитров, Торопец, Екатеринбург. Бывали в кино, театре, а старое кафе «Прага» при легендарном ресторане было любимым местом наших совместных посиделок с Е.П. Маматовой. В прежние времена мы довольно часто небольшой компанией отправлялись туда после Ленинки или занятий в Архиве древних актов. Жаль, что теперь этого кафе больше нет.

Не могу не вспомнить одно из самых важных событий в моей жизни: поездку зимой 1990 г. в Ростов Великий. С.М. Каштанов предложил мне подготовить совместно с ним текст Павло-Обнорской копийной книги конца XVII в. к изданию. Эту книгу, содержащую монастырские копии документов, самый ранний из которых датировался XV в., С.М. обнаружил в Ростовском музее еще в начале 1960-х годов, когда путешествовал по провинциальным архивам в поисках неизвестных жалованных грамот. Теперь предстояло подготовить ее текст к изданию. Для меня это была уникальная возможность на практике познакомиться с тем, как занимается с рукописями сам Каштанов, учиться и впитывать, перенимать и поглощать. В Ростове мы провели 40 дней, копируя по очереди Обнорскую книгу от руки, подобно средневековым писцам. Благодаря тому, как Сергей Михайлович организовал нашу работу, я очень быстро усвоила приемы дипломатической передачи текста, разработанные им, правила оформления заголовков, принципы работы с филигранями, особенности составления палеографических примечаний.

Семинар С.М. Каштанова был не только тем местом, где формировалась наша научная жизнь. Думаю, что и Учитель, работая с нами, оттачивал свои научные концепции на лекциях, которые читал нам. Лекции эти сразу поразили мое воображение. Нет, не ораторским мастерством профессора. В этом отношении, вероятно, С.М.

мог кому-то и уступать. Его лекции восхищали удивительной ясностью мысли, широтой сопоставлений, грандиозным владением историографией, невероятной полнотой источниковой базой, виртуозностью источниковедческого анализа и великолепием исторического синтеза. Так получилось, что второй семестр 1987/88 г., когда Семинар и Спецкурс Каштанова только начались, я провела в Ленинграде на практике в ЦГИА СССР. Пропустить занятия Учителя в Историко-архивном институте я не могла. Это было так интересно, что раз в неделю всеми правдами и неправдами я моталась из Питера на Семинар в Москву и обратно, не в силах лишиться себя этого удовольствия. Именно на нашем Семинаре и на Спецкурсе С.М. Каштанова рождалась его концепция о типе Русского государства и отчетливо обозначилось его увлечение компаративными исследованиями в связи с поиском доказательств типологической близости социальных отношений в Русском государстве XIV–XVI вв. и Франкском государстве VII–IX веков.

Каштанов убедительно доказал, что Россия пришла к развитию феодальных институтов (иммунитет, вассалитет, прекарый, бенефиций и пр.) спустя полтысячелетия после того, как они проделали свою эволюцию в Европе. Если в России феодальные отношения складывались на рубеже Средневековья и начала Нового времени, то в Западной Европе в то же время уже начали формироваться буржуазные отношения. Последнее не могло не сказаться на характере документирования в европейских и русских канцеляриях XIV–XVI веков. С.М. обратился к количественным сопоставлениям русских княжеских грамот с меровингскими и каролингскими прецептами, одинаково содержащими земельные и иммунитетные пожалования. Впервые в отечественной историографии была сделана попытка вывести годовую норму выдачи русских актов начиная с первой четверти XV в. (в период правления Василия Темного) и до конца XVI в. (до конца царствования Ивана Грозного). Подсчет был основан только на иммунитетных грамотах. Каштанов показал, что земельно-иммунитетные акты, выданные до конца великого княжения Василия I, по своим количественным показателям сопоставимы с меровингскими грамотами. Общее же число иммунитетных грамот, выданных в течение 160 лет с начала княжения Василия II и до конца царствования Ивана IV, сравнимо с актами каролингской эпохи. С.М. показал, что интенсивность выдачи грамот при Василии II (7,3) и Иване III (9,3) была ниже, чем при Карле Лысом (13,5), однако уже при Василии III превысила указанную норму (14,3). Средняя интенсивность выдачи грамот при Иване IV (25,2) превосходит нормы Капетингов — Людовика VI (16,5) и Людовика VII (18,5). Наряду с этим Каштанов отметил неуклонный рост ежегодной нормы выдачи иммунитетных грамот в России.

Меня поражало и поражает страстное и ревностное отношение Сергея Михайловича к предмету своих исследований. Влюбленный в дипломатику, он с юношеским пылом открывает для себя все новые и новые дороги, по которым он хотел бы пройти сам, только сам, без врагов и союзников. Так велико наслаждение, которое он получает, занимаясь наукой. Нынешняя его страсть — подлинники средневековых русских грамот. И путь его не знает преград. Я помню, как однажды, на заре моей туманной юности, мы шли с С.М. из Ленинки по Александровскому саду. Шли на Семинар в Историко-архивный и, кажется, довольно быстро, так как время поджимало. Меня тогда интересовало все, и об этом всем хотелось знать мнение Учителя. Между нами произошел примерно такой диалог:

— Сергей Михайлович, а вот скажите, пожалуйста, думали ли Вы о типах человеческих личностей?

— О чем???

— Ну, какие бывают люди? На кого они делятся?

— Люба, люди в основе своей делятся на две большие группы. Лучшие — это женщины, и худшие — это мужчины. Худшие делятся на еще более худших, а именно тех, кто занимается жалованными грамотами, и на лучших, а именно тех, кто жалованными грамотами не занимается!

Его помощь всегда действенна. Она никогда не представлялась чем-то особенным, просто она обязательно была, и воспринималась, как должное. Обо всем сказать в коротенькой заметке невозможно, но сейчас мне вспоминаются трогательные моменты, когда поддержка С.М. оказывалась не только своевременной, но и просто жизненно важной. В 1997 г. я занималась подготовкой к изданию моей первой книги «Древнерусские надписи на пергаменных кодексах XI–XIV вв.» и нередко для снятия вопросов посещала на дому редактора издательства «Наука» М.М. Леренман, работавшую с моей рукописью. Дело было зимой, засиживалась я у Майи Михайловны долго, так как вела она мою книгу очень тщательно и въедливо и каждую свою правку считала важным обсудить с автором, то есть со мною. Когда мы закончили, и пришло время уходить, оказалось, что собака Майи Михайловны съела в прихожей мои единственные зимние ботинки. Мне остались только обгрызенная подошва, шнурки и остатки задников. Смущенная М.М., отругав собаку, укутала мне ноги шерстяными носками, газетами, полотенцами и целлофаном, примотав всю эту конструкцию к подошвам и задникам так, чтобы можно было доплестись до метро. В таком бравом виде я кое-как прибыла домой. Однако другой обуви у меня не было, а на работу в Институт российской истории РАН мне следовало являться хотя бы два раза в неделю. Время было трудное, зарплаты моей хватало разве что на метро, купить новую пару зимних ботинок я не могла.

Рассказав С.М. о происшествии с ботинками и постаравшись представить ситуацию как можно комичнее, я приготовилась сидеть дома в ожидании, когда финансовая ситуация позволит мне купить хоть какую-нибудь обувь. Каково же было мое изумление, когда утром следующего дня Каштанов тоном, не терпящим возражений, велел мне подъехать к ГУМу так срочно, как только я смогу. Повторив процедуру с обмотками и подметками, я выкатилась из дому и прибыла в сказанное Учителем место. Знающие Каштанова поймут, что значит для него утренний выход, а тем более — своевременное прибытие на встречу. Меньше, чем на 40 минут, Каштанов не опаздывал никогда, отмечая при этом, что он не король, а всего лишь герцог. Прошаркав к ГУМу, я обнаружила там изрядно подмерзшего Каштанова с портфелем. Приветствуя меня с выражением крайнего неудовольствия («Где же вас носит, маркиза?»), С.М. быстро затолкал меня в обувной отдел, где продавщица с халой на голове, с трудом преодолевая презрение к моим обмоткам, выдала мне пару новеньких ботинок на меху с невероятными золотыми пряжками. Этот отнюдь не герцогский, но королевский подарок я запомнила на всю жизнь, а пряжки от тех ботинок, которые служили мне еще очень долго, я храню до сих пор.

Когда я держала вступительные экзамены в аспирантуру, Учитель волновался и тревожился не меньше моего. Последним экзаменом оставался «Марксизм-ленинизм», который включал в себя вопрос по истории партии, а также вопросы по истмату, диамату, политэкономии и научному коммунизму. Это был первый за всю историю МГИАИ такой насыщенный экзамен по марксизму, чего в 1989 г. настоятельно требовала Перестройка и новое политическое мышление. С трудом понимая, как я приготовлю всю эту кучу билетов, я обратилась за советом к Каштанову. Выслушал он меня, кажется, молча, и быстро увел разговор в сторону. Было ясно, что я погибла, и что даже Учитель не в силах мне помочь. Буквально на следующий день на кафедре С.М. вручил мне серый томик «Истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», выпущенный в 1946 г. Государственным издательством политической литературы. «Думаю, это то, что ей надо», — заметил он, отмахиваясь от возмущенной Маматовой, пытавшейся не допустить передачу мне этого спасительного круга, брошенного совсем не вовремя, а в эпоху ускорения и гласности. К великой радости Каштанова, экзамен по марксизму-ленинизму я выдержала на отлично, чем подтвердила торжество его правоты в вопросах теории и методики подготовки к столь ответственному испытанию.

Сейчас, когда Учитель отмечает свой 90-летний юбилей, он так же, как и прежде, азартен в своих научных поисках и так же, как прежде, молод душой. Когда-то С.М. сказал мне, что отношения ме-

жду учителем и учеником особые. Это и не любовь, и не дружба, и не просто духовное родство и глубочайшее уважение друг к другу. Это всегда нечто большее. Я всегда помню об этом и знаю, что для меня С.М. Каштанов — это и Учитель, и Друг, и Отец, и та соломинка, за которую я держусь из последних сил, когда тяжело. Главное, что для меня он — все то, что только может значить один человек для другого. А может быть — он и есть главный человек в моей жизни, который создал для меня ту систему ценностей, в которой я существую. Человек, чьего удивительного отношения ко мне я, увы, не заслуживаю.

*А.А. Чернобаев
д.и.н., проф., в.н.с. ИРИ РАН,
гл. ред. журнала «Исторический архив»*

С.М. Каштанов и журнал «Исторический архив» (заметки коллеги и друга)

Тематика настоящей конференции охватывает широкий круг дисциплин. Каждая из них занимает свое особое место в современном научном знании. Думаю, что вряд ли кто-либо из присутствующих здесь может считать себя специалистом во всех этих дисциплинах. Лишь отдельные ученые внесли и продолжают вносить большой вклад в изучение, если не всех, то, во всяком случае, многих проблем вспомогательных исторических дисциплин, истории средневековой Руси в целом. Одним из них, безусловно, является С.М. Каштанов. Назову несколько его фундаментальных трудов последних лет: «Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.)» (М., 2010; совм. с Л.В. Столяровой); «Исследование о молдавской грамоте XV века» (М., 2012); «Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси» (М., 2014); «Московское царство и Запад: Историографические очерки» (М., 2015); «Источники о взаимоотношениях между Россией и греческим православным миром в XVI в. Ч. 1» (М., 2016); «Очерки региональной истории и исторической географии Русского государства XV–XVII вв. Т. 1. Северо-Восточная Русь» (М., 2018). Нельзя не поражаться столь высокой научной продуктивности Сергея Михайловича.

В книге «Институт российской истории РАН. 1936–2021 гг. Очерк истории. Биобиблиографический словарь» (М., 2021), изданной к 300-летию Российской академии наук и к 85-летию ИРИ РАН, в статье о сфере научных интересов С.М. Каштанова говорится: «Отечественная история, методология, историография, источниковедение, дипломатика, археография, генеалогия, палеография, филограноведение, кодикология» (Институт российской истории РАН.

С. 284). И это лишь часть тех проблем, которым посвящены труды выдающегося ученого, профессора, члена-корреспондента РАН. Вполне естественно поэтому, что XXXIV-я ежегодная международная конференция, организованная его *alma mater* Историко-архивным институтом РГГУ и Институтом всеобщей истории РАН, где с 1995 г. трудится Сергей Михайлович, посвящена исполнившемуся 29 января 2022 г. 90-летию со дня его рождения.

В своем кратком выступлении я остановлюсь лишь на одном направлении многогранной деятельности С.М. Каштанова — редактора и автора документальных публикаций в журнале «Исторический архив», возрожденном в 1992 году. Напомню, что предшественник этого издания, выходивший с 1955 г., был закрыт по постановлению Секретариата ЦК КПСС в 1962 г. (См.: *Есаков В.Д., Орехова Е.Д.* Судьба журнала. «Исторический архив» в 1955–1962 гг. // Исторический архив. 1992. № 1. С. 194–211).

Более 30 лет назад, став соседом Сергея Михайловича (мы живем в одном дворе), я познакомился с ним, и вскоре у нас установились близкие, товарищеские отношения. Мне всегда интересны его рассказы о коллегах, импонируют глубокие познания в отечественной и всеобщей истории, присущий ему тонкий юмор. Достаточно вспомнить каштановские эпитафии («о неистовом Сигурде» (имеется в виду С.О. Шмидт), опубликованные в сборнике «Кружку источниковедения — пятьдесят лет» (См.: *Каштанов С.М.* Эпитафии к не написанной «Похвале святому Сигурду». Песнь о неистовом Сигурде. М., 2008. С. 119–122), а также стихи и пародии разных лет в сборнике статей в его честь «Ad fontem/У источника» (М., 2005. С. 446–489).

В конце 2004 г. я предложил Сергею Михайловичу войти в редакцию «Исторического архива». После некоторых колебаний он дал согласие. С тех пор наши встречи стали регулярными. Вместе с В.Ю. Афиани и А.Ф. Бондаренко, заместителями главного редактора журнала, Каштанов курирует рубрику «Из глубины веков». Делают они это высоко профессионально, нередко вносят в готовящиеся публикации (обязательно согласовывая их с авторами) существенные дополнения и уточнения. Все трое неоднократно и сами публиковались в журнале.

Первая публикация С.М. Каштанова в «новом» «Историческом архиве», как образно назвал его профессор Историко-архивного института РГГУ, член редсовета журнала с 1992 г. А.Д. Степанский, появилась в 2002 г., еще до вхождения Сергея Михайловича в редакцию (См.: О взаимоотношениях Киево-Печерского монастыря с правительством Ивана IV в 1583 г. // Исторический архив. 2002. № 4. С. 189–203). В 2005 г. в журнале была публикация С.М. Каштанова «О взаимоотношениях Киево-Печерского монастыря с правительством царя Федора Ивановича в 1585 г.» (Исторический архив. 2005.

№ 1. С. 175–197). Эти публикации уникальных материалов из РГА-ДА (Ф. 52. Сношения России с Грецией), блестяще подготовленные Сергеем Михайловичем по правилам издания документов XVI–XVII вв., с палеографическими и хронологическими примечаниями к каждому из них, вызвали немало откликов наших читателей.

Как известно, своими учителями С.М. Каштанов считает А.А. Зими́на и С.О. Шмидта. Их жизни и творчеству Сергей Михайлович посвятил несколько очерков и статей (См., например: Александр Александрович Зимин (1920–1980) // Портреты историков: Время и судьбы. М.; Иерусалим. 2000. Т. 1: Отечественная история. С. 368–392; Жизнь и деятельность академика Сигурда Оттовича Шмидта: Краткий очерк // Московская энциклопедия. М., 2014. Т. 1: Лица Москвы, кн. 6: А–Я. Дополнения. С. 610–625 и др.). Некоторые из них написаны Сергеем Михайловичем в соавторстве со мной. Так, наши статьи о А.А. Зимине были опубликованы во втором выпуске приложения к журналу «Исторический архив» «Историки России XVIII–XX веков» (М., 1998. С. 133–148), в книгах «Историки России. Биографии» (М., 2001. С. 803–814), «Историк и мир истории» (Саратов, 2004. С. 78–96).

Особенно памятна мне работа над иконографией А.А. Зими́на, С.М. Каштанова и С.О. Шмидта в «Историческом архиве» в рубрике «Мастера российской историографии». Их иконографии были опубликованы в журнале: С.О. Шмидта — в № 2 за 2002 г. (С. 87–102, автор — В.Ю. Афиани); С.М. Каштанова — в № 1 за 2007 г. (С. 63–78, авторы — А.А. Чернобаев и С.О. Шмидт); А.А. Зими́на — в № 3 за 2008 г. (С. 72–87, авторы — С.М. Каштанов и А.А. Чернобаев). В 2008–2011 гг. они вошли в изданные первую и вторую книги «Историки России. Иконография».

Завершая свое выступление, считаю необходимым сказать следующее. Можно лишь сожалеть о том, что С.М. Каштанов, один из крупнейших российских историков наших дней, автор капитальных трудов, широко известных не только в нашей стране, но и за рубежом, до сих пор не избран в действительные члены РАН.

В.И. Дурновцев

д.и.н., проф., зав. каф. источниковедения ИАИ РГГУ

Исторический источник в пространстве социогуманитарного и естественнонаучного знания

Занявшая не одно десятилетие дискуссия о понятии «исторический источник», кажется, близка к завершению, во всяком случае, на нынешнем этапе разработки методологических проблем исторической науки. Вопрос состоит в том, насколько она оказалась плодот-

творной для конкретных исследовательских практик и практического источниковедения? Приобрела ли историография необходимые навыки и извлекла ли ощутимую пользу в результате полемики по вопросу «что такое исторический источник?» Сплошь и рядом случается так, что теория и практика научно-исторического познания сосуществуют в некоторых отношениях независимо друг от друга. Поистине, «суха теория, мой друг, но древо жизни зеленеет»? Тут, конечно, есть, о чем поспорить. Известно, что нет ничего практичнее хорошей и даже красивой теории. Например, в физике. И в теоретических разделах социогуманитарных наук, задающих направленность поискам, вызванных потребностями общественной практики и общественными вызовами. Историческая наука, конечно, в этом ряду.

Многочисленные и разноречивые ответы на тему источников исторического изучения позволяли исследователям в соответствии со своими мировоззренческими установками и методологическими принципами сделать однажды, еще на студенческой скамье, личный выбор, и поблагодарить Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобоса, Э. Бернгейма, а на русской почве — Н.И. Надеждина, Н.П. Загоскина, А.С. Лаппо-Данилевского, Б.Д. Грекова, Л.Н. Пушкарева и многих-многих других — за выучку.

В числе блестящих ученых-историков, высказавшихся по этому поводу, и имя Сергея Михайловича Каштанова.

Как известно, за основу многих представлений об историческом источнике часто принимается ограничительная или расширительная трактовки. На определенном этапе коллективного поиска как будто было найдено устраивающее почти всех решение. В учебной литературе в тех случаях, когда предполагался более или менее однозначный ответ, обучающимся предлагалось увидеть в историческом источнике «продукты человеческой психики, пригодные для изучения фактов с историческим содержанием» без особого проникновения в логику рассуждений Лаппо-Данилевского во второй части его «Методологии истории» — «Методологии источниковедения». Представления об источниках как совокупности произведений человека / продуктов культуры или объективированных результатах человеческой деятельности, правда, далеко не всегда согласовывались с проблематикой исследований, в основе которых лежали отнюдь не только следы, оставленные человеком. И не только, посвященных истории первобытного общества.

Антропологический поворот в исторической науке как будто льет воду на мельницу сложившейся традиции, тем более что ремесло историка по большей части имеет дело с произведениями людских «молчаливых монументов». «Разнообразие исторических свидетельств почти бесконечно. Все, что человек говорит или пишет,

все, что он изготавливает, все, к чему он прикасается, может и должно давать о нем сведения», — писал Марк Блок в «Апологии истории». Но другие «анналисты» находили изъяны в этом утверждении. Фернан Бродель, конечно, соглашался, что «история — это человек. Но это и все остальное: почва, климат, геологические движения».

Исключительную роль в обосновании интегрального определения исторического источника сыграл С.О. Шмидт, столетний юбилей которого в апреле этого года будет отмечаться российской общественностью. Хорошо известно, с каким упорством, даже несколько провоцируя слушателей на дискуссию, как вспоминал Н.П. Ковальский, С.О. Шмидт подчеркивал, что «применительно к задачам прикладного источниковедения, можно ограничиться прямой определенностью и признать, что исторический источник — все, что исходит историческую информацию».

С широким определением исторического источника оказались связанными скептические взгляды С.М. Каштанова на подмену понятия «исторический источник» понятиями «памятник», «документ». Параллельно С.М. Каштанов предложил версию классификации источников первоначально «по признаку материальной формы их существования», «по субстанциональному признаку», а затем по фундаментальному признаку происхождения. В результате предлагалось исторические источники различать на явления и произведения природы и результаты созидательной деятельности человека.

Теоретические споры об историческом источнике оказались отчетливо связанными с новейшими тенденциями развития мировой историографии в последние десятилетия, в некоторых случаях радикальным обновлением традиционной проблематики, наконец, информационной революцией. И.Д. Ковальченко предложил рассматривать исторический источник «в свете учения об информации». Постановка и опыты решения этой проблемы на многие годы определило развитие источниковедения. И.Д. Ковальченко писал о необходимости учета при изучении исторического движения всей совокупности эндогенных и экзогенных факторов, то есть естественно-природных, планетарных, космических, всеобщих и локальных условий собственно человеческой истории. История людей неотделима от истории природы — принципиальное положение в системе исторического мировоззрения И.Д. Ковальченко. С эпистемологической точки зрения это означает, что последовательно антропологически ориентированное научное историческое познание не может быть исчерпывающим и полноценным вне постоянного учета взаимодействия Человека с Природой во времени и пространстве. И в конце концов, что такое антропологическая история в самом широком смысле как не процесс выращивания человека из природы и становления его культуры, основывающихся на фундаменте природы.

В ходе анализа научного наследия А.С. Лаппо–Данилевского не всегда обращается внимание на его настойчивое указание о принципиальной недопустимости, как бы мы сейчас сказали, междисциплинарных подходов, то есть взаимопроникновения методов истории и других наук, в первую очередь, естественных. Вот весьма примечательный пассаж: «... Явления природы, если угодно, могут служить источниками для научного знания естествоведа, но не историка; естествовед изучает их и заключает о возможности действия в прошлое время тех же факторов, которые действуют на его глазах, а историк лишь пользуется выводами естествоведа для построения исторической действительности».

Но дело не только в разделении труда между представителями естественно-научного и исторического знания, и не в том, что результаты изучения истории природы расшифровываются, переводятся на естественные языки, то есть и в самом деле становятся «продуктами человеческой психики», «культурным объектом» (О.М. Медушевская), но в том, что автор «Методологии истории» объективно ограничивал право исторической науки на расширение исследовательских полей посредством предложенного им понимания исторического источника и методов исследования.

Остается добавить, что ученый начала XX в. не мог предвидеть путей, по которым развивалась историческая наука в дальнейшем, — компьютерной революции, квантитативной истории, клиометрии, исторической информатики, разработок ГИС, феномена цифровой гуманитаристики, зарождения глобальной истории, ориентированной на научное освоение социо-природной динамики исторического процесса, новом типе интеграции естественных наук и в науках о человеке, заключающихся в принципиальном единстве их исследовательских методов, наконец, бурного развития *Environmental History* / истории окружающей среды / экологической истории — взаимодействия человека и природы в историческом измерении. Но это понятное обстоятельство нисколько не преуменьшает выдающейся роли, которую А.С. Лаппо–Данилевский сыграл в отечественной историографии, в том числе методологии истории и источниковедения.

Н.А. Комочев
к.и.н., н.с. ИСл РАН, доц. РГГУ

О студенческом этапе научной биографии С.М. Каштанова

У каждого ученого научный дебют происходит по-своему, всякий раз формируя индивидуальный абрис дальнейших исследований. Для С.М. Каштанова путь в науку начался рано, в бытность его студентом Московского государственного историко-архивного ин-

ститута (1949–1954). Визитной карточкой МГИАИ всегда была нацеленность с первых дней обучения на работу с источниками, особенно с архивными документами. Основную подготовку студенты получали на семинарских и практических занятиях. Общие курсы тоже нередко были авторскими, читались выдающимися специалистами в своей области. С.М. Каштанову хорошо запомнились яркие лекции В.К. Никольского по истории древнего мира, А.А. Новосельского и Н.В. Устюгова по отечественной истории, М.М. Себенцовой по истории западноевропейского средневековья, Н.П. Ерошкина по истории государственных учреждений.

Определяющими учителями для С.М. Каштанова стали А.А. Зимин и С.О. Шмидт. Знакомство со Шмидтом состоялось в середине первого курса, зимой 1950 года, когда тот после лекций А.А. Новосельского принимал экзамены по отечественной истории до XVIII в. (*Каштанов С.М. Жизнь и деятельность Сигурда Оттовича Шмидта. Краткий очерк // Московская энциклопедия. М., 2014. Т. 1. Лица Москвы. Кн. 6. С. 611*). Во втором семестре 1949/50 учебного года Шмидт взялся вести в группе С.М. Каштанова семинары по истории. До этого в первом семестре их вел В.Т. Пашуто, вскоре ушедший из института, его семинары по «Русской Правде» по содержанию производили на первокурсников туманное впечатление, но «поражали воображение сочетанием древнерусского текста с цитатами из К. Маркса» (*Каштанов С.М. С.О. Шмидт как зеркало Историко-архивного института // Мир источниковедения: сборник статей в честь Сигурда Оттовича Шмидта. М., Пенза, 1994. С. 427*).

В апреле 1950 года на одном из проводимых Шмидтом занятий С.М. Каштанов сделал первый свой научный доклад, посвященный «Хожению за три моря» Афанасия Никитина. Доклад, по воспоминаниям Шмидта, был подготовлен первокурсником совершенно самостоятельно. Событие это, происходившее во второй аудитории, оказалось запечатлено на фотографии, зафиксировавшей почти всех участников обсуждения (*Шмидт С.О. Сергей Михайлович Каштанов в Историко-архивном институте // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки. Историография. Источниковедение. Методы исторических исследований». 2012. № 21 (101). С. 202–203. Фото опубликовано: Шмидт С.О. К биографии историка // Ad fontem. У источника. Сборник статей в честь Сергея Михайловича Каштанова. М., 2005. С. 80*).

С первых заседаний кружка С.О. Шмидта по источниковедению С.М. Каштанов становится его активным участником, главным образом выступая в дискуссиях при обсуждении различных источниковедческих вопросов. Спустя годы С.О. Шмидт писал о том, что атмосфера заседаний, содружество разных поколений студентов и выпускников института во многом создавалась именно благодаря С.М. Каштанову (*Шмидт С.О. Сергей Михайлович Каштанов. С. 204–*

205), который является автором не только прекрасных статей о кружке, но и многих произведений кружковского фольклора.

Знакомство С.М. Каштанова с его главным учителем в науке А.А. Зиминим состоялось на втором курсе осенью 1950 года. Подгруппы тогда распределялись по языковому принципу, и А.А. Зимин вел семинары по дипломатике у студентов, изучавших английский язык в качестве иностранного. Почти сразу Зимин пригласил С.М. Каштанова в ОР ГБЛ (ныне РГБ), где предложил ему на выбор две темы. Выбор темы, связанной с жалованными грамотами, определил будущее направление исследований С.М. Каштанова. Память об А.А. Зимине всегда звучит в работах Сергея Михайловича, посвятившего своему наставнику в науке целый ряд статей (См., например: *Каштанов С.М. Александр Александрович Зимин (1920–1980)* // Александр Александрович Зимин: библиографический указатель / Сост. В.И. Гульчинский. М., 2000. С. 7–53).

Так получилось, что С.М. Каштанов почти сразу определился с главными темами своих исследований и сохраняет им верность до сих пор. В институте он всегда выделялся, несмотря на отсутствие политико-общественной активности, полностью соответствуя возвышенному образу ученого. Однокурсница С.М. Каштанова по МГИАИ Т.П. Коржихина писала: «Я, возможно, и завидовала немного своему однокурснику Сереже Каштанову, — который уже с первого курса прямо прирос к феодализму, а на третьем стал первооткрывателем, в смысле — первый открыл новую летопись» («Не люблю всякую неточность... и мемуарную». Воспоминания Т.П. Коржихиной / Подгот. Т.М. Горяевой, В.Е. Антонец // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 79).

Первая научная работа была издана, когда С.М. Каштанов был еще студентом. В те годы — случай исключительный. Характерно, что дебютом стала публикация источника (*Каштанов С.М. Отдаточные книги Троице-Сергиева монастыря 1649-1650 гг.* // Исторический архив. М., 1953. Т. VIII. С. 198–220). Благодаря А.А. Зимину работа вышла в томе академического издания, где авторами были В.Н. Автократов, А.И. Андреев, Е.И. Вайнберг, А.А. Зимин, Е.И. Индова, А.И. Копанев, Р.Г. Королева, Г.Н. Образцов, Р.В. Овчинников, И.Ф. Петровская.

Значимость публикации С.М. Каштанова определяется тем, что это первое в историографии издание отдаточных книг. Впервые источники данной разновидности по материалам ЦГАДА (РГАДА) незадолго перед тем были привлечены в качестве источника А.А. Новосельским, опубликовавшим статью в «Трудах Историко-архивного института» (М., 1946. Т. 2. С. 127–152). С.М. Каштанов подготовил публикацию наиболее ранней из известных на тот момент отдаточных книг, происходящей из фонда Троице-Сергиева монастыря

(ОР ГБЛ, ныне ОР РГБ). В предисловии автор характеризует формуляр отдаточных книг, приводит краткое описание публикуемой рукописи, к тексту документа сделаны палеографические примечания, отмечены границы листов. Заметим, что публикация вполне фундаментальна и не случайна — актовая археография по материалам архива Троице-Сергиева монастыря до сих пор остается одной из центральных направлений трудов С.М. Каштанова.

27 мая 1954 г. в Москве состоялся доклад известного впоследствии ленинградского историка Н.Е. Носова с обсуждением глав его кандидатской диссертации. Присутствовавшая на докладе Е.Н. Кушева в письме к Б.А. Романову от 28 мая 1954 г. отмечала: «Обсуждение было содержательным, Н.Е., несомненно, может быть удовлетворен. Наши знатоки актового материала и XVI-го века, как Ив[ан] А[лександрович] Голубцов, А.А. Зимин и его очень серьезный ученик — Каштанов, не ударили в грязь лицом» (Цит. по: Екатерина Николаевна Кушева — Борис Александрович Романов. Переписка 1940–1957 годов / Сост. В.М. Панеях. СПб., 2010. № 240. С. 366). Напомним, что С.М. Каштанов был в тот момент студентом 5 курса МГИАИ.

Защита С.М. Каштановым дипломной работы на тему «Очерки по истории феодального иммунитета в период укрепления Русского централизованного государства XVI в.» (2 т., 830 стр.) 26 апреля 1954 г. в институте стала событием почти легендарным. Научный руководитель А.А. Зимин, оппоненты А.Т. Николаева и С.О. Шмидт, а также приславший письменный отзыв Л.В. Черепнин единодушно отмечали, что работа превосходит самые строгие требования, предъявляемые к кандидатским диссертациям (Упомянутые отзывы опубликованы: *Столярова Л.В., Королева С.Ю.* Неизвестные источники о начале научной деятельности С.М. Каштанова // *Ad fontem*. С. 90–107).

На основе изучения актовых формуляров С.М. Каштанову удалось в своей работе представить внутреннюю политику времени Василия III и Ивана Грозного не просто по общим нормам законодательства, а «в действии» и в деталях, на материале обширного корпуса актовых источников, а также наметить принципиально новые подходы в дипломатике.

На следующий день после защиты, 27 апреля вышел номер стенгазеты МГИАИ «Историк-архивист» со статьей С.О. Шмидта «Вместо диплома — диссертация», переизданной в сборнике в честь С.М. Каштанова, вышедшем в 1997 году. Дипломная работа Каштанова была рекомендована кафедрой к защите в качестве диссертации и публикации в виде монографии, но формальности не позволили тогда осуществить это решение.

Конечно, пример С.М. Каштанова исключителен и неповторим. И все-таки ясно, что такая защита дипломной была возможна только

при условии высокого уровня подготовки в институте (см.: *Муравьев В.А.* Сергей Михайлович Каштанов и Историко-архивный институт (Заметки коллеги и друга) // *Ad fontem*. С. 81–89). Сказался и преподавательский подход А.А. Зимина: «Ребята занимались у меня не экзерсисами, а писали научные работы, то хуже, то лучше, но делали это всерьез, а не баловались наукой» (*Зимин А.А.* Дети становятся взрослыми // Александр Александрович Зимин / Сост. В.Г. Зимина, Л.Н. Простоволосова. М., 2005. С. 77). Серьезное отношение к науке при владении специальными курсами, формирующими основы работы с документами, — вспомогательными историческими дисциплинами, дипломатикой, источниковедением, архивоведением, археографией — всегда определяли профессионализм выпускников.

Сейчас С.М. Каштанов, доктор исторических наук, профессор, чл.-корр. РАН, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Председатель Археографической комиссии РАН, первый лауреат премии им. В.О. Ключевского и лауреат премии А.Л. Шанявского, Заслуженный профессор РГГУ, олицетворяет собой гордость и славу Историко-архивного института, отечественной и мировой науки и по-прежнему задает своими трудами профессиональную и человеческую планку на тех высотах, стремление к которым и отличает подлинную науку.

Е.В. Пчелов
к.и.н., зав. каф. ВИДА ИАИ РГГУ

Геральдика в Историко-архивном институте РГГУ

Московский историко-архивный институт (до 1932 г. — Институт архивоведения) был создан в 1930 г. и начал работу в 1931 году. В какой-то степени его можно считать продолжателем традиций дореволюционных Археологических институтов, где среди других курсов читалась и геральдика: в Московском — известным ученым, в том числе геральдистом Юрием Васильевичем Арсеньевым (1857–1919) (этот хорошо известный курс был издан в 1908 г.) и затем Владимиром Прохоровичем Лапчинским, в Петербургском — последним управляющим Гербовым отделением Департамента Герольдии Сената Владиславом Крескентьевичем Лукомским (1882–1946).

В начальный период деятельности Историко-архивного института в его составе было всего четыре кафедры. Однако уже с первых шагов истории института в нем велось преподавание таких курсов, как палеография, дипломатика и отдельные вспомогательные исторические дисциплины. Эти науки преподавались первоначально на кафедре архивоведения, а важность самих дисциплин обуславливалась, прежде всего, освоением практических навыков работы с

письменными источниками. С 1934 г. курсы ВИД читались на кафедре истории России и народов СССР (которая с 1935 г. называлась кафедрой истории народов СССР, а с 1936 г. — истории СССР), а с 1938 г. — на кафедре истории архивного дела в СССР (вплоть до создания самостоятельной кафедры вспомогательных исторических дисциплин в конце августа 1939 г.). Первым преподавателем геральдики в Институте в общем курсе вспомогательных исторических дисциплин был Алексей Алексеевич Покровский (1875–1954), который до революции работал в московской Синодальной типографии, вначале заведующим библиотекой, а затем управляющим архивом Московского Печатного двора. Известно, что геральдика, наряду с дипломатикой, сфрагистикой и нумизматикой, входила в курс Покровского, который он читал в 1931/32 учебном году.

Далее геральдику в Институте преподавал такой известный историк, архивист, генеалог, москвовед, как Николай Петрович Чулков (1870–1940), который вел педагогическую деятельность в стенах Института в 1932–1933 годах. Сохранилась составленная им программа курса «Сфрагистика, геральдика, генеалогия» на 1932 год (ЦГА Москвы. Ф. р-535. Оп. 1. Д. 18), свидетельствующая о том, что все эти три науки мыслились им как бы в едином комплексе, в соответствии с той традицией, которая была заложена, в частности, еще в классическом для русской геральдики труде А.Б. Лакиера. При этом на своих лекциях Чулков активно использовал различный иллюстративный и вещественный материал — демонстрировал студентам рисунки гербов, снимки печатей и сами печати.

Вслед за Чулковым геральдику преподавал (хотя точно и неизвестно, был ли прочитан этот курс) Георгий Андреевич Новицкий (1896–1981). В 1920-е гг. он был секретарем Комиссии «Старая Москва», поэтому, конечно, хорошо знал Чулкова, который, быть может, и пригласил его на свое «место». Сохранилась программа по генеалогии и геральдике, составленная Новицким в феврале 1934 г. (она была опубликована Н.А. Комочевым), таким образом, курс, скорее всего, должен был читаться в 1935/36 учебном году. Геральдике отводилось всего 4 занятия (8 часов), а тематика охватывала вопросы как истории и историографии геральдики, так и источниковедческого значения этой науки. В контексте последнего предполагалось освоение «практическими приемами» решения источниковедческих задач «на материале русских гербов (практические занятия с печатными документами и грамотами в архиве ГИМ)». Важно отметить, что Новицкий являлся «действительным членом» Исторического музея и, конечно, мог поэтому обеспечить такую музейную практику для студентов.

С 1938/39 учебного года курс вспомогательных исторических дисциплин стал читать в Институте Николай Владимирович Устю-

гов (1896–1963), создавая его по ходу преподавания. Его первую лекцию 1 сентября 1938 г. слушали тогдашние студентки-первокурсницы Е.И. Каменцева и Н.Ф. Демидова, которые позднее своими исследованиями внесли большой вклад в русскую геральдику и сфрагистику. В сентябре 1939 г. Устюгов представил на только что созданную кафедру учебную программу, состоявшую из двенадцати (!) вспомогательных исторических дисциплин (не включая палеографию и дипломатику), но на деле велось преподавание далеко не всех из них. Курс Устюгова, состоявший из пяти частей (хронология, метрология, сфрагистика, геральдика, нумизматика), был размножен на стеклографе в 1939–1940 гг. (в 1941 г. был заключен договор на издание курса типографским способом). После того, как в августе 1939 г. по инициативе Александра Николаевича Сперанского (1891–1943) была создана самостоятельная кафедра вспомогательных исторических дисциплин, Устюгов стал ее преподавателем. Состав дисциплин кафедры был разнообразен: палеография и дипломатика, вспомогательные исторические дисциплины, историческая география, древнерусский язык и история древнерусской литературы, история государственных учреждений, древнегреческий язык и латынь. Устюгов не только читал курс ВИД, но и учил студентов древнегреческому языку и латыни (он был выпускником духовного училища и семинарии, а потому имел хорошую подготовку в этой области).

Учебное пособие Устюгова по геральдике, размноженное в 1940 г., было датировано 11 июня 1939 г. и по объему было невелико. Оно включало и геральдику советского времени, в том числе описания гербов союзных республик. Список литературы включал лишь самые необходимые издания — курс Ю.В. Арсеньева, книгу А.Б. Лакиера, «Русскую геральдику» В.К. Лукомского и Н.А. Типольта, работу Лукомского «О геральдическом искусстве в России» и его же, новейшую по тому времени, статью «Гербовая экспертиза» из журнала «Архивное дело». Из публикаций гербов фигурировали издания «Титулярника» 1903 г., Гербовника Князева, десяти первых томов «Общего гербовника дворянских родов...» и альбом П.П. Винклера по территориальной и городской геральдике России 1900 года. Тем не менее, этот курс был очень важным заделом на будущее, послужившим основой более развернутого кафедрального учебника по сфрагистике и геральдике, созданного позднее.

В 1941 г. Н.В. Устюгов ушел на фронт в Московское ополчение. Весною 1942 г. в составе кафедры оставалось только четыре человека: заведующий А.Н. Сперанский, преподаватели С.С. Гадзяцкий, Е.А. Василевская и аспирантка Е.И. Каменцева. В мае 1942 г. лаборантом на кафедру был принят Лев Владимирович Черепнин (1905–1977). Вскоре он стал заведующим кабинетом-музеем кафедры. Де-

ло в том, что с первых лет существования кафедры на ней сложилась уникальная музейная коллекция по вспомогательным историческим дисциплинам. Она включала подлинные документы, начиная с пергаменного периода, монеты, слепки печатей, изображения гербов, редкие книги и т. п. В ее формировании принимали участие как преподаватели Института (А.Н. Сперанский, И.Ф. Колесников и др.), так и студенты. Некоторые материалы, например, слепки с печатей передал на кафедру Исторический музей. Черепнин также читал курсы по ВИД — нумизматике, сфрагистике, геральдике, хронологии и метрологии — начиная с 1942/43 учебного года (ЦГА Москвы. Ф. р-535. Оп. 1. Д. 154).

В июле 1942 г. в Москву приехал эвакуированный из осажденного Ленинграда В.К. Лукомский. 17 июля 1942 г. он был принят в штат кафедры, 5 марта 1943 г. стал секретарем Ученого совета ИАИ. В апреле 1944 г. ему была присуждена степень доктора исторических наук, а в марте 1945 г. он был утвержден в должности профессора по кафедре вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института.

Активно включился в работу кафедры он с осени 1942 г. Конечно, с его появлением на кафедре оживилась деятельность в области тех наук, где он был непревзойденным специалистом, — геральдики, сфрагистики и генеалогии.

Лукомский начал преподавание этих наук, причем в виде спецсеминаров для студентов старших курсов. Так, для четвертого курса предназначался семинар «Методы гербовой экспертизы и значение ее в исследовательской работе историка над памятниками материальной культуры и над документом в особенности». Он включал 60 часов (!!!) занятий. Для 3-го курса Лукомский подготовил семинар «Методика определения гербов и составления родословной в работе над архивными фондами личного происхождения». В связи со спецификой Института, эти курсы были практико-ориентированными. Семинары пользовались очень большой популярностью у студентов, что отмечалось в документах кафедры.

В 1943 г. по инициативе нового заведующего кафедрой проф. Александра Игнатьевича Андреева (1887–1959) был разработан амбициозный план подготовки учебных пособий по вспомогательным историческим дисциплинам. Лукомский должен был подготовить главы по генеалогии и геральдике для общего учебника по ВИД, а также и самостоятельное пособие «Русская геральдика» (подобно изданным пособиям Черепнина по русской хронологии и метрологии). Это пособие Лукомский обязался написать к 15 мая 1947 г., но из-за смерти автора замысел не был реализован.

Еще одним важным научным начинанием кафедры было составление библиографии по вспомогательным историческим дисциплинам.

плинам. К их числу относилась и геральдика. 11 июля 1944 г. на заседании кафедры Лукомский сделал доклад, посвященный обзору научной литературы по геральдике и сфрагистике за 25 лет (то есть после Октябрьской революции 1917 г.). Впоследствии на его основе Владислав Крескентьевич составил библиографический обзор литературы по генеалогии, геральдике и сфрагистике в связи с готовившимся кафедрой сборником к 30-летию советской власти. Хотя сборник не был опубликован, предварительный текст Лукомского увидел свет стараниями И.В. Борисова в 2001 году.

Еще до прихода в Институт Лукомский прославился как непревзойденный мастер гербовой экспертизы, то есть атрибуции гербов и, следовательно, тех предметов, на которых они имелись. Эта задача была абсолютно близка общей направленности подготовки в Историко-архивном институте. Но такая атрибуция, разумеется, была невозможна без эмблематических справочников, определителей гербов. Лукомский начал заниматься этим еще в годы преподавания в Петербургском Археологическом институте. Так, в 1912 г. А.А. Труханов составил справочный «Эмблематический альбом гербов потомства общих родоначальников» для лекций Лукомского. Иными словами, материал был составлен не по принципу формальных характеристик герба (деления щита, количество частей, классификация гербовых фигур и проч.), а по генеалогическому принципу — происхождению от общего родоначальника, что позволяло сразу же выделять целые комплексы гербов, имевших схожие особенности. Этот принцип лег в основу и того уникального гербовника, который был создан Лукомским уже в бытность профессором кафедры. Это «Эмблематический гербовник», составленный и отрисованный художником Анатолием Алексеевичем Толоконниковым (1897–1965) к концу января 1944 г. и размноженный затем в мизерном количестве экземпляров для практических занятий со студентами ИАИ. Гербовник состоял из трех частей, причем первая часть — «Гербы родов, объединенных общим происхождением от одного родоначальника» — строилась по генеалогическому принципу. Таким образом, гербовник позволял проследить особенности геральдики крупных родовых кланов, своего рода «родовых корпораций», как обозначил это явление О.И. Хоруженко (выпускник кафедры и ученик С.М. Каштанова), в определенной степени продолживший ту исследовательскую традицию, у истоков которой стоял «Эмблематический гербовник» Лукомского. Так, идеи и темы Лукомского, которые он «заложил» на кафедре как бы на будущее, получили развитие уже спустя многие десятилетия, но все-таки были успешно «реализованы» уже следующими поколениями кафедральных выпускников.

Лукомский ставил задачу и создания эмблематических указателей к «Общему гербовнику дворянских родов Всероссийской импе-

рии». Однако она не была воплощена в жизнь. Спустя несколько десятилетий ее реализовал другой выпускник кафедры, видный геральдист И.В. Борисов в своем указателе-определителе русских дворянских гербов, оставшемся, к сожалению, неопубликованным.

Кроме того, Лукомский разрабатывал планы сбора гербового материала что называется «в поле». Они также продолжали его давние занятия, еще петербургского периода. Он ставил перед студентами задачу фиксации гербов на фасадах зданий Москвы и на надгробных памятниках московских кладбищ (обе они, кстати говоря, так и остались нереализованными по сей день, хотя, что касается фасадов, в связи с сохранностью зданий старой Москвы, это становится все менее и менее актуальным). Студенты тех лет вспоминали, что Лукомский даже водил их по старой Москве, и они занимались практическим изучением геральдики на примерах фасадных гербов. В тематику аспирантских работ 1943 г. по инициативе Лукомского была включена тема: «Гербы на монументальных памятниках материальной культуры и значение их для истории и топографии города Москвы».

Геральдика заняла такое прочное положение среди дисциплин кафедры, что в январе 1945 г. директор Центрального государственного литературного архива Л.М. Роголин обратился к директору Историко-архивного института с просьбой включить в план научно-исследовательской работы Института разработку важных для Литературного архива проблем, среди которых была тема «Геральдические знаки (гербы), девизы и личные печати важнейших деятелей русской литературы и искусств», предназначенная специально для В.К. Лукомского (РГАЛИ. Ф. 1924. Оп. 1. Д. 193. Л. 2).

Не прекращалась и исследовательская деятельность Владислава Крескентьевича. Одна из его научных статей — «К вопросу о происхождении смоленского герба» — была опубликована уже посмертно во втором томе (первом кафедральном) Трудов ИАИ, опубликованном в 1946 г. (в ней он полемизировал со своим давним соратником на геральдическом поприще С.Н. Тройницким). Скончался Лукомский 11 июля 1946 г., а в октябре состоялось заседание Ученого совета Института, посвященное его памяти.

Пример Лукомского и других преподавателей кафедры, которые строили большие планы и реализовывали их в самые тяжелые годы войны, казалось бы, мало подходящие для занятий гербами и прочими далекими от примитивной «актуальности» темами, показывает, что никакие сложности не могут быть оправданием забвения тех или иных научных или педагогических дисциплин, пренебрежения ими ради сиюминутной конъюнктуры. Если уж в самые трудные времена возникала необходимость в создании определителя, казалось бы, никому не нужных русских дворянских гербов, а курс ге-

ральдики читался в таком объеме, который и не снится современным студентам, значит, подлинная наука в сознании руководства и ученых Института того времени обладала поистине бесценным и вне-временным статусом.

С начала 1950-х гг. на кафедре стали появляться первые дипломные работы, в которых затрагивались вопросы геральдики. Так, Аркадий Александрович Ураносов защитил дипломную работу на тему: «Дела о государственных печатях, как источник по истории образования и укрепления Русского централизованного государства». Впоследствии на ее основе в 1953 г. состоялась защита его кандидатской диссертации «Русские областные и городские печати и гербы в период образования и укрепления Русского централизованного многонационального государства (XV–XVII вв.)». Научным руководителем выступил Л.В. Черепнин. А.А. Ураносов ввел в научный оборот очень важные письменные источники — росписи печатей времен первых Романовых, где, в частности, описывались изображения на печатях титульных царств и княжеств. Хотя этот материал и был учтен в дальнейшем в учебнике по русской сфрагистике и геральдике Е.И. Каменцевой и Н.В. Устюгова, диссертация Ураносова осталась неопубликованной, а ее материал — неизвестным для многих исследователей. Между тем, это был принципиально важный шаг в исследовании истории ранних русских территориальных гербов.

В 1953 г. А.А. Ураносов предложил план спецсеминара для студентов 4-го курса МГИАИ на 1953/54 уч. год. (ЦГА Москвы. Ф. р-535. Оп. 1. Д. 836. Л. 35). Спецсеминар назывался «Русские печати и гербы в их историческом развитии» и охватывал всю историю русской сфрагистики и геральдики. Среди тем для докладов предлагалась, в частности, и такая: «Гербы русских городов, как источник по истории экономического развития России в XVIII в.». Эту тему впоследствии разрабатывал сам Ураносов, представив ее в одной из своих опубликованных работ (уже в качестве сотрудника Института истории естествознания и техники РАН).

Еще будучи аспиранткой кафедры, читала курсы по вспомогательным историческим дисциплинам Елена Ивановна Каменцева (1920–2004). Она проработала на кафедре более 60-ти лет, пройдя путь от аспирантки до заведующей, и на протяжении многих десятилетий была, что называется, «живой историей» кафедры, помнившей еще ее основателей. Елена Ивановна сыграла важную роль в сохранении геральдики в качестве учебной дисциплины в общем курсе ВИД, и долгие годы Историко-архивный институт был единственным вузом в стране, где читались лекции по геральдике. В 1962 г. была создана новая программа курса «Вспомогательные исторические дисциплины», подготовленная Е.И. Каменцевой и А.Т. Нико-

лаевой. Она включала пять дисциплин — своего рода, классическую институтскую «пятерницу»: палеографию, хронологию, метрологию, сфрагистику и геральдику.

Геральдикой Е.И. Каменцева в исследовательском отношении занималась с конца 1950-х годов. В 1960 г. отдельным изданием была опубликована ее лекция для студентов МГИАИ «Печати и гербы в СССР». А в 1963 г. в издательстве «Высшая школа» вышел классический вузовский учебник «Русская сфрагистика и геральдика», написанный Е.И. Каменцевой в соавторстве с Н.В. Устюговым (его второе издание увидело свет в 1974 г.). Это был первый в советское время учебник по геральдике, и он оставался единственным на протяжении нескольких десятилетий. В учебнике геральдика рассматривалась вместе со сфрагистикой, что являлось и данью старой традиции, идущей от А.Б. Лакиера, и способом обойти предвзятое отношение к геральдике в советском идеологическом контексте (отдельный учебник по геральдике в СССР сложно было себе представить). По учебнику Каменцевой и Устюгова учились многие поколения студентов исторических специальностей, и он сыграл огромную роль в сохранении интереса к геральдике, да и в сохранении самой геральдики как науки и университетской дисциплины в советские времена. Выход учебника, конечно, упрочил положение кафедры вспомогательных исторических дисциплин как признанного научного и педагогического центра в области геральдики в стране (не останавливаясь здесь на других классических учебниках Каменцевой — по хронологии, и по русской метрологии, который также был написан в соавторстве с Устюговым).

Не оставляла своих занятий геральдикой Елена Ивановна и в дальнейшем (ей принадлежит целый ряд статей по самым разным темам — от русской дворянской геральдики до советской эмблематики). На кафедре сформировалась научная школа, многие представители которой (и, прежде всего, ученики Е.И. Каменцевой) известны сейчас и своими геральдическими исследованиями (А.М. Пашков, С.В. Зверев, Ю.Э. Шустова и др.).

Одним из наиболее ярких учеников Елены Ивановны был Игорь Владимирович Борисов (1937–2011), который в 1987 г. под ее научным руководством защитил первую в нашей стране диссертацию по истории дворянской геральдики в России — «Гербовые изображения в России XVIII – начала XX вв. на документальных и вещественных памятниках. Проблемы идентификации и источниковедческого анализа» (официальные оппоненты — д.и.н., ныне чл.-корр. РАН С.М. Каштанов и к.и.н., ныне д.и.н. Г.В. Вилинбахов). Наследник традиции Лукомского, И.В. Борисов после долгого перерыва стал в исследовании русской дворянской геральдики своего рода «первопроходцем». Большое значение имеют его опубликован-

ные труды, в том числе хорошо известные всем геральдистам книги «Родовые гербы России» (М., 1997); «В.К. Лукомский. Неизвестные работы» (М., 2002), «Эмблемы профессиональных союзов как исторический источник» (М., 2002), «Геральдика России» (совм. с Е.Н. Козиной) (М., 2005), «Дворянские гербы России: опыт учёта и описания XI–XXI частей «Общего Гербовника дворянских родов Всероссийской Империи» (М., 2011). Много сил он отдал поиску и публикации научного наследия русских ученых-геральдистов и, прежде всего, В.К. Лукомского и фактически заново открытого им А.П. Моляково-Высоцкого. Колоссальным его трудом была подготовка к изданию описаний гербов из неопубликованных томов «Общего гербовника дворянских родов...», которая, несмотря на все объективные неточности, стала важным шагом вперед в формировании источниковой базы и в исследовании дворянской геральдики в России.

Е.И. Каменцева и И.В. Борисов сыграли значительную роль и в становлении современной российской геральдики, будучи членами Государственной герольдии (Геральдического совета при Президенте РФ) и Экспертной комиссии Московской герольдии при мэре города, а также в развитии общественного геральдического движения (в рамках Всероссийского Геральдического общества).

В 1992 г. Елена Ивановна организовала на кафедре научный семинар по геральдике (подобный семинар к тому времени уже работал в Петербурге, в Эрмитаже, и в его заседаниях принимали участие и московские ученые). Институтский же семинар стал важным центром притяжения московских исследователей из разных научных и учебных заведений, музеев и библиотек. Хотя на его заседаниях также нередко звучали доклады и сообщения иногородних коллег. Семинар работает и по сей день (общее число его заседаний превысило 200), он издавал свой бюллетень, а также сборники трудов, в которых было опубликовано более 100 научных статей.

С 1989 г. кафедра проводит и ежегодные международные научные конференции, которые традиционно ныне посвящены вспомогательным историческим дисциплинам. На конференциях всегда работает секция по геральдике, а материалы докладов находят отражение в ежегодно издаваемых конференционных сборниках. Проводятся на кафедре и иные геральдические мероприятия. Так, в феврале 2022 г. состоялась научная конференция «Геральдика, символика, эмблематика», посвященная 85-летию со дня рождения И.В. Борисова (сборник ее материалов также издан).

В заключение несколько слов следует сказать о геральдических коллекциях, хранящихся на кафедре. Помимо уникального «Эмблематического гербовника» В.К. Лукомского они включают коллекцию матриц гербовых печатей русского дворянства и небольшую коллекцию оттисков, гипсовые слепки и оттиски западноевропейских и

русских печатей, в том числе с изображениями гербов, государственную печать второй половины XVIII в., гербовые экслибрисы, а также отдельные изображения городских и дворянских гербов. Есть также материал, относящийся к советскому времени, в том числе в виде наглядных пособий (гербы республик СССР, геральдические таблицы для обучения студентов и др.).

*Б.С. Илизаров
д.и.н., проф., г.н.с. ИРИ РАН*

**Заметка С.М. Каштанова
«О типе русского государства в XIV–XVI вв.»
(К проблеме синхронности исторических явлений)**

Небольшая заметка С.М. Каштанова «О типе русского государства в XIV–XVI вв.» в сборнике «Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. Чтения памяти В.Б. Кобрин. Тезисы докладов и сообщений» (М., 1992. С. 85–92), кажется, не привлекла особого внимания. Но она интересна не только отточенным источниковедческим анализом документов феодальной эпохи, но и постановкой вопроса: насколько история России синхронизируется с историей соседей из Европы? Автор обратился, казалось бы, к давней проблеме, которая волновала историков и мыслителей в России, начиная с петровских преобразований. Она всегда находилась на стыке философии истории, конкретно-исторического исследования и исторической хронологии. До 1917 г. в российском обществе велись дискуссии не только о значении и цене петровских реформ, но и о том была ли необходимость цивилизационно сближать Россию с Западом? Шестует ли она суверенной дорогой или попросту отстала от других на общем историческом пути? Отсюда известный спор между славянофилами и западниками и т.д. Но с конца XIX века стала нарастать новая тенденция, выразителем которой был известный историк Н.П. Павлов-Сильванский, доказывавший, что, по крайней мере, феодализм в России и на Западе имеет сходные черты. Другие исторические формации он не затрагивал. Оставляя без внимания хронологию, брал за основу типологические признаки. Социал-демократы использовали эту родственную марксизму идею в своих политических целях. Они уже утверждали, что Россия с опозданием и искажениями пережила не только этап классического феодализма, но в середине XIX в. вступила на путь капиталистического развития. Следовал вывод, что страна способна к революционному рывку и, ускоряясь, наконец-то может сравняться с Европой. Двести лет длилась эта игра в перестановки социальных, экономических и культурных явлений, на хронологических шкалах глобаль-

ных исторических формаций, которая в сталинскую эпоху обернулась псевдомарксистскими догмами и натужными рывками на пути к «социализму». Здесь уже волей организатора тиранического режима Россия, якобы, преобразилась в единственного мирового лидера, устремленного к коммунизму. Тогда же было решено, что древняя Русь «проскочила» рабовладельческую формацию и ее не затронул «азиатский способ производства». В советское время попытки продолжить дискуссию на эти темы решительно пресекались.

В заметке С.М. Каштанов вернулся к дореволюционной проблеме, но ограничился хорошо им изученным временем высокого феодализма. Автор напомнил, что Н.П. Павлов-Сильванский, доказывая принципиальную однородность русского и западного феодализма, не придавал значение тому, что все сопоставимые им факты разделяются «хронологическим промежутком примерно в 600–800 лет» (*Каштанов С.М. О типе русского государства. С. 85*). Один из лучших знатоков истории средневековой Руси и Европы, Каштанов очень решительно поднял вопрос о синхронизации, то есть сопоставимости сосуществующих во времени культур. Он установил, что в истории Московского государства XIV–XVI вв. нет социально-экономических явлений, сходных с явлениями в жизни передовых европейских соседей того же периода. С другой стороны, они соответствуют социально-политическим и культурным явлениям, получившим развитие в Каролингской империи и позднее. Автор привел полтора десятка сходных признаков двух столь далеко отстоявших сообществ. Например, такой важнейший признак феодальной формации, как закрепощение крестьян: оно достигло своего апогея во Франции к X–XI вв., тогда как в России — в XVII–XVIII веках. Причем, пишет автор, «оно не было тут «вторым изданием» крепостничества» (отсылка к словам В.И. Ленина. — *Б. И.*). Россия неуклонно проделывала общеевропейский путь социально-экономического развития, но с опозданием на 7–8 веков. Это опоздание было начальным, поскольку развитие феодальных отношений здесь началось на несколько веков позже, чем на Западе. Вместе с тем мы не видели тут каких-либо признаков особого, загадочного «азиатского способа производства». Это был характерный этап развития феодализма, однако в условиях, когда Западная Европа его уже прошла» (*Каштанов С.М. О типе русского государства. С. 86*). К качественно сопоставимым признакам, но далеко разнесенным по хронологической шкале, он отнес: монастырское землевладение (зачатки частной собственности на землю и иммунитета), развитие бенефициарной или поместной формы землевладения, появление третьего сословия, цеховых ремесленных организаций в городах и др. Даже венчание на царство Ивана Грозного (православный Цезарь. — *Б. И.*) соответствует коронации императора новой империи Карла Великого.

Конечно, не всегда так однозначно можно провести параллели между Московским царством и империей Карла Великого. Например, нет ответа на вопрос: почему государство Каролингов распалось, несмотря на развитость феодализма, а государство Рюриковичей устояло даже после гибели династии и Смуты? Автор подразумевает, что здесь свою положительную роль сыграла Опричнина, как форма борьбы с сепаратизмом местных феодалов. Это объяснение очень похоже на то, какое давалось в сталинские 30–50-е гг. XX в. для оправдания репрессий. Значит, Иван Грозный действовал правильно, превентивно, борясь с феодальным сепаратизмом, который, как известно, был подавлен еще при Иване III? Давно утвердилось мнение, что поражение в Ливонской войне есть результат культурно-технологической отсталости Московского государства. А если это не фактор отсталости, а признак асинхронного и успешного индивидуального развития? Опричнину невозможно принять за способ ускорения прогресса, скорее наоборот. Невозможно принять жесткость правления реформатора Петра I и репрессивного, якобы прогрессистского режима Сталина. Догоняющие реформы периода царизма привели к 1917 г. и отбросили страну в новое, более жестокое средневековье сталинщины. Поднятые С.М. Каштановым вопросы хронологии, рассмотренные им под углом зрения синхронности и асинхронности развития феодальной России и Европы, как никогда актуальны.

А.Г. Авдеев
д.и.н., проф. ПСТГУ,
н.с. Ун-та Дм. Пожарского

Стихотворная эпитафия келарю Псково-Печерского монастыря Ионе: неизвестный памятник эпохи московского барокко

*Доклад подготовлен в рамках проекта «Corpus Inscriptionum Rossicarum
/ Свод русских надписей» при поддержке Фонда Развития ПСТГУ,
Университета Дмитрия Пожарского и Лаборатории RССДА*

Русские силлабические эпитафии, отразившие присущий эпохе барокко интерес к человеческой личности, являются наиболее «вестернизированным» типом надгробных надписей. Эти произведения возникли в Московской Руси в последней четверти XVII века. Однако они появились не как следствие эволюции эпитафийного формуляра, а как привнесенный из Речи Посполитой и не связанный с предшествующей книжностью литературный жанр.

Одной из главных задач в изучении русской силлабической эпитафии остается поиск и комментированное издание произведений этого жанра, рассеянных по дореволюционным публикациям и рукописным собраниям. Находки неизданных эпитафий, сохранившихся на намогильных камнях, пока относятся к числу наиболее редких, но их публикация позволяет расширить представления о распространении и эволюции этого жанра.

В ноябре 2016 г. группа *CIR* документировала намогильные плиты-вставки в пещерном некрополе Псково-Печерского монастыря. Хотя наиболее полная публикация данного комплекса была осуществлена И.И. Плешановой во второй половине 60-х – начале 80-х годов XX в., в ходе документирования были выявлены неизданные исследовательницей плиты, в том числе и публикуемая здесь стихотворная эпитафия CIR0351 / OG0517, датированная 1693 годом.

Плита расположена в конце галереи 6 на правой (северо-западной) стене справа от входа в пещеру с захоронениями XIX века.

Эпитафия вырезана на белокаменной плите-вставке трапециевидной формы. Декоративное оформление плиты соответствует традициям московского барокко. Врезная надпись в 16 строк выполнена в технике трехгранно-выемчатой резьбы. В надписи начальные бук-

вы слов выделены красной краской, остальные — черной. Разделение на строки не совпадает с делением текста на стихотворные строки.

В упрощенном виде эпитафия читается следующим образом:

|¹ Кийждо отходя сего света ч(е)л(о)в(е)к,
Преминая в суетах [с]ий век,
|² Елико жизни ч(е)л(о)в(е)честей смерть обыкла надходити,
Не раз смираяй сано[вн]ых, до гроба |³ вводити.
О, не защитит богатство, не преминет сиротуо,
Мали и |⁴ велицы падут пред ея косою.
Зде же смерть во гробе тело |⁵ затворила,
Сим каменем двери заключила.
Всяки приш|⁶лец, или кто, zde обитая,
Умилис[я е. г. сердцем], на гроб сей взирая:
Оби|⁷тател(ь) обители сея zde являет,
Иеромонах инок востания чает.
Келар(ь) сый, пребывая, и|⁸меяй делом,
Погребень лежит zde телом,
Иона имя ему, совершен в ста|⁹рости.
Рцы: да причтет его Б(о)г избранных радости
И аньгельскаго сподобися |¹⁰ чину,
Она мож' пребывати в н(е)бе выну.
Жив сый, гроб в земли ископая
И в пол|¹¹ате место его уготовляя.
Подобно ж сие нам всем поминати,
Аще и в мире жи|¹²вуцим дает знати.
Лета 720|г(о) году сие присно являя,
Февраля 5|г(о) дня, кто |¹³верен, поминая,
В чертозе гробнем заключися,
Також и надписание сие по|¹⁴ложися.
Всяким, читателю, чести подщися,
С(ы)ном бо его Гавриилом |¹⁵ сие сложися.
Разсуждению всем и труд сей предлагаю,
Аще что согрешися, |¹⁶ исправы желаю.

Уникальность публикуемой эпитафии состоит в том, что это первый на настоящий момент поэтический памятник этого жанра, созданный вдали от столицы, на северо-западном рубеже Русского государства. Вирши, составляющие единый комплекс с декоративным оформлением плиты, представляют надгробие как типичный памятник культуры московского барокко.

Эпитафия содержит редчайшее для конца XVII в. указание на имя ее автора — Гавриила, сына иеромонаха Ионы, — пополняя список поэтов-силлабиков, творивших в это время. Гавриил — светский человек, и, возможно, житель Печор, воспитан он был в старо-

московских традициях, но ему была близка и активно наполнявшая их культура московского барокко.

Стихотворный текст строится как диалог автора эпитафии с читателем, что типично, например, для творчества Кариона Истомина, и имеет структуру, традиционную для русских силлабических эпитафий: стк. 1–6 — зачин: смерть как всеобщая участь; стк. 7–10 — описание гроба с телом адресата эпитафии; стк. 11–20 — черты биографии и личности адресата эпитафии; стк. 21–28 — заключение: мысли о душеполезности поминания, дата смерти адресата эпитафии и обращение автора к читателю с просьбой прочесть его труд. Из этой структуры выпадают стк. 29–30, колофон, характерный для древнерусского переписчика книг, где автор просит исправить допущенные им «прегрешения».

Как стихотворное произведение конца XVII в. эпитафия является сплавом агиографических и барочных топосов.

Включенный в эпитафию агиотип памяти смертной связан с биографией адресата эпитафии. Подражая монахам-подвижникам и памятуя о смерти, иеромонах Иона при жизни ископал себе могилу в пещерном некрополе, подготовив место своего погребения. Этот является типичным агиотипом и неоднократно встречается в житиях русских святых.

Данному агиотипу предшествует барочный образ смерти с кося, который находит полные аналогии в цикле стихотворений Симеона Полоцкого, посвященных смерти: «Всяк же косы смерти неизбежно чае, // Яже вся во гробѣх имать уравнии». Однако в тексте исследуемой эпитафии образ смерти с косой включен в реминисценцию на погребальные стихиры прп. Иоанна Дамаскина, что было популярно в эпитафиях конца XVII – начала XVIII века.

Таким образом, исследуемая эпитафия создана как органичный сплав барочной и традиционной книжной культуры с ярко выраженным авторским началом и биографическим содержанием.

Л.И. Акимова

д. иск., в.н.с. ГМИИ им. А.С. Пушкина

Собака и птица в греческом искусстве: к символике образов

В мире природы собака и птица — представители разных сфер, но в греческом искусстве они часто выступают вместе. Ранее нами была предпринята попытка истолкования их связи в контексте неолитического погребального обряда *экспозиции / экскарнации* (Акимова Л.И. Всадник, собака и птица // Балканские чтения 10. М., 2009. С. 22–28), некогда широко распространенного в Месопота-

мии, Эламе, Анатолии, в Древнем Египте, в Эгеиде и в Восточной Европе и дожившего в Средней Азии до наших дней (*Рапопорт Ю.А.* Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971. С. 8 сл.). Здесь обратим внимание на *водный* контекст союза обоих существ.

В «Авесте» две собаки, спутники *многодетной девы*, переводят умершего в потусторонний мир через «мост суда» Чинват (*Vendidad VIII. 10; XIX, 30*). «Дева» — несомненно, антропоморфный образ первичной «девственной матери», разложившейся на две субстантивированные формы уже в Чатал-Гююке (VI тыс. до н.э.), представленные в Авесте «двумя собаками». Восстанавливается «собачий» облик Прародительницы, а перевод «через мост» намекает на бывшее местоположение преисподней *в воде*.

Ранние изображения собак и птиц в IV тыс. до н.э., отдельные или совместные, связаны с водным миром. Таковы росписи сосудов эламской культуры Сузы А, египетской Негада II, дунайско-днепровской культуры Триполье-Кукутени В-СІ. С III тыс. до н.э. в Шумере известны фигурные сосуды в виде собак, эксплицирующие связь «вода-собака» и «вода-материнское лоно». Вода — это праматерия, среда творения, и связь с ней выдает в собаке творца, преобразующего хаос в космос — смерть в жизнь. Первично женский род животного-мироустроителя сомнению не подлежит, хотя уже в династическом Египте собака выступает в мужском облике волка Вепуата и шакала / пса Анубиса. В Элладе в III тыс. до н.э. появляются изображения пса, возлежащего на крышке ларца, как, например, на пиксиде из Закроса в музее Гераклиона, ок. 2400 до н.э. (*Акимова Л.И.* Искусство Эгейского мира. М., 2020. Илл. 50). Такая собака — мужская особь — относится к «небу», это возникший в эпоху патриархальной переориентации ритуала мужской коррелят Водной владычицы-суки. Сниженный образ такого пса был понят как вариант противника Громовержца, родственного змею и ассоциированного с водной стихией. Исходный миф связывали с сакральным браком Неба и Земли, где субъектом выступал пес — Бог Неба или Громовержец, а объектом — псица, Мать Земля (*Успенский Б.А.* Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // *Studia slavica hungarica*. 1987. XXXIII/1–4. P. 61–62, 67). Однако первичный блок представлений должен был включать не Землю, а *Воду*.

Главный акт создания космоса есть *разделение* праматерии на две половины — женскую и мужскую, нижнюю и верхнюю, водную и небесную. Он может принимать форму разрывания, расчленения, растерзания и т.д.; его производное в виде *двух* объектов новосозданного мира широко запечатлено в иконографии. На микенских вазах и саркофагах-ларнаках XIV–XIII вв. до н.э. постоянно встречаются сцены терзания копытных небольшими собаками

(Акимова Л.И. Искусство. Илл. 504): отжившая старая форма нуждается в расчленении ради реституции жизни. Обычно такие сцены соседствуют с фигурами осьминога (минойско-микенский образ водной Владычицы) или другими знаками *воды* для указания на среду совершения действия.

Морские сцены «терзания животных» доживают в Греции до начала эпохи архаики. Один протокоринфский лекиф, ок. 700 г. до н.э., в Музее Метрополитен в Нью-Йорке (№ 23.160.18), представляет сцену нападения собаки на коня-солнце *в воде*, среди плывущих рыб. Сублимированный образ ночных страстей в форме греческого симпозиона показан на лаконской чаше VI в. до н.э. (*Boardman J. Early Greek Vase Painting. London, 1998. Fig. 414*), где в самом центре сцены, под ложем, показан результат космогенеза — симметричные фигуры двух собак и птиц; их фланкируют внутри земноводные (ящерицы), снаружи водные существа (змеи). Собаки и птицы представляют соответственно расчлененные — уже «космические» — сферы вод и неба.

В классической Греции образ древней Владычицы вод частично унаследовала Артемида, но собачья форма отошла к ритуалам ее мрачной ипостаси Гекаты — трехликой и шестирукой богини смерти-рождения. Однако наряду с Артемидой-Гекатой в мифах продолжала жить и древняя богиня-псица, превращенная в чудище. Это Скилла, пожиравшая в морской теснине спутников Одиссея (Hom. Od. XII. 85–126; 245–259). Матерью Скиллы Гесиод (в «Великих Эойях», фр. 150 Rz3) называет Гекату. Более стертый образ морской богини-собаки доносит миф о другой Скилле (Paus. I. 19. 4; II. 34. 7), дочери мегарского царя Ниса, предавшей его ради любви к Миносу, вырвав волшебный волос. Минос привязал ее к носу корабля, и об нее разбивались морские волны. Эту Скиллу, контаминируя с гомеровской богиней-собакой, иногда именовали «Скиллой Нисейдой» (Eurip. Hipp. 1200), о которой вспоминали еще римляне (ср. Ovid. Fast. IV. 500: *Nisaei canes*). Только Скилла греков Южной Италии, тоже богиня-псица, гомеровского облика, сохранила свою древнюю роль, судя по вазам италийской Канозы, где она, Владычица моря, порождает солнечного бога-коня (L'Art grec insolite. Genève, 1988).

Космогонические фигуры собаки и птицы, возникшие в эпоху неолита, претерпев сложный процесс ритуальных и иконографических модификаций, в классической Греции стали ассоциироваться с *телом* и *душой*. На целом ряде аттических стел (ср. надгробие Мелисто в Гарварде, ок. 340 г. до н.э.) умерший показан с собакой, которую он дразнит приманкой-птицей. Разделение животных на жреца-пса и жертву-птицу заставляет думать, что это намек на будущую, посмертную, космогенезу состояния умершего. Его суще-

ство распадется на *материю* (собака) и *дух* (птица), которые затем воссоединятся в новом качестве, для возобновления жизненного круга.

А.И. Алексеев
д.и.н., зав. ОР РНБ

О списке «Подробной летописи», принадлежавшем адмиралу А.И. Нагаеву

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 20-09-42025/20

Одним из замечательных памятников позднего летописания XVIII в. является так называемая «Подробная летопись». Она представляет собой обширную компиляцию, излагающую историю России от родоначальников славянских племен до Петра Великого. Памятник, введенный в научный оборот на исходе XVIII столетия, остается недостаточно изученным и поныне, а его научно-критическое издание отсутствует (Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии. СПб., 1798–1799 гг. Ч. 1–4). К изучению Подробной летописи исследователи со времен Н.М. Карамзина обращались нечасто, и до сих пор текстологическая и творческая истории сочинения остаются выясненными не вполне. Труды М.В. Николаевой было выявлено 5 списков летописи (*Николаева М.В.* Малоизвестная «петровская» История России и ее рукописные копии // Герценовские чтения. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Филологические науки. Л., 1966. С. 67–68), а также установлено, что они делятся на два вида: в двух списках изложение охватывает период от начала русской истории до 1700 г., в трех продолжается до 1725 г. (*Николаева М.В.* О некоторых источниках «Подробной летописи» («Синописис», «Сказание о граде Славенске») // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. XXIV. С. 344–348). А.В. Сиренов привел веские доказательства в пользу того, что «самый ранний вариант Подробной летописи был составлен по поручению новоиспеченного канцлера А.П. Бестужева-Рюмина в 1744 г., видимо, в Коллегии иностранных дел в Петербурге» (*Сиренов А.В.* Степенная книга русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2010. С. 477). Он также обосновал гипотезу о трех этапах редакторской работы над Пространной летописью, последний из которых был завершен в 1766 году.

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится список Пространной летописи, который до сих пор оставался за пределами внимания исследователей (РНБ. Собр. князя П.П. Вяземского. Ф. 115). Обращение к содержанию этого списка позволяет обнаружить, что перед нами новый вид «Подробной лето-

писи», излагающей события русской истории до 1700 года. Список из собрания Вяземского содержит указание на один из основных источников Подробной летописи, который игнорируют исследователи, — «Московскую историю» Готлиба Самуила Трейера (*Щербина В.И.* Готлиб-Самуил Трейер и его сочинения по истории Московского государства // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Киев, 1895. Кн. 9. С. 148–164).

Сравнение с опубликованным списком позволяет заключить, что неизвестный редактор при изложении истории России от правления великого князя Ивана III до Столбовского мира 1617 г. со Швецией строго следовал тексту истории Г.С. Трейера (лл. 1–174). В описании истории царствования Ивана Грозного он опустил текст Казанской истории, но поместил царские грамоты к шведскому королю Иоганну от 6 января и от 11 августа 1573 г. (лл. 57–70). Также он поместил тексты описания свадеб царя Ивана Васильевича с Анастасией Романовой от 3 февраля 1555 г. и царя Алексея Михайловича с М.И. Милославской (лл. 71–86 об.). После истории Трейера переписчик поместил тексты ярлыков золотоордынских ханов русским митрополитам (лл. 178–186), а далее продолжил повествование «Гисторией о царе и великом князе Михаиле Федоровиче и о наследниках его» в 6-ти главах. При этом между рассказами о смерти царя Алексея Михайловича и о воцарении Феодора Алексеевича помещены копии жалованных грамот из Новгородского уезда Оболенской пятины, фигурировавших в докладе Сенату в 1739 г. (лл. 254–260), а также описание свадьбы царя Алексея Михайловича с Н.К. Нарышкиной (лл. 262–266). В дальнейшем изложении событий текст нашего списка сходен с 4-й частью опубликованной Подробной летописи. При этом история Чигиринских походов излагалась с некоторыми разночтениями, но следуя основной канве заключительных глав Синописа Иннокентия Гизеля (Синописис или Сокращенная история, собранная от разных авторов. Напечатана же повелением Царского величества в Санкт-Петербургской типографии 1718 г. Маиа в 13 день. С. 413–460).

В настоящий момент ничего определенного о личности писца рукописи из собрания князя П.П. Вяземского сказать нельзя. Однако одна из многочисленных помет, выполненных почерком, отличным от основного, на полях рукописи, позволяет установить личность ее владельца. Комментируя повествование о Втором Крымском походе 1689 г. владелец на нижнем поле листа 295 поместил запись: «В сем походе был дед мой Кондратий Кириллович Нагаев, служба тогда ротмистром, у его бывшей в том походе слуга из Таган Федор Павлов, рассказывал потом мне в 1725 году именно и с объявленным здесь похода того обстоятельствами сходственно». Из этой записи следует, что владельцем и внимательным читателем нашей рукописи

был знаменитый русский географ адмирал Алексей Иванович Нагаев (*Ястребцев Е. Нагаев А.И. // Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. 11. С. 7–10*). Изучение помет адмирала А.И. Нагаева на полях «Подробной летописи» позволит установить взгляды младших современников Петра Великого на события истории России с XV в. до начала XVIII столетия. Введение в научный оборот ранее неизвестного списка «Подробной летописи» будет способствовать изучению ее текстологической и творческой истории.

А.Н. Алексеева
вед. библиотекарь ОР РНБ;

Е.С. Симонова
гл. библиотекарь ОР РНБ;

Д.О. Цыпкин
к.и.н., ОР РНБ;

Е.А. Ляховицкий
к.и.н., РНБ;

С.В. Супро
ГРМ;

М.А. Шibaев
д.и.н., ОР РНБ

Опыт комплексного исследования древнерусской рукописной книги: пергаменный иллюминированный Синодик ОР РНБ, ОСРК Ф.п.IV.1

История древнерусской книжной культуры и искусства остается сферой знания, имеющей значительные пробелы. По сей день имеется немало памятников, не обойденных вниманием историков литературы, языка, но отсутствующих в предметном поле истории культуры письма, технологии древнерусской книги. Ярким примером является синодик ОР РНБ, ОСРК Ф.п.IV.1. Данный памятник по памятям архиереев может быть датирован второй половиной 1570-х – началом 1580-х гг. (последний упомянутый Казанский архиепископ — Тихон Хворостинин, его преемник, умерший в 1581 г. Иеремия, не упоминается).

Особенностью Синодика, резко выделяющей его на общем фоне книжности XVI в., является его писчий материал — пергамен. При том, что пергамен серьезно пострадал от сырости, можно сказать, что он достаточно высокого качества. Его белый цвет, существенно отличающийся от древнерусских пергаменных кодексов XV в., объясняется наличием мелования (*Терещенко Е.Ю., Мандрыкина А.В., Ляховицкий Е.А., Балаченкова А.П., Цыпкин Д.О., Яцишина Е.Б. Электронно-микроскопические исследования пергаменов из собрания Российской национальной библиотеки // Российские нанотехнологии. 2020. Т. 15. № 5. С. 33–39*). Почти не наблюдаются характерные следы орудий выделки, которые, как правило, более или менее

обильно присутствуют на поверхностях древнерусских пергаменов. Отсутствуют и дыры. С большой долей уверенности можно сказать, что перед нами продукт западноевропейского импорта, существенно отличающийся по своим свойствам от пергамена древнерусской традиции, которая, видимо, пресеклась к концу XV века. Красноречивым свидетельством утраты традиции письма на пергамене является то обстоятельство, что при общем высоком каллиграфическом уровне письма, текст Синодика имеет множественные повреждения вследствие осыпания чернил: каллиграф, или каллиграфы, работавшие над важным заказом, не имели необходимого опыта, чтобы добиться достаточной адгезии.

Существенный интерес представляют и чернила. Древнерусские кодексы XV–XVI вв. и, во многих случаях, XVII в. характеризуются относительно высокой степенью проницаемости в инфракрасной области спектра, когда осязаемое падение оптической плотности (существенно падает контраст текста с фоном, резко усиливается контраст между темными и светлыми участками текста) достигается уже при 940–1000 нм. На части листов Синодика мы наблюдаем подобное спектральное поведение, но другая часть отличается почти полным или полным отсутствием пропускания даже при 1050–1100 нм. При этом границы между двумя указанными типами спектрального поведения, с одной стороны, не связаны со структурой текста или особенностями письма, с другой, имеют весьма отчетливый, резкий характер.

Для того, чтобы дополнить картину спектральной визуализации, чернила Синодика были исследованы другими методами. Для всех листов, содержащих текст, была осуществлена спектрофотометрия и РФЛА-спектрометрия.

Относительно высокая концентрация железа (с превышением над фоновым значением более чем в 8 крат) может наблюдаться как на листах с высоким пропусканием в ИК области спектра, так и с малым. Малую концентрацию Fe (с превышением над фоном не более, чем в 4 раза) также можно наблюдать на листах обеих групп. При этом мы можем наблюдать существенную разницу в измерениях на одном листе.

Что касается результатов спектрофотометрии, значительная часть измерений соответствует картине, которая наблюдается в подавляющем большинстве случаев для исследованных на данный момент кодексов XI–XVII вв.: значение h (цветового тона) находится в пределах 50–80⁰ (в основном — 60–70⁰; с некоторой долей условности, эту область можно характеризовать, как границу «оранжевой» и «желтой» областей). Однако значительная часть измерений дает необычную картину: значение h находится в области 270–3400 (то есть в области цветового круга от «синей» до «пурпурной» об-

ласти). Так же, как и в случае с результатами РФЛА, эти значения не сопряжены с проницаемостью текста и зачастую могут встречаться в измерениях, осуществленных на одном и том же листе.

Такой характер результатов РФЛА и спектрофотометрии явно указывает на большую степень неравномерности чернил Синодика. Можно предположить, что перед нами результат практики использования «чернильного гнезда», которое периодически взаимодействовало с жидкими, «приливными» чернилами. Последние могли существенно отличаться по составу, от чернил на основе ржавого железа и отвара коры до сажевых (*Щавинский В.А. Очерки по истории техники живописи и технологии красок в Древней Руси. М.; Л., 1935. С. 28–29*). Сменяя друг друга в одном гнезде, такие «приливы» и могли порождать разнообразную картину, какую мы видим в чернилах Синодика.

С методической точки зрения пример Синодика показывает ограниченность возможностей таких «точечных» по своей природе методов исследования, как РФЛА с применением некартирующих приборов и спектрофотометрия, в отношении характеристики конкретного памятника.

С точки зрения оценки тенденций развития древнерусской книжной технологии наличие непрозрачных в ИК области спектра листов говорит о том, что Синодик возможно является одним из первых памятников с широким использованием сажевой компоненты, наличие которой подтверждается и данными электронной микроскопии (*Тереженко Е.Ю., Васильев А.Л., Ляховицкий Е.А., Балаченкова А.П., Цыпкин Д.О., Яцишина Е.Б. Электронно-микроскопические исследования письменных памятников Российской национальной библиотеки // Кристаллография. 2021. Т. 66. № 3. С. 9*).

*Н.А. Алексеенко
dr. Etudes médiévales (Paris IV-Sorbonne), к.и.н., в.н.с.
Институт археологии Крыма РАН*

Рехенпфенниг испанского стиля мастера Корнелиуса Лауффера с Южного берега Крыма

Среди находок иностранных денежных знаков эпохи позднего Средневековья и начала Нового времени в Крыму кроме монет нередко можно встретить и хорошо известные счетные жетоны. Последние публикации показали, что они несут в себе достаточно ценную и важную информацию как для истории производства этой продукции в Европе, так и для истории самого крымского региона.

Сегодня у нас есть возможность представить еще один из пфеннигов, происходящих с территории южнобережного поселения,

некогда располагавшегося на мысе Ай-Тодор, который, на наш взгляд, имеет свою интересную историю.

Как известно, нюрнбергские мастера счетных жетонов кроме традиционных серий для многих правящих домов чеканили специальные жетоны, на которых присутствовали величественные изображения различных европейских монархов. Самыми популярными были французские и английские короли. В то же время выпускались и ограниченные серии с портретами монархов и других европейских стран, например, Польши, России, Австро-Венгрии и некоторых других.

Новый крымских жетон представляет нам одного из королей Испании.

На лицевой стороне в шнуровом ободке представлен погрудный портрет испанского короля Карла II (1665–1700) в парадной кирасе с длинными распущенными волосами, вправо. По кругу расположена легенда: CAROL. II. DG. – HISPANIA REX• – *Carol(us) II D(ei) g(ratia) Hispania rex.*

На оборотной стороне в шнуровом ободке изображение геральдического щита с тремя башнями (замками), увенчанного сверху королевской короной. По кругу легенда с именем мастера и названием жетона: CORN: LAVFFERS. RECHN. PFENING: — *Corn(elius) Lauffers. Rech(e)npfening.*

Согласно типа жетон относится к изделиям так называемого «монархического» стиля и отчеканен для испанского двора. Как мы можем судить из легенды, он выпущен в мастерской нюрнбергского мастера Корнелия Лауффера, работавшего с 1658 по 1711 год. Учитывая время его работы и годы правления Карла II, датировка крымского жетона должна укладываться в период 1665–1700 годов.

Но здесь особый интерес представляет изображение герба на его оборотной стороне, которое, на наш взгляд, позволяет существенно сузить датировку памятника.

В современной библиографии аналогичный жетон удалось обнаружить лишь в двух изданиях (*Автор выражает глубокую благодарность А. Пушкареву за постоянную помощь и консультации*). При публикации коллекции Н.Дж.Ю. Руэра в описании герба говорится лишь о щите с тремя башнями, увенчанном королевской короной, без каких-либо комментариев (*de la Tour H. Catalogue de la Collection Rouyer, leguee en 1897 au Departement des Medailles et Antiques. Paris 1910. P. 404, nr. 4650*). В новом каталоге жетонов мастеров фамилии Лауффер, авторы, описывая щит, определяют его как кастильский (*Groenendijk F., Levinson R.A. Nürnberger Rechenpfennige — Nuremberg Jetons: Die Familie Lauffer. München, 2015. S. 106, Nr. 364*).

Возможно, три башни и могут символизировать Кастилию (напомним, «Кастилия» буквально означает «страна замков»). Однако

изображение ее герба в виде трех башен (замков) никогда не встречается — всегда один (трехбашенный). Общеизвестно, что в начале 30-х гг. XIII в. на Пиренейском полуострове возникает объединенное Леоно-Кастильское королевство, к которому позже присоединяются и другие территории. Все эти события неизменно отражаются на официальном гербе испанского королевства. Так, кроме традиционных гербов Кастилии, Леона, Арагона и Наварры в соответствующие периоды в него входили геральдические щиты Сицилии, Гранады, Австрии, Бургундии, Брабанта, Португалии, Фландрии и Тироля.

На испанских монетах XVI–XVII вв. неизменно присутствует именно такой сложносоставной герб, отражающий великие притязания испанских монархов. В нашем случае достаточно показательным примером является золотая монета номиналом в 8 реалов, где также изображен многочастный герб, выпущенная в год смерти Карла II (1700).

Как известно, он был последним представителем дома Габсбургов на испанском престоле. И следующее изменение испанского герба произошло сразу же при появлении новой династии Бурбонов. Филипп V (1700–1746) удалил из него португальский щит, изменил место фландрско-тирольского и в центре композиции разместил родовой герб дома Бурбон-Анжу — три французские геральдические лилии.

В этой связи невозможно не обратить внимания на стилистическую близость изображений геральдического щита на рассматриваемом крымском жетоне с аналогичным типом изображений на жетонах французского стиля. Французский щит с тремя лилиями, к примеру, известен уже на жетонах Ганса I Краунвинкеля (1562 – ум. 1586), на которых еще нет изображений французских монархов (*Mitchiner M. Jetons, Medallets and Tokens. London, 1988. P. 433, nr. 1492*). Для второй половины XVII в. абсолютно идентичный тип щита, увенчанного короной, но с изображением трех лилий мы находим у того же Корнелия Лауффера на жетоне с изображением портрета Людовика XIV (1643–1715) (*Groenendijk F., Levinson R.A. Nürnberger Rechenpfennige. S. 106, Nr. 362*). Сопоставляя даты правления французского монарха и время работы мастера, нетрудно определить, что этот жетон мог быть выпущен только с 1658 по 1711 год.

Совпадающее расположение башен вместо лилий (2:1) и присутствие двух вертикально расположенных жемчужин между объектами в верхней части (к сожалению, на крымском экземпляре они почти не различимы), на наш взгляд, является очевидным свидетельством прямого заимствования типа изображений. Однако напомним, что появление геральдических лилий в гербе Испании возможно ранее 1700 года.

Как следствие этого, рискнем высказать предположение о возможности более узкой датировки нашего жетона испанского стиля. Не исключено, что он был выпущен как коммеморативный на смерть Карла II в 1700 г., когда престол перешел к Бурбонам и в испанском гербе появились французские геральдические лилии.

В.Ю. Афиани
к.и.н., доц. ИАИ РГГУ

О типологии публикаций исторических документов в электронном формате

Вопросы типологии публикаций исторических документов активно разрабатывались в советский период. Результаты этих исследований отражены в классификации по типам, видам и формам публикаций в нормативно-методических документах (Правила издания исторических документов в СССР. 2-е перераб и доп. изд. М., 1990). Но так называемая «трехчастная» классификация по типам публикаций и тогда подвергалась критике, в частности, за то, что не охватывает все разнообразие документальных публикаций, за «недифференцированный» подход к классификации, за включение «ненаучных» публикаций, — научно-популярных и учебных. Высказывались мнения, что в этой области «еще многое предстоит сделать в будущем» (*Добушкин Е.М.* Основы археографии. М., 1992. С. 74.). Новые соображения в области типологии документальных публикаций в последнее время были высказаны В.П. Козловым. В частности, он отмечает технотронные публикации и публикации «в электронной оболочке». (*Козлов В.П.* Документальная память в археографическом знании. М., 2017. С. 71–114).

С распространением публикации исторических документов в электронном (цифровом) формате, в Интернете, возникает необходимость сверить классическую типологию с реалиями публикаторской практики. Первая такая классификация основывалась на взаимосвязи публикаций с традиционными, печатными изданиями документов, на характере и степени их взаимосвязей или их отсутствии, наличии самостоятельной, «виртуальной публикации». Отмечалось и появление нового «типа» — виртуальной выставки и публикаций в виде базы данных (*Боброва Е.В.* Анализ археографического уровня подготовки документальных публикаций в российском сегменте Интернета // Информационный бюллетень «История и компьютер». 2002. № 30. С. 80). Обращалось внимание на специфику электронных публикаций исторических документов, в том числе на то, что электронная форма представления документов стирает границы видовых различий документов (*Грумм-Гржимайло Ю.В., Сабенникова*

И.В., Юмашева Ю.Ю. и др.). В литературе приводятся ссылки на ГОСТы по смежным вопросам., в частности, на ГОСТ 7.83–2013 «Электронные издания: основные виды и выходные данные», разработанный применительно к библиотечному и издательскому делу, где дается развернутая их типология из 10 позиций. Между понятием «издание» и «публикация» существуют принципиальные различия. Документы в электронном издании проходят редакционно-издательскую обработку. Такое определение для любых публикаций исторических документов, что научных, что популярных, неприемлемо. Обработку может проходить текст публикатора, но не документа. Далеко не все в этой типологии применимо в археографии. Но некоторые виды классификации могут быть полезны для их осмысления в археографии. Публикации, имеющие печатный аналог называются деривативными или репринтными. В классификации по целевому назначению выделяются социально-политические издания. Публикации, которые в дальнейшем не изменяются, называются детерминированными, а те, в которые могут вноситься изменения, — интерактивными. Отмечаются также мультимедийные, гипертекстовые публикации и т.п.

Но и эта классификация не представляет все разнообразие публикаций исторических документов, представленных на практике. Особенно разнообразны формы публикаций. Выделяются публикации в форме: публикации документа/документов на «домашней странице» сайта общего содержания; в форме специального сайта; электронного архива; электронной библиотеки; виртуальной выставки; электронного каталога или описи; полнотекстовой базы данных; виртуального календаря.

В археографической литературе далеко не вся терминология устоялась. Например, широко используется термин «интернет-проект», который прилагается ко многим формам публикаций, независимо от их различия.

Накопленный опыт публикаций в электронном формате особенно в Интернете, ставит перед археографами ряд важных проблем, которые требуют своего разрешения. Среди археографов нет единодушия в отношении так называемых «оперативных публикаций» или «документальных публикаций», как и «научно-популярных». По отношению к первым, на наш взгляд, выдвигаются серьезные возражения. Публикация документов, сохраняющих свои оперативные функции, является областью документоуправления и права. А что касается «научно-популярных» публикаций, то тут дело обстоит иначе. Большинство интернет-публикаций исторических документов может быть отнесено к «научно-популярному» типу. Но это действительно слишком расплывчатый и неточный термин. Очень важный для современного общества интернет-проект «Па-

мать народа», включающий публикацию огромного комплекса подлинных исторических документов периода Великой Отечественной войны, адресован всему населению нашей страны и многих других стран, где проживают потомки участников этой войны. Нужно ли относить этот проект к типу научно-популярных? На наш взгляд, он относится скорее к «социальному» или «мемориальному» типу. Собственно научных публикаций в Интернете немного. Есть публикации, в которых «степень научности» очень снижена за счет популярности. Интернет способствует и широкому распространению фальсификаций документов, адресованных широкому пользователю. Распространено размещение цифровых копий документов без достаточного информационно-поискового аппарата, а то и без него. Публикации исторических документов в Интернете — явление с каждым днем становящееся все более масштабным и массовым. Это явление во многом является междисциплинарной проблемой, но должно в большей мере, чем сейчас, привлекать внимание археографов. Необходимо критически анализировать имеющуюся практику таких интернет-публикаций, помогая специалистам и способствуя повышению общей археографической культуры.

*С.В. Ашмарина
к.и.н., доц. РГГУ*

Материалы IV Пермского губернского съезда врачей 1887 года как источник становления санитарной медицины в России

Съезды губернских врачей во второй половине XIX в. созывались с целью обсуждения проблемных вопросов как местного значения, так и государственной важности, здесь определялись слабые места медицинской помощи. Съезды должны были консолидировать общие усилия для решения актуальных вопросов здравоохранения. Не был исключением и IV Пермский губернский съезд врачей, который состоялся в августе 1887 г. в Екатеринбурге. Съезд был весьма представительным и проходил под председательством первого санитарного врача России — И.И. Моллесона, считавшего такие съезды двигателем развития земской медицины. И.И. Моллесон указывал на необходимость регулярного созыва съездов как «способа взаимного общения людей, обмена мыслей, коллективной разработки и разностороннего рассмотрения вопросов» (IV Пермский губернский съезд врачей в г. Екатеринбурге. Доклады, материалы и протоколы. Пермь, 1887. С. 10).

Съезд имел практическую направленность и ставил цель изменить отношение врачей и земств к санитарному делу, преодолеть

безынициативность и инертность, так как первые три губернских съезда (1872, 1884 и 1886 гг.) указывали на скептическое отношение к санитарным вопросам со стороны ответственных лиц и особенно жителей края, несмотря на работу открывшихся в ряде областей санитарных комиссий и бюро. Врачи были загружены работой на участках, обслуживая большую территорию с несколькими сотнями или даже тысячами человек. В таких условиях доктору важно было поставить диагноз и выписать рецепт, дополнительных наблюдений не велось, а значит отсутствовали записи, свидетельствовавшие о санитарных условиях местности. В итоге терялся ценный «врачебный опыт», пропадала масса фактов — «питательная среда» для съездов, «основания для коллективного изучения, для получения практических результатов» с целью оздоровления местности, как было указано в материалах съезда (IV Пермский губернский съезд. С. 12).

Предоставленные съезду таблицы, выкладки о состоянии медицины в отдельных районах губернии свидетельствовали о необходимости унификации сбора статистических сведений по всем уездам в обязательном порядке с формированием единой санитарной статистики, с целью своевременного проведения защитных мер в условиях неблагоприятной эпидемиологической обстановки. Для этого, по мнению И.И. Моллесона, требовалось рационализировать всю медицинскую помощь населению, начиная с правильного размещения больниц, не допуская их организации в частных домах (такая практика была в Пермской губернии). Стационары рекомендовалось располагать в пределах доступности для большинства нуждающихся в помощи, а фельдшерские пункты рассматривать как вспомогательную форму оказания медпомощи. Особенное внимание следовало уделять «упредительным мерам» в борьбе с распространяющимися эпидемиями. Требовались грамотные, высококвалифицированные, образованные врачи, которые могли бы правильно выстроить оказание помощи на местах, а главное, понимая всю важность превентивных мер, заниматься санитарными вопросами. Таких были единицы, по свидетельству И.И. Моллесона. Председатель собрания настаивал на том, чтобы на местах появились врачи, занятые только прививанием населения. Эпидемия оспы 80-х гг. XIX в. сделала актуальным вопрос оспопрививания, в связи с чем съезд изучил ситуацию с прививочным материалом: с его наличием и качеством в отдельных уездах губернии.

Прививки рассматривались съездом как основное средство борьбы с эпидемиями, а прививание населения как принудительная мера, так как убеждения и советы не имели действия (по свидетельству участников съезда). В сложившейся ситуации только земства, по мнению выступавших, могли обязать врачей к ведению стати-

стики и проведению мер противоэпидемического характера, а население — к исполнению санитарно-гигиенических требований. Съезд стремился убедить земства «в неотложной надобности общей санитарной организации» (IV Пермский губернский съезд. С.17). Был представлен проект с определением границ участков и нанесением их на карту. Последовательно выстраивалась цепочка организации санитарного дела по вертикали: губерния — уезды — волости, по горизонтали это связь между земствами. Определялся также круг лиц, осуществлявших надзор за соблюдением обязательных правил на местах. Контроль за исполнением санитарных мер возлагался коллегиально на священников, землевладельцев, гласных уездных земств, учителей школ, станových приставов, волостных старшин, писарей.

Таким образом, съезд в поисках «рациональной почвы» в «устройстве санитарного дела» на основе «научных наблюдений» задал систему координат, путь организации (единой в масштабах империи) санитарной медицины как четко функционирующего механизма, на чем настаивал И.И. Моллесон. Это была уже необходимость в условиях неудовлетворительной ситуации с распространением заразных болезней, и без правильно организованного санитарного дела по всей стране нельзя было обойтись — таково было заключение IV Пермского губернского съезда врачей в августе 1887 года.

Т.А. Базарова
к.и.н., зав. НИИ и группой источниковедения СПбИИ РАН

Рукописные копии «Книги Марсовой, или Воинских дел...» в собрании Архива СПбИИ РАН

«Книга Марсова, или Воинских дел от войск царского величества российских по взятии преславных фортификации, и на разных местах храбрых баталии учиненных над войски его королевского величества свейского» представляет собой сборник материалов о победах русских войск в Северной войне, который создавался по инициативе Петра I. Царь принимал участие и в подготовке издания, и редактировании текстов. В 1713 г. в Петербургской типографии были отпечатаны первые сто экземпляров «Книги Марсовой». Она имела альбомный формат и содержала 18 гравированных планов крепостей и сражений 1702–1710 гг., сопровождавшихся реляциями и «журналами». В 1715 г. был опубликован новый вариант, в который добавили гравюры сражений 1713–1714 гг., а также фейерверков. На титульном листе оставили 1713 г., но вместо виньетки

А.Ф. Зубова поместили работу П. Пикарта. При жизни Петра I в Петербурге еще не раз печатали альбом; его состав изменяли и дополняли. Так, в 1715–1717 гг. для «Книги Марсовой» гравировали шесть видов взятых русской армией городов (Алексеева М.А. Гравюра петровского времени. Л., 1990. С. 131–134; Быкова Т.А., Гуревич М.М. Описание изданий гражданской печати 1708–1825 гг. М.; Л., 1955. С. 515–525; Мурзанова М.Н. «Книга Марсова» — первая книга гражданской печати, изданная в Петербурге // Труды БАН СССР. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 156–168 и др.).

«Книга Марсова» имела важное пропагандистское значение и ее отправляли дипломатам для распространения при европейских дворах. До наших дней сохранилось около двух десятков печатных экземпляров, содержание которых не совпадает. В 1766 г. «Книгу Марсову» отпечатали в Типографии Морского шляхетского корпуса тиражом в 1200 экземпляров. Альбом петровского времени предоставил капитан-поручик М. Сабуров. В новом издании было 22 гравюры (Руднев Д.В. Г.А. Полетика — редактор: К истории переиздания «Книги Марсовой» (1766) // Вестник СПбГУ. Сер. 9: Филология, востоковедение, журналистика. 2013. Вып. 3. С. 74–75).

Помимо печатных экземпляров в собраниях архивов и библиотек хранятся рукописные списки «Книги Марсовой». В Архиве СПбИИ РАН в фонде Воронцовых имеется копия с двумя владельческими записями: «Из книг Ивана Алексеевича Яковлева» и «Сия книга подарена мне Л.Я. Яковлевым 18 июля 1820 в Москве» (Ф. 36. Оп. 1. Д. 684). Вероятно, ее основой послужила печатная «Книга Марсова» 1766 г. Эта рукопись содержит текст без иллюстраций.

Другая рукописная копия «Книги Марсовой» отложилась в собрании Археографической комиссии. Она входит в конволют середины XVIII в. (Колл. 11. Оп. 1. Д. 141. Л. 1–309), который помимо «Книги Марсовой» включает Хронограф 2-й редакции, Хрисмологион, «Разсуждения о причинах Свейской войны» П.П. Шафирова, статистические данные ревизии 1747 г., краткие сведения о московских пожарах 1737 и 1748 гг. и др. (Содержание сборника см.: Барсуков Н.П. Рукописи Археографической комиссии. СПб., 1882. С. 81–83). В описании предыдущие владельцы не указаны, однако на л. 14 конволюта сохранилась помета почерком XVIII в.: «N 293. В. Стрешнев». Рукопись формата *in folio* имеет картонный переплет, обтянутый темно-коричневой кожей. Текст написан четкой скорописью, на большинстве листов разделен на две колонки (столбцы), которые пронумерованы. Черными и красными чернилами отчерчены правые и левые поля, а также границы между колонками. Контуры заголовков и инициалы выполнены красными чернилами, украшены растительным орнаментом и раскрашены акварелью четырех цветов.

Рукописная «Книга Марсова» из собрания Археографической комиссии (л. 120–205) включает не только рукописные тексты реляций, «журналов» и «объявлений», но и копии гравюр сражений и крепостей. Состав рукописи сходен с печатными экземплярами 1715 и 1766 годов. Она начинается изображением штурма Нотебурга (1702) и заканчивается Гангутским сражением (1714). Оформление заголовков текстов и инициалов не завершено: большая часть без акварельной раскраски. На оборотах листов только очерченные и пронумерованные столбцы без содержания. Рисунки выполнены коричневыми и черными чернилами на альбомных листах и вклеены на развороты.

Особый интерес представляет копия гравюры Прутского сражения (1711), которой нет в других экземплярах «Книги Марсовой». «Баталия царского величества с турком при Пруте реке» — единственный рисунок, не имеющий текстового сопровождения (возможно, лист был вклеен позднее). В его центральной части находится изображение «войск московских» — треугольное укрепление с фигурами людей и стреляющими пушками. В центре треугольника — две пешие и одна конная фигуры. Всадник имеет отдаленное сходство с Петром I. Ниже — шатры, один из которых большего размера сопровождается надписью «шатер государя и войск его». На листе также показан рельеф местности и расположение находившихся на р. Прут армий: «войско полское», «войско шведское», «войско господаря мулянского», «войско янычарское пешое», «войска татарские» и пр., а также полевых лагерей. Надписи пронумерованы и продублированы в нижней части гравюры (№ 1–43). В правом верхнем углу в картуше, который поддерживают две мужские фигуры (одна в камзоле, другая в кафтане), находится изображение поражающего копьём зверя всадника; выше — девиз «Советом и силою химеру превышать».

Известно, что в «Книгу Марсову» были включены гравюры таких известных мастеров как А.И. Ростовцев, П. Пикарт, А.Ф. Зубов, Г. де Витт. Авторство и происхождение «Баталии царского величества с турком при Пруте реке» из рукописной копии пока не установлено. Две надписи на рисунке — «войска московские», «бой московский» — могут свидетельствовать об иностранном происхождении оригинала.

Дальнейшее выявление и исследование рукописных копий «Книги Марсовой» (особенно содержащих рисунки с гравюр) даст ученым новые факты по истории бытования книжного памятника Петровской эпохи.

С.И. Баранова
д.и.н., доц., г.н.с. РГГУ

Л.М. Черненилова
в.н.с., Гос. историко-художественный музей
«Новый Иерусалим»

Опись музея Святейшего патриарха Никона в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре. 1875 год

В 1874 г. в Ново-Иерусалимском монастыре архимандрит Леонид основал и посвятил памяти Святейшего Патриарха Никона один из первых русских церковных музеев. Его место в процессе становления музейного дела в России до конца не оценено, а между тем появление этого древлехранилища имело огромное значение для сохранения исторического наследия Русской Православной Церкви и российской культуры в целом.

В лице архимандрита Леонида Ново-Иерусалимский монастырь обрел неутомимого историографа, исследователя памятников и архивов. Отец Леонид первым осознал необычность, значимость Воскресенского монастыря в истории русской культуры и поставил задачу его осмысления как явления. За годы пребывания в монастыре (1869–1877) архимандрит описал и опубликовал обширный материал по истории обители.

Одним из свершений архимандрита Леонида стал Музей. Это не случайно: человек энциклопедических знаний, архимандрит был членом-корреспондентом Императорской Академии наук, действительным членом Императорского Московского археологического общества (избран 23.12.1875 г.: ОР РГБ. Ф. 148. К. 10. Л. 1.), в составе которого было много представителей высшего духовенства, чья научно-просветительская деятельность отвечала задачам общества.

По инициативе архимандрита Леонида была создана мемориальная экспозиция, посвященная основателю монастыря. Ранее вещи, принадлежавшие Патриарху Никону, находились в ризнице, в храме и в прочих помещениях обители, в том числе в месте его уединения — Божоявленской пустыни, сохранявшейся к XIX в. в первоначальном виде. Собранные в центральном зале Амвросиевских покоев, почитаемые реликвии получили достойные условия хранения и стали доступны для паломников и всех интересующихся личностью одного из крупнейших деятелей в истории России и русской церкви.

В 1875 г. архимандрит Леонид составил опись музея «Святейшего Патриарха Никона», которая впервые публикуется полностью в издании, посвященном 200-летию юбилею архимандрита Леонида (От Иерусалима до Нового Иерусалима. К 200-летию со дня

рождения архимандрита Леонида (Кавелина) / Отв. ред. Л.А. Беляев. М., 2022). В 2002 г. к тексту Описи обратилась Г.М. Зеленская, опубликовавшая текст первой главы и статью, посвященную Музею Святейшего Патриарха Никона (*Зеленская Г.М. Музей Святейшего Патриарха Никона в ставропигиальном, Новый Иерусалим именуемом, монастыре // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». М., 2002. С. 263–283*). Спустя почти полтора столетия весь документ стал инструментом и одновременно объектом исследования.

Рукопись «Опись Музея, посвященного имени Святейшего Патриарха Никона, собранного тщанием Настоятеля Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого Монастыря, Архимандрита Леонида и размещенного в так называемых Амвросиевских покоях. Составлена в 1875 г[оду]» хранится в фонде «Воскресенский Новоиерусалимский монастырь» РГАДА (Ф. 1625. Оп. 1. Д. 34 Л. 1–92), представляя собой переплетенную тетрадь.

Каждая глава Описи музея Патриарха Никона (на л. 17 об., 41, 48 об., 64, 68 об., 72 об., 78 об., 80 об.) завершается фразой: «С подлинным верно», после которой следуют подписи — автографы настоятеля архимандрита Вениамина (Позднякова), исправляющего должность наместника иеромонаха Антония, исправляющего должность казначея иеромонаха Анатолия и ризничего иеромонаха Антония. Архимандрит Вениамин был назначен настоятелем Воскресенского монастыря в 1877 г., после перевода архимандрита Леонида (Кавелина) на должность наместника Троице-Сергиевой Лавры. Таким образом, подписи можно датировать не ранее 1877 года.

Музейная Опись состоит из восьми глав, по количеству залов, в которых размещались экспонаты музея в Трапезных палатах. Монастырский музей включал мемориальный, церковно-исторический и архитектурный разделы, которые можно полно представить на основе Описи, старых фотографий и сохранившихся предметов.

Источниковедческая, музееведческая ценность самой Описи чрезвычайно высока. В нее занесены произведения иконописи, живописи, графики, декоративно-прикладного искусства, природные материалы и редкости, все, что не использовалось в богослужении, а просто использовалось для украшения и хранилось как интересные артефакты на стенах, стендах и в витринах. Опись содержит топографические данные, что абсолютно соответствует современным требованиям описания музейных предметов и позволяет судить о подходе архимандрита Леонида к созданию экспозиции и понять, что собрание экспонировалось в музее целиком. Опись залов при этом служила учетным документом, объединяла разнородное собрание и придавала ему соответствующую юридическую форму.

Поразительная актуальность этого документа позволила, несмотря на краткость сведений, выявить экспонаты, которые сохранились до настоящего времени и вошли в собрание Государственного историко-художественного музея «Новый Иерусалим». Более того, в процессе этой работы некоторые из безымянных, не имевших подробного описания предметов удалось заново атрибутировать и ввести в научный оборот.

Музееведческая, источниковедческая ценность описи этого зала чрезвычайно высока: она содержит топографические данные и позволяет представить экспозицию, а также содержит сведения, абсолютно соответствующие современным требованиям описания и изучения музейных предметов, что позволяет говорить о научном подходе архимандрита Леонида к созданию музейной экспозиции.

В.А. Бароне
к.и.н., доц. ИФ ИАИ РГГУ

Французские *fleurs de lys* как инструмент антианглийской пропаганды (по данным полемических трактатов первой половины XV в.)

Центральным событием западноевропейской истории XIV–XV вв. была война между Англией и Францией, названная в историографии Столетней (1337–1453). Она сопровождалась для Франции борьбой двух герцогов — Бургундского и Орлеанского и их сторонников — за власть при душевнобольном Карле VI. Военные успехи Генриха V Ланкастера (битва при Азенкуре, завоевание Северной Франции и «оккупация» Нормандии) привели к подписанию в 1420 г. договора в Труа и созданию двуединой англо-французской монархии под эгидой династии Ланкастеров. Лишенный наследственных прав дофин Карл (будущий Карл VII) бежал на юг королевства, где учредил свое правительство. Страна оказалась раздробленной.

На пике этого кризиса во Франции появились сочинения, которые отличались полемической и антианглийской направленностью, — работы Жана де Монтрейя, Алена Шартье, Жана Жувеняля дез Юрсена, анонимные трактаты. Их цель заключалась в опровержении династических и территориальных притязаний англичан, доказательстве «несправедливого» характера английской и, наоборот, «справедливого» французской войны. Для этого авторы использовали различные доводы: нормы канонического, римского и феодального права, историческую и юридическую аргументацию, «национальные» особенности англичан и французов.

Важное место в этом перечне занимают французские лилии, украшавшие герб французских королей примерно с XII века. К середине XIV в. формируется легенда об их сверхъестественном происхождении, согласно которой ангел, посланник Господа, передал основателю Франкского королевства Хлодвигу щит с тремя золотыми лилиями на лазурном поле взамен его языческого герба. Эта легенда присутствует во всех наших источниках. Фигурирующие в них лилии наполняются религиозной и политической символикой.

Лилии представляют, прежде всего, герб, то есть визуальный, существующий в виде «картинки», опознавательный знак, который позволяет окружающим отличать его владельца от остальных. Полемисты делают эти знаки на эмблемы (*devises*) и собственно гербы (*armes*). Дез Юрсен в этой связи поясняет, что должно рассматриваться как *armes*, а что — как *devises*: «Есть только два вида гербов. Первый — духовный, полезный для спасения души и тела. Это — крест с гвоздями и копье, от которых Господь Наш претерпел страдания и смерть. Второй — светский, но отчасти также духовный, ибо по божественной воле посланный. Это — три золотые лилии на лазурном поле. Все же остальные, и твой (Англии. — В. Б.) герб, и другие ... являются всего лишь эмблемами» (*Juvénal des Ursins J. Audite celi // Juvénal des Ursins J. Ecrits politiques. P., 1978. T. I. P. 191*). Полемист акцентирует внимание на рукотворном и неанглийском (из Нормандии) происхождении английской эмблемы и божественном — французского герба, «единственного в мире».

В исследуемых трактатах лилии являются олицетворением французского королевского рода, не случайно для обозначения принцев крови их создателями используются выражения «принцы, рожденные от драгоценных лилий» (*princes nez du lis precieux*), «те, кто происходят от лилий» (*ceux qui sont des fleurs de lis*), «ветвь лилий» (*la lignee des fleurs de lis*), чем подчеркивается нерасторжимая связь между лилиями и королевской династией.

Лилии выступают в качестве символа абстрактного королевского достоинства, не тождественного личности конкретного монарха. Отсюда честь лилий прочно отождествляется полемистами с честью короны.

Французский герб с лилиями тесным образом связан с территорией, символом которой является. Дез Юрсен отмечает, что «знатность и достоинство герба» есть ни что иное, как «королевство», а «королевство» это «знатность и достоинство герба» — «настолько эти вещи связаны, что их нельзя отделить одно от другого» (*Juvénal des Ursins J. Traitié compendieux de la querelle de France contre les Anglois // Juvénal des Ursins J. Ecrits politiques. P., 1985. T. II. P. 44*). Косвенным выводом из этих слов может стать заключение о том, что это не Нормандия должна принадлежать Англии, а Анг-

лия с нормандскими леопардами на эмблеме должна быть присоединена к герцогству, которое является неотъемлемой частью Франции.

Данные идеи выполняли в рассматриваемой литературе несколько функций. Они были прямо связаны с представлениями о сакральном характере королевской власти во Франции, символика которой в отличие от Англии имеет божественное происхождение.

Апелляция к лилиям используется в трактатах для опровержения династических требований англичан. «Пусть только подумают, — предлагает Жан де Монтрей, — о великом несчастье, которое случилось бы, если бы Эдуард (Эдуард III. — В. Б.) получил Французское королевство ... Он никогда бы не отказался от герба Англии, поэтому благородный и святой герб Франции ... был бы умерщвлен и задушен» (*Montreuil J. de. Traité contre les Anglais // Montreuil J. de. Opera. P., 1963. Vol. II. P. 167*). Ему вторит дез Юрсен: «Какое преступление, — от лица героини, дамы Франции, восклицает он, — вложить мою корону в руки смертельного, древнего и главного врага королевства ... и безвозвратно отнять ее у рода лилий, а лилии ... подчинить и покорить леопардам» (*Juvénal des Ursins J. Audite celi. P. 191*).

Наконец, символика лилий в анализируемых источниках прочно связана с идеей неотчуждаемости — короны и всего Французского королевства. Авторы выдвигают мысль, что лилии не могут быть отчуждены, уступлены или покорены — как возражение против притязаний Эдуарда III на ношение лилий в качестве герба, после того как в 1340 г. он принял титул короля Франции и включил их в английское геральдическое поле. Полемисты уверены, что лилии могут принадлежать только членам французского королевского рода, и только король Франции вправе носить «полный» герб. Таким образом, тесная связь символика лилий и короны сопрягает идею о невозможности их отчуждения с проблемой суверенитета и прав короны. Сочетание представления о божественном происхождении лилий с их восприятием в качестве символа королевского достоинства означает причисление любого, кто посягнет на «честь лилий», к разряду святотатцев и «государственных» преступников.

М.Р. Белоусов
к.и.н., доц., независимый исследователь

«Сказки» стряпчих июня 1653 г. и список стряпчих июля-августа 1653 г. со сведениями о крепостных дворах

Известно, что с 13 по 28 июня 7161/1653 г. проходил конный смотр служилых людей московских чинов: «Июня в 13 день госу-

дарь ... за городом, на Девичье поле, изволил смотреть ... столников, и стряпчих, и дворян московских, и жильцов со всею их службою... Июня в 28 день ... пошел государь с Девичья поля к Москве» (Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. III. Стб. 355-357).

Стряпчие на этом смотре подали «сказки» о готовности к полковой службе, а именно: о собственной боеготовности, о числе «людей з боем», о количестве принадлежащих им крестьянских и бобыльских дворов либо отсутствии у них поместий и вотчин, в редких случаях — о «кормовом» обеспечении (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ед. хр. 1081. Стб. 5, 7). Всего сохранилось 57 «сказок» стряпчих (в «подлинном» боярском списке 7161 г. (Там же. Ед. хр. 1133. Стб. 3. Л. 27-47) насчитывается 368 стряпчих).

Список стряпчих со сведениями о крестьянских и бобыльских дворах в поместьях и вотчинах по переписным и прочим книгам и по «сказкам» (Там же. Ед. хр. 1088. Стб. 2) справлен подьячим Поместного приказа С. Несветаевым (Там же. Л. 253 об.), скреплен дьяком Поместного приказа И. Хрипковым (Там же. Л. 216 об.-217 об.). Список, таким образом, был составлен в Поместном приказе, датируется по содержанию июлем — августом 1653 г. (Там же. Л. 182 — упомянуто челобитье И.И. Манамахова «нынешнего» 7161 г. июля в 1 день). В основу его перечней стряпчих (стряпчие, стряпчие «больные», стряпчие «в нетех», стряпчие «в городех в воеводах, и на приказах, и в отсылке, и в отпуску», стряпчие в рейтарской службе, «стряпчие ж, а за ними в Поместном приказе поместей и вотчин не сыскано») были положены перечни стряпчих «половинного» боярского списка июня 7161/1653 г. (Там же. Ед. хр. 233). Цель составления списка стряпчих — проверка достоверности сведений о количестве крестьянских и бобыльских дворов в поданных стряпчими в июне 1653 г. «сказках» на основе их сопоставления с количеством дворов, «сысканных» за каждым стряпчим в переписных, отказных, отдельных книгах; при наличии расхождений данных Поместного приказа со сведениями «сказки» истребовалась «справка» (пояснения стряпчего, взятые с него в Поместном приказе; в ряде случаев отмечается, что имярек «к справке не бывал»).

В «сказке» И.М. Глебова говорится, что у него «помесья и вотчины в пяти городех, девеносто четыре двора крестьянских и бобыльских, и с теми, што после переписных книг прибыло» (Там же. Ед. хр. 1081. Стб. 5. Л. 17). В списке же стряпчих указано, что «помесья за ним на Коломне по книгам переписи Федора Неелова 154-го году в Большом Микулине стану жеребей в селе Микульском ... двадцать дворов. Да за ним же помесья в Мещоску по книгам переписи Ивана Франзбекова 154-го году в Сухинитцком стану в селе Беликове ... шесть дворов. Да за ним же вотчины в Пошехо-

ные в Ухорском стану в деревне Таргимине з деревнями, а в них по переписным книгам Ивана Вельяминова 154-го году написано ... дватцать восемь дворов; да в Веретейской волости деревня Кузминская з деревнями ... дватцать дворов. Да по скаске Ивана Моисеева сына Глебова поместья ж, де, за ним на Резани, что ему дано во 158-м году брата ево, Степанова поместья Моисеева сына Глебова, деревня Омосово пять дворов... Да за ним же по той же даче вотчины в Касимове жеребей села Копонова десять дворов. И всего за Иваном Глебовым в городех в поместьях и в вотчинах девяносто четыре двора... Да по ево ж скаске в том ево, Иванове, поместье прибыло после переписных книг пять дворов». Затем другим почерком в списке сделана приписка: «И у справки сказал то ж» (Там же. Ед. хр. 1088. Стб. 2. Л. 29-30). Таким образом, список стряпчих подтверждает данные «сказки» о наличии у И.М. Глебова поместий и вотчин в пяти уездах, причем вызов стряпчего «к справке» был обусловлен тем, что в Поместном приказе не имелось сведений о «даче» 7158 г. и «прибылых» после переписных книг дворах. В списке стряпчих обращает на себя внимание подробное перечисление по «сказке» И.М. Глебова его владений в Рязани, Касимове и «прибылых» дворов, хотя, как можно убедиться, в тексте «сказки» об этом ничего не говорится. Очевидно, в списке стряпчих под «сказкой» имеются в виду и собственно рукописная «сказка», и пояснения, данные И.М. Глебовым в Поместном приказе «у справки».

Такое понимание слова «сказка» является правильным и в том случае, когда в списке стряпчих не говорится о нахождении служилого человека «у справки». Так, в своей «сказке» Н.А. Самарин указал, что «в вочинишке в приданой ... по даче 159-го году ... шесть дворишков, а помтейца [sic] нет...» (Там же. Ед. хр. 1081. Стб. 7. Л. 1). В списке стряпчих о его владениях сообщается: «Вотчины за ним приданные по записным вотчинным книгам 160-го году, что ему дал шурин ево, Борис Айгустов, за сестрою своею в приданые в Луховском уезде в Хрулеве слободе деревня Верейно по переписным книгам князь Семена Клубкова Мосалского 154-го году пять дворов... Да по ево, Микифорове, скаске прибыл двор крестьянской, был в бегах, а дал, де, ему шурин же ево» (Там же. Ед. хр. 1088. Стб. 2. Л. 56-57).

В «сказке» Д.Н. Кутузова говорится: «А поместья и вотчины нет ничево» (Там же. Ед. хр. 1081. Стб. 7. Л. 14). В списке стряпчих Д.Н. Кутузов записан дважды: в основном перечне («В живущем за ним не сыскано. А по ево скаске поместей и вотчин за ним нет же нигде» (Там же. Ед. хр. 1088. Стб. 2. Л. 89)) и в перечне под заголовком «Стряпчие ж, а за ними в Поместном приказе поместей и вотчин не сыскано» (Там же. Л. 249). Конечно, последнего пе-

речня нет в «половинном» боярском списке июня 1653 г. — он необходим был именно в списке стряпчих для полного учета служилых людей, не имевших дворов, отправлявшихся на службу.

Таким образом, список стряпчих со сведениями о крепостных дворах основывался не только на переписных и прочих книгах, но и на «сказках», а также служил необходимым для разрядных приказных справочником, содержащим верифицированные данные по дворовладению каждого лица.

*А.А. Богомазова
СПБНИИ РАН*

Весы по документам северных монастырей XVII – начала XVIII века

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 20-78-10060

Монастырские делопроизводственные документы являются прекрасным источником не только по истории того или иного монастыря вообще, его духовной жизни, по истории его хозяйства, торговли, развития книжной культуры, иконописи, зодчества, но также по палеографии, исторической географии, исторической метрологии, хронологии и другим вспомогательным историческим дисциплинам. Мы рассмотрим вопрос о весах и гирях, упоминавшихся в описях и приходо-расходных книгах Соловецкого, Кирилло-Белозерского и Крестного Онежского монастырей, а также Вологодского архиерейского дома XVII – начала XVIII века. З.В. Дмитриева обращает внимание на важность использования монастырской документации при изучении несоизмерительных приборов XVII в. и приводит отдельные сведения о весах и гирях, упоминавшихся в описях Кирилло-Белозерского и Саввина Сторожевского монастырей (*Дмитриева З.В. Метрология // Специальные исторические дисциплины / Сост. М.М. Кром. СПб., 2003. С. 502–503*).

В документах изучаемых монастырей XVII в. чаще упоминаются две разновидности весов: безмен и контарь. Контари различали большие и малые. В 1601 г. в большой казне Кирилло-Белозерского монастыря хранились 13 контарей «железных невеликих» и «двой вески медены» (Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года / Сост. З.В. Дмитриева и М.Н. Шаромазов. СПб., 1998. С. 185; *Дмитриева З.В. Метрология. С. 503*). В описи Кирилло-Белозерского монастыря 1621 г. названы 14 контарей больших и два контарика малых, «все з гирями» (ОР РНБ. Кир.-Бел. № 73/1312. Л. 381 об.). К 1635 г. в монастыре стало «18 контарей болших и малых з гирями», и еще 2 контаря храни-

лись в службе у большого чашника (Описи строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1615 и 1635 гг.: Тексты и исследования / Сост. Н.В. Башнин, З.В. Дмитриева. Отв. ред. М.Н. Шаромазов. М.; СПб., 2021. С. 324, 331). В 1619 г. из Куйского усолья Соловецкого монастыря в Кехту был дан «контарь железной и з гирею» (РГАДА. Ф. 1201 (Соловецкий монастырь). Оп. 7. Ед. хр. 1005 (врем. номер). Л. 14 об.).

В монастырских описях встречаются упоминания безменов железных и медных; как с гирей, так и без нее. В 1616 г. Кирилло-Белозерский монастырь купил безмен за 13 алт. 2 ден. В 1632 г. из казны Кирилло-Белозерского монастыря был продан ниловскому строителю «ветхий безмен, гиря и трубка железные» за 4 алт. (Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря 1601–1637 гг. / Сост. З.В. Дмитриева. М.; СПб., 2010. С. 148, 302). Приходо-расходная книга Крестного-Онежского монастыря содержит описание безменов, купленных для обители в 1658 г.: «два безмена: один двоепудной, гиря медная, а другой безмен троепудной, гиря железная», за оба безмена заплатили 25 алт. 2 ден. (РГАДА. Ф. 1195 (Крестный Онежский монастырь). Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 89 об.).

В описи Кирилло-Белозерского монастыря 1621 г. названы шесть безменов медных и железных, а также безмен с железной гирей. Помимо безменов в описи 1621 г. названы весы с чашами: скалки, 5 «скалки меньшие», 2 «скалки болших» (ОР РНБ. Кир.-Бел. № 73/1312. Л. 381 об., 384 об.). В описи Кирилло-Белозерского монастыря 1635 г. упоминаются уже семь безменов «везчих, гири у них и трупки медные и железные, безмен железной изломан», а также безмен и железная гиря в кузничной службе, безмен в службе у котельника и безмен с железной гирей в ловецкой службе и 13 «скалки весчих. худых и добрых», «скалки медные» и «скалки с неполным фунтом» (Описи строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1615 и 1635 гг. С. 323, 325, 332, 340). В 1676 г. в денежной казенной палате Соловецкого монастыря хранились 30 безменов и 30 «весков болших и малых», а в оружейной палате – «вески медные коромысл железной» (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 555. Л. 513 об., 544). В 1705 г. в Соловецком монастыре хранились уже 55 «безменов болших и малых з гирями медными и железными, и с ремнем и без ремня», а также «весы, у них вертено железное с кадки круглые деревянные, обиты железом». Помимо них описи Соловецкого монастыря 1705 г. названы «двои вески болшие, у них коромысла железные» (Музей «Московский Кремль». Инв. № Рук. – 1403. Л. 186а – 186а об.).

В описях монастырского имущества, кроме весов, упоминаются медные, железные и свинцовые гири. В 1621 г. в Кирилло-

Белозерском монастыре хранились фунт, «3 фунта весовых больших медных, весу в них пол-17 гривенки» и «4 фунта малых» (ОР РНБ. Кир.-Бел. № 73/1312. Л. 380, 381 об.), в 1635 г. – «9 фунтов больших и малых весчих, все неполны» (Описи строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1615 и 1635 гг. С. 323). В описи Соловецкого монастыря 1676 г. названы медные фунты: «фунт четвертной, фунт двойной, два фунта одинаких» и полфунта (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 555. Л. 513 об.). В 1705 г. в Соловецком монастыре хранились 4 гири «весчие две пудовые да две гири пудовые, да гиря полу пудовая, все свинцовые; гиря железная пудовая, две гири по десяти фунт, гиря осмии фунтовая, гиря семифунтовая, гиря фунтовая, да гирка в четверть фунта» (Музей «Московский Кремль». Инв. № Рук. – 1403. Л. 186а – 186а об.).

Описи Вологодского архиерейского дома также содержат упоминания весов и гирь. В описи строений и имущества 1663 г. названы «вески большие, другие малые, фунт медной, три четверти фунтовые медные же», в описи казны 1676 г. — «двои вески, одне большие, а другие малые, у обеих чашки медные» и «фунт медной», в описи строений и имущества 1701 г. — «трои вески, одне из них большие, фунт медной» и два безмена (Описи Вологодского архиерейского дома Св. Софии второй половины XVII – начала XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин. М.: СПб., 2020. С. 87, 161, 215, 216).

Таким образом, описи и приходо-расходные книги Соловецкого, Кирилло-Белозерского и Крестного Онежского монастырей, а также описи Вологодского архиерейского дома содержат сведения о том, какие разновидности весов и гирь использовались в том или ином монастыре или архиерейском доме на протяжении XVII – начала XVIII в., из какого материала они были сделаны, а также в редких случаях дают указания на особенности их устройства.

*Т.С. Бондарева-Кутаренкова
к. филол. н., доц. РГГУ*

Звери и «оборотни» мировой дипломатии: бестиарная символика в карикатурах русской эмиграции первой волны

Тема международных отношений 1920–1930-х гг. на страницах газет и журналов русской эмиграции раскрывалась не только в актуальных статьях, но и в карикатурах, убедительно, наглядно и всегда с юмором изображавших все тонкости европейской и мировой политики. Этот жанр подразумевал использование определенной символики: на картинках каждая страна должна была иметь свою символическую персонификацию, легко узнаваемую читате-

лем. Причем большинство этих символов было связано с образами животных, ассоциировавшихся с определенными государствами. Некоторые страны появлялись в рисунках эмигрантских карикатуристом то в образе человека, то в образе животного, перевоплощаясь подобно мистическому оборотню. Подобные примеры также будут рассмотрены в рамках доклада.

Если редакторы и журналисты русскоязычной прессы в Европе в 1920–1930-е гг. нередко расходились во взглядах на мировую политику, то художники-карикатуристы были едины в вопросе ее символического изображения: на страницах самых разных изданий встречаются практически одни и те же «животные» персонификации, что позволяет говорить о существовавшей системе символического изображения в карикатурах.

Медведь выступал символическим воплощением русского народа, который эмигранты всегда противопоставляли большевистской власти. Стоит сразу оговориться, художники всегда разделяли: образ России и ее народа — это одно, образ СССР и большевика — совсем другое. В последнем случае символом чаще становилась нищая старуха или пролетарий. Однако на некоторых карикатурах и у СССР есть свои «животные» воплощения — например, акула. После отклонения американской Торговой палатой предложения Айви Ли об открытии отделения пакетов в Москве в газете «Возрождение» появилась следующая карикатура: Айви Ли пытается «поймать рыбку в мутной воде», приманивая на наживку огромную акулу, символизирующую здесь СССР. Однако стоящий за его спиной дядя Сэм (США) предупреждает: «Осторожно, мистер Ли! Эта рыбка может проглотить не только ваш крючок, но вместе с ним вас и меня!» (В мутной воде // Возрождение. 1927. № 789. С. 3).

В карикатуре «Или — или...» (выпуск газеты «Последние новости» от 28 апреля 1935 г.) символически показаны два варианта дальнейшего развития советско-германских отношений: или русский медведь задерёт Гитлера, или Гитлер усядется в кресло на медвежьей шкуре (Сатира и юмор русской эмиграции / Сост. С.А. Александров. М., 1998. С. 288).

Всемирно известный анималистический символ Франции — петух. На одной из картинок Н.И. Бухарин пытается приманить птицу «зерном» из мешка с надписью «Русские долги», но за его спиной скрывается нож (Французский петух // Возрождение. 1927. № 730. С. 3).

Другой «оборотень» — Великобритания. Ее «человеческая» персонификация — Джон Буль, грубоватый толстяк, вечно уверенный в своей полной безопасности на родине и с презрением относящийся ко всему иностранному (юмористическое олицетворение и собирательный образ типичного англичанина). Прогулива-

ясь по лондонским улицам, Джон Булль замечает усиленную охрану у советского посольства. «Этого достаточно для охраны большевиков, но недостаточно для охраны меня от большевиков», — замечает он (Безопасность // Возрождение. 1926. № 348. С. 3). Но иногда в эмигрантской прессе Великобританию символизировал бульдог. Нередко он появлялся в подобных изображениях вместе с Джоном Буллем — в тех случаях, когда художники хотели показать двойственную позицию «туманного Альбиона». Например, Джон Булль пытается на травить своего пса на большевистских пропагандистов. Но пес не слушается хозяина: он боится выпустить изо рта кость, которую дали ему большевики (Английский бульдог // Возрождение. 1926. № 534. С. 3).

Чуть менее распространенный в эмигрантских карикатурах образ-символ — лев, «сошедший» с герба страны. На картинке журнала «Сатирикон» 1931 г. британский лев в короне, спокойный и умиротворенный, лежит на коленях у Махатмы Ганди, который вылавливает в его гриве блох («Весна идет!... Весна идет!...» // Сатирикон. 1931. № 3. 18 апр. С. 4).

Символ «догитлеровской» Германии — коронованный черный орел, персонификация, заимствованная карикатуристами из геральдики. На карикатуре сатирического журнала «Бич» Россия-богатырка грозно замахивается мечом на согнувшего в страхе шею германского орла. Но на следующей картинке оба героя повержены. Россия «зарезана» большевиком, а орла (уже без короны), словно ошипанную курицу, тащат союзники (Россия // Бич. 1920. 1 авг. № 1. С. 16).

Швейцария предстает на карикатурах в образе коровы с крестом на лбу. На одной из карикатур советские дипломаты во главе с Чичериным отказываются верить, что корова склонилась перед ними голову. Им кажется, что животное готово их забодать (Швейцария и большевики // Возрождение. 1926. № 261. С. 3).

Большинство описанных символических персонификаций государств, к которым обращались художники-карикатуристы, имели давнюю историю и вызывали устойчивые и однозначные ассоциации в сознании читателя. Среди этих воплощений преобладают образы людей (конкретные и собирательные образы, выдуманные и исторические) и животных (большинство из которых были связаны с геральдикой, меньшая часть — с общекультурными представлениями). Однако возникали и новые, актуальные символы под влиянием времени и происходящих событий.

Е.А. Брюханова
к.и.н., доц. АлтГУ

Н.В. Неженцева
к.и.н., доц. АлтГУ

О.И. Чекрыжова
к.и.н., доц. АлтГУ

Информационная система «Население городов Сибири на рубеже XIX-XX веков: по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года» как источник генеалогической информации

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 19-78-10020

Главная идея разработки и создания информационной системы состояла в предоставлении онлайн-доступа к переведенным в электронный, удобный для исследователя, вид сведений о городах Сибири рубежа XIX–XX веков. Основным источником стали первичные материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года. В настоящее время на сайте (<https://person1897.histcensus.asu.ru/>) представлена пилотная версия информационной системы, которая будет дополняться и дорабатываться.

База данных с персональными сведениями переписных листов переписи 1897 г. по населению 11 городов Тобольской, Енисейской губерний, Амурской области и о. Сахалин сейчас содержит около 90 тысяч записей. База данных является источником-ориентированной и создана в соответствии с логикой и структурой переписных листов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года. Структурно база данных состоит из модулей ввода, справочников и таблиц. В результате в базе аккумулированы сведения, содержащиеся не только в переписном листе, но и информация из ведомостей подсчета населения — формы первичной статистики по счетным участкам; данные обложек переписных листов, содержащие сведения первичной статистики по домохозяйствам. Основой данных, заносимых в информационную систему, являются «Переписные листы», которые, следуя логике источника, были разделены на две части: титульный лист и персональные сведения.

База данных содержит сведения о городах Тобольск, Тюмень, Ишим, Ялуторовск, Туринск (Тобольская губерния), а также Благовещенск (Амурская губерния), Верхоянск, Олекминск (Якутская губерния), Енисейск (Енисейская губерния), Александровский пост (о. Сахалин). Планируется дальнейшее развитие базы данных и внесение новых сведений. Например, по городу Тобольск в настоящий момент учтено 1 619 домохозяйств и учреждений и персональных сведений на 20 842 человек.

База данных является основой информационной системы, которая позволяет предоставить открытый доступ к материалам переписи для широкого круга лиц. Онлайн-формат позволяет работать с

базой удаленно практически на любом устройстве и обеспечивает многопользовательский доступ.

Для исследователей реализован поиск по нескольким параметрам: по персональным данным, по населенному пункту, по источникам, по родному языку, по вероисповеданиям. Такой подход позволяет реализовать запрос даже если исследователь не обладает полными данными разыскиваемой персоны. Организация сведений по домохозяйствам позволяет, кроме сведений по отдельным персонам, получить информацию о родственниках или лицах, проживающих в одной квартире или доме. Например, это может быть прислуга, няньки, гости и др.

Поиск по конкретной фамилии дает нам сведения не только о членах определенного домохозяйства, но и о лицах, имеющих аналогичную или схожие фамилии, а также о местах их проживания, что помогает восстановить родственные связи при генеалогическом поиске. При поиске система позволяет выявлять разночтения и ошибки в написании фамилии, что расширяет круг сведений, относящихся к искомой персоне.

Кроме того, с помощью ГИС модуля информационная система предоставляет возможность территориальной идентификации домохозяйств или учреждений с помощью установления их географических координат по отдельным городам. Таким образом, например, было локализовано более 60% городской застройки города Тобольска на 1897 год, что позволяет не только выявить информацию о том или ином домохозяйстве, но и соотнести расположение домохозяйства с современной картой. Причем в некоторых случаях удается выявить сохранившиеся строения.

Таким образом, база данных и информационная система предоставляют широкие возможности для поиска персональных сведений о жителях Сибирских городов и выявлении их родственных связей.

*А.М. Булатов
независимый исследователь*

Картографическая *Rossica*: Фольклор карт Сахалина

Автор благодарен Д.А. Хотимскому за консультирование

Занятие фольклорными эпизодами истории появления Камчатки на географических картах (Булатов А.М. Фольклорные источники карты Камчатки // История науки: Источники, памятники, наследие: Третьи чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники: К 150-летию со дня рождения В.Л. Комарова (1869–1945): Мат-лы межд. науч. конф.. М., 2019. С. 219–223; Була-

тов А.М. Материалы к Атласу Камчатки // Тобольск и вся Сибирь. Камчатка. Тобольск, 2010. С. 83–107; *Boulatov A. On the early history of Kamchatka's maps // Multiculturalism in the History of Mapmaking: The 24th International Conference on the History of Cartography. Russia, Moscow 10-15 July 2011. Paper and poster abstracts. Moscow, 2011. P. 70–71*) дало неожиданный результат. Начало камчатской истории оказалось подобно истории о. Сахалин, в которой чужестранный фольклор просуществовал на сто лет дольше.

Все упомянутые в данном тексте карты были когда-то выгравированы и опечатаны для свободного их распространения. Во второй половине XX в. в СССР старинные иностранные карты России были объявлены секретными, каталог карт России XVI–XVII вв. из коллекции РНБ был выпущен в 1971–1972 гг. с грифом «Для служебного пользования». О рукописной карте Жозефа Никола Делиля 1733 г. будет упомянуто особо.

Эта история началась в древнеримских припортовых тавернах, где моряки рассказывали об островах Хриса (Золотой) и Аргири (Серебряный). Ученые I в. н.э. Помпоний Мела и Гай Плиний Секунд Старший записали эти рассказы. После Гутенберга их тексты стали источниками изображений объектов на картах первого атласа мира А. Ортелия. Хриса — на карте Тартарии в 1570 г. (*Van den Broecke M. Ortelius Atlas Maps. 1996. № 163*), Аргири — на карте Тихого океана 1589 г. (vdB № 12) и Певтингеровой карте 1598 г. (vdB № 227).

Поиском о. Аргири и серебра занялась Голландская Ост-Индская компания, экспедиция которой 1643 г. вернулась из плавания в водах к северу от Японии с картой своих открытий. Никакого серебра найдено не было, голландцы прекратили его поиски, карта «Земли Есзо и близлежащих» была выпущена в свет в 1650-х гг. в атласе Янссония. Открытые тогда земли и сейчас изображены на современных картах. Некоторые современные ученые считают открытые земли и острова «несуществующими» (*Нарочницкий А.Л., Алексеев А.И., Федорова Т.С. Вступительная статья // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. М., 1984. С. 15*): *t'Landt van Eso* — северная часть о. Хоккайдо и южная часть о. Сахалин; *S. Aniwa* и *S. Patientie* — сахалинские мысы: м. Анива и м. Терпения; *Staten Eylant* и *Compagnies Landt* — курильские острова Итуруп и Уруп, пролив между ними и сейчас носит имя капитана «Кастрикума» VOC Мартена де Фриза.

Следует помнить, что берега Океана и его воды к северу от Кореи и Калифорнии в начале XVIII в. оставались неизвестными. Карта мира астронома Эд. Галлея 1700 г. показала это.

На выпущенной в 1730 г. Ф.И. Страленбергом карте Тартарии открытые голландцами земли вписаны в фигуру Камчатки. Во время пребывания в плену в Тобольске этот шведский офицер составлял

карту Сибири. Г.Ф. Миллер, много лет пользовавшийся картой Страленберга как лучшей, отметил, что она «преисполнена» ошибками, поскольку была составлена «по словесным известиям от других полученных». Редактор французского перевода книги Страленберга 1757 г. так объяснил увеличенный размер Камчатки: Страленберг в Тобольске узнал это у японца, которого В. Атласов вез в Москву. Однако такого разговора быть не могло, поскольку Дэмбэй Татэкава уже в 1702 г. был в Москве.

Приведем два эпизода фольклорной истории Сахалина.

1. От старых занятий камчатской историей у меня осталось недоумение о времени появления изображения открытых земель частью большого полуострова между устьем р. Амур и Кореей на некоторых картах. Придумал ли такое Н. Витсен? Известно, что Витсен продолжал улучшать свою карту Тартарии 1687 г., но выпустить новую карту при жизни он не успел (*Полевой Б.П.* О картах Северной Азии Н.К. Витсена // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1973. № 2. С. 131). Почему Ф. де Вит, корректно показав земли на своей первой карте Тартарии, изобразил их позднее полуостровом и добавил имя Витсена в название карты?

Путь поиска ответа на это недоумение мне подсказала простенькая карта Тартарии учителя в Оксфорде Эд. Уэллса 1700 года. На ней есть врезка с изображением этого полуострова с именем не Ессо, а *Yupi*. В заголовке этой врезки упомянуты иезуиты. Это напомнило мне о существовании, изданной в Риме в 1683 г., карты Тартарии Дж. Кантелли. На этой карте есть признак знакомства ее автора с материалами Витсена. Но не с его Тартарией 1687 г., а с уже отвергнутым самим Витсеном его же сообщением 1674 г. о том, что Новая Земля является полуостровом. А также — наличие архаичных р. Таргар и о. Тазата, отсутствие р. Амур. В трехтомном издании перевода книги Витсена 2010 г. нашлось объяснение слову *Yupi*. Оно оказалось китайским именем народа, который тогда назывался гиялками, ныне — нивхами. Китайцы произвели его от *yupidazi* — народ [одетый] в рыбы кожи. Китайский фольклор в письмах иезуитов, работавших в Китае, достиг Рима и стал этнонимом на карте Тартарии Кантелли 1683 года. Первым изобразил голландское открытие в виде большого полуострова не Витсен.

2. Первые сведения о Сахалине пришли из Китая в начале XVIII века. По распоряжению императора Канси, с 1708 г. иезуиты собирали материал для карты империи. Услышав об обитаемом острове против устья «Сагалиен-ула» (Черная река), император послал туда нескольких своих подданных, которые обследовали его северную часть. В 1718 г. карта Китая была составлена, выгравирована на меди и отпечатана на 41 листе. Экземпляр этого комплекта император послал в 1722 г. в подарок Петру I. Ж.Б. д'Анвиль в 1732 г. в Па-

риже составил по китайской карте свою карту с изображением о. Сахалин и его именем *Saghalien Anga Hata*, т.е. «Остров в устье Черной [реки]» (*Хронов А.Г.* История картографирования Сахалина. М., б. г. С. 10). Такой Сахалин без имени впервые был изображен на карте Российской империи И. Кирилова 1734 года. Название острова «Сагалиен» впервые появилось на 19-ой карте первого национального географического атласа России 1745 г., подготовленного Ж.Н. Делилем. Именем «Сахалин» этот остров был впервые назван на карте к книге С. Крашенинникова, изданной в 1755 году.

Карта Кирилова 1734 г., составленная с помощью Делиля, стала не просто первой национальной картой России. Эту карту уже можно было использовать для измерений, а также улучшать ее (*Новлянская М.Г.* Иван Кирилович Кирилов (географ XVIII века). М.;Л., 1964. С. 55 и сл.). Кирилов использовал материал рукописной карты Делиля (*Свен Ваксель.* Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л.; М., 1940. Вклейка перед с. 57), составленной в 1733 г. для планируемой Второй Камчатской экспедиции (*Булатов А.М.* Картографическая *Rossica*. Карта Делиля для Второй Камчатской экспедиции // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания: Материалы XX межд. науч. конф. (Москва, 31 января – 2 февраля 2008 г.). М., 2008. Ч. 1. С. 200–205). На схемах контуров генеральных карт России (1734, 1745, 1776 и 1786 гг.), составленных А.А. Потуловым (*Лебедев Д.М.* Очерки по истории географии в России XVIII в. М., 1957. Илл. 14), видно, что Сахалин «китайско-иезуитского» происхождения, изменяясь, просуществовал до конца века.

Фольклорный период карты Сахалина стал завершаться после издания в 1797 г. Атласа Лаперуза. На картах этого атласа остров стал единым. В 1849 г. экспедиция Г.И. Невельского установила, что Татарский залив является проливом, а полуостров — островом. Последний век отставания карты Сахалина можно объяснить поразному. В том числе, отсутствием на нем серебра и зверя соболя.

Е.В. Булычева
к.и.н., доц. РГГУ

Данные эпиграфики об эйсфоре в Афинах IV в. до н.э.

В истории афинского полиса IV в. до н.э. имеется ряд дискуссионных проблем, в частности, вопрос об эйсфоре. Эйсфора представляла собой чрезвычайный налог, который уплачивался гражданами Афин в период Пелопоннесской войны (*Булычева Е.В.* Эйсфора в договорах об аренде священной земли в Аттике IV в. до н.э.// Экономика, право, власть в древнем мире. Посвящается памяти

В.И. Кузицина. СПб., 2021. С. 38). При этом интересен тот факт, что, несмотря на завершение войны в 404 г. до н.э., афинские власти продолжали взимать этот налог с граждан полиса, что, по сведениям античных авторов, вызывало негодование у разных слоев населения (Лисий. Речи. М., 1994. С. XIX, 28–32). В связи с этим важно понять, какой характер имел этот вид налога, кем были его основные плательщики. Для ответа на эти и другие вопросы, связанные с уплатой эйсфоры, исследователи, как правило, используют сообщения античных авторов Фукидида, Лисия, Демосфена и других (*Глушкина Л.М.* Эйсфора в Афинах в IV в. до н.э. // ВДИ. 1961. № 2. С. 27–29). В то же время следует отметить, что не представляется возможным изучить проблему уплаты эйсфоры в Афинах IV в. до н.э., опираясь исключительно на сведения древнегреческих авторов. Для исследования этого вопроса, как и ряда других, связанных с историей афинского полиса, необходимо привлечение эпиграфического материала. При этом не существует отдельных надписей, посвященных эйсфоре. Как правило, это свидетельства, которые содержатся в экономических договорах из Афин IV в. до н.э. Большинство этих надписей опубликовано в большом эпиграфическом сборнике *Inscriptiones Graecae* (далее — IG), изданном В. Диттенбергером в Берлине в 1924 году. Так, до нашего времени весьма фрагментарно сохранилась надпись, которая датируется примерно серединой IV в. до н.э., в которой указаны имена плательщиков эйсфоры — Лептина и Калликрата (IG. II. 1609, 72; 1622. 361, 375). О них сказано, что они выполняли весьма дорогостоящую обязанность — триерархию (содержание на собственные средства кораблей триер), что позволяет судить о них как о весьма состоятельных гражданах полиса. При этом весьма важно сопоставить эти сведения с сообщениями оратора Демосфена, который также отмечает, что многие плательщики чрезвычайного налога являлись зажиточными гражданами Афин (Демосфен. Речи. М., 1994. XXII. 60). Для понимания состава плательщиков эйсфоры весьма важной является надпись из Афин, которая датируется 337/336 г. до н.э. (IG. II. 244, 20–21). В ней содержатся важные сведения о том, что эйсфору должны уплачивать метеки (некоренные, полусвободные жители афинского полиса). При этом сказано, что плата налога, которую они обязаны вносить в полисную казну, составляет 1/6 часть (IG. II. 244, 21). При этом в историографии существуют споры о том, что означает эта 1/6 часть, поскольку точных разъяснений в надписи не содержится. В исследовательской литературе высказывается мнение, что, поскольку метеки не являлись гражданами Афин, с них взимали больше налога, чем с коренных жителей, то есть они уплачивали сверх обычной суммы еще дополнительно 1/6 (*Andreades A.M.* A History of Greek Public Finance. Cambridge, 1933. P. 238). При этом

возникает вопрос о том, какие мотивы вынуждали участвовать метеков в уплате эйсфоры на таких невыгодных условиях. Можно предположить, что такими налогоплательщиками являлись прежде всего зажиточные метеки, заинтересованные в том, чтобы получить право распоряжения собственностью в афинском полисе.

Также имеются надписи, посвященные сдаче в аренду священных земель (теменосов) в Аттике IV в. до н.э. Важно, что, как правило, каменные стелы, на которых запечатлены надписи, сохранились весьма хорошо, без существенных лакун, что позволяет осуществлять полный перевод с древнегреческого языка и проводить тщательный анализ текста. Они представляют собой договоры, в которых подробно расписаны условия арендной сделки, названы имена арендаторов и арендодателей, прописаны их права и обязанности. Эпиграфические тексты опубликованы в уже упомянутом сборнике В. Диттенбергера. Интересно, что в этих надписях содержатся указания на внесение эйсфоры участниками аренды (*Булычева Е.В.* Древняя Аттика в конце V–IV вв. до н. э. Распоряжение общественной землей в полисе. М., 2018. С. 88–90). При этом, как правило, в качестве налогоплательщиков указаны не физические лица, как в других источниках, а целые коллективы — демы или религиозные сообщества, выступающие в качестве арендодателей священных земель (IG. II. 2492, 40–42; 2498, 36–38; 2499, 38). Тот факт, что коллективы чаще физических лиц являются налогоплательщиками, можно объяснить следующими причинами. Во-первых, налог взимался с владельцев земли, а ими были арендодатели. Во-вторых, на коллективы часто возлагались различные финансовые обязательства (*Булычева Е.В.* Роль демарха в аренде священной земли в древней Аттике // Вестник РГГУ. Сер. «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 10 (31). С. 9–16). Характерно, что надписи об аренде теменосов дают больше информации об уплате эйсфоры, чем другие источники. В частности, говорится о том, что чрезвычайный налог должен уплачиваться в соответствии с оценкой стоимости имущества (IG. II. 2499, 38). Взимание налога проводится под контролем полисной администрации. За своевременной уплатой эйсфоры следит демарх (IG. II. 2492, 7–8; IG. II. 2496, 7–8).

Таким образом, сведения, содержащиеся в эпиграфических памятниках, дают возможность представить характер уплаты чрезвычайного налога — эйсфоры — в Афинах IV в. до н.э. и расширить наше представление о системе налогообложения в афинском полисе.

«Беру уроки чистого афеизма...»: К значению и употреблению буквы *фита*

Так называемое одесское письмо А.С. Пушкина 1824 г., адресованное предположительно В. Кюхельбекеру, является объектом постоянного внимания биографов поэта, литературоведов, филологов и т. п., так как оно, с одной стороны, оказало серьезное влияние на дальнейшую судьбу Пушкина, а с другой, по мнению некоторых, — дало нам один из ключей к пониманию его отношений с христианской религией. И в напечатанных в современной графике и орфографии текстах, цитирующих или пересказывающих это письмо, мы попеременно встречаем то «афеизм», как вынесено нами в заголовке, то более привычный «атеизм». Каждый из этих вариантов имеет свою логику, а сам пример является хорошей иллюстрацией одной правописательной проблемы, связанной с буквой *фита*, на которую редко обращают внимание исследователи.

Бесполезность *фиты* вследствие ее полной дублетности с *фертом* никогда и никем всерьез не оспаривалась за исключением разве радикальных традиционалистов, которые были в принципе против любого реформирования русской графики.

М.В. Ломоносов, исключивший *фиту* из предлагаемого им варианта русской азбуки, даже не счел необходимым специально прокомментировать этот факт, как в случаях с некоторыми другими исключенными буквами (*Михайла Ломоносовъ*. Российская грамматика. 1755. С. 41–43).

Я.К. Грот, хотя и считал, что «совестно писать *Фивы, Фракія, Афины, Фемистокль, Феофанъ*», однако признавал, что даже самые образованные люди, владевшие греческим языком, часто путают на письме *фиту* и *ферт* (*Грот Я.К.* Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого донныне. М., 2010. С. 138). И действительно, знание языка, тем более мертвого, подразумевает, прежде всего, знание его грамматики и лексики, а не тонкостей произношения, и совсем не обязательно связано с хорошей зрительной памятью. При этом Грот в качестве решения проблемы предлагал разрешить два правописания: строгое, с различением *фиты* и *ферта*, — для людей, претендующих на соблюдение ученой орфографии, и нестрогое, с *фертом* во всех случаях, — для всех остальных (*Грот Я.К.* Спорные вопросы... С. 138). Однако наш пример с пушкинским «афеизмом», как кажется, проблема совсем иного рода, а именно проблема как раз образованных людей, претендующих на ученую орфографию.

Вспомним, что в исторической перспективе *фита* оказывается противопоставленной не только *ферту*, но и *твердо*, или *тэ*. Грецизмы с *фитой*, заимствованные в средневековый, византийский период, в соответствии с правилами рейхлинова чтения, преимущественно произносятся через [ф]. Те же, что пришли в русский язык в Новое время и позже и не напрямую, а через посредство европейских языков, в соответствии с правилами эразмова чтения, произносятся через [т]. Что касается их правописания, то здесь перед образованным человеком вставал вопрос: писать ли такие заимствования через *фиту* или *твердо*? В первом случае последовательно соблюдался этимологический принцип, однако усложнялись правила чтения; получалось, что *фита* в старых заимствованиях должна читаться как [ф], а в новых — как [т]. Во втором же случае правила чтения не усложнялись, однако приходилось руководствоваться уже не этимологическим принципом орфографии, а фонетическим, и это тоже не очень хорошо; получалось, что через *фиту* пишутся не все грецизмы, в которых она присутствовала, и тогда она лишается единственного смысла присутствия в русском алфавите — миссии такие грецизмы маркировать.

На практике, судя по текстам, в подавляющем большинстве случаев выбирался все же фонетический принцип; написания типа «театръ», «тема», «атеизмъ» и проч. встречались весьма редко. Две же логики передачи слова из пушкинского письма, о которых говорилось в начале, являются отголоском описанной выше проблемы: с одной стороны, всякая *фита* после реформы 1917–1918 гг. должна передаваться буквой *фэ*, с другой — слово заимствовано через посредство французского, где произносилось изначально через [t], а значит, пушкинская *фита* — просто его личный выбор в пользу этимологического принципа, и раз стоит за этим написанием звучание [атизм], то его и следует воспроизвести средствами современной орфографии.

В заключение отметим, что В.И. Даль, вполне понимая, что *фита* не только «пишется, без нужды, въ греческихъ словахъ заместъ *ф*», но и «некогда писалась у нас также въ гречск. словахъ заместъ *т*» (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1999. Т. 4. С. 683), тем не менее включил в свой словарь и *теологию*, и *теологию* — с одним и тем же толкованием «богословіе». Как мы теперь понимаем, запутаться было немудрено. Вот когда порадуешься современной нормализованной орфографии с ее магистральным принципом отсутствия вариативности.

Генеалогии в «Церковной истории народа англвов» Беды Досточтимого: функции и особенности построения

В раннесредневековых исторических нарративах генеалогические описания происхождения даже самых значимых героев представлены достаточно редко. Особняком в этом отношении стоят некоторые произведения, созданные в раннесредневековой Англии, прежде всего, «Англосаксонская хроника» и «Церковная история народа англвов» (Bede Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum // The Complete Works of Bede. Delphi Classics, 2015. P. 547–761; далее — HE).

В «Церковной истории» присутствуют генеалогии шести ее персонажей: четырех королей, папы Римского и принцессы. Мы рассмотрим генеалогии королей англосаксов. Нашей задачей является установление причин, по которым именно эти персонажи удостоились генеалогических описаний, определение функций их генеалогий в рамках нарратива Беды Досточтимого и выявление особенности построений этих генеалогий.

Беда рассказывает о происхождении четырех англосаксонский королей: Хенгиста, Хорсы и Эдильберта из рода Эскингов (королей Кента), и Редвальда из рода Уффингов (королей Восточной Англии). Общим для их генеалогий является их составление по стандартной формуле — «сын, чей отец, чей отец» (*filius cuius pater cuius pater*), то есть их генеалогии представляют собой описание нисходящей прямой линии родства от ныне живущего представителя рода к предкам с помощью термина *pater*.

Самая подробная генеалогия дается для королей Кента. Ее Беда пишет в два приема, в двух разных частях своей «Церковной истории» (HE. P. 563, I 15; P. 599, II 5).

В первом случае Беда использует генеалогию для завершения рассказа о прибытии в Британию первых англосаксонских дружин и об основании их вождями Хенгистом и Хорзой Кентского королевства. Таким образом, здесь мы имеем дело с генеалогией королей основателей. С ее помощью Беда связывает мифическое прошлое германских племен, завоевавших Британию, с началом письменного этапа в англосаксонской истории.

Второй раз к генеалогии королей Кента автор «Церковной истории» возвращается, рассказывая о смерти Эдильберта — первого короля англосаксов, принявшего крещение. Таким образом, он, по всей видимости, отдавал дань уважения этому правителю. В этом случае целью Беды было объединение языческого прошлого англосаксов с их христианским настоящим. Используя термин *pater*, Беда

создает стройную картину истории англосаксов, связывая первого христианского короля Эдильберта с его предком язычником Хенгистом, основоположником англосаксонского господства в Британии, и первого «реального» персонажа англосаксонской истории, который, в свою очередь, с помощью того же термина, был им связан с мифическим предком англосаксов — богом Воденом (Одином, Вотаном). Интересно, что в данном случае Беда продолжает использовать модель построения генеалогии, основанную на переходе от потомка к предку, а не создает, например, генеалогическое описание, напоминающее генеалогии библейских персонажей и заключающейся в переходе от предка к потомку. Это может свидетельствовать о сохранении сильного влияния дохристианской картины мира на все сферы жизни англосаксонского общества, не исключая и круг священнослужителей, а также может объясняться недостатком информации о «континентальном» периоде в истории англосаксонских племен.

Генеалогия короля Восточной Англии Редвальда описана Бедой значительно короче (HE. P. 615, II, 15). Отметим, что, рассказывая о происхождении кентских королей от языческого бога Водена (Одина, Вотана), Беда замечает, что многие англосаксонские королевские династии ведут свое происхождение от него. Однако других подобных генеалогий он не приводит и эту генеалогию с ним не связывает. Она как бы повисает в воздухе, лишенная связи с мифологическим германским прошлым.

Это сообщение встроено автором «Церковной истории» в сюжет о крещении короля Восточной Англии Эрпвальда, обращенного в христианство королем-крестителем Нортумбрии Эдвином (генеалогию которого Беда в «Церковной истории» не приводит). Таким образом, сюжет о сыне прерывается сообщением об отце и его родословной. Последний был одним из первых англосаксонских королей, принявших христианство. Как пишет Беда, Редвальд пошел на этот шаг под влиянием своего дяди по матери кентского короля Эдильберта (генеалогию которого мы рассмотрели выше). На тот момент он являлся бретвальдой (верховным правителем) Британии. Однако, вернувшись домой, новообращенный король стал практиковать двоеверие, а христианство утвердилось в Восточной Англии только во времена его сына Эрпвальда. На наш взгляд, это сообщение, может служить своеобразным знаком порицания со стороны автора «Церковной истории» за отступничество короля Восточной Англии, заставляя предков «расплачиваться» за ошибки потомков.

Что касается особенностей построения этих генеалогий, то в качестве такового можно отметить преобладание в них термина родства *pater*. Он играет важную роль, так как, во-первых, акцентирует последовательность существования людей, упомянутых в ге-

неалогии. Во-вторых, само их существование становится реальным, поскольку они связываются между собой кровными узами, действительными и понятными для современников Беды. Присутствие слова *pater* придает упорядоченность хаотическому мифическому прошлому, внося в него элемент определенности. Использование данного термина родства, также может свидетельствовать в пользу того, что подобное построение генеалогий могло практиковаться в рамках дохристианской англосаксонской культуры, поскольку, как установила Л. Ланкастер термин *отец* использовался в древнеанглийском языке для передачи кровного родства через поколение и несколько поколений (*Lancaster L. Kinship in Anglo-Saxon Society. Part 1 // The British Journal of Sociology. 1958. Vol. 9. No. 3. P. 236.*)

*И.А. Вознесенская
к.и.н., с.н.с. НИОР БАН*

К вопросу о происхождении гравюр из устава Адама Вейде

В собрании рукописей из библиотеки Петра I хранится подносной экземпляр «Воинского устава» Адама Вейде (БАН. П. I Б № 5). Рукопись in-8° (15,2x10,0 см), датируется 1698 годом. Рукопись написана мелкой канцелярской скорописью на бумаге с водяным знаком «Герб Амстердама» на 41 лл. В рукопись вплетены гравированные рисунки (всего 55), изображающие приемы обращения с оружием. В начале и в конце книги 16 и 5 чистых листов. Переплет современный рукописи — доски в коричневой коже с золотым тиснением и с застежками, обрез золоченый. На л. 17–19 об. помещено посвящение Петру, подписанное: «...подданнейший холоп и раб Адамко Вейде. Дано на Москве в лето 1698». С 20-го листа начинается текст устава: «Что именно солдат есть». Текст настоящей рукописи с воспроизведением всех гравюр был издан в 1841 г. (Воинский устав, составленный и посвященный Петру Великому генералом Вейде в 1698 г. СПб., 1841).

Адам Адамович Вейде (1667–1720) был сыном немецкого офицера, служившего в русской армии. Сам Вейде начал служить еще в потешных войсках, участвовал в Кожуховских маневрах (1694) и обоих Азовских походах (1695–1696). По окончании азовской кампании Петр Алексеевич отправил его с поручением сообщить европейским дворам о прибытии Великого посольства, в составе которого был сам царь. Итогом этой поездки и явился составленный в 1698 г. и поднесенный Петру «Воинский устав», который стал основой воинского устава Петра Великого. 11 июня 1700 года Петр I назначил Вейде генералом и поручил «ведать выборный полк генерала адми-

рала Франца Яковлевича Лефорта». При Нарве генерал Вейде попал в плен и пробыл в Стокгольме до 1710 года. Вернувшись в Россию, он участвовал в Прутском походе, воевал в Финляндии, в 1714 г. был награжден орденом Андрея Первозванного.

Первый воинский устав, или воинская книга, появился в Москве в начале XVII в., он представлял собой перевод *Kriegssbuch* Леонарда Фронспергера. В 1649 г. на Московском печатном дворе был издан перевод *Kriegskunst zu Fuss* Иоганна Якоби фон Вальхаузена известный как «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Русское издание труда Вальхаузена содержало 32 рисунка с изображением 67 фигур, служивших наглядным пособием для пояснения наиболее важных положений руководства, в том числе 143 предписанных эволюций с мушкетом. Весь тираж гравюр был заказан в Голландии. Из приходо-расходных книг Московского печатного двора следует, что в подготовке к изданию принимали участие мастер-золотописец Григорий Благушин и «голландской земли иноземец» Томас Сван.

Устав Адама Вейде содержит 55 офортов, представляющих собой изображения приемов с мушкетом. Можно предположить, что, работая над текстом устава в путешествии по Европе, Вейде заказал гравюры также за границей, скорее всего, в Голландии. Возможно, офорты были отпечатаны в единственном экземпляре для вплетения в рукопись и привезены в Россию. В этом смысле гравюра здесь выступает не как тиражный материал, а почти как миниатюра, существующая в единственном экземпляре. По-видимому, это дорого и трудоемко, и, в некотором смысле, удивительно, потому что речь идет о специально сделанной иностранной гравюре в русской рукописной книге. Вплетение этих офортов в рукопись придает ей уникальность. Вейде должен был знать интерес Петра, проявленный им к гравюре в Амстердаме. Возможно, он знал, что один из голландских гравюров — Адриан Шхонебек — приглашен на русскую службу, поэтому он и заказал гравюры для своей рукописи. Над этими фигурами солдат явно трудился не один человек, а целая мастерская. Гравюры очень разного качества, лучшие могли бы напоминать работу Питера Пикарта, но среди гравюр есть и очень примитивные.

Рукопись изготовлена из нескольких сортов бумаги. Текст написан на бумаге с филигранью герб Амстердама без литер и контрамарок. Гравюры напечатаны на бумаге более высокого качества: белой и тонкой. Филигрань этой бумаги хорошо просматривается на некоторых листах, это шитодержатели Герба и фрагмент Рожка. Почерк рукописи похож на почерк в рукописях из собрания Петра I под номерами Б № 12 и Б № 18. Все три рукописи были переписаны в Посольском приказе.

Таким образом, подносной экземпляр Устава Адама Вейде был изготовлен специально для царя Петра Алексеевича в Посольском приказе. В книгу были вплетены офорты, заказанные Вейде, возможно, в Амстердаме. На гравюрах изображены солдаты с мушкетерами в форме конца XVII века.

*Д.М. Володихин
д.и.н, доц., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова,
зав. каф. культурного наследия МГИК*

К вопросу о причинах смены оформления российской серебряной банковской и золотой монеты общегосударственной регулярной чеканки при Александре III

В 1886 г., через пять лет после восшествия на престол императора Александра III, произошло резкое изменение в оформлении монет общегосударственной регулярной чеканки из числа тех, что изготавливались из серебра (банковая монета) и золота. Новое оформление оказалось весьма устойчивым и продержалось до 1910-х годов. В данном тексте выдвигается тезис, согласно которому указанное изменение произошло в связи усилением национального и монархического элемента в государственной идеологии.

Трансформация внешнего оформления предполагала: а) помещение на монетах портрета правящего государя; б) чеканку легенды шрифтом, стилизованным под средневековое русское письмо; в) использование названного шрифта для надписей на гурте.

Особенно важно появление портретного изображения монарха: с 1796 г. оно не помещалось на российских общегосударственных монетах регулярной чеканки и фигурировало лишь на монетах для национальных окраин, памятных, донативных. Вместо портрета императора чаще всего на монете размещали безликое, но очень крупное обозначение номинала. Шрифт под русское Средневековье до Александра III так же не использовался ни на аверсах, ни на реверсах золотых и серебряных монет общегосударственной регулярной чеканки Российской империи.

Итак, изменениям подверглось внешнее оформление монет следующих номиналов:

1. В золоте: 5 рублей, чеканившиеся в предыдущее царствование (на 3 руб. которые производились до 1885 г. включительно, изменения не перешли, а на 5 руб. перешли, и этот номинал производился до 1911 г. включительно, с небольшими перерывами); 10 руб. (чеканилась в общегосударственном масштабе до 1805 г., затем выпуск эмиссий был прерван до 1886 г. и продолжался после возобновления с перерывами до 1911 г.). Кроме того, внешнее оформле-

ние нового типа использовалось при чеканке номиналов 7 рублей 50 копеек и 15 рублей, произведенной массово для общегосударственного денежного обращения в 1897 году. В середине 1890-х годов, то есть в начальный период царствования Николая II, на монетах 10-рублевого номинала чеканилось дополнительное наименование: «империал», а на монетах 5-рублевого номинала — «полуимпериал», впрочем, весьма быстро убранные из легенды (*Уздеников В.В. Монеты России. 1700–1917. Изд. 4-е. М., 2011. С. 27–29, 35–36*).

2. В серебре: 25 копеек, 50 копеек и 1 рубль. 25 копеек нового типа чеканились в общегосударственном масштабе с 1886 по 1896 г. включительно, а также в 1900–1901 гг.; 50 копеек нового типа – в 1886–1914 гг., а 1 рубль – в 1886–1915 гг. (*Уздеников В.В. Монеты. С. 101–107, 138*).

Многомиллионные эмиссии золотой и крупной серебряной монеты за два десятилетия сделали из нее превосходный «плакат». Прокламативная функция монеты работала как своего рода немой агитатор, славящий действующего монарха и его связь с народом — через использование особого, старорусского шрифта, указывающего на особенность культуры страны, на особый, отличный от Европы, путь ее народа. В сущности, можно предполагать, что изменение внешнего оформления целого ряда номиналов при Александре III стало частью идеологического курса на укрепление монархических начал в обществе и государственном строе Российской империи. Названный курс был заявлен еще в Высочайшем Манифесте «О незыблемости самодержавия», объявленном Александром III 29 апреля (11 мая) 1881 г., в самом начале правления, после убийства его отца, Александра II, террористами. В Манифесте, среди прочего, провозглашалось: «Повинуясь воле Провидения и Закону наследия государственного, мы приняли бремя сие в страшный час всенародной скорби и ужаса, пред Лицем Всевышняго Бога, веруя, что предопределив Нам дело Власти в столь тяжкое и многотрудное время, Он не оставит Нас Своею всесильною помощью. Веруем также, что горячия молитвы благочестиваго народа, во всем свете известного любовью и преданностью своим Государям, привлекут благословение Божие на Нас и на предлежащий Нам труд Правления» (Государство российское: власть и общество. С древнейших времен до наших дней. Сборник документов / Под ред. Ю.С.Кукушкина. М., 1996. С. 234). Апелляция к поддержке народной, к «любви и преданности» народа в отношении правящего императора, очевидным образом связывает этот документ с новым оформлением монет александровского царствования.

Изменения в государственном идеологическом курсе к середине-второй половине 1880-х гг., а также в памятниках общественной мысли того времени, скорее, подтверждают высказанный автором

этих строк тезис, хотя, конечно, тема требует гораздо более основательного исследования.

В заключении хотелось бы выразить надежду на то, что изучению подвергнется также эстетика и семантика изображений на коронационных, юбилейных и памятных монетах времен царствования Александра III и Николая II (1881–1917) в связи с политическим курсом и идеологией российских правительств указанного периода — в том же контексте, что и трансформация изображений на серебряной банковской а также золотой монете общегосударственной регулярной чеканки.

*Н.А. Вревская
м.н.с. ВИМАИВиВС*

Трансфер бумажной технологии из Западной Европы в Россию в первой четверти XVIII века: Проблемы историографии

История трансфера бумажной технологии в первой четверти XVIII в. практически не освещена в историографии. Большая часть исследований лишь кратко рассматривает историю Дудерговской бумажной водяной и Новой Санкт-Петербургской ветряной мельниц. Прежде всего, это работы таких авторов как З.В. Участкина (*Uchastkina Z.V. A History of Russian Hand Paper-mills and Their Watermarks. Hilversum, 1962*), А.П. Керзум (*Керзум А.П. Красносельская писчебумажная фабрика как культурно-историческое явление / Очерки истории Красного села и Дудергофа. СПб., 2007*), Н. Voorn (*Voorn H. Geschiedenis der Nederlandse papierindustrie. Length, 1951*) и др. Однако в этих публикациях не затронуты важные этапы существования и технологического развития петербургских производств.

В работах З.В. Участкиной (*Участника З.В. Усовершенствование роллов в России // Бумажная промышленность. 1951. № 1. С. 6–7; Участника З.В. История развития бумажного производства в России. Дисс. ... докт. техн. наук. М., 1954*) большое внимание направлено на технологические особенности обоих производств. К сожалению, в каждой из них допущены серьезные ошибки в датировке и трактовке документов, а также в их цитировании, что приводит исследовательницу к неправильным выводам. Она уделяет особое внимание основополагающему в трансфере технологии переходу с использования ступ с пестами на роллы (голландеры), одному из важнейших технологических изобретений в западноевропейском бумажном производстве в конце XVII века. Однако автор упустил много важных деталей и не смог представить единую кар-

тину. Помимо этого, З.В. Участкина без достаточной проверки и подготовки доказательной базы пыталась обосновать идею о создании первого «русского» ролла на петербургских мельницах. Также в рассмотрении иностранного участия она останавливается только на роли голландцев, хотя немецкий вклад в развитие русской бумажной технологии был большим и значимым.

Важная роль в изучение трансфера бумажной технологии принадлежит Н.А. Резцову. В статьях в журнале «Писчебумажное дело» (*Резцов Н.А.* Бумага в России до XIX столетия // Писчебумажное дело. 1912. № 8. С. 1–32; 1913. № 1. С. 33–47; № 4. С. 49–64; № 6. С. 65–84; № 8. С. 85–100; № 9. С. 101–124; № 12. С. 125–134; *Резцов Н.А.* Бумага в России сто лет назад // Писчебумажное дело. 1912. № 1. С. 1–23; № 2. С. 85–100; № 3. С. 145–158; № 5. С. 237–247) он рассматривает не только историю производств на базе исторических документов, но и опирается на результаты естественнонаучных исследований непосредственно самих бумаг. Примером значимого открытия на основе применения световой микроскопии является обнаружение «двойных узлов», характерных для ролла. Это позволило говорить о том, что голландер применялся на петербургских фабриках уже с 1720 года. К сожалению, исследование Н.А. Резцова имеет не всегда достаточную источниковую базу. Например, он ошибочно предполагал, что роллы устанавливают на обе мельницы при их строительстве.

Для понимания историографических проблем изучения заимствования западноевропейской технологии при Петре I большое значение играет комплексное исследование всего массива документов (описи мельниц, реестры бумаги, рапорты комиссаров, переписка государственных служащих и т.д.). Они, как сегодня мы можем выяснить, находятся в целом ряде хранилищ, таких как Российский государственный архив Военно-Морского Флота — «Канцелярия адмирала К. Крюйса» (Ф. 234), «Канцелярия генерал-адмирала Ф.М. Апраксина» (Ф. 233), «Адмиралтейская канцелярия при Адмиралтейств-коллегии» (Ф. 176) и «Рукописи Петра Великого и другие документы, поступившие из Адмиралтейств-Совета» (Ф. 223), — Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи — «Приказ по артиллерии» (Ф.2), — Амстердамский городской архив (контракты бумажных мастеров) и т.д.

Вторым важнейшим для понимания процесса источником является не только текст документов, но и сама бумага петербургского производства как материал. Необходимо вернуться к тому направлению, которое начал Н.А. Резцов в начале XX в., то есть к системному технико-технологическому изучению русской бумаги. Наибо-

лее перспективным для этого являются печатные издания петровских типографий. Здесь ключевым является нахождение технологических маркеров, которые могут позволить отделить использование роллов на Дудерговской мельнице от роллов на Петербургской и найти их различия с западноевропейскими образцами. Только сочетание этих двух подходов позволит представить полную картину трансфера технологии.

Т.В. Гимон
д.и.н., в.н.с. ИВИ РАН

Зарождение института жалованной грамоты: дискуссия на англо-саксонском материале

Англо-саксонская дипломатика интересна тем, что, с одной стороны, ранних англо-саксонских актов сохранилось сравнительно много, а с другой — англо-саксонские королевства были далекой периферией христианского мира, где некоторые заимствованные письменные практики быстро прижились после христианизации (в разных королевствах с конца VI по середину VII в.), не имея при этом местных корней. Ярким примером здесь является история акта. В последней трети VII в. мы застаем практику выдачи жалованных грамот уже в целом ряде англо-саксонских королевств; ранний англо-саксонский акт возник под несомненным влиянием итальянского (а также, возможно, франкского и кельтского), однако носит, по выражению одного из авторитетных исследователей, характер «любительского подражания» (*Kelly S. Lyminge minster and its early charters // Anglo-Saxons: Studies presented to C.R. Hart. Dublin, 2006. P. 107*): формуляр актов неустойчив, нет каких-либо удостоверяющих знаков (имеются перечни свидетелей сделки, но это именно перечни, а не автографы).

Жалованные грамоты (дипломы) — важнейшая и древнейшая засвидетельствованная разновидность англо-саксонского акта. Древнейший сохранившийся оригинал жалованной грамоты датируется 679 г. (грамота S 8 — см. наиболее полный каталог англо-саксонских актов: *The Electronic Sawyer*, URL: <https://esawyer.lib.cam.ac.uk/> [дата обращения — 22.02.2022]), всего же документов последней трети VII в. около полусотни (большинство сохранились в более поздних списках; для многих ставилась под сомнение подлинность). Семь документов относятся к первой половине – середине VII в., но во всех этих случаях подлинность сомнительна (хотя не всегда исключена).

Среди дискуссионных вопросов англо-саксонской дипломатики (см. введение в основные сюжеты: *Сухино-Хоменко Д.В., Ги-*

мон Т.В. Государи и грамоты: Очерк истории и историографии королевского акта в раннесредневековой Англии // *Graphosphaera: Письмо и письменные практики*. М., 2021. Вып. 1 (<http://writing.igh.ru/index.php?id=gosudari-i-gramoty>) — вопрос о зарождении института жалованной грамоты. Обсуждалось не только то, когда и почему англо-саксонские короли впервые стали издавать жалованные грамоты в пользу церковных институтов. Вопрос ставился даже более конкретно: какое конкретно лицо «завезло» в Англию эту практику — оформлять грамотами королевские пожалования церкви.

В основном высказывались две точки зрения. Согласно одной, наиболее полно аргументированной Пьером Шапле (*Chaplais P. Who Introduced Charters into England? The Case for Augustine // Prisca Munimenta: Studies in archival & administrative history presented to Dr A.E.J. Hollaender*. L., 1973. P. 88–107 [впервые опублик. в 1969 г.]), институт жалованной грамоты возник в Кенте сразу после его христианизации, на рубеже VI–VII вв., а «завез» в Англию эту практику первый кентерберийский архиепископ, св. Августин (прав. 597–604 х 609). Согласно второй точке зрения, также имеющей ряд сторонников, среди которых автор последней обстоятельной работы на эту тему Бен Снук (*Snook B. Who Introduced Charters into England? The Case for Theodore and Hadrian // Textus Roffensis: Law, Language, and Libraries in Early Medieval England*. Turnhout, 2015. P. 257–289; там же на с. 258–260 см. библиографию вопроса), жалованная грамота была нововведением архиепископа Теодора (прав. 669–690), грека по происхождению и реформатора англо-саксонской церкви.

Действительно, именно к правлению Теодора относятся древнейшие, несомненно, подлинные акты, причем сразу в нескольких англо-саксонских королевствах. Вопрос состоит в том, было ли это нововведением 670-х годов, или же у жалованной грамоты была скрытая от наших глаз предыстория. Беда Достопочтенный (ум. 735) упоминает пожалования церкви, сделанные еще королем-крестителем Кента Этельбертом (ум. 616) (*HE I: 23; II: 3*), однако не говорит, были ли они оформлены в виде грамот. Других данных, которые позволяли бы уверенно говорить о существовании жалованных грамот раньше 670-х годов нет, как, впрочем, нет таковых и в пользу противоположной точки зрения.

Основным методом поиска ответа на данный вопрос остается анализ формуляра древнейших дошедших до нас актов. Снук предельно заостряет этот вопрос: если они обнаруживают единство формуляра, то значит перед нами нововведение Теодора, если нет — надо предполагать предшествующее «стихийное» развитие. Снук детально демонстрирует черты сходства между древнейшими актами и делает вывод о единстве формуляра. На мой взгляд, одна-

ко, приведенный исследователем материал скорее подтверждает точку зрения Шапле. Черты сходства говорят о несомненном родстве, единстве традиции, но слишком многое и различает дошедшие до нас акты. Ситуацию можно было бы обозначить как *отдаленное родство*, а это — скорее аргумент в пользу раннего появления жалованной грамоты, возможно, уже при Августине.

Другой узел проблем — соотношение ранних жалованных грамот и постановлений церковного собора в Хартфорде 672 г., воспроизведенных Бедой (*HE IV: 5*). Снук настаивает на том, что сходство многих формул этого документа и ранних грамот говорит о том, что Теодор, учреждая институт жалованной грамоты, ориентировался на формуляр церковных документов. Однако ситуация может быть не столь однозначной, ведь разные формулы постановлений собора фиксируются в разных из ранних англо-саксонских жалованных грамот, то есть опять же речь идет, скорее, не о единовременно созданном формуляре, но о разветвленной традиции.

Вопрос, на мой взгляд, нуждается в дальнейшем обсуждении. Для историка Древней Руси он интересен тем, что и на Руси мы наблюдаем в чем-то схожую ситуацию. К 1130–1140-м годам относятся четыре древнейшие дошедшие до нас жалованные грамоты (ГВНП. № 79–82; одна — в пергаменном подлиннике; см. о них: *Капитанов С.М.* Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014. С. 80–94); примерно этим же временем датируется ряд новгородских и смоленских княжеских уставов — по содержанию родственных документов. Саймон Франклин обратил внимание на появление в это время и некоторых других документальных практик и предположил здесь инициативу двух конкретных епископов-«византинофилов» — Нифонта Новгородского и Мануила Смоленского, а также, возможно, некоторых князей (*Franklin S.* Literacy and Documentation in Early Medieval Russia // *Speculum: A Journal of Medieval Studies*. 1985. Vol. 5. No. 1. P. 23–32; см. дополнительные соображения: *Guimon T.V.* Historical Writing of Early Rus (c. 1000–c. 1400) in a Comparative Perspective. Leiden; Boston, 2021. P. 353–359). При этом «Повесть временных лет» упоминает под 996 г. о выдаче Владимиром Десятинной церкви письменного документа о десятине. Имеется в виду, скорее всего, древнейшее ядро «Устава Владимира» (*Щапов Я.Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972. С. 115–127). Вопрос о промежуточных этапах между этой (вероятно, действительно существовавшей) грамотой и документами XII в., регулировавшими доходы, земли и привилегии церковных институций, остается открытым.

Осадные головы Курска в XVII в.: коллективный портрет

Заметную фигуру в местном управлении в населенных крепостях южного российского пограничья представлял собой осадный голова. В круг его служебных обязанностей входила подготовка крепости к возможному нападению неприятеля. Осадный голова следил за «нарядом» — артиллерией — и боеприпасами: порохом, свинцом и другими пушечными запасами. В его непосредственном подчинении находились пушкарки, затинщики, воротники, казенные кузнецы и плотники. Функции осадного головы определялись наказами. До середины XVII в. наказы выдавались Разрядным приказом, во второй половине столетия назначение осадных голов иногда входило в компетенцию Пушкарского приказа.

Рассмотрим данные об осадных головах южного города-крепости Курска. Сведения о них, среди прочих материалов, содержатся в книге курского историка второй половины XVIII в. С. Ларионова. Данные С. Ларионова основаны на подлинных источниках и заслуживают доверия. Ларионов сообщал о том, что в 1614–1615 гг. осадным головой в Курске значился Б. Виденеев — один из виднейших представителей курского дворянства (*Ларионов С.* Описание Курского наместничества из древних и новых о нем известий вкратце. М., 1786. С. 17).

В 1626 г. курским осадным головой был стародубский дворянин М. Гринев. 16 марта 1627 г. на его место послан болховитин Г. Олферов. Со 2 апреля 1628 г. эту должность занимал курский дворянин В.А. Анненков. 20 марта 1629 г. он был заменен на курянина Б.О. Виденева. В 1631/32 г. курским осадным головой вновь стал В.А. Анненков. 26 апреля 1635 г. в Курск на место осадного головы назначен курянин С.Б. Виденеев. В.А. Анненков просил передать ему эту должность, ссылаясь на бой с татарами, где он был головой у служилых людей и получил ранение. 30 января 1637 г. В.А. Анненков в третий раз стал курским осадным головой (РГАДА. ф. 210. Оп. 13. Стлб. Приказн. ст. Д. 110. Л. 464–465).

Должность осадного головы в Курске стала объектом борьбы двух курских дворянских семей — Анненковых и Виденеевых, — занимавших высшую ступень в курской иерархии. В боярской книге 1627 г. были записаны «по выбору» только два курских дворянина: Иван Антипович Анненков и Богдан Осипович Виденеев (Боярская книга 1627 г. М., 1986. С. 144). В курской десятыне 1636 г. уже четыре выборных — И.А. Анненков, С.Б. Виденеев и К.Б. Виденеев, В.А. Анненков (*Танков А.А.* Историческая летопись курского дворянства. М., 1913. Приложения. С. 77).

В июле 1638 г. курским осадным головой стал стародубский сын боярский В. Суходольский, а «Воину Анненкову *по челобитью всего города в осадных головах быть не велено*, а велено ему служить с городом» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 125. Л. 154). В 1643 г. курским осадным головой числился орловский сын боярский Василий Юрлов (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 578. Л. 27).

В мае 1644 г. курским осадным головой был назначен воронежский сын боярский Л. Петров (РГАДА. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 198. Л. 8). В 1644 г. курские монастыри и дети боярские подали в Разряд жалобу на притеснения со стороны осадного головы Л. Петрова. Челобитчики напоминали, что при царях Федоре Ивановиче и Борисе Годунове куряне выбирали в городовые приказчики местных детей боярских. Грамотой от 29 сентября 1644 г. курянам предлагалось *выбрать «всем городом»* осадного голову — курского сына боярского — и выбор на него прислать в Разрядный приказ (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 157. Л. 28, 29, 30–31).

До 1646 г. курским осадным головой служил курянин М. Белов, замененный на иногороднего П. Брусилова. На место П. Брусилова претендовал курский выборный дворянин С.Г. Колугин. Он упоминал челобитную жителей южнорусских городов, поданную в связи с подготовкой соборного уложения, с просьбой не назначать иногородних в осадные головы.

С 1652 г. по 1656 г. курским осадным головой служил курянин Д. Кунаков. В 1656 г. осадным головой стал известный курский дворянин Г.И. Мальшев. В 1648 г. он, как и С.Г. Калугин, выбрался от Курска на земский собор. В 1649 г. Г.И. Мальшев руководил строительством каменной церкви в курском Богородицком Знаменском монастыре.

В марте 1659 г. в курские осадные головы был определен курянин М.П. Истомина. С 30 марта 1663 г. курским осадным головой «за службу и за раны от крымских людей» служил курянин В. Мезенцев. 22 июля 1664 г. курянин П.Ф. Калугин обратился с просьбой о назначении курским осадным головой. Он участвовал в боях русско-польской войны в полку воеводы боярина В.Б. Шереметева, был ранен, находился в крымском плену.

Осадные головы служили в южных городах в течение XVII века. Назначение на должность осадного головы рассматривалось царской властью как пожалование служилого человека — дворянина или сына боярского. Основаниями для назначения выступали участие в боях, ранение, пребывание в плену, гибель в боях родственников. Как дополнительный аргумент соискатели должности осадного головы приводили сведения о разорении хозяйства, отсутствии крестьян, потере в боях коня и боевого снаряжения. Предполагалось,

что служба осадным головой позволит поправить пошатнувшееся материальное положение. Средством для этого выступало неофициальное кормление.

При назначении осадным головой учитывалось мнение местных сословных групп. Жители Курска и Курского уезда настойчиво добивались назначения местных дворян и детей боярских, а не иногородних.

Служебные взаимоотношения осадных голов и воевод определялись достаточно четко. Так, в наказе орловскому осадному голове В. Юрлову от 30 июня 1641 г. предписывалось: «о всяких делах сказывать воеводе и быти у воеводы в послушании» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 578. Л. 26).

*Е.Н. Горбатов
специалист 1 категории РГАДА*

Титулованное дворянство в жилецких списках 1643–1651 годов

Жилецкая служба до сих пор остается мало исследованной. Жильцы представляли собой нижнюю прослойку государева двора. В жильцы записывались дети и московских, и провинциальных дворян. Для последних это был шанс закрепиться среди москвичей и сделать карьеру царедворца, повысив таким образом статус потомков. Имена жильцов фиксировались в жилецких списках, что подчеркивало их отличие от московских дворян, для которых составлялись боярские списки. До нашего времени жилецкие списки сохранились в большом объеме. Для периода с 1643/44 по 1650/51 гг. известно семь жилецких списков: по 1646/47 и 1649/50 гг. они не выявлены, по 1645/46 г. сохранилось два списка, остальные годы представлены одним списком.

Период конца 30-х – начала 40-х гг. XVII в. ознаменовался напряженными отношениями России и Турции ввиду того, что казаки захватили турецкую крепость Азов. В связи с этим возникла угроза вторжений крымских татар на южные земли Российского государства, которые последовали сразу после сдачи казаками Азова в 1642 году. Неудачи, постигшие русских на этом фронте, вынудили правительство предпринять определенные меры. Именно этим объясняется реорганизация состава жильцов, произошедшая в 1643 г., в результате которой общее количество их сократилось в два раза и достигло цифры в 600 человек. Средний возраст жильцов значительно помолодел. За счет исключенных из чина увеличился контингент городских корпораций (около 400). Более возрастные жильцы были пожалованы в московские дворяне (около 200). После разбора

состав жильцов увеличивался каждый год примерно на сотню, достигнув в 1650/51 г. практически трехкратного увеличения.

Среди жильцов встречаются также и представители княжеских фамилий. Всего за период с 1643 по 1651 гг., то есть со времени после разбора жильцов и первых лет царствования Алексея Михайловича, в жилецких списках упоминается 138 имен, происходящих из 34 княжеских родов. Это князя Бабичев, Барятинские (8), Белосельские (3), Болховские (4), Булушевы (2), Вадбольские (3), Волконские (7), Вяземские (15), Гагарины (11), Горчаковы (5), Гундоров, Деевы (2), Дуловы (4), Елецкие (2), Засекины (4), Звенигородский, Козловские (4), Кропоткины (2), Львовы (6), Мамаевы (2), Мещерские (12), Моложинский, Морткины (3), Мышецкие (2), Ноздроватый, Путятин, Ростовские (3), Ухтомские (3), Хотетовские (2), Шаховские (10), Шелешпанские (2), Шехонские (6), Шихматов, Щетинины (4).

Из них 42 человека были пожалованы в чин до разбора в 1643 г. и после разбора остались в жильцах, составляя ровно 7 % от остальных — не титулованных. В последние два года царствования Михаила Федоровича в жильцы были пожалованы 25 представителей княжеских фамилий. И в первые шесть лет царствования Алексея Михайловича жильцами стал 71 князь. В среднем каждый год состав жильцов пополнялся чуть более, чем на десяток лиц с княжеским титулом, что составляет около 10 % от всего количества ново пожалованных. Однако согласно жилецкому списку 1650/51 г., в жильцах числится 1808 человек и из них лишь 86 князей, что составляет чуть менее 5 %. Из них 26 жильцов, пожалованных в царствование Михаила Федоровича. Таким образом, 52 жильца в период с 1643 по 1650 гг. (то есть за вычетом упоминающихся в списке 1650/51 г.) были исключены из списка жильцов. Из них судьба 10 человек не выяснена (Барятинский, Белосельский, Болховский, Волконский, Горчаков, Елецкий, Львов, Мещерский, Ростовский, Шехонский); 9 человек пожалованы в московские дворяне (Барятинский, Болховский, Волконские (2), Львовы (2), Ноздроватый, Шаховской, Шехонский), 5 — в стольники (Волконский, Засекин, Козловский, Путятин, Ростовский), 26 — в стряпчие (Барятинский, Белосельский, Болховский, Волконские (2), Вяземские (3), Гагарины (7), Дулов, Мещерские (5), Шаховские (2), Шелешпанские (2), Щетинин), 2 — умерло (Болховский, Булушев). Таким образом, в связи с пожалованиями в более высокий чин статус повысился у 40 человек, что составляет почти 80 % из всех исключенных из жилецкого списка князей в данный период. Это говорит о том, что статус жильцов, имеющих княжеский титул, в основном повышался.

При сравнении с периодом с 1616 по 1636 гг., в течении которого в жильцах служило 207 князей (1616–1624 гг. — 158; 1625–1632 гг. — 138; 1633–1636 гг. — 62), обнаруживается, что количест-

во жильцов с княжеским титулом не возрастает. Из жильцов исчезают князья Бельские, Долгоруковы, Друцкие, Дябринские, Жеряпины, Збарецкие, Коркодиновы, Лыковы-Белоглазовы, Несвижские, Оболенские, Пожарские, Пронские, Сеитовы, Селеховские, Шейсуповы, Щербатовы. Напротив, появляются князья Булушевы, Дуловы, Звенигородские, Мамаевы, Моложинские, Мышецкие, Ноздроватые. Учитывая фактор увеличения населения и процентное соотношение с представителями нетитулованного дворянства жилецких списков, можно констатировать снижение общего объема жильцов с княжеским титулом. Дальнейшее исследование этого вопроса может быть осуществлено при обращении к боярским спискам этого периода для выяснения соотношения представителей княжеских фамилий, служащих по московскому и жилецкому спискам.

*А.Л. Грязнов
с.н.с. НП НИЦ «Древности»*

Канцелярия князя Юрия Васильевича Дмитровского

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ №20–09–00360

Князь Юрий, второй по старшинству сын в. кн. Василия II, родился в 1441 году. По завещанию отца ему были выделены Дмитров, Можайск, Медынь, Серпухов и еще ряд волостей. Скончался Юрий Васильевич в 1472 г., не оставив прямых наследников. Скудость информации источников о дворе кн. Юрия Дмитровского отмечал еще А.А. Зимин. Это применимо и к его канцелярии, как составной части княжеского двора. Наиболее значимую и достоверную информацию о княжеской канцелярии, ее функционировании и ее сотрудниках можно получить, обращаясь к составленным в ней актам.

Ряд сюжетов, связанных с документами дмитровской княжеской канцелярии, был рассмотрен В.Д. Назаровым (*Назаров В.Д. Дмитровский удел в конце XIV – середине XV в. // Историческая география России. XII – начало XX в.: Сборник статей к 70-летию проф. Л.Г. Бескровного. М., 1975. С. 46–62*). Он уточнил датировку ряда актов до 1462 года, в том числе и тех, что были подписаны дьяком Есипом. В.Д. Назаров отметил, что в большинстве грамот, составленных до 1462 г., стоит пометка о составлении в Москве, тогда как указаний о составлении в Дмитрове нет совсем. Важным наблюдением является установление сравнительно раннего формирования удела кн. Юрия (1453–1455).

Корпус актов, оставшихся от правления Юрия Васильевича, примерно равен документальному наследию других наследников Василия II. В общей сложности сохранилось 28 актов (10 в подлиннике), связанных происхождением с его канцелярией. Большинство

из них — 20 (6 в подлиннике) — жалованные грамоты. Еще одна известна по упоминанию.

К особенностям дмитровской канцелярии можно отнести высокую долю жалованных грамот с точной датой выдачи. Она отсутствует только у четырех из них. Все они сохранились только в списках. Пример с грамотой, известной по двум спискам, в одном из которых дата опущена, показывает, что отсутствие даты возможно и по вине копииста. Причем даже в грамоте, сохранившейся в подлиннике, при подготовке АСЭИ не удалось прочитать дату, указанную в конце грамоты (АСЭИ. Т. 2. № 387). Анализируя «дмитровские» грамоты, Ю.Г. Алексеев отметил, что на них, даже выданных еще при жизни отца кн. Юрия, нет боярских подписей, и все они заверены княжеской подписью.

Два акта, выданных кн. Юрием, имеют признаки фальсификации. Оба они сохранились в составе митрополичьей копийной книги. В первой грамоте зафиксирован обмен владениями между кн. Юрием Васильевичем и митрополитом Геронтием (АФЗХ. Ч. 1. № 82). Казус в том, что Юрий умер в сентябре 1472 г., а Геронтий стал митрополитом 29 июня 1473 г. (после кончины митр. Филиппа). Причем при описании обстоятельств смерти кн. Юрия в летописи говорится об участии митр. Филиппа в погребении князя (ПСРЛ. Т. 28. С. 134). Следовательно, аутентичность данной грамоты находится под большим сомнением.

Немного меньшее хронологическое несоответствие обнаруживается в жалованной грамоте на села в Дмитрове. Она выдана 11 сентября 6973 г. на имя митрополита Филиппа (АФЗХ. Ч. 1. № 86). Однако, согласно летописям митрополит Филипп был поставлен освященным собором 13 ноября 6973 г. вместо Феодосия, оставившего святительский престол 13 сентября (ПСРЛ. Т. 25. С. 278–279; Т. 28. С. 117). Причем датировка другой грамоты кн. Юрия на имя митр. Филиппа вопросов не вызывает. Она тоже относится к 6973 г., но выдана 5 июля (АФЗХ. Ч. 1. № 71), то есть уже точно после поставления Филиппа.

По именам известно четыре сотрудника канцелярии князя Юрия Васильевича. Это дьяки Есип, Иван и Василий Долматов, а также подьячий Потап. Ю.Г. Алексеев к числу подьячих кн. Юрия Васильевича отнес еще двух лиц — Ивана Губу и Ивана Неронова. Оба писали грамоты на земли в районе Дмитрова и названы подьячими (без указания адреса службы).

Анализ сохранившихся подлинных грамот позволяет сделать несколько новых наблюдений.

Образец почерка дьяка Есипа сохранился в тексте подтверждения от лица кн. Юрия, подписанного дьяком Есипом (АСЭИ. Т. 1. № 191). Аналогичным почерком поставлена княжеская подпись на жалованной

грамоте кн. Юрия, выданной в 1457 г. (АСЭИ. Т. 2. № 378). В общей сложности с дьяком Есипом можно соотнести пять грамот.

Монограммы Василия Долматова обнаруживаются на четырех грамотах, выданных в 1460–1470-е гг. Вместе с еще тремя, в тексте которых он упоминается, документов, составленных при участии Василия Долматова, становится семь.

На обороте одной из грамот сделана запись решения суда кн. Юрия (АСЭИ. Т. 2. № 378). Писал это подтверждение княжеский дьяк, имя которого попало на гиб и оказалось стерто. Текст подтверждения дает значительный сравнительный материал и позволяет отождествить почерк писавшего его дьяка с почерком дьяка Ивана, подписавшего правую грамоту (АСЭИ. Т. 2. № 387).

В итоге, из десяти подлинных грамот, на которых имеется образец дьяческого почерка, девять удается соотнести с известными по именам дьяками кн. Юрия. Остается одна жалованная грамота 1470 г. (АСЭИ. Т. 1. № 393), почерк княжеской подписи которой пока не находит аналогий. Следовательно, ее заверял еще один дьяк кн. Юрия Васильевича, пока не известный по имени. Таким образом, в канцелярии кн. Юрия служило не менее четырех дьяков. На начальном этапе, с 1455 по 1462 г. единственным дьяком Юрия Васильевича был Есип. В 1460-е годы ведущее положение в дмитровской канцелярии занимает Василий Долматов. Его коллегой первое время был Иван, а в 1470 г. — еще и анонимный дьяк. Василий Долматов продолжал работу в дмитровской канцелярии до самой смерти кн. Юрия Васильевича, а затем успешно продолжил карьеру при великокняжеском дворе.

Небольшое число выявляемых дьяков кн. Юрия Васильевича может создать впечатление о незначительном объеме документооборота в Дмитровском уделе, однако, скорее всего, это не так. Среди десятка подлинных грамот удается выявить только две, почерк которых имеет сходство. Остальные восемь грамот написаны разными руками, а значит, в дмитровской канцелярии работало не менее девяти подьячих (трех из которых мы знаем по именам). Такое число близко к числу подьячих, работавших и в других удельных канцеляриях этого времени.

*А.Г. Гуськов
к.и.н., в.н.с. ИРИ РАН*

«Столбцы» — «столпы» — «столпики»: терминологическая дискуссия

В историографии давно устоялось понимание «столбцов» («столпцов»), «столпов» («столбов»), «столпиков», «столбчиков» («столпчиков») как синонимов одного понятия. В «Словаре русско-

го языка XI–XVII вв.» упоминается семь слов для данного термина в значениях «несколько склеенных листов бумаги, составляющих свиток», «склеенные листы документа» (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 2008. Вып. 28. С. 79–81, 85–87). В описях РГАДА все дипломатические документы XVI–XVII вв., которые не относятся к книгам, грамотам или трактатам, называются «столбцами». Хотя в делах, отнесенных к этой категории, могут встречаться и тетради, и газеты, и огромные листы, и настоящие «столбцы».

Обобщение данных, собранных в ходе исследования документации XVI–XVII вв., выявило необходимость попытки разделения двух понятий: 1) узких длинных полосок бумаги (ширина 14–17 см, изготавливались из разрезанного на две (вдоль длинной стороны) или три (вдоль короткой стороны) части дестного листа) и 2) свитков из склеенных листков, которые при сворачивании образовывали столбик (или толстый столб – см., например, рукописный оригинал «Соборного уложения 1649 г.»).

Анализ «Описей» «Царского архива», Посольского и Разрядного приказа (Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960; Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977; Описи архива Разрядного приказа XVII в. М., 2001 и др.), опубликованных посольских книг (Сборник Имп. РИО. СПб., 1882, 1892, 1895. Т. 35, 71, 95 и др.) показал, что под «столбцами» («столпцами») в XVI–XVII вв. понимались именно узкие полоски бумаги. Свитки же или рулоны, получавшиеся при скручивании длинных склеенных полос, назывались «столпиками» (небольшой свиток) или «столпами» (толстый рулон).

Массовое упоминание «столпов» («столпиков») как формата записи/хранения в виде рулона бумаги (то есть фактически «единицы хранения») встречается в «Описях» архивов Посольского и Разрядного приказов XVII в. за 1614, 1626, 1649–1652, 1668 и 1673 гг. (несколько сотен упоминаний в каждой описи). Причем в более ранней «Описи Царского архива», датированной 1570-ми годами, такой формат вообще отсутствует, хотя встречаются «книги», «тетради», «списки», «чертежи», «выписи», «скаска», разные виды «грамот». В упомянутых «Описях» приказов наблюдается четкая идентификация «столпов»/«столпиков» как дел: а) за определенные года («Столп 95-го году...», «Розрядные столпы, 133-й и 134-год», «Столпик о всяких делех 128-го году»), б) определенных городов («Столп псковской о всяких делех...», «Столпик вяземской о всяких делех...», «Столп польских городов 127-го году»), в) по контактам с конкретными странами («Столп литовской 97-го году», «Столп свейской 122-го году...»), г) с документами «приезда»-«отпуска» конкретной миссии («Столп 112-го году, приезд и отпуск гилянского гонца Тюркемира», «Столп 121-го году, отпуск в Литву гонца Дени-

ся Оладына)), д) по направлениям деятельности («столп 91-го году, о межеванье», «...о ссылке и о управных делах», «Столпик 108-го году, о торговых немцах и о дохтурех», «Столп 101-го году, о посольском съезде», «Столп посольской волуйсково наряду...», «Столпы приказные жилецкие с 122-го по 133-й год...», «Столп полковых росписей 134-го и 135-го году») и т.д.

Упоминания «столбцов» («столпцов») обнаруживаются в данных «Описях» достаточно редко (не более 2–3 десятков раз) и исключительно как описание формата бумаги: «...в середке столбцев многих нет», «сверху столбцы подраны», «В столбцах 3 записи шертные...», «...писана на бумаге на столпцах», «...верху у нее нет, а скольких столбцов, того неведомо», «Чертеж на столпцах».

Анализ источников позволил выявить наиболее раннее упоминание «столбца» в ноябре 1522 года. Его удалось обнаружить в тексте «памяти», сохранившейся в составе третьей «польской» посольской книги, опубликованной в «Сборнике Имп. РИО» (Т. 35. С. 646): «Да дань Василью и Андрею съ товарищи списоць... да съ того жъ списка слово въ слово дань Василью съ товарищи списоць на столбцѣхъ написанъ». Как видим, речь идет о копии дипломатического документа, написанного «на столбцах», то есть указан формат бумаги, на которой представлен документ. В том же значении «столбец» встречается еще шесть раз в тексте книги (Т. 35. С. 669, 735–737). В научной же литературе первое упоминание зафиксировано в 1571 г., согласно «Словарю русского языка XI–XVII вв.» (Словарь русского языка. С. 80), со ссылкой на более поздний том «Сборника Имп. РИО» (Т. 71. С. 767), содержащий публикацию «польских» посольских книг.

«Столпы» начинают встречаться несколько позже — на рубеже XVI–XVII вв., хотя в «первой турецкой» посольской книге, сохранившей материалы по контактам 1512–1564 гг., найден их аналог. Здесь (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1. Л. 262) найдено упоминание «сувой»: «А иныя грамоты и списки о вестех, что писали к великому князю из Азова Иван Семенов и Магмед беккул азовской, и те списки лежат в сувое в лете 7031 августа, а в книги не писаны». Можно предположить, что «сувой» — это сверток (связка) бумаги, аналог позднего «столпика», «столпа». Такое значение слова «сувой» встречается в некоторых словарях (*Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. М., 1987. Т. III: Муза — Сят. С. 793; Словарь русских народных говоров. СПб., 2008. Вып. 42: Стриж — Сухловина. С. 140).*

Знаки ордена Св. Александра Невского в собрании Государственного Эрмитажа (обзор коллекции)

В собрании Эрмитажа хранятся 12 крестов и 30 звезд ордена Св. Александра Невского. Впервые изображения восьми знаков (шесть крестов и двух звезд) были помещены в книге И.Г. Спаского «Иностранные и русские ордена до 1917 года» (Л., 1963. Таб. XXXIII). Позже отдельные экземпляры орденских знаков публиковались в каталогах выставок и статьях по фалеристике (См., напр.: Русские ордена и награды. СПб., 1996; Синай. Византия. Русь: Православное искусство с VI до начала XX века. СПб., 2000; *Добровольская М.А.* Наградная система // Петербург XVIII в. Энциклопедия. СПб., 2001. Т. 2. С. 13–17; XIX век. Т. II. С. 391–399; *Добровольская Л.И.* Коллекция Н.Н. Епанчина из собрания ОНГЭ // Наградные системы: Россия — Скандинавия. СПб., 2012. С. 146–159). В 2021 г. пять крестов и шесть звезд экспонировались на выставке «Святой Благоверный Великий Князь Александр Невский. Образы и символика», посвященной 800-летию со дня рождения князя, и были включены в сопровождающий ее каталог. Там же помещена статья Л.И. Добровольской об основных изменениях в дизайне орденских знаков на протяжении всего времени их существования (Князь Александр Невский: памятники фалеристики и медальерного искусства. Каталог. СПб., 2021. С. 68–107). В настоящей публикации впервые дана общая характеристика всех инсигний этого ордена из собрания Государственного Эрмитажа.

Два ранних креста датируются концом XVIII – началом XIX века. Один из них (Каталог. № 114), массивный бронзовый со стеклянными вставками, заключенными в серебряные касты, в 1956 г. был передан из ГИМ (в настоящее время в ГИМ хранится еще один подобный знак. См.: *Левин С.С.* Российские императорские и царские ордена в собрании Государственного исторического музея. М., 2003. № 32). Схожий дизайн имеет второй, изготовленный из золота крест, до 1929 г. находившийся в Художественном отделе ГРМ.

Согласно именованному указу Капитула от 24 марта 1819 г., при производстве крестов вместо стеклянных вставок стала использоваться красная эмаль (ПСЗРИ. Т. 36. № 27728). Наиболее ранними образцами, демонстрирующими эти изменения, являются два знака периода правления Николая I. В их дизайне использованы характерные для этого времени рисунок орла и расположение межплечевых вставок. Один из крестов, датируемый по годовому клейму 1843 г., поступил в музей из Аничковского дворца (Каталог. № 115), другой — из особняка гр. Строгановых. Последний, вероятно, принадлежал

действительному тайному советнику графу Г. А. Строганову (1770–1857) (награжден 25 марта 1839 г.).

В 1856 г. в результате геральдической реформы, проведенной бароном Б.В. Кёне, на знаках ордена Св. Александра Невского фигура святого в центральном медальоне была повернута в соответствии с правилами геральдики, изменился рисунок орлов на межплечевых вставках. Кроме этого, золотой кружок у медальона был заменен эмалевым «наподобие жемчуга». В Эрмитаже хранятся три креста, в облике которых прослеживаются все эти изменения. Первый поступил из Аничкова дворца (?) (Каталог. № 116). У двух других (один из них также из Аничкова дворца) плечи покрыты темной эмалью, бывшей в моде в 50–60-х гг. XIX века. На одном из знаков выбито клеймо петербургского мастера Ф. Бьерка.

Два креста из музейного собрания (один, изготовленный до 1857 г. из золота 72 пробы, другой — произведенный в 1870–1882 гг.) и два комплекта инсигний (включающие крест и звезду) выполнены мастерами фирмы Кейбель, долгие годы являвшейся одним из основных поставщиков Капитула орденов. Комплекты, переданные в 1862 г. в Эрмитаж из Капитула, могут считаться для своего времени «образцовыми» экземплярами. Один из них — знак и звезда для нехристиан с мечами, является очень редкой наградой (Каталог. № 118, 123).

Еще один комплект инсигний представляет большой интерес не только с точки зрения дизайнера, но и из-за своей персональной принадлежности. Это знак с «бриллиантами» и звезда «бриллиантовой» огранки (мастерская И.В. Осипова), принадлежавшие адмиралу И.П. Епанчину (1788–1875), кавалеру ордена с 1859 года. В 1868 г. И.П. Епанчину были пожалованы бриллиантовые знаки (Каталог. № 117, 121).

Шитые звезды представлены в эрмитажной коллекции семью экземплярами. Четыре из них датируются второй половиной XVIII века. Две звезды поступили из Арсенала Аничкова дворца (одна из них принадлежала Екатерине II) (Каталог. № 119). Еще две звезды, сплошь зашитые блестками, происходят из особняка кн. Юсуповых (Каталог. № 120). Из представителей рода Юсуповых кавалерами ордена Св. Александра Невского были генерал-аншеф, сенатор Г.Д. Юсупов (1676–1730), кавалер с 21 мая 1725 г.; московский губернатор тайный советник Б.Г. Юсупов (1695–1759), кавалер с 8 января 1742 г., и тайный советник кн. Н.Б. Юсупов (1750–1831), кавалер с 28 июня 1796 года. Кроме того, в собрании хранятся три звезды капитульского типа, одна из которых происходит из особняка гр. Строгановых. Как и упомянутый выше знак, она, возможно, принадлежала гр. А.Г. Строганову.

После 1854 г. звезды, выдаваемые из Капитула, стали металлическими («кованными»). В эрмитажном собрании хранятся 12 таких

инсигний: девять экземпляров изготовлены мастерами фирмы Кейбель (две входят в упомянутые выше «образцовые» комплекты) и три — производства фирмы «Эдуард». Одна из них, медная с серебрением, изготовлена после 1916 г. (Каталог. С. 100).

Помимо инсигний, официально получаемых из Капитула, кавалеры могли за свой счет заказать знаки в российских и зарубежных мастерских или приобрести готовые экземпляры в магазинах. В эрмитажной коллекции таких памятников 23 экземпляра. Это звезды, изготовленные в мастерских И.В. Осипова и К. Бекса и С. Арнда в Петербурге, а также экземпляры без клейм или с нераскрытыми на сегодняшний день именниками.

Рассмотренные в настоящей публикации фалеристические памятники поступили в Эрмитаж в разное время и из разных источников. Собранные воедино, они дают возможность проиллюстрировать изменения, происходившие в дизайне орденских знаков на протяжении XVIII–XX вв., а также проследить развитие отечественного ювелирного производства. Кроме того, часть инсигний представляет большой интерес с точки зрения их принадлежности и бытования.

О.В. Дудина

к.и.н., каф. политич. истории Воронежского ГУ

Контроль за денежными сборами и мерами сыпучих тел на территории Белгородского разряда во второй половине XVII века

Одной из мер российского правительства, направленной на решение внешнеполитических задач, стало создание Белгородского полка и, соответственно, новой административно-территориальной единицы — Белгородского разряда. Старшим руководителем в Белгородском разряде стал первый воевода Белгородского полка.

Руководители Белгородского разряда, как видно по наказам, заведовали таможенными и кабацкими сборами на подведомственной территории. Воеводе кн. П.И. Хованскому в 1664 г. давались указания по организации в Белгородском разряде сбора таможенных пошлин, доходов с кружечных дворов и иных денежных поступлений в казну. Из собранных средств выплачивалось жалование служилым людям.

П.И. Хованскому из Разрядного приказа была выдана роспись денежных доходов с таможен, кружечных дворов, оброчных угодий городов Белгородского полка. Белгородскому воеводе поручалось отдать эти доходы на откуп и на оброк. Предписывалось собранные деньги использовать для раздачи жалования ратным людям: офицерам, рейтарам, драгунам, солдатам, живущим в Белгороде. Согласно наказу, если не будет желающих взять таможи, кружечные дворы,

оброчные угодья на откуп, то выбрать из местных сословных групп голов и целовальников для сбора доходов. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгород. ст., Д. 581. Л. 105, 124–129).

В дальнейшем по указу от 10 февраля 1665 г. таможенные и кабацкие сборы в городах Белгородского и Севского полков не отсылались в Москву, а направлялись в полки для выдачи жалования ратным людям (ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 1. С. 608). На жалование ратным людям в Белгород высылались также оброчные деньги.

Городовым воеводам запрещалось расходовать на местные нужды деньги, собранные в таможене, кружечном дворе и с оброчных угодий. По приказу из Белгорода боярина кн. Б.А. Репнина воронежский воевода в августе 1665 г. объявлял о возможности взять на откуп таможи, кружечные дворы, мельницы в Воронеже, Орлове, Костенске. Желаящие должны были ехать в Белгород, где производилась отдача денежных сборов на откуп (Гос. архив Воронежской обл. (ГАВО). Ф. И-182. Оп. 3. Д. 84. Л. 2). При отсутствии желающих откупщиков сбор доходов передавался выборным головам и целовальникам. Собранные головами таможенные, кабацкие и оброчные деньги в 1668 г. воронежский воевода посылал в полк к боярину кн. Г.Г. Ромодановскому (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 3. Д. 129. Л. 3).

Городовые воеводы по приказу из Белгорода взыскивали недобранные доходы за прошлые годы. 7 июня 1672 г. в Белгород была прислана грамота из Разрядного приказа: городовым воеводам приказано взыскать недобранные таможенные и кабацкие деньги за прошлые годы с голов и целовальников и прислать их в Белгород на жалование ратным людям. 5 декабря 1673 г. недобранные деньги в Белгород еще не были высланы, о чем сообщал в Воронеж белгородский воевода: «А ныне Белгородского полку ратным людям велено быть в походе, а государевы денежные казны в Белгороде нет, дать им нечего». В ответе из Воронежа сообщалось, что таможенный голова стоит на правее в платеже недобранных денег (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 3. Д. 194. Л. 1–17).

Воевода Белгородского полка решал вопросы, связанные с выбором таможенных и кабацких голов. 23 сентября 1676 г. боярин кн. Г.Г. Ромодановский по челобитной курских посадских людей приказал, чтобы в Курске у таможенных и кружечного двора сборов были куряне, а в Белгороде — белгородцы (РГАДА. Ф. 210. Оп. бд. Кн. Белгород. ст. Кн. 97. Л. 43 об. — 44 об.).

Белгородский воевода в соответствии с царскими указами контролировал хлебную торговлю в Белгородском разряде. 17 октября 1660 г. из Москвы Г.Г. Ромодановскому была прислана грамота о запрете в городах Белгородского полка продавать хлеб в иные города, чтобы не было хлебной дороговизны (Акты Московского государства. СПб., 1901. Т. 3. С. 182).

Воеводы следили за мерами объема сыпучих тел. В 1679 г. официальная казенная шестипудовая четверть была заменена восьмипудовой. Реализация этого преобразования возлагалась на местные власти. 20 августа 1683 г. в Курск, где в то время находился центр Белгородского разряда, была прислана грамота из Приказа Большой казны, в которой сообщалось о посылке таможенных медных мер с изображениями двухглавых орлов. В Курск направлялось 45 мер: 4 осьмины и 41 четверик. К каждой мере прилагалось гребло — пластинка, которой равняли сыпучие вещества с краями измеряющего сосуда. Из 45 «заорленных» гребел 19 было железных и 26 деревянных. Из Курска меры предписывалось разослать в города Белгородского полка и раздать таможенным головам. 10 сентября того же года воронежский таможенный и кружечного двора голова принял в съезжей избе медные «заорленные» меры — осьмину и четверик — и два «заорленных» деревянных гребла.

Меры полагалось держать в таможене «для образца и всякого спору». С тех новых медных мер и гребел было приказано сделать точные деревянные копии с указанием года и раздать их торговцам. Копии и подлинники предлагалось часто сравнивать. Все старые деревянные меры следовало собрать с торговых рядов и с торговой площади и, в присутствии земского старосты и посадских людей, расколоть на мелкие части. Старые медные меры предписывалось принести в съезжую избу и выслать в Москву. За использование старых мер грозила смертная казнь (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 2. Д. 212. Л. 1–5).

Таким образом, руководители Белгородского разряда имели право следить за сбором денежных доходов и расходовать средства на жалование ратным людям. Важная обязанность воевод Белгородского полка, возложенная на них Приказом Большой казны — обеспечение единства таможенных мер по образцам, присланным из Москвы.

*К.А. Елохин
к.и.н., н.с. ИВИ РАН*

Двуглавый орел на медали, отчеканенной к провозглашению Фердинанда VII в 1808 году

В испанских американских вице-королевствах во всех крупных городах в 1808 г. были отчеканены медали по случаю провозглашения королем Фердинанда VII. В том числе и та, эмблематическая насыщенность которой вызывает удивление специалистов до сих пор.

Среди специалистов идут отчаянные дебаты по поводу места происхождения этого нумизматическо-фалеристического казуса, трактовки изображения, и вообще его определения. Некоторые считают его медалью (*Pezzano L. ¿Sátira medallística o errónea atribución?*

— URL: https://www.numismatico_digital.com/noticia/7371/articulos-numismatica/satira-medallistica-o-erronea-atribucion.html#_ftn1 (дата обращения — 03.11.2021).

В данном случае определение аверса и реверса представляется затруднительным. На одной стороне мы видим льва, одной лапой опирающегося на крепость, — традиционные леоно-кастильские гербовые фигуры, — а другими лапами попирающего двуглавого орла.

На другой стороне изображен двуглавый орел, держащий в лапах Геркулесовы столбы на фоне двух холмов. Снизу рука держит копье с флагом, которое упирается орлу под хвост. Под колоннами расположены четыре башни в ряд и ниже их изображены отрубленные головы. Фигура двуглавого орла, сжимающего в лапах Геркулесовы столбы, хорошо известна в геральдике вице-королевств Перу и Рио-де-ла-Плата. В целом композиция представляет собой упрощенный герб г. Сьюдад де ла Плата.

Медали провозглашения в испанских американских вице-королевствах сообщали о своем происхождении либо в легенде, либо гербом. Государственный или династический гербы Бурбонов в медалях провозглашения фигурировали нечасто. Поэтому нет ничего удивительного в том, что на одной стороне изображен герб г. Сьюдад де ла Плата.

Специалисты сходятся в том, что двуглавый орел обозначает Священную Римскую империю, и при этом единогласно считают его же олицетворением наполеоновской Франции (*Pezzano L. Sátira medallística; Cunietti-Ferrando A.J. Monedas y medallas. Cuatro siglos de historia y arte. Buenos Aires, 1989. P. 24*). Однако роспуск Священной Римской империи произошел в 1806 г., за два года до коронации Фердинанда VII. Я полагаю, что трактовка изображения может быть несколько иной.

Политическая ситуация в испанской Америке в начале XIX в. была крайне напряженной. Местные элиты поддерживали правящую династию скорее из соображений удобства, нежели убеждений (*Almario García O. La crisis de la monarquía hispánica y la independencia neogranadina, 1808–1830. Periodización, problemas y perspectivas historiográficas // Memoria y Sociedad. Bogotá. № 15 (30), enero-junio 2011. P. 56*). При отречении Карла IV и непризнании Иосифа I, ставшего королем Испании в 1808 г. (*Rey Intruso*), и провозглашении в том же году Фердинанда VII, называвшегося «Желанным», многие представители элит так и не принесли верноподданнических клятв и чувствовали себя совершенно свободными людьми, живущими на своей родине, но угнетаемыми колониальной администрацией.

Они активно вступали в масонские ложи. В Испании первая масонская ложа появилась в 1728 г. (*Ferrer Benimeli J.A. El discurso*

masónico y la Inquisición en el paso del siglo XVIII al XIX // Revista de la Inquisición. 1995. № 7. P. 274). В конце XVIII в. масонские ложи присутствовали в нескольких регионах испанской Америки — на Кубе, Санто Доминго, Никарагуа и, что нам интересно, в вице-королевстве Рио де ла Плата (1795 г.) (*Ferrer Benimeli J.A. La masonería española en el siglo XVIII. Madrid, 1974. P. 290–291*). Двуглавый орел был знаком масонских лож шотландского ритуала, именно тех, которые были основаны в Америке (*Fox W. Lodge of the Double-Headed Eagle: Two Centuries of Scottish Rite Freemasonry in America's Southern Jurisdiction. Univ. of Arkansas Press, 1999*). В начале XIX в. французское масонство, идеологически настроенное сначала революционно, а затем бонапартистски, распространилось не только в Испании, но и на всем американском континенте (*Ocampo E. La influencia extranjera en la formación de los estados nacionales en América Latina: el rol de la masonería en el proceso de la independencia // Espacio Regional Vol. 2, № 7, Osorno, julio-diciembre 2010. P. 83*). Масонские ложи использовались наполеоновской Францией для продвижения своих интересов (*Valín Fernández A. Botas y espadas en la secreta sociedad de la escuadra y el compás: la masonería y los militares en la Historia de España // Anuario Brigantino. 2004. № 27. P. 224*). Кстати, в Каракасе, в 1808 г. французские агенты подняли бунт, что заставило власти провозгласить королем Фердинанда VII (*Mateu y Llopis F. El título «Rex Indiarum» del «Hispaniarum Rex» en las monedas y en las medallas // Historia. Instituciones. Documentos. 1980. № 7. P. 31*). В 1808 г. в Картахене в Новой Гранаде была основана масонская ложа *Tres Virtudes Teologales* («Три богословских добродетели»), ставшая к 1811 г. революционным идейным центром, продвигавшим идеи независимости от Испании (*Arrieta-López M. Freemasonry in Colombia (18th–19th Centuries): French or Continental Origin, Leading Freemasons, the Catholic Church, Political Parties and Revolutionary Elements in South America // Revista Perseitas. 2021. Vol. 9. P. 14*).

Я считаю, что в данной медали мог быть эмблематически зафиксирован посыл разгрома и победы верных Бурбонам консерваторо-роялистов над либеральным масонством как предателем интересов Испании. Одним из действенных средств борьбы была антима-сонская пропаганда (*Santiago del Solar F. Masones y Sociedades Secretas: redes militares durante las guerras de independencia en América del Sur // Amérique Latine. Histoire & Mémoire. Les Cahiers ALHIM. 2010. № 19*). И в данном случае, вероятно, мы имеем дело с одним из примеров оной. Упавшая корона могла обозначать новую власть, новую династию, опиравшуюся, среди прочих «офранцузенных» предателей на масонов. Именно поэтому она была одна, а не три, как в гербе г. Сьюдад де ла Плата.

Герб-псевдоним графов Северных

В русской культуре распространены псевдонимы. В то же время в западной культуре были гербы-псевдонимы. Тот или иной рыцарь мог появиться на турнире инкогнито под выдуманнным именем или в образе легендарного героя под вымышленным гербом. Были ли гербы-псевдонимы в России?

В 1781–1782 гг. наследник русского престола Павел Петрович, вместе с женой Марией Федоровной совершили свое «Большое путешествие» по столицам европейских государств, в сопровождении небольшой свиты. Путешествовали они инкогнито, под именем графа и графини Северных (*comtes du Nord*).

Организацией поездки занимался флотский капитан Сергей Иванович Плещеев. По итогам поездки им была составлена карта путешествия (Карта путешествия их Императорских Высочеств Государя Великого Князя Павла Петровича и Государыни Великой Княгини Марии Федоровны восприявших звание графа и графини Северных в 1781 и 1782 гг. Сочиненная по новейшим наблюдениям долготы и широты знатнейших в Европе мест бывшим в свите их Императорских Высочеств флота капитаном Сергеем Плещеевым в 1783 году. СПб., 1783). На гравюре, украшающей карту, изображена карта с геральдическим щитом с серебряной звездой. Возможно, что это не просто элемент декора, а герб-псевдоним графов Северных.

Других изображений этого герба мы не нашли, также как и его описания или даже упоминания того, что у графов Северных был герб со звездой. Есть только косвенные подтверждения, что образ Павла и супруги соотносился с образом «Северной звезды» (Полярной звезды).

24 ноября 1781 г. венценосная пара прибывает в Вену и газета *Wiener Zeitung* приветствовала их стихами, в которых Павел назван большой Звездой Севера (*grosse Stern aus Norden*), которая сияет в Вене в полном величии (*Кобеко Д.Ф.* Цесаревич Павел Петрович. СПб., 1883. С. 208).

Во Французских источниках можно найти рассказ, что во вторник 21 мая 1782 г. августейшая пара, вернувшись в Париж из Версаля, нашла в своем отеле стихотворение-рондо в котором была аллегория Полярной звезды (*l'etoile du Nord*): «Привет Полярная звезда, что освещает наши берега» (*Le Comte et la Comtesse du Nord. Anecdote russe mise au jour par M. le Chevalier Du Coudray. Berlin, 1782. P. 17–18*).

7 июня 1782 г. Мадлен де Пюизье преподносит Великой княгине стихотворение озаглавленное «Предсказание графине Северной

от женщины-философа, автора 32 томов». Где Мария Федоровна сравнивается со «звездой Севера источающей ослепительный свет». Баронесса Оберкирх отмечает, «что составить такую банальность не стоит печатать тридцать два тома» (*Memoires de la baronne d'Oberkirch. Paris, 1853. T. 1. P. 275*).

Прозвище «Северная звезда» в Европе могло быть связано и с другими российскими императорами. Например, опера Джакомо Мейербера «Северная звезда», написанная в 1854 г. на либретто Эжена Скриба повествует о похождениях Петра Великого (*Meyerbeer G., Scribe E. La stella del nord; dramma comico in tre atti. Milano, 1856*).

Прообразом герба могла стать эмблема из *Symbola et emblemata* № 118 — Северная звезда с девизом: «Указует нам путь» (*Symbola et emblemata. Amsterdam, 1705. P. 40–41*).

Таким образом, северная звезда, изображенная в гербе на карте, имеет четкую символическую ассоциацию с графами Северными и могла служить гербом-псевдонимом, либо эмблемой, созданной постфактум под влиянием этих ассоциаций. Но и в этом случае выполнять роль герба-псевдонима.

И.Е. Ермолова
к.и.н., доц. ИАИ РГГУ

Греко-римские алтари в Северном Причерноморье по Аммиану Марцеллину

В тексте «Деяний» Аммиана Марцеллина есть сообщение об алтарях, посвященных Александру Великому и Октавиану Августу. Он относит эти жертвенники к реке Борисфену: «Borysthenes <...> cuius in marginibus <...> arae Alexandro Magno Caesarique Augusto sacratae» (*Amm. Marc. XXII.8.40*). Впервые в античной традиции упомянул эти сооружения в Северном Причерноморье Клавдий Птолемей, правда, на Танаисе: «Infra inflexum autem Tanais fluvii positae sunt Alexandri Arae et Caesaris Arae» (*Ptol. III.5.12*). Кроме Птолемея на алтари Александра Македонского на Танаисе указывает Павел Орозий (*Oros. I.2.4*).

В текст Птолемея, вероятно, вкралась ошибка вследствие того, что греки путали реки Яксарт (совр. Сырдарья) и Танаис (совр. Дон) (*Tomaschek W. Ara, arae // Pauly's Realencyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa. Stuttgart, 1895. Bd. II. Sp. 339*). Действительно, Плиний Старший пишет, что Александр дошел до Согдианы, в том числе до реки Яксарт, про которую он и его воины думали, что это — Танаис; основал там очередную Александрию и алтари, посвященные богам, древ-

ним правителям и самому себе: «In ultimis eorum (Sogdianorum) finibus Alexandria ab Alexandro Magno condita. Arae sunt ab Hercule et Libero patre constitutae item Cyro ei Semiramide atque Alexandro, finis omnium eorum ductus ab illa parte terrarum, includente flumine Jaxarte, quod Scythae Silim vocant, Alexander militesque ejus Tanaim putavere esse)» (*Plin. HN.VI.49*). Что собою представляли такие алтари, известно из текста «Похода Александра» Арриана и «Исторической библиотеки» Диодора. И тот, и другой сообщают о жертвенниках, сооруженных в конце индийского похода (*Plut. Alex.62*): «Александр, разделив войско на отряды, приказал им соорудить двенадцать алтарей, высотой с самую высокую башню, а шириной больше, чем бывают башни: благодарность богам за дарованные победы и память о понесенных трудах» (*Arrian. Anab. V.29.1.*; пер. по изд.: *Арриан. Поход Александра / Пер. М.Е. Сергеев. М., 1993; Diodor. XVII.95.1*).

В определении местоположения алтарей Александра Македонского в Северном Причерноморье, если сообщения о них имеют под собой реальную почву, прав скорее Аммиан Марцеллин, связывающий их с Борисфеном, так как Помпей Трог сообщает о войне Зопириона, полководца Александра Великого, наместника то ли в Скифии (*Pomp. Trog. (Justin.) XII.1.4*), то ли Понта (*Oros. III.18.4*), то ли Фракии (*Curt. Ruf. X.1.44*), со скифами (*Pomp. Trog. (Justin.) II.3.4; Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1904–1906. Т. 2. С. 56, 61*). А в «Сатурналиях» Макробия есть свидетельство того, что Зопирион дошел до ворот Ольвии, но был разбит борисфенитами (*Macr. Saturn. I.11.33; Латышев В.В. Известия ... С. 392*). Возможно, именно ко времени этого похода (331 г. до н. э.) относится появление в Северном Причерноморье алтарей, посвященных знаменитому македонцу.

Жертвенники же, посвященные Гаю Юлию Цезарю Октавиану Августу, могли быть сооружены, как сообщает Птолемей, на территории Боспорского царства в период активизации римской внешней политики по отношению к нему. Произошло это во время восточной экспедиции Марка Випсания Агриппы. Евсевий Иероним сообщает, что он подчинил Боспор (*Euseb. Hieron. Chron.; Латышев В.В. Известия ... СПб., 1890–1899. Т. 1. С. 673.*). Вероятно, после данного похода в государствах Таврики, Боспорском царстве и Херсонесе был учрежден культ императора (*Голубцова Е.С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951. С. 87; Цветаева 1979. С. 103; Кадеев 1981. С. 33*). Из боспорских надписей известно, что должность жреца храма в честь императора была пожизненной и даже наследственной (КБН 1050), а первосвященниками августов были боспорские цари. Религиозное поклонение римским императорам прослеживается со времени царицы Динамии (Корпус Боспорских надписей. М.; Л., 1965. № 38, далее — КБН) и Полемона

Понтийского до начала III в. н.э., правления Тиберия Юлия Рескупорида III (210–227/228) (КБН 1047; 42; 981; 982; 983; 53). Два главных города Боспорского царства были переименованы в честь римлян, видимо, при Полемоне (*Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 317, 458, 552, 586; *Зограф А.Н.* Античные монеты. М., 1951. С. 193; *Голубцова Е.С.* Северное Причерноморье... С. 88). Пантикапей — в Кесарию в честь императора Августа, а Фанагория — в Агриппию в честь Марка Агриппы (КБН 979; 982; 983). Они сохраняли эти названия до начала IV в. (КБН 1051).

Насколько сведения Аммиана Марцеллина и его предшественников о греко-римских алтарях в Северном Причерноморье достоверны и соответствуют действительности, сказать трудно. Археологические памятники такого рода здесь пока не найдены.

К.Ю. Ерусалимский
д.и.н., доц., г.н.с. РГГУ

Итинерарий Ивана Грозного. Проблемы интерпретации актовых источников

Исследование выполнено в рамках проекта РФФ № 21-18-00181

Полный итинерарий Ивана IV Васильевича охватывает период с 25 августа 1530 г. по 18 марта 1584 года. Для данной работы ключевое значение имеют локализации событий в жизни московского правителя. Только те свидетельства принимаются к сведению, которые, во-первых, прямо относятся к проблеме местонахождения Ивана IV и, во-вторых, точно (до месяца и дня или хотя бы до месяца) датированы и локализованы. Прямой может считаться локализация, выставленная в грамотах, составленных от имени государя, даже если независимые источники и здравый смысл могли бы говорить лишь о его формальном участии в выдаче грамот. Локализация приведена не во всех дошедших в подлинниках и списках грамот, а степень точности в датировках грамот варьирует. В нашей работе собраны лишь те датировки, которые указаны в самих источниках, а источники, датированные неполно или недостаточно точно, или если в них утрачены отдельные элементы эсхатокола, играют и подчиненную роль в самом итинерарии или вовсе не принимаются во внимание.

Грамоты датированы и локализованы в эсхатоколе («на Москвѣ», «на Коломне», «в Старицѣ», «в Великом Новѣгородѣ», «во Псковѣ», «в Новѣгородѣ в Нижнем» и т.д.). Участие Ивана IV в составлении подчеркивается при помощи *intitulatio* «се яз» и заверением на обороте грамоты, которое менялось по форме, но всегда содержит следы личного участия государя в выдаче. Эти подписи на

оборотах грамот не имеют прямого отношения к участию лица, ответственного за выдачу грамоты, в ее составлении, однако присутствие такого лица при этой процедуре весьма вероятно (*Каушанов С.М.* Русская дипломатика. М., 1988. С. 170–171). Те же элементы, что и подпись на обороте, содержит скрепляющая печать государя. На оборотах наряду с *subscriptio* нередко указывается подтверждение грамоты, однако его нельзя использовать для целей итинерария, поскольку место слушания дела в подтверждениях не указывается.

Помимо формальной датировки и локализации итинерарий требует учитывать латентную информацию, заключенную в содержательной части актовых источников. Впрочем, она носит вторичное и подчиненное значение, поскольку не отвечает задачам летописи жизни и, как правило, содержит лишь косвенные свидетельства присутствия Ивана IV в тех или иных местностях. Показательна в этом смысле частично сохранившаяся подлинная грамота о сборах пошлин и податей адресатами и доставлении подобной грамоты в волость Варзугу от 24 августа 1581 г. Грамота надежно локализована Старицей, где царь находился, готовясь дать отпор войску Стефана Батория. Эсхатокол весь приписан особыми чернилами, и это не уникальный пример того, как составители грамот делали отступ для последующего указания места и времени выдачи. Латентная информация, заключенная в описании обстоятельств дела и распорядительной части грамоты, не позволяет точно локализовать местонахождение великого князя и царя на момент составления грамоты, а указывает лишь на те или иные особенности ведения делопроизводства.

Латентные упоминания могут быть значимы для понимания механизма создания грамот, но почти никогда не дают информации, которая была бы достаточной для итинерария. Локализация грамоты белозерским городовым приказчиком от 4 февраля 1545 г. Москвой может быть предложена только как чистая догадка, даже учитывая присутствие в тексте грамоты формулы «стати передо мною на Москвѣ». Во многих других случаях формулы «к нам на Москву», «к Москвѣ», «здесь нам били челом» и т.п. относятся не к моменту составления грамоты, а к отчетному действию контрагента, которое должно происходить с санкции государя в будущем и для его итинерария не имеет значения.

Столь же сомнительно для наших целей значение грамот «по слову», «по наказу», «по указу», «по присилной грамоте и наказу», «по жалованью и приказу» Ивана IV. Непрямое участие государя в выдаче актов резко сокращает вероятность его присутствия при этом процессе. Нельзя исключать, что «слово» прозвучало вдали от места выдачи и в отдаленный хронологически момент истории.

Монастырские и храмовые описи, реестры и переписные книги XVI–XIX вв. содержат ценные сведения, нередко касающиеся утра-

ченных памятников и среди них — грамот, однако для целей нашего исследования такие источники крайне общи и неконкретны в датировке и локализации. Как правило, описание грамот в таких источниках ограничивается указанием на выдачу от лица монарха, год выдачи от Сотворения Мира, адресатами, санкцией, наличием и состоянием печати. Ни места их выдачи, ни более точных датировок при этом нет, и дальнейшее источниковедческое исследование этих упоминаний само должно учитывать особенности итinerary Ивана IV, который требует установления с опорой на иные свидетельства.

В актах локализация приводится с точностью до города, монастыря, слободы, двора. Грамоты с Московского Опричного двора доказывают, что на сентябрь 1566 г. этот двор имел статус особого поселения за границами Москвы: ОР РНБ. ОСАГ. № 159. Л. 1-1 об. (Москва, Опричный двор, 19 сентября 1566 г., подлинный столп, красный шнур, печать частично сохранилась). Получатель (адресат) грамоты представляет интерес для историко-географического исследования, поскольку его или ее нахождение в перспективе должно пересекаться с задачами итinerary Ивана IV. Выдача грамоты с большой долей вероятности свидетельствует о том, что получатель этой грамоты или его представитель в момент выдачи находился в том же месте, которым локализуется грамота, хотя адресат грамоты далеко не всегда тождественен ее фактическому получателю. Это заставляет включать в описательную часть итinerary всех лиц, с той или иной долей вероятности причастных к возникновению грамоты, учитывая не только ее *inscriptio*, но и *arenga*, *narratio* и *dispositio*, где могут упоминаться челобитчики. Не столь значимы в этом смысле, как уже говорилось, *subscriptio* и скрепы на обороте грамоты, поскольку они характеризуют момент технической подготовки или архивирования документа, который может отстоять от его даты и локализации. Все географические наименования в содержательной части акта, начиная с преамбулы и включая санкцию, могут также сколь угодно отстоять от места выдачи.

А.Е. Жуков
к.и.н., н.с. НИОР БАН
доц. СЗИУ РАНХиГС

К истории формирования Библии Матфея Десятого

Исследование выполнено в рамках проекта № 075-15-2020-786 МНУВО РФ

Библия Матфея Десятого (Супрасльский сборник 1507 г.) является одним из наиболее значимых памятников славяно-русской книжности XVI века. Этому манускрипту посвящена обширная историография. Результаты исследований были обобщены в моногра-

фии, прилагающейся к факсимильному изданию памятника, увидевшему свет в 2020 г.: Библия Матфея Десятого 1507 года. Из собрания Библиотеки Российской академии наук: в 2 т. СПб., 2020. Т. 2. Исследования и материалы / Подг. изд. и исслед. А.А. Алексеев (отв. ред.), А.Е. Жуков, Ф.В. Панченко. В данном труде удалось не только ответить на ряд вопросов, касающихся литературной деятельности Матфея Десятого, но и обозначить перспективы для дальнейшего изучения его рукописи. В частности, в дальнейшем исследовании нуждается вопрос об истории формирования Супрасльского сборника 1507 г. Этой проблеме посвящена настоящая работа.

Рассматривая бумагу, на которой выполнена Библия Матфея Десятого, мы обратили внимание на большое разнообразие водяных знаков, встречающихся в рукописи. Только в первой части, содержащей собственно библейские книги, удалось выявить 66 филигранных четырех сюжетов (голова быка, тиара, три горы и гапакс неопределенного сюжета). При составлении таблиц распределения филигранных мы привязали каждый из них к определенной литерной номенклатуре (голова быка — Б, тиара — Т, три горы — Г). Водяным знакам был присвоен номер в соответствии с их расположением в рукописи. Таким образом, для каждой филигранны был сформирован индекс, состоящий из литеры и цифры. Филигрань с индексом «Т-11» — это тиара, которой предшествовало еще 11 водяных знаков данного сюжета (Библия Матфея Десятого. Т. 2. С. 64–65; на с. 194–221 — Таблица водяных знаков). В предыдущей работе мы отметили, что жесткой системы в чередовании водяных знаков не прослеживается (Библия Матфея Десятого. Т. 2. С. 64). Однако при более внимательном рассмотрении становятся очевидны определенные тенденции в появлении тех или иных филигранных. В составе Супрасльского сборника 1507 г. можно выделить четыре комплекса водяных знаков, границы которых совпадают с границами книг, вошедших в него: 1) Б-2–Б-19 и Т-2–Т-5 (ветхозаветные книги); 2) Б-20–Б-34 и Т-6–Т-8 (Псалтирь, Евангелие, Апокалипсис); 3) Т-9–Т-22 (Апостол); 4) Б-14–Б-21, Б-37 и Т-23–Т-28 (Устав). На особой бумаге переписана вторая часть рукописи (л. 478–550), содержащая службы избранным святым и праздникам (Б-39–Б-51). В первой части рукописи эти водяные знаки не встречаются. Особое внимание следует обратить на тетрадь 38. В ней одновременно присутствуют водяной знак Б-10, встречающийся исключительно в ветхозаветной части манускрипта, и Б-20, характерный для блока книг «Псалтирь–Евангелие–Апокалипсис». На наш взгляд, данная особенность объясняется тем обстоятельством, что тетрадь 38 является составной. Ее основная часть (л. 299–303) содержит текст апокрифа «Деяния ап. Петра и Павла» (подробнее см.: Библия Матфея Десятого. Т. 2. С. 103–104). Полагаем, что он был переписан в одно время с книгами пророков.

Исходя из вышеизложенных обстоятельств, можно сделать вывод, что распределение филиграней в Супрасльском сборнике 1507 г. отражает этапы работы Матфея Десятого над кодексом. Переписывались ли книги в том порядке, в котором они расположены в рукописи? Ветхозаветная часть сборника (исключая Псалтирь) была переписана раньше новозаветной. Работа над Псалтирью и Евангелием началась сразу же после завершения ветхозаветного блока. Предисловия к Псалтири помещены на л. 166–173. Эти листы распределены между тетрадами 21 (л. 164–171) и 22 (л. 172–179). Собственно текст Псалтири начинается с л. 174, относящегося к тетради 22. Если бы Ветхий завет и Псалтирь были переписаны не последовательно один за другим, а отдельно друг от друга, то начало нового памятника приходилось бы на начало новой тетради. Однако в Супрасльском окончание старого текста и начало нового помещены в одной тетради. По этим же причинам мы полагаем, что Устав был переписан следом за Апостолом. Не вполне однозначно выглядит ситуация с Апокалипсисом. Его текст был переписан отдельно (иначе затруднительно объяснить удаление последнего листа тетради 36, которой завершается Евангелие) (*Подковырова В.Г.* Откровение Иоанна Богослова в Сборнике Матфея Десятого (БАН, Срезн. II. 75) // *Славянская библия в эпоху раннего книгопечатания: к 510-летию создания Библейского сборника Матфея Десятого.* СПб., 2017. С. 198). Однако не вполне ясно, на каком этапе работы над рукописью произошло его копирование. В тетради 37, содержащей текст Откровения Иоанна Богослова, встречаются водяные знаки Б-18, Б-23 и Б-28. Эти филиграны характерны для второго и четвертого блока филиграней. Следовательно, Апокалипсис мог быть переписан либо после Псалтири и Евангелия до начала работы над Апостолом, либо в одно время с Уставом. Склоняемся к первой версии. Дело в том, что для почерка Матфея Десятого характерна некоторая вариативность. Книги могут быть поделены на несколько блоков, каждый из которых выполнен в особой писцовой манере (*Жуков А.Е.* «Библейские книги» Матфея Десятого в контексте общественно-политической и религиозной жизни Великого княжества Литовского на рубеже XV–XVI вв. // *Каптеревские чтения.* М.; Серпухов, 2018. Вып. 16. С. 53–54). По своим графическим особенностям Апокалипсис ближе к Евангелию, чем к Уставу.

На основании вышеизложенных фактов мы приходим к выводу, что книги, вошедшие в состав Библии Матфея Десятого, переписывались в несколько этапов в той последовательности, в которой они расположены в рукописи. При этом, составитель мог по каким-либо причинам копировать некоторые тексты отдельно от других в особые тетради и вставлять их в манускрипт.

Герб Иисуса Христа в изобразительном искусстве XV–XIX веков

В период расцвета готики в Западной Европе получает распространение изображение «герба Иисуса Христа». Он встречается и в миниатюре, и в монументальной живописи. Этот образ наделяется всеми чертами традиционной европейской геральдики того времени. Особенно показательны миниатюры XV в. — например, в таком известном источнике, как Хигальменский гербовник, созданный в Кельне в 1447–1455 гг. (Геральдическая коллегия, Лондон).

Кроме «герба Христа» в западноевропейской традиции с XIII в. получил распространение «Щит Святой Троицы», или «Щит веры». Он известен во многих изображениях, в основном XIII–XVIII вв., и в разных видах искусства, как и в геральдике (например, в Гербовнике Вернигероде около 1490 г.). Особенно интересно, на наш взгляд, его сочетание с образом смесопостасной Троицы, активно распространившейся в латиноамериканской религиозной живописи, а также встречающимся и в Европе (композиция из собрания ГМИР).

Нас, однако, интересует именно появление «герба Христа» в изобразительном искусстве. Одно из ранних изображений включено в живописное убранство капеллы Санта Кроче в Мондови. Цикл фресок в капелле датируется серединой XV века. В нем прославляется Крест, повергающий врагов Церкви и увенчивающий верных христиан. Справа на соседней стене здесь помещены Орудия страданий, сгруппированные вокруг расположенного в центре щита, несущего на себе еще одну композицию из Орудий, которая представляет именно «герб Иисуса Христа». Щит увенчан шлемом с терновым венцом на нем — традиция, свойственная средневековым воинам, отправлявшимся в Святую Землю. В случае с фресками капеллы в Мондови, «герб Христа» предстает как часть вооружения воина, отправлявшегося в крестовый поход. Вместе с тем, это изображение имеет отношение к общему смыслу композиции с Орудиями, поскольку она является индульгенцией, о чем свидетельствует помещённый внизу свиток с текстом о даруемом отпущении грехов каждому, вознесшему здесь свои молитвы.

Традиция картин и фресок-индульгенций была весьма распространена в Западной Европе, особенно в XV столетии. Мы ее специально рассматривать не будем, отметим только, что композиция с такой функцией могла включать в себя и «герб Христа», о чем ярко свидетельствует роспись капеллы Санта Кроче.

Большой интерес вызывают появления «герба Иисуса Христа» в более поздних произведениях. Обратим внимание на гравюру из

назидательного опуса бенедиктинского монаха Бенедикта Хафтена «Школа сердца» (*Schola cordis*) 1629 года. Изображение представляет сцену защиты души отроком-Христом, трактованным как Любовь Небесная. Юный Христос закрывает душу, показанную в образе отроковицы, щитом, на котором присутствует именно «герб Христа», традиционно демонстрирующий Орудия страданий в геральдической композиции.

Казалось бы, трактованный в традиции западноевропейской геральдики «герб Христа» совершенно чужд русскому религиозному искусству. Однако он возникает в новой трактовке и в самой неожиданной сфере. Композиция из книги Бенедикта Хафтена 1629 г. в конце XIX в. была переосмыслена в старообрядческой среде, о чем свидетельствует лубок из собрания ГИМ, до сих пор не сравнивавшийся со своим западноевропейским первоисточником и носящим протяженное название «Изображение христианина, которого ангел прикрывает щитом от стрел дьявола и соблазнов мира». Щит в руках ангела отсылает нас к «гербу Христа» в гравированной Бозцием Болсвертом композиции из книги Бенедикта Хафтена, но он, конечно, «переведен» в сферу традиционной православной культуры — перед нами Голгофский крест с копьём и губкой на древке по сторонам.

Лубок из собрания ГИМ вызывает множество вопросов, на которые не так просто найти ответы. Во-первых, он является единственным известным нам произведением, демонстрирующим присутствие книги «Школа сердца» в России (или, по крайней мере, гравюры из нее). Это единственный российский след опуса Бенедикта Хафтена 1629 г., который нам пока удалось обнаружить, при том, что вторая его книга «Царский путь креста Господня» 1635 г. была хорошо известна, переведена Иоанном Максимовичем, митрополитом Тобольским и Сибирским, и многократно переиздавалась. Во-вторых, остается неясным, насколько оригинален упомянутый лубок, или же он восходит к более ранней старообрядческой композиции. В любом случае, мы надеемся, что дальнейшие изыскания помогут пролить свет на загадки, сопровождающие этот интереснейший памятник.

С.В. Зверев
зав. Отделом Нумизматики и археологии ММК

«Славянофильский» герб на российских медных монетах 1849–1858 гг. и бумажных деньгах 1841–1865 гг.

В России в середине XIX в. следует отметить на монетах и бумажных деньгах одновременное бытование двух вариантов Малого Государственного герба с разным «геральдическим наполнением», что является уникальным случаем в нумизматике и бонистике.

Еще во второй половине 30-х гг. XVIII в. И.К. Гедлингер создал Большую Государственную печать, на которой щит на груди двуглавого орла с изображением Московского герба обрамлен цепью ордена Св. Андрея Первозванного, а вокруг орла помещено шесть овальных щитков с земельными гербами, отражающими начало императорского титула: Киевский, Владимирский, Новгородский, Казанский, Астраханский, Сибирский. Аналогичная композиция сохранялась на печатях до времени Николая I (*Пчелов Е.В.* Российский Государственный герб. Композиция, стилистика и семантика в историческом контексте. М., 2005. С. 51).

Такая композиция сохранялась на Государственных печатях до царствования Николая I и даже в 1840 г. воспроизведена в посвященном униформе русской армии баварском альбоме Д. Монтеня и Г.А. Эккерта в качестве Малого Государственного герба (*Monten D., Eckert H.A.* Das Russische Militair aus dem grossen Werke Saemmtliche Truppen von Europa. Charakteristischen Gruppen dargestellt, entworfen und nach dem Leben gezeichnet / von Dietrich Monten & H.A. Eckert in Munchen; Wurzburg: Herausgegeben und verlegt von Christian Weiss, 1840. [S. 4]).

По императорскому указу в 1832 г. Малый Государственный герб получил иной вид. На груди двуглавого орла по традиции был помещен щит с изображением Московского герба, окруженный цепью ордена Св. Андрея Первозванного, а на крыльях орла помещено шесть щитков с гербами царств: Казанского, Астраханского, Сибирского, Польского, Херсонеса Таврического и великого княжества Финляндского (*Лукомский В.К.* Хранение гербов Государственных и Императорского дома. СПб., 1911. С. 351).

Создание такого герба исследователи связывают с подавлением Польского восстания 1830–1831 гг. (*Пчелов Е.В.* Российский Государственный герб. С. 60), однако на монетах он появился несколько раньше. Этот герб помещен на российских платиновых монетах 1828–1845 гг., на золотых и серебряных монетах 1832–1858 гг., на монетах с двойным русско-польским обозначением номинала 1832–1850 гг. и на серебряных монетах для Польши 1835–1841 гг. (*Уздеников В.В.* Монеты России. 1700–1917. М., 2004. С. 35, 43, 135–136, 309–310, 432–433).

Такой же герб изображен на билетах Депозитной кассы Государственного коммерческого банка разных номиналов 1840–1841 гг. (*Мальшиев А.И., Таранков В.И., Смиренный И.Н.* Бумажные денежные знаки России и СССР. М., 1991. С. 268, 392–395). Известна Государственная печать с именем Николая I и Малым Государственным гербом образца 1832 года.

Но в 1849–1858 гг. на медных монетах помещали несколько иной вариант герба. Гербовый орел под тремя коронами, со скипет-

ром и державой в лапах, нес на груди щит с гербом Москвы в обрамлении орденой цепи Св. Андрея Первозванного. На крыльях размещены земельные гербы: великих княжеств Новгородского и Киевского, царства Астраханского, великого княжества Владимирского, царств Казанского и Сибирского (*Уздеников В.В.* Монеты России. С. 248–249, 433; *Уздеников В.В.* Геральдическое оформление российских монет. 1700–917. М., 1998. С. 11–12, 25–26, 33–34).

Е.В. Пчелов отметил, что такое размещение гербов восходит к прежней традиции печатей XVIII в. и высказал мнение, что «статусность» герба соотносится с монетным металлом и неофициальный герб помещен на меди (*Пчелов Е.В.* Российский Государственный герб. С. 126).

Однако этот вывод вызывает возражение, поскольку такой герб в 1841 г. сменил официальный герб на бумажных деньгах, имевших более высокий номинал, чем даже золотые и платиновые монеты. Он помещен на всех номиналах кредитных билетов Сохранных казен и Государственного заемного банка 1841 г. и государственных кредитных билетах 1843–1865 гг. (*Мальшев А.И. и др.* Бумажные денежные знаки. С. 268, 396–399).

Аналогичный рисунок являют клейма и филигранные на гербовой бумаге, на билетах на проживание и паспортах 1840-х – 1850-х годов.

Столь заметное возвращение в 40-е гг. XIX в. на крылья геральдического орла гербов великих княжеств Киевского, Владимирского и Новгородского видимо имело свои причины. Ведь официально с 1832 г. их заменили гербы новых европейских владений России — царств Польского и Херсонеса Таврического и великого княжества Финляндского. Не исключено, что «геральдическое соперничество» двух однотипных орлов отразило развернувшуюся в то время российском обществе идейную борьбу славянофилов и западников. Если новый официальный Малый Государственный герб зримо указывал на новое место страны в Европе и был вполне «западническим», то вариант с гербами древних русских великих княжеств можно назвать «славянофильским», указывающим на самобытный исторический путь России.

Интересно отметить, что на документах, выдаваемых в те годы на территории Царства Польского, всегда помещен лишь «западнический» герб образца 1832 г., помещаемый на региональных монетах.

Объединение двух наборов гербов произошло в ходе геральдической реформы Б. Кене 1856–1857 гг., когда изображение орла было изменено. Рисунок Малого Государственного герба был исполнен художником Гербового отделения Департамента Герольдии А.А. Фадеевым и высочайше утвержден 8 (20) декабря 1856 года.

На крыльях двуглавого орла было помещено восемь щитков со всеми перечисленными выше гербами, причем гербы трех русских

великих княжеств были объединены на одном щитке и добавлен еще один щит с гербом Грузинского царства.

При этом, фактическое применение такого герба произошло раньше официального утверждения. Он помещен на памятной медали в честь коронации Александра II, состоявшейся 26 августа (7 сентября) 1856 года.

В 1856 г. сложилась удивительная ситуация, когда на разных монетах и медалях бытовало три варианта Малого Государственного герба. В дальнейшем «славянофильский» герб старого образца еще сохранялся на бумажных деньгах до середины 60-х гг. XIX в., что было связано с использованием уже имеющихся клише.

С.В. Зверев
зав. Отделом Нумизматики и археологии ММК
А.М. Колызин
с.н.с. Отдела Нумизматики и археологии ММК

Особенности монетного производства и техника изготовления пул в Тверском великом княжестве в XV веке

Денежное обращение и монетное дело в Твери в XV в. уже становились темой исследований российских нумизматов (*Рубцов М.В.* Деньги великого княжества Тверского: Из трудов Тверского областного археологического съезда. Тверь, 1904; *Гайдуков П.Г.* Медные русские монеты конца XIV–XVI вв. М., 1993. С. 39–59, 149–200; *Сотникова М.П.* О денежном чекане Великого кн. Тверского Ивана Михайловича (первая четверть XV в.) // Пятая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 1997. С. 65–66; *Сотникова М.П.* О денежном чекане великого кн. Тверского Бориса Александровича (1425–1461) // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 1998. С. 130–132; *Сотникова М.П.* О денежном чекане великого кн. Тверского Михаила Борисовича (1425–1461) // Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 1999. С. 112–114; *Сотникова М.П.* О денежном чекане удельного княжества Кашинского (первая четверть XV в.) // Восьмая всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 2000. С. 134–136; *Хухарев В.В.* Об одном монетном типе тверского чекана // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Мат-лы науч. семинара. Тверь, 1996. Вып. 1. С. 253–259; *Хухарев В.В.* Денежное обращение и монетное дело в Твери в XV в. // Тверской археологический сборник. Тверь, 2004. Вып. 4. С. 358–363; *Зверев С.В., Пчелов Е.В.* Статус Великого княжества Тверского и его монетная чеканка после 1485 г.

// Нумизматические чтения 2010 года. К 190-летию со дня рождения И.Е. Забелина. Тезисы докладов и сообщений. М., 2010. С. 40–43).

В развитие темы следует рассмотреть некоторые особенности денежного дела в Твери. В средневековье монетное право существовало, как важная регалия и служила для обозначения статуса. Имело значение какую монету разрешено чеканить — крупную или мелкую, из серебра или меди, от своего имени или сюзерена, или анонимную и т.п. В Тверском великом княжестве важность сохранения монетной регалии за удельными Микулинским, Кашинским и Городенским княжествами выражалась в чеканке местной монеты, даже когда Кашинским уделом владел сам великий князь Тверской, а не кто-то и числа его родственников.

Если серебряные монеты обычно несут имена князей, то медные монеты — пулы — бывают именными княжескими, или только с названием города, или анонимными. По аналогии со средневековым монетным делом Западной Европы можно предположить, что монеты с надписями лишь с указанием на столицу — «ПУЛЬ ТФЪРСКИ» и т.п. — могли означать, что монетное право было у города и распространялось только на выпуск меди, что подчеркивало пониженный статус по отношению к великокняжескому чекану.

Следует отметить, что после захвата в 1485 г. Твери Иваном III, некоторое время сохранялась «удельная» чеканка именно медных монет от имени наследников престола Ивана Молодого (ум. в 1490) и Василия Ивановича (*Зверев С.В., Пчелов Е.В.* Статус. С. 40–43). А затем пулы вновь стали чеканить с именем города. При этом серебряные денги после 1485 г. продолжали выпускать только от имени Великого князя Московского.

Для серебра сохранялась традиционная техника чеканки монет на кусочках расплющенной проволоки. Но для выпуска медных монет наблюдается большее разнообразие техник. Часть пул отчеканена на кусочках расплющенной медной проволоки (*Гайдуков П.Г.* Медные русские монеты. С. 35–37). По предположению П.Г. Гайдукова, некоторые монеты отчеканены на заготовках, вырезанных из листа меди, а часть — на литых заготовках (*Гайдуков П.Г.* Медные русские монеты. С. 35, 45). Однако дальнейшие исследования показали, что тверские пулы некоторых типов полностью изготавливали способом литья в двусторонних формах. Так сделана часть пул с изображением рогатого существа и надписью «ПУ | ЛЪТ | ФЕРС» или «ПУЛ | ЪТФЕ | СРКО или «ПУЛ | ТФЕР | СК | О». Были выявлено наличие литейного шва на гурте, глубокого рельефа, выступающего края и общей волнистости монетного поля, наличие одного или двух литников (*Хухарев В.В.* Об одном монетном типе. С. 255).

Проведенная экспертиза металла литых пул с рогатым существом на рентгенофлюорисцентном энергодисперсионном анализаторе

Призма-М (Au) показала интересный состав сплава, весьма далекий от чистой меди: Fe — 3,25; Ni — 1,70; Cu — 24,93; As — 4,97; Ag — 1,27; Sn — 19,27; Sb — 14,10; Pb — 30,50. Второй замер показал схожие результаты: Fe — 3,50; Ni — 1,78; Cu — 26,02; As — 4,95; Ag — 1,06; Sn — 17,47; Sb — 13,75; Pb — 31,47. Понятно, что для отливки монет использовали бронзу, основными компонентами которой были свинец, медь, олово и сурьма и в меньшем количестве другие металлы.

Также признаки техники литья в формах заметны на некоторых других типах пул, которые на другой части монет передают характерные особенности «проволочной» чеканки. Например, некоторые пулы с птицей и зеркальной надписью «ПУ | ЛЬТФ | ЕРСК | О» имеют следы двойного удара штемпелей, что вроде бы однозначно указывает на чеканку несопряженными штемпелями (*Гайдуков П.Г. Медные русские монеты. С. 44–45*). Но часть монет этого типа несет признаки литья.

Возможно, этот тип пул, как и некоторые другие тверские медные монеты, был воплощен в двух техниках. Сначала велась чеканка на расплюснутых кусочках медной проволоки, а затем некоторые готовые монеты послужили моделями для изготовления однотипных литых пул, которые сохранили некоторые черты чеканенных прототипов.

Также возможно, что некоторые монеты, вроде бы чеканенные на гладких заготовках, вырезанных из листовой меди, в действительности были изготовлены иначе. Для выделки монет или, по крайней мере, заготовок для них могла быть использована техника жидкой штамповки, когда определенное количество расплавленного металла заливали в емкость с вырезанным штампом одной из сторон монеты и придавливали сверху другим штампом, а полученный застывший диск с неровными краями обрезают ножницами для придания более-менее круглой формы.

Такая техника применялась еще в X–XI вв. для выделки заготовок для древнерусских сребреников (*Зверев С.В. О технике изготовления русских сребреников конца X – начала XI в. // Нумизматические чтения 2009 года. К 80-летию А.С. Мельниковой и 90-летию В.В. Узденикова. Тезисы докладов и сообщений. М., 2009. С. 22–23*).

Для средневековья обычной была практика монетного откупа. Судя по многообразию применяемых техник изготовления монет в Твери, монетный откуп могли брать не только мастера-серебряники, знакомые с техникой волочения проволоки и умеющие вырезать изображения, и надписи на металле. Откупщиками могли быть мастера, занимавшиеся медным художественным литьем и изготавлившие небольшие иконки, подвески, крестики, на которых довольно часто также помещали различные надписи. Ряд типов литых твер-

ских пул XV в. являются своеобразными памятниками материальной культуры и расширяет номенклатуру русской средневековой металлопластики.

Г.А. Зверкина
канд. физ.-мат.наук, доц., с.н.с. ИПУ РАН

О возникновении десятичной нумерации

Древние народы, начиная с определенной ступени развития своих хозяйственных навыков, стали пользоваться таким понятием, как «число». Вначале для подсчета использовались однотипные предметы, количество которых равнялось числу пересчитываемых объектов, — камешки, палочки и проч. Наиболее удобно было использовать пальцы — отсюда счет пятками, десятками и двадцатками, за редчайшим исключением одного племени Папуа. Это подтверждается семантикой числительных многих языков и наблюдениями этнографов.

Со временем числа стали записывать — сначала в виде набора черточек в равном нужному числу количестве; затем стали появляться специальные знаки для чисел 5, 10, 100 и т.п. (это явление отмечалось повсеместно). Со временем системы нумерации совершенствовались, возникла, например, сохранившаяся поныне римская нумерация. В ряде случаев создавались *алфавитные* нумерации. Так, ионийская греческая нумерация состояла из 27 букв (три из которых не использовались в письме) для обозначения чисел 1, 2, ... 9; 10, 20, ... 90; 100, 200, ... 900, а с помощью дополнительных знаков можно было записывать также числа, большие 999; на основе этой нумерации была, в частности, создана церковнославянская нумерация. Подобные алфавитные нумерации использовались арабами, евреями, эфиопами и др.

Но вычисления в таких нумерациях вызывают большие трудности. И вот в трех регионах мира возникли так называемые *позиционные* нумерации: использовалось ограниченное количество знаков, и значение каждого знака зависит от его положения в записи числа, например, 35 — это 3 десятка и 5 единиц.

Самая древняя позиционная нумерация возникла в древнем Шумере, один разряд содержал 60 единиц, то есть, например, число 35 следовало читать как $(3 \times 60 + 5 \times 1) \times 60n$, число n выбиралось в зависимости от контекста решаемой задачи.

Важно, что для возможности отображения всех возможных чисел нужно было использовать новый специальный символ 0 — для указания того, что какие-то разряды в записи числа пропущены; вначале древние шумеры оставляли пропуск между числами, потом ставили точку — со временем эта точка превратилась в кружочек.

Причина выбора в качестве основания системы нумерации числа 60 неизвестна. Замечено, что шумеры считали пятками и десятками; но, кроме того, число 12 очень удобно для вычисления его дробей: оно делится на 2, 3, 4, 6 — и, вероятно, число 12 имело некий сакральный смысл в связи с известным оседлым народам примерно 12-месячным годом.

Цивилизация майя создала 20-ричную нумерацию; но от майя почти не осталось письменных источников. Кроме них, инки использовали десятичную нумерацию, но она сохранилась только в виде веревочных «записей», то есть в виде последовательностей сгруппированных узелков. Генезис этих нумераций неизвестен.

Десятичная привычная нам нумерация называется «арабской», так как европейцев с нею ознакомил арабский ученый ал-Хорезми. Перевод его «Книги об индийском счете» (*Algoritmi de Numero Indorum*, ок. 820) стал широко известен благодаря «Книге абака» (*Liber abaci*, 1202) Фибоначчи (Леонардо Пизанского).

С десятичной позиционной нумерацией арабоязычные ученые познакомились в Индии — там она использовалась с конца VI века, хотя и не повсеместно. Как и в Греции, индийцы использовали для обозначения чисел буквы своего алфавита, но в виде слогов, например: *kha*=1, *kha*=2, *ga*=3, *gha*=4, ..., *ta*=16, *tha*=17, *da*=18, *dha*=19, ..., *ki*=100, *khi*=200, *gi*=300, etc. (*Ifrah G. Histoire universelle des chiffres: l'intelligence des homes racontée par les nombres et le calcul. Paris, 1994. Vol. 2.*)

Отметим, что античное (греческое) математическое знание начало распространяться в Индии, начиная с распространения христианства в Европе, когда «еретическая» наука преследовалась. Об этом свидетельствуют названия индийских сочинений «Пулиса-сиддханта» или «Ромака-сиддханта», то есть сочинения неких Павла и римлянина.

Торговые связи с Востоком и Западом предполагают и знакомство индийских ученых с шумеро-вавилонской наукой и с китайскими научными достижениями. Однако только в 499 г. создается знаменитое сочинение Ариабхаты (476–550) «Ариабхатия», где впервые в Индии замечены десятичные числа (с использованием нуля).

Но в Китае уже давно была создана десятичная нумерация, чему способствовала иероглифическая письменность и национальные приемы счета. Так, число 1234 в иероглифической записи **一千二百三十四(一)** — одна тысяча две сотни три десятка четыре (единицы). Здесь использованы современные знаки, исторически изображения иероглифов существенно менялись. Отбросить название разрядов — и получится позиционная нумерация.

При счете числа писались в таблице: в первой строке — названия разрядов (от 10–128 до 10128), а ниже — собственно значения:

Название разряда	тысячи	сотни	десятки	единицы
уменьшаемое	—	二	三	四
вычитаемое		五	三	二
разность		七		二

Часто вместо таблиц вычисления были на специально расчерченной сетке с помощью палочек: вертикальные обозначали единицы, а горизонтальные — пятки:

I	II	III	III
	I—	III	II
	II—		II

При последующем переносе вычислений на бумагу пустая клетка обозначалась кружочком: из **一二三四** вычесть **五三二** получится **七〇二** ($1234 - 532 = 702$).

Таким образом, достоверно установить генезис появления нуля можно в Китае; как уже говорилось, нуль в виде точки был известен шумерам, также его использовали майя.

Интересно, что Ариабхата сразу начинает использовать символ нуля, и в индийской литературе до этого времени ни понятие нуля, ни его символ не упоминаются. Позиционная нумерация (с использованием изменяющихся с течением времени символов) быстро распространяется по всем регионам Индии и Индокитая, видоизменяясь при использовании другими народами с другой письменностью.

А затем с ней познакомились арабские ученые, а через них десятичная нумерация попала в Европу, где после издания пособия по бухгалтеру «Трактат о счетах и записях» Луки Пачоли (Fra Luca Bartolomeo de Pacioli; 1445–1517; см.: *Пачоли Л.* Трактат о счетах и записях. М., 1994) десятичная нумерация становится повсеместно используемой.

С.С. Илизаров
д.и.н., проф., ИИЕТ РАН

**«Приблизить к реальному читателю». Как было снято
введение О.А. Добиаш-Рождественской к сборнику
«Агрикультура в памятниках Западного средневековья»**

Среди изданий, подготовленных Институтом истории науки и техники АН СССР (ИИНТ), особого внимания заслуживает сборник «Агрикультура в памятниках Западного средневековья». Этот том

содержит важные источники VI–XV вв. по истории сельского хозяйства и сельскохозяйственной техники в странах Западной Европы. Книга была создана усилиями ленинградских медиевистов — В.В. Бахтина, А.А. Константиновой, В.М. Кремковой, А.Д. Люблинской, Е.Ч. Скржинской, А.И. Хоментовской, Н.С. Цемша — учениками и коллегами О.А. Добиаш-Рождественской, которая являлась непосредственным участником проекта, координатором и ответственным редактором. В это научное археографическое издание вошли агро- и зоотехнические тексты из Англии, Германии, Италии и Франции, в том числе сочинения Исидора Севильского, Григория Турского, Альберта Великого, Петра Кресценция и др.

Судя по документам, инициатором данной работы стал М.И. Бурский (1903–1944), ныне полузабытый историк науки, специалист в области сельскохозяйственных наук, чью биографию только недавно удалось в основных чертах реконструировать. Выдвинутая им программа по масштабному изучению аграрной истории получила поддержку академика Н.И. Вавилова, руководившего секцией ИИНТ. Институт с 1932 г. по 1936 г. располагался в Ленинграде, но Бурский сумел летом 1933 г. организовать в Москве свою группу. Будучи человеком весьма целеустремленным, он быстро перехватил инициативу и фактически стал руководителем всего данного направления. Видимо, это оказалось приемлемым для всех и, самое главное, для Вавилова, с его огромной нагрузкой всевозможными научными и научно-организационными делами. Среди прочего Бурский возглавил проект подготовки издания средневековых текстов, их перевод и комментирование, и именно он регулировал работы Добиаш-Рождественской и ее бригады. Отношения между нею — всемирно известным медиевистом-палеографом — и Бурским, молодым исследователем и довольно типичным продуктом новой советской эпохи, были взаимно уважительными. Не очень ясна степень его научной компетентности применительно к данной работе. Бурский прошел курс VII Варшавской гимназии, после чего с 1920-х гг., совмещая службу в Красной армии и затем работая на Северном Кавказе, закончил Донской университет в Ростове-на-Дону. О знании им латинского языка судить сложно: при заполнении личного листка он указывал, что знает французский, немецкий, английский и польский языки, но без оценки степени владения ими. Как бы то ни было, в 1935 г. Бурский с успехом защитил докторскую диссертацию на тему «Агрономы античного Рима». Сохранились тексты отзывов на нее академиков Н.И. Вавилова и В.Р. Вильямса, профессоров Д.Г. Лурье, П.И. Лященко и А.А. Ярилова, в которых давалась очень высокая оценка, а некоторые из рецензентов говорили о работе как о «крупнейшей культурной ценности».

Выявленная в архивах переписка Добиаш-Рождественской и Бурского позволяет проследить завершающие и наиболее драматичные этапы процесса подготовки сборника «Агрикультура...». Так, известно, что к февралю 1935 г. основная работа подходила к завершающей стадии; требовались лишь окончательный отбор иллюстраций и труд редактора по унификации библиографии и терминологии. Однако дело затягивалось. На то были объективные причины: значительный коллективный археографический проект с публикацией сложных древних, иноязычных естественно-научного характера текстов требует особой квалификации исполнителей, большого времени и тщательности. Но главное заключалось в, так сказать, внешних обстоятельствах общегосударственного характера — начавшиеся Московские судебные процессы и, как следствие, объявленная «охота» на Н.И. Бухарина. В результате в созданном и руководимом Бухариным ИИИТ в апреле 1936 г. оказались арестованы ведущие сотрудники, а сам Институт в мае был первый раз закрыт. Именно в контексте этих событий следует рассматривать мотивы, по которым Бурскому пришлось просить Добиаш-Рождественскую о снятии ее введения из сборника «Агрикультура...».

В письмах Бурского 1935–1936 гг. и ответах его корреспондента вопрос о содержании введения обсуждался неоднократно. Известно также об отрицательной рецензии на текст, данной, по выражению О.А. Добиаш-Рождественской, «методологическим рецензентом» А.Д. Удальцовым, настаивавшим на более четкой линии марксистского историзма и строгости. Почувствовав в этом реальную угрозу снятия своего введения, в письме от 23 апреля она настаивала на сохранении общесторического введения, без которого понимание многочисленных и разнохарактерных текстов будет затруднено. В письмах ученого неоднократно рефреном звучали слова о понимании ею необходимости руководствоваться интересами «реального нашего читателя», ради которого она готова в недолгий срок перестроить и «переписать» вводную часть для достижения «близости к реальному нашему читателю». Однако, когда сборник был полностью завершен и был готов для изготовления тиража, М.И. Бурский сам и опираясь на однозначное мнение А.М. Деборина, бывшего тогда заместителем директора ИИИТ и одновременно академиком-секретарем Отделения общественных наук АН СССР, выдвинул перед О.А. Добиаш-Рождественской условие: либо она снимает свое введение, либо книга не выйдет в печати. Этот своего рода ультиматум содержался в пространным и предельно уважительном письме Бурского. Главной причиной такого решения являлось игнорирование во введении указаний Маркса и Энгельса о средних веках как социально-экономической формации. Но в письме содержались многочисленные и весьма прозрачные намеки на особые обстоя-

тельства времени. Первая реакция оскорбленной таким предложением Добиаш-Рождественской была предельно резкой, но вскоре она срочной телеграммой известила Бурского, что, доверяя и принимая оценку момента, данную им и Дебориним, согласна на снятие своего предисловия.

Сборник вышел в конце 1936 года. Последняя редакция неопубликованного введения О.А. Добиаш-Рождественской к сборнику «Агрикультура в памятниках Западного средневековья» сейчас готовится к изданию.

Л.И. Илларионова
главный библиограф РГБ

В.Д. Юшманов — палестиновед, издатель, архивист

Имя Владимира Дмитриевича Юшманова (1870 – после 1930 г.) известно всем специалистам, занимающимся изучением Святой Земли. Придя в 16 лет в Императорское Православное Палестинское общество (ИППО), он всю жизнь посвятил его служению, работая секретарем канцелярии, директором библиотеки, хранителем фонда фотографий, управляющим делами, научным сотрудником. В его руках было сосредоточено все руководство практической деятельностью ИППО. Благодаря его усилиям выходили в свет издания по палестиноведению, в том числе «Палестинский сборник».

Созданное в 1882 г. ИППО за недолгий период своего существования сумело собрать обширную коллекцию книг и архив фотодокументов, которые представляют собой многоаспектное информационное пространство, включающее в себя географию, историю, филологию, искусствоведение, экономику, теологию.

Судьба библиотеки ИППО, директором которой был В.Д. Юшманов, до сих пор остается невыясненной: не удается определить ее первоначальную численность (в 1927 г. она насчитывала более 30 000 ед. хр.) даже на основании выпущенного в 1907 г. и дополненного в 1913 г. систематического каталога (Систематический каталог Библиотеки... Императорского Православного палестинского общества. СПб., 1907. Т. 1–2) (Терюкова Е.А., Чумакова Т.В., Шахнович М.М. Коллекции Императорского Православного Палестинского общества в собрании государственного музея истории религии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. Вып. 4. С. 285–290), сам же подбор книг был исключительным.

Основатели ИППО уделяли искусству фотографии особое внимание и рассматривали ее не только как новейший инструмент научного освоения исторического наследия Святой Земли, но и как способ зафиксировать в развитии ее стремительно меняющийся на ру-

беже XIX–XX вв. облик. Для теологов Палестина имела научное значение как место библейских событий, сокровищница источников богословской науки. Таким образом, фотографическая коллекция ИППО содержала богатый материал для исследования истории паломничества на Востоке в конце XIX в., истории Святой Земли. В 1894 году был издан первый каталог фотографических снимков Палестинского Общества, подготовленный В.Д. Юшмановым (более 3 200 отпечатков). К 1900 году в фотоколлекции насчитывалось уже более 4 500 отпечатков (выполнены в 1858–1900 гг. одиннадцатью фотографами-специалистами и семью фотографами-любителями). К 1913 году общая численность коллекции превысила 7 400 фотографий. В 1913–1914 гг. коллекция значительно пополнилась. Подготовленный В.Д. Юшмановым каталог свидетельствует о его глубоких богословских знаниях и топографии Святой Земли (Палестина и Синай: [Собрание фотографических снимков, принадлежащих Имп. Православному Палестинскому обществу]. СПб., 1894. Ч. 1. Вып. 3 [привел в порядок и описал В.Д. Юшманов]. 176 с.). Он организован по «географическому, территориальному» принципу (по областям), приводится размер каждого снимка и кем он был выполнен, проставляется обозначение номера фотографии (в «Альбоме фотографий Сирии и Палестины ...», выполненных И.Ф. Барщевским) и обозначение данного изображения на карте Палестины, изданной ИППО; в приложении к каталогу подготовлены указатели собственных имен и фотографических собраний.

Святая Земля как духовный центр христианского мира, место поклонения святыням, приобщения к духовному опыту древних и современных подвижников веры, привлекала внимание паломников. Особую активность паломники проявляли во второй половине XIX – начале XX в., когда в Палестине стали действовать Русская Духовная миссия (с 1847 г.) и с конца XIX в. — времени организации ИППО. Так, в начале XX в. В.Д. Юшманов подготовил к печати ряд книг: два издания (1899–1900 гг. и 1902 г.) «Святая Земля по следам русских паломников» в двух томах, «Закладка русского храма во имя св. Николая Чудотворца в г. Бари» (1913), «Закладка храма во имя святого Николая Чудотворца и святого благоверного великого князя Александра Невского в С.-Петербурге» (1913), «Святая Русь и Италия у мироточивой гробницы святителя Николая Мирликийского в Бар-граде» (совместно с А.А. Дмитриевским) (1915), «Русские в Святой Земле и Сирии во время настоящей мировой войны» (1917). Многогранное научное наследие ИППО отразилось в издании «Православного Палестинского общества», которое публиковало описания Палестины, путешествий и «хождений» в Святую Землю, исследования, каталоги и т. д. на славянском, греческом, латинском, грузинском и др. языках.

С началом Первой мировой войны ИППО прекратило свою деятельность на Ближнем Востоке, прекратилось и формирование фотографической коллекции. В 1923 г. ИППО было ликвидировано. В 1939 году коллекция поступила в Государственный музей истории религии (*Федотов П.В.* Коллекция фотографий Императорского Православного Палестинского общества в государственном музее истории религии // Иерусалимский вестник Императорского Православного Палестинского общества. 2015. Вып. VII–VIII. С. 67–77).

Осенью 1918 г. В.Д. Юшманов был арестован; повторно — 30 июня 1921; одновременно был произведен обыск в помещении общества, изъяты все его бумаги. Дело В.Д. Юшманова рассматривалось на президиуме ЧК, после чего он пробыл 9,5 месяцев в заключении, освобожден за недостатком улик и отсутствием состава преступления. Возможно, более репрессиям он не подвергался (Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Я.В. Васильков и М.Ю. Сорокина. СПб., 2003. С. 439).

Е.В. Казбекова
к.и.н., с.н.с. ИВИ РАН

Загадки переплета экземпляра Библии Гутенберга в РГБ

Мне уже приходилось не раз говорить и писать о переплете экземпляра знаменитой 42-строчной Библии Гутенберга в РГБ из собрания Генриха Клемма (*Казбекова Е.В.* Переплет экземпляра Библии Гутенберга в Российской государственной библиотеке // Труды Государственного Эрмитажа. Материалы научно-практической конференции «Искусство и техника переплета. История и практика переплетного дела», 22–23 ноября 2019 г. (в печати); *Казбекова Е.В.* Сигнатуры и фолиация в изучении переплета экземпляра Библии Гутенберга в РГБ // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXIII Международной научной конференции. М., 2020. С. 190–192).

В этот раз мне хотелось бы остановиться на утратах, которые имеет декоративное убранство переплета, и вопросах, которые возникают в связи с ними.

Переплет, сделанный по заказу Г. Клемма, имеет, как можно видеть на оцифровке в НЭБ, массивные дубовые крышки с инкрустацией в стиле паркетри и металлическими элементами — рамкой, застежками, накладками с орнаментом типа пальметт. Верхняя и задняя крышки обоих томов оформлены одинаково. Рамка, 4 угловые малые накладки и 2 большие накладки в области крепления застежек предположительно выполнены из серебра, 1 накладка в цен-

тре — позолоченная или латунная; 4 застёжки (2 на внешнем обрезе и 2 у корня) — серебряные с позолоченными или латунными накладками. Накладки и рамка крепятся позолоченными или латунными гвоздиками, застёжки — заклепками и шурупами.

Утраты касаются как накладок и застёжек, так и крепежа. Часть из них можно датировать: на факсимиле л. 146 об.–147 Т. 1, сделанном к празднованию года Гутенберга в 1940 г., отсутствующие сейчас застёжки уже утрачены.

Из утраченных элементов в РГБ отдельно хранятся только центральная накладка с задней крышки Т. 1 и несколько гвоздиков. Всего же для обоих томов отсутствуют: 2 угловые накладки из 16; 5 застёжек из 8 (3 с внешнего обреза, 2 у корня); некоторая часть гвоздиков (минимум 91, еще 16 — меньшего размера, чем остальные, а на задней крышке Т. 2 большая часть из оставшихся 37 гвоздиков — другого оттенка и размера); 7 заклепок из 40 (из них 4 заменены на шурупы).

Замены гвоздиков и заклепок и совмещение заклепок и шурупов в креплении застёжек у корня показывают, что проводились работы по ремонту металлических элементов переплета. Поскольку планки большей части застёжек у корня изогнуты дугой, можно предположить, что были демонтированы все застёжки и часть накладок, одни застёжки вместе с планкой крепления, другие — без нее, часть из них была потом поставлена обратно.

Этому вмешательству экземпляр подвергся в период нахождения в 1886–1945 гг. в Лейпцигском музее книжного дела и письма. В пользу того, что эти ремонтные работы были произведены не в РГБ, а еще в период нахождения экземпляра в Германии свидетельствует уже упоминавшееся факсимиле 1940 г. с отсутствующими застёжками и схожий стиль гвоздиков для крепления накладок и шурупов на оборотных сторонах крышек (часть замененных элементов более низкого качества). Кроме того, на задней крышке Т. 1, вероятно, из эстетических соображений срезаны мелкие части накладок в трех из четырех мест их стыковки со снятыми застёжками, чтобы отсутствие последних не так бросалось в глаза, что вряд ли бы стали делать при научной реставрации во второй половине XX века.

При каких обстоятельствах в период с 1886 по 1940 гг. были сняты металлические элементы с крышек, установить затруднительно. Во втором томе на корешковом поле л. 312 имеется вертикальная помета графитным карандашом «С В. 1890», но ее значение неясно. По данным д-ра Ш. Якобс и Б. Рюдигер из лейпцигского Музея книжного дела и письма (благодарю их за консультацию), в период нахождения в музее состояние экземпляра не документировалось.

Известно, что в конце 20-х годов XX в. музей испытывал серьезные финансовые трудности, существовали даже планы продать Библию Гутенберга, и избежать этого помогли только пожертвования горожан. Можно высказать гипотезу, что экземпляр все-таки частично пострадал, и серебряные накладки и застезки были сняты именно в этот период. Как не представляющие особой художественной и исторической ценности (книговеды конца XIX – первой половины XX в. С. Риччи, Й. Шиннерер, П. Швенке негативно оценивали вмешательства по заказу Г. Клемма) они могли быть подготовлены к продаже для спасения музея. Этого удалось избежать благодаря пожертвованиям, и часть застезек установили обратно на свои места. В пользу этого может свидетельствовать расположение отсутствующих элементов: сохранены по одной паре каждого «типа» застезек, из накладок отсутствуют самые маленькие и многочисленные, их аналоги можно посмотреть на крышках другого тома.

Однако следами странного ремонта и нерасшифрованной пока пометой загадки экземпляра не ограничиваются. Весьма примечательно само дерево, из которого изготовлены тяжелые крышки переплета. Не специалисту оно напомнит неброский старый дубовый паркет. Однако на других изданиях из собрания Г. Клемма со схожими дубовыми крышками имеются наклейки с указанием, что дерево для инкрустации взято из опор моста римского времени в Майнце, его возраст около двух тысяч лет (подробнее см.: *Казбекова Е.В.* Переплет). По данным д-ра Сибиллы Бауэр (*Dendrolab Trier*), во времена Г. Клемма из сохранившихся опор римского моста были изъяты значительные объемы древесины, которая пошла затем на изготовление предметов декоративно-прикладного искусства, так что вполне вероятно, что в оформлении переплетов собрания Г. Клемма действительно использована древесина двухтысячелетней давности (благодарю д-ра Б. Рюдигер из *DBSM* за эту информацию).

Недавно Т.А. Долгодровой было опубликовано краткое сообщение без каких-либо ссылок и деталей о том, что ею обнаружена помета Г. Клемма о том, что переплет сделан из Мамврийского (!) дуба (Библия Гутенберга и начало Нового времени. Материалы Международной научной конференции. Москва, 10–11 июня 2019 г. М., 2021. С. 74, 87). К моменту покупки экземпляра Г. Клеммом участок с дубом уже 10 лет находился во владении Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, под дубом совершались богослужения. Поэтому предполагаемое Т.А. Долгодровой приобретение столь крупных кусков древесины библейского дуба и использование их в переплете — еще одна загадка экземпляра Библии Гутенберга в РГБ!

Письмо «королевы франков» халифу ал-Муктафи

В «Фихристе» («Каталоге») Ибн ан-Надима, библиографа X в., есть заметка о письме франков: оно похоже на греческую письменность, только ровнее; пример — надписи на франкских мечях. Письмо было на белом шелке от королевы франков к арабскому халифу ал-Муктафи (903–908), посланное с евнухом Али. В тексте был обещан пример письма франков, но его не оказалось (Kitab al-Fihrist / G. Flügel. Leipzig, 1872. С. 20).

Еще в XIX в. это известие нашел К.И. Иностранцев в антологии Ала ад-дина ал-Гузули (ум. 1412/13 г.): «Королева франков сделала подарок в 293 г. (905–906 г.) халифу аль-Муктафи Биллаху в виде пятидесяти шпаг; пятидесяти копий; пятидесяти лошадей; двадцати позолоченных платьев; двадцати красивых сицилийских рабов; десяти больших собак, равных по силе львам; шести соколов; семи кречетов; шелкового шатра с двадцатью тремя фраками из шерсти, сотканного из морских ракушек с переливающимися волшебными оттенками всех цветов радуги; трех птиц из земли франков, которые при виде отравленной пищи издавали предупреждающие крики и хлопали крыльями, чтобы присутствующие это заметили; жемчужин для безболезненного извлечения острых предметов (стрел, копий и шпаг) из ран. Посол представил ему (халифу — К. И.) ее письмо и ее подарки. В письме говорилось: “Я знаю, что ты являешься союзником императора Константинополя, но я могущественнее его, у меня больше войска, я сильнее в войне; в моем подчинении находятся двадцать четыре королевства, язык которых не похож ни на какой другой; вся Великая Румия слушается меня и подчиняется мне”» (*Inostrancev C. Note sur les rapports de Rome et du califat abbaside au commencement du Xe siècle // Rivista degli Studi Orientali. 1911–1912. Т. IV. Р. 82*). В.В. Бартольд сравнил эти сведения с краткой заметкой Ибн ан-Надима, пояснив, что Великая Румия — это Западная Римская империя (*Бартольд В.В. Сочинения. М., 1966. Т. VI. С. 605*). Франки, по представлениям арабских ученых, были частью Римской империи.

Письмо сохранилось также в «Книге сокровищ и даров» двух братьев Халиди (X в.) (Abū Bakr Muḥammad and Abū ‘Uthmān Sa‘īd al-Khālidiyyān. Kitāb al-Tuḥaf wa-l-hadāyā / S. Dahhān. Cairo, 1956). А в «Книге даров и драгоценностей» египетского автора XI в. имеется и ответ халифа ал-Муктафи. Издатель признал автором кади Рашида ибн аз-Зубайра, служащего двора Бувайхида, имевшего доступ к официальными документам и устной информации (Ibn al-Zubayr al-Qadi al-Rashid. Kitāb al-Dhakha’ir wa-l tuhaf / M. Hamidullah. Kuwait,

1959; Семенова Л.А. Ибн аз-Зубайр о Фатимидах // Письменные памятники Востока. Ежегодник 1975. М., 1982. С. 82). Письмо королевы также было переведено на итальянский язык (*Levi Della Vida G. La corrispondenza di Berta di Toscana col Califfo Muktafi // Rivista Storica Italiana. 1954. Т. 116. Fasc. 1. P. 21–38*). Позднее был опубликован полный перевод на английский язык (*Book of Gifts and Rarities / Kitab al-Nadaya wa al-Tuhaf / G. al-Qaddumi. Cambridge MA, 1996*). Переводчица Г. Каддуми не согласилась с авторством Ибн аз-Зубайра, считая труд анонимным.

Халиф ал-Муктафи, по переводу Г. Каддуми, ответил, что посол евнух Али не стал брать дары из опасений, что они будут отображены правителем Ифрикии; «королева франков», предлагала халифу брачный союз, а также преференции в обмен на пленных мусульман. Ответ ал-Муктафи был весьма уклончив и относился скорее к отношениям с Византией. Евнух на обратном пути скончался, поэтому никаких других данных не имеется.

Несмотря на отсутствие примера письма франков в книге Ибн ан-Надима, в полном варианте истории с письмом в «Книге даров и сокровищ» отмечено, что письмо было переведено на греческий язык, а с него — на латынь Ибрахимом ибн Исхаком. Белым шелком пользовались придворные писцы (*Landry W. Kitab al-Nadaya wa al-Tuhaf: A Unique Window on Islamic Textiles // Textile Society of America Symposium Proceedings. 2010. Paper 32, см.: <http://digitalcommons.unl.edu/tsaconf/32>*).

К.А. Иностранцев предполагал, что письмо было послано патрицианкой Феодорой, женой консула и сенатора Рима Феофилакты, но предполагалось, что могущество Феодоры сильно преувеличено (*Inostrancev C. Note sur les rapports. P. 84; Бартольд В.В. Сочинения. С. 608*). Странным казалось и брачное предложение со стороны Феодоры, которая уже была замужем. В целом возник вопрос о подлинности известия.

Имя «королевы» в рукописях сочинений Ибн ан-Надима, ал-Гузули, ал-Ибшихи, братьев ал-Халидийан, Ибн аз-Зубайра (или Анонима) имеет буквы Т.Р.Т или Т.Р.Н., Т.Р.И. Однако супруга востоковеда А.Л. Куна высказала предположение, что имеется в виду имя «Берта», искаженное неверной постановкой диакритических точек (при буквах Б-Т, И-Н) — маркизы Тосканы и дочери ал-Автари, что близко к имени Лотарь: Лотарь II (865–869). Евнух Али ибн Хадам принадлежал Зийадад Аллаху ибн ал-Аглабу III, правителю Ифрикии (903–909) и был захвачен в плен, вероятно, в 899 г. в битве между мусульманами и византийцами или между франками и Византией (*Ibn al-Zubayr al-Qadi al-Rashid. Kitab al-Dhakha'ir; Talbi M. L'Emirat aghlabide, 184–296 / 800–909: Histoire politique. Paris, 1966. P. 503*). После этих изысканий появилось вошедшее во многие монографии

и энциклопедии имя и образ Берты, игравшей видную роль в отношениях между Италией, Византией и Халифатом.

Однако далеко не все исследователи согласны с такой идентификацией «королевы франков». Наиболее радикальная точка зрения высказана Э. Кристис: сравнение переписки Берты (или другого схожего персонажа), терминология, отношение халифа, сам жанр письма указывают на малую вероятность реального положения вешей (*Christys A. The queen of the Franks offers gifts to the caliph al-Muktafi* // *The Languages of Gifts in the Early Middle Ages. Cambridge, 2010. P. 49–170*). Однако склонность арабских авторов к адабному (то есть развлекательному) жанру отнюдь не означает, что можно настаивать на легендарности известия, тем более что существует большое число схожих данных о посольствах и дарах. Вопрос требует дальнейшего рассмотрения.

А.Л. Каретников

зав. археологическим отделом

Гос. музея-заповедника «Ростовский кремль»

Чертеж 1691 года окрестностей селъца Медведево Кистемского стана Переславль-Залесского уезда

Рассматриваемый чертеж не был опубликован в Веб-ГИС «Чертежи русского государства XVI–XVII вв.» (<http://rgada.info/geos2/>), вероятно, по причине отсутствия данных о локализации изображенных на нем поселений и пустошей. Чертеж описан в каталоге В.С. Кусова, где значится под № 640 и назван «Чертеж земель по речкам Илемке и Черной» (*Кусов В.С. Московское государство XVI – начала XVIII века. Сводный каталог русских географических чертежей. М., 2007. С. 358*). Нами введено новое название, которое лучше отражает суть документа.

Чертеж происходит из дела о розыске луга Кочеватик и отказе его по челобитью И.Д.Черткова ему в поместье. В нижнем правом углу изображен обнесенный оградой терем — «селъцо Медведево Ивана Черткова». Художник подробно прорисовал архитектурные детали здания и даже изобразил идущий из трубы дым. В левой части чертежа схематично изображено «селъцо Красное разных помещиков». Очевидно, что селъцу Медведево, в котором проживал Иван Чертков, художник намеренно уделил больше внимания. Между селъцами в двух желтых окружностях показаны пустоши «Ивана Черткова с братьями» — Левашева и пустошь, название которой не читается из-за утрат (видны лишь первые три буквы «Вел»). В описании В.С. Кусова эта пустошь не учтена.

Сельца и указанные пустоши окружены лугами. Выше показана полоса леса. Среди него в трех желтых кругах обозначены с лева направо три пустоши: Репниково, Ламоново, Черной Остров. Две первые принадлежали «разным помещикам», а пустошь Черной Остров, ближайшая к селцу Медведеву — Алексею Панову. Еще выше тонкой полосой показан луг, выше которого изображена речка Илемка. Она «вышла из Лобаевских болот» — болота показаны у левого края чертежа. Выше речки слева направо нарисованы луга: Луг пустоши Бородино, луг Шулгинской, луг Кочеватик. Последний справа ограничивает речка Черная, впадающая в речку Илемку. В верхней части чертежа изображены лес и две пустоши: Бородино и Шулгино, принадлежавшие Ивану Черткову с братьями. На обороте чертежа имеется заверительная надпись: «Переяславские площади Залесского подьячей Мишка Иванов руку приложил».

Сельцо Медведево чертежа отождествляется с селцом Медведево Кистемского стана Переславль-Залесского уезда, а последнее — с современной деревней в Ростовском районе Ярославской области на правом берегу реки Сары. Река Илемка (совр. Ильма) является правым притоком р. Сары. Деревня Медведево находится в 36 км на юго-запад от Ростова и в 28 км на север от Переславля Залесского.

В 1774 г. на землях Кистемского стана было проведено Генеральное межевание. Как и в XVII веке, граница между Кистемским станом Переславского уезда и Песым станом Ростовского уезда проходила тогда по р. Саре. Но в 1777 г. сц. Медведево и шесть рассматриваемых пустошей перешли в состав новообразованного Петровского уезда Ярославского наместничества, и лишь пустошь Красная Курилова Вишенка осталась в составе Переславского уезда Владимирского наместничества.

Пустошь, название которой повреждено (читаются первые три буквы «Вел»), по всей видимости, находится в пределах дачи сельца Медведево периода Генерального межевания (№ 617). Возможно, это пустошь Великий Двор, которая упоминается в Кистемском стане среди земель Владимира Черткова в писцовой книге Переславского уезда А.И. Загряжского 1629–1630 годов. Владимир Чертков владел пустошами, которые позднее были изображены на чертеже: Бородино, Шульгина, Левашева.

Пустошь Левашева отождествляется с пустошью Левашиха (дача № 619), расположенной в 1,2 км к югу от д. Медведево. Сельцо Красное идентифицируется с пустошью № 366 Красное Курилова Вишенка Переславского уезда. Она находится в 2–2,1 км на юго-запад от Медведево. Четыре пустоши, изображенные на чертеже, надежно отождествляются с дачами Генерального межевания, расположенными на юго-западе от Медведево: Черный Остров (дача № 620) — в 0,4 км, пустошь Ламоново (дача № 621) — в 1,2 км, пус-

тошь Репниково (дача № 622) — в 2,3 км, пустошь Бородина (дача № 623) — в 2,2 км.

Пустошь Шульгина (дача 615 «пустоши Шульгина и Бирина») расположена между реками Ильма и Черная, вплоть до их слияния. Она вытянута вдоль реки Илемка чертежа на 2 км и граничит на юго-востоке с дачей № 623 (пустошь Бородина). Место слияния рек находится в 0,9 км от Медведева на запад.

Предствитель фамилии Чертковых, Г.Б. Чертков, более восьмидесяти лет спустя после составления чертежа сохранил часть прав на сельцо Медведево и пустоши, принадлежавшие в 1691 г. Ивану Черткову с братьями. Лишь пустошь Левашиха полностью принадлежала Г.Б. Черткову, остальные земли находились в совладении с помещиками И.Я. Дычевым и Л.Н. Шубиной.

Локализация пустошей позволяет утверждать, что по каким-то причинам при проведении Генерального межевания в 1774 г. река Илемка чертежа была названа Черной, а Черная чертежа — Илемкой. С тех пор эта информация перешла на современные карты. На плане Петровского уезда 1792 г. указано, что р. Черная является правым притоком р. Илемки. Больше оснований доверять информации чертежа: р. Черная — левый приток р. Илемки.

Создатель чертежа, возможно, пытался ориентировать его по сторонам света: левый край — юг, правый — север. Пустошь Левашево и сельцо Красное, изображенные слева от сельца Медведево, располагались к югу от него. Но река Ильма, пересекающая плоскость чертежа слева направо, в реальности течет с юго-запада на северо-восток. С другой стороны, место слияния рек изображено на чертеже выше Медведева, что соответствует западной ориентировке и совпадает с данными современных карт.

*Д.А. Кириллова
к.и.н., в.н.с. Дома Русского Зарубежья им. А.И. Солженицына*

«По новому чину и старому полку»

В экспозиции Музея Русского Зарубежья представлены погоны, которые объединяет некая общая «неправильность», несмотря на то, что В.А. Петрушевский — кавалерист, а Л.В. Сейфуллин — пехотинец и воевали они в разных полках и на разных фронтах Великой войны. Эти погоны построены по новому чину, полученному уже на Гражданской войне и по старому полку — тому, в котором офицеры доблестно сражались в Первой мировой войне. Погон полковника В.А. Петрушевского — 5-го Александрийского гусарского полка, подполковника Л.В. Сейфуллина — 6-го Сибирского стрелкового полка.

В.А. Петрушевский окончил Хабаровский кадетский корпус в 1908 году, затем — Николаевское кавалерийское училище и служил хорунжим в Уссурийском казачьем дивизионе. В начале Первой мировой войны, в августе 1914 г., он перевелся в 5-й гусарский Александрийский Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полк, опасаясь, что Уссурийский казачий дивизион может остаться в тылу, в то время как Петрушевский рвался на войну. Воевал он доблестно, что было отмечено боевыми наградами, в том числе и Аннинским оружием, и закончил войну в чине штаб-ротмистра. После революционного развала армии Петрушевский уезжает на Дальний Восток, воюет в армии адмирала Колчака. Получает чин подполковника, а затем и полковника. В 1920 году эмигрирует на остров Ява, где становится вулканологом и руководителем поисковых партий, ученым. В 1950 году выходит в отставку и живет в Сиднее, в Австралии. Уже на чужбине он строит себе парадные погоны по старому любимому полку и по новому чину. В.А. Петрушевский до конца своих дней состоял в различных военных организациях Русского Зарубежья, был главой полкового объединения 5-го гусарского Александрийского Е.И.В. Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка. И писал очень хорошие стихи — о России, о любви к Родине.

Л.В. Сейфуллин также окончил Хабаровский кадетский корпус, но в 1913 году поступил в Александровское военное училище и по окончании ускоренного курса был произведен в подпоручики. Воевал в 6-м Сибирском пехотном полку. Удостоен Ордена Святого Георгия 4-й степени, военный инвалид. После развала фронта вернулся на восток России, был участником Белого движения, получил чин подполковника. Был назначен офицером-воспитателем в Хабаровский кадетский корпус, вместе с которым был эвакуирован в Шанхай. Продолжил службу в Хабаровском кадетском корпусе, впоследствии был редактором журнала «Друг инвалида» в Шанхае, видным деятелем инвалидных сообществ, сотрудником журнала «Военная быль». Эмигрировал из Китая в Австралию, в Сидней. В экспозиции музея представлен портрет полковника Л.В. Сейфуллина, созданный на основе фотографии 1960-х годов. Л.В. Сейфуллин изображен не только в парадной форме, но и с погоном подполковника 6-го Сибирского стрелкового полка. Как и В.А. Петрушевский, он соединяет новый чин, полученный уже на Гражданской войне, и старый любимый полк, которым командовал еще его отец.

В эмиграции Владимир Александрович Петрушевский и Леонид Владимирович Сейфуллин, пусть и отгремели войны, пусть и жили они на чужбине, но продолжали считать себя русскими офицерами и русскими воинами. И всю жизнь хранили погоны.

Лакуны XVII века в коллекции Ламуаньона (РГАДА)

Находящееся в РГАДА знаменитое «Рукописное собрание Ламуаньона» (ф. 81) представляет собой часть ведомственного архива французского государственного секретаря в 1547–1560 гг. Жана Дютье, приобретенного первым президентом Парижского парламента в 1658–1677 гг. Гийомом де Ламуаньоном (*Малов В.Н.* Коллекция Ламуаньона: общее знакомство // *Малов В.Н.* Франция в России: судьбы старых документов XV–XVIII веков. М., 2019. С. 10–13). Коллекция насчитывает 66 томов и включает более 8 200 документов; значительную ее часть составляет официальная переписка французского правительства со своими послами и агентами в Италии, Турции и Германии (*Люблинская А.Д.* Предисловие // *Документы по истории внешней политики Франции 1547–1548 гг.* / Под ред. А.Д. Люблинской. М.; Л., 1963. С. 3): это письма (полученные, отправленные и перехваченные), договоры, инструкции и докладные записки, копии, переводы и черновики писем и других документов.

К описанию этой ценной коллекции приступали в разные годы многие ученые, занимаясь отдельными сюжетами (составление картотек было указано в архивных пометах А.Д. Люблинской, Ю.Л. Бессмертным, Е.Г. Гурари) и коллекцией в целом (И.С. Шаркова, В.Н. Малов). В 1997 году была опубликована книга, в которую вошло описание первых 16 томов этого собрания (*Малов В.Н., Шаркова И.С.* Коллекция Ламуаньона (Архив Жана Дютье, государственного секретаря Франции в 1547–1560 гг.): Описание документов / Под ред. В.Н. Малова. М., 1997. Вып. 1). В силу разных причин публикация не имела продолжения, однако в архиве В.Н. Малова сохранилось полное описание собрания, представляющее собой огромную ценность. И.С. Шаркова еще в 1960-е годы подготовила описание первых 36 томов (к сожалению, пока что выяснить судьбу этих записей не удалось), к которому В.Н. Малов сделал ряд уточнений и затем довел дело до конца. В ходе работы по подготовке публикации, в которую вошли бы все рукописные материалы В.Н. Малова, я обратилась к томам коллекции, что позволило дополнить ее описание и поставить новые исследовательские задачи.

В коллекции есть лакуны: они образовались в XVII веке, вероятно, еще по решению владельца, по своим соображениям изымавшего отдельные документы, которыми он считал возможным делиться. Следы их присутствия можно наблюдать как в виде нарушений в нумерациях того времени, так и в виде обрезков (чаще)

или обрывков (много реже) листов или фальцев, а также по другим признакам. Многие тома сохранились полностью — либо изъятия в них могут быть подтверждены только дополнительными исследованиями: таких томов около десяти. Все остальные тома в большей или меньшей степени неполны: следует предполагать от одного до нескольких десятков изъятий (более 30 и даже 40 в одном томе). Всего, по моим подсчетам, из 66 томов коллекции в XVII в. было изъято около 500 документов.

Исследователю интересен всякий исчезнувший документ, и о каждом из них хотелось бы знать как можно больше. Когда потеря обнаружена, можно зафиксировать все детали, насколько это позволяет материал: предшествующие и последующие документы, следы чернил, печати и даже линию отрыва. Каждый документ заслуживает настоящего расследования, поскольку нельзя не предполагать, что изъятый документ был исключительно ценным: можно оценить историческую обстановку, потенциальных адресатов, отправителей и участников событий. Подобные изыскания, независимо от того, как давно, в каких обстоятельствах и кому достался пропавший документ, сохранился ли он в других архивах и в составе других коллекций или давно утрачен, могут принести свои плоды и будут чрезвычайно увлекательны.

Удивительным образом коллекция Ламуаньона позволяет не только ступить на этот путь, но и получить ответы на часть неизбежно возникающих вопросов. Сошлюсь на публикацию 1997 года, где были отмечены некоторые потери и даны возможные реконструкции. В томе 11 после л. 312 (в современной нумерации) был изъят документ, чему соответствует лакуна между л. 312 и 313: отсутствует документ под номером «F 12», что соответствует страницам, пронумерованным в XVII в. как «625–626». Этот том уникален тем, что в нем на л. 340–347 (современной нумерации) находится составленный в XVII в. перечень документов, который содержит краткие аннотации с отсылками к постраничной нумерации XVII века (*Малов В.Н., Шаркова И.С.* Коллекция Ламуаньона. С. 135). Перечень свидетельствует о том, что утраченный документ представлял собой «циркуляр, разосланный Генрихом II по провинциям об организации благодарственных молебнов в связи с рождением второго сына короля [3 февраля 1549 г.]» (*Малов В.Н., Шаркова И.С.* Коллекция Ламуаньона. С. 134).

В докладе будут рассмотрены критерии, позволяющие выявить лакуны, как достоянные, так и сомнительные случаи, а также основания, позволяющие предполагать, какие именно документы были изъяты в XVII веке.

По ту сторону старообрядческих гектографированных изданий. Несколько слов о методике описания

Выявление и введение в научный оборот памятников старообрядческой книжности на сегодняшний день по-прежнему остается актуальной научной задачей. Работа по их выявлению и описанию во многом затруднена тем, что не все собрания книжных памятников описаны и тем самым введены в научный оборот.

Помимо рукописных и старопечатных книг заметное место занимают гектографированные издания, представляющие целый пласт книжной культуры второй половины XIX – начала XX в., продолжающей традиции русской православной духовной письменности.

Особенностью описания старообрядческих гектографированных изданий является то, что они имеют черты одновременно и рукописных и печатных книг. Как у рукописей у них — ярко выраженная рукописная основа, но в то же время имеется тиражность издания.

Поэтому важно с самого начала определиться с методикой описания подобных изданий.

В настоящее время научной общественности было предложено две методики. Первая подробно разработана в 1989–1993 гг. уральским историком Петром Ивановичем Мангилевым (Описание старообрядческих гектографированных изданий. Методические рекомендации / П.И.Мангилев. Екатеринбург, 1993), включившего сюда также указатель-перечень подобных изданий из 100 названий (Описание. С. 22–28). Вторая представлена в замечательном каталоге Николая Юрьевича Бубнова (Старообрядческие гектографированные издания библиотеки Российской Академии наук. Последняя четверть XIX – первая четверть XX в. Каталог изданий и избранные тексты. СПб., 2012. С. 12–17).

Обе методики содержат одинаковые для такого рода описаний рубрики, хотя и не совпадающие по их последовательности в описании: заголовок, название сочинения; автор, составитель, издатель; поисковые данные; датировка издания; размер, количество листов, количество строк; место издания, наличие украшений и другие, хорошо известные. Но есть некоторые отличия, на которых я хочу остановиться подробнее.

Основанием для моих наблюдений послужили материалы практически законченного «Описания старообрядческих гектографированных изданий Научной библиотеки МГУ», состоящего из 83 единиц хранения. Все они, за исключением трех, были привезены из археографических экспедиций МГУ.

Большая часть книг представляет собой сборники и сборники-конволюты, включающие не одно, а несколько разных изданий. В некоторых их количество может доходить до 30 и более (См. напр.: «Сборник полемический» МГУ № 1471, включающий 31 издание, часть которых не значится в Каталоге Н.Ю. Бубнова и не отмечена в других собраниях). Таким образом, общее количество гектографированных изданий в собраниях МГУ достигает 156 ед., не считая разрозненных фрагментов, которые мною пока не определены.

Отождествление подобных фрагментов представляет значительные трудности, так как тексты этих сочинений в большинстве своем не изданы и не описаны.

В этой работе как раз и могут помочь те рубрики описания, которые предлагает включить П.И. Мангилев: 5.1 формат текста на стр.: «полоса набора»; 5.3 высота шрифта (10 строк); 10.5. Пятая строка.

По моим наблюдениям, формат текста на странице («полоса набора» или, как называют новосибирские исследователи, «область печати») не может, как и размер листа в см, быть точной величиной. Многое зависит от того, как и какая именно строка измеряется, особенно по ширине. В пределах одной страницы размер может варьироваться в пределах до 9 мм.

Например, в экземпляре издания Сочинений Григория Арефьевича Страхова 1895 г. в 24 главах (ГИМ, Чертков. 92/4⁰) «область печати» составляет 15,7 x 12,2–12,4 см; в экземпляре того же издания РГБ (РГБ, МК инв. 10392) — 16,0 x 12,0 – 12,9 см. Это при достаточно соотносимом размере страницы: ГИМ — 21,5 x 17,8; РГБ — 22,4 x 17,9 см.

Возможно, более информативной была бы рубрика «высота шрифта (10 строк)». Но как поступать в том случае, когда издание было подготовлено несколькими писцами? Или существуют два издания одного сочинения, почти ничем не отличающиеся друг от друга?

Примером этого может послужить Сборник полемический собрания МГУ (№1471), состоящий из 31 самостоятельного гектографированного издания. Интересующее нас сочинение так описано в Каталоге Бубнова:

№ 526. «Слово о всеосвящающем крестном знамении, болезней и нечистых духов *разрушительном*». [Батов Д.В.]. XIX (кон.) – XX в. (нач.), 4⁰ (22,0 x 17,7), [4 л.]; 22 строки. [Тула]. Гектограф с рукописи (= МГУ №1472 (XX)).

В этот же сборник включено другое издание того же слова: «Слово о всеосвящающем крестном знамении, нечистых духов *отразительном*». [Батов Д.В.]. XIX (кон.) – XX в. (нач.), 4⁰ (22,4 x 17,8), Л. 1-4; 22 строки. [Тула]. Гектограф с рукописи. – МГУ №1471 (XIV).

Текст «Слов» совпадает. Если бы эти два издания не были в пределах одного хранилища, а в нашем случае — одного переплета, вряд ли разница была бы замечена: одинаковая датировка, количество листов, количество строк, размер. Незначительная разница заключается в заглавии. Но если положить два экземпляра рядом, то видно, что писцы и размер шрифта разные. Возможно, именно здесь может помочь указание размера шрифта. Но, как показал размер 10 строк, в обоих изданиях он одинаков.

Еще одной рубрике — «пятой строке», предложенной П.И. Мангилевым (Описание. С.10), следовало бы посвятить отдельный доклад. Мои первые наблюдения показывают, например, что издания апологетического сочинения «Броня правды» составленное М.И. Бриллиантовым в 1895 г. и издававшееся много раз, используя показания «пятой строки», можно было бы разделить не только на основании использованной бумаги, как это было сделано в Каталоге Н.Ю. Бубновым (Старообрядческие гектографированные издания. №№ 43 – 46а. С. 41–49) и выделенных Мангилевым вариантов издания (Описание. С.14–15), но и на основании разного распределения текста по листам внутри издания. Введение в описание «пятой строки» могло также помочь и в отождествлении фрагментов гектографических изданий.

В.И. Колесов
независимый исследователь

Не все дороги ведут в Армавир: генеалогии, социальные связи и семейные истории черкесогоев Богдасаровых

Черкесогои — адыгоязычная армянская этническая общность, занимавшаяся предпринимательством — торговыми операциями среди горцев Северо-Западного Кавказа. Они проживали в Закубанье среди адыгских этнических групп (натухайцев, шапсугов, бжедухов и т.д.), затем в Армавире, Екатеринодаре, Новороссийске, Темрюке. Дисперсное расселение в Закубанье, социальные связи с адыгами, консолидация в период Кавказской войны обусловили сложные процессы формирования этой этносоциальной общности во второй половине XIX – начале XX века. В историографии сложилась традиция связывать историю черкесогоев с появлением и функционированием аула (позднее города) Армавира, основанного в 1839 г. на Правом фланге Кавказской линии. В то же время, в середине XIX в. существовали и иные миграционные стратегии, направленные на переселение в другие территориально-административные единицы Российской империи на Северо-Западном Кавказе — на землю Черномор-

ского казачьего войска или в прибрежные укрепления Черноморской береговой линии. Генеалогические изыскания способствуют исследованиям историй семей, составивших черкесогайскую общность. Цель доклада — на примере истории конкретной семьи Богдасаровых продемонстрировать возможности генеалогической эвристики в составлении семейной истории.

Анализ записей метрической книги (МК) армянской Успенской церкви Екатеринодара на церковноармянском языке и русскоязычных документов российской администрации в регионе позволяет предположить существование нескольких (возможно, связанных между собой) фамильных групп Богдасаровых. Одна из них, так называемая, «Натухайская-Новороссийская-Анапская», названная по месту проживания представителей этой черкесогайской семьи. Первоначально представители этой группы жили среди натухайцев, по торговым делам тяготели к Анапе, позднее — к Новороссийску. Определение «натухайский черкесогай» по отношению к членам этой семейной группы встречается в МК. Священники вышеуказанной церкви приезжали в Закубанье, в места проживания этих черкесогаев, для проведения религиозных действий (крещение, венчание, отпевание).

Материалы МК раскрывают социальные связи Богдасаровых с другими армянскими семьями региона, а также контакты (культурные, экономические и др.) с Понтийской историко-культурной областью. Например, отец крещенных в мае 1845 г. трех девочек (нзрб.) уги, Назили и Мариам обозначен в МК как «анапский черкесогай Арутюн Багдасаров анадолци», то есть из Анатолии, а мать Варвар Гамизовна — как черкесогайка. Этот Арутюн вместе с братом Карабетом в сентябре 1845 г. были включены в «Список Закубанским Армянам, желающим переселиться на правую сторону Кубани, с правом владения имеющимися у них крестьянами». Инициаторами переселения были написавшие прошение Борох Богарсуков, Дударук Джагунов и Джелаувши (Чолавш) Каспаров. В этом списке Арутюн числился вместе с женой, тремя сыновьями и тремя дочерьми, а Карабет — с женой и дочерью. Таким образом, можно утверждать наличие социальных отношений Богдасаровых с вышеуказанными фамилиями черкесогаев, проживавшими с ними по соседству.

Другие социальные связи Арутюна выявляются по записям в МК: в мае 1845 г., тоже в Анапе, он стал крестным отцом детей черкесогая Вардана Аствацатуровича Джебелегова и его жены Анны Андриасовны. С Джебелеговыми Богдасаровы были связаны узами свойства и позднее: при крещении трех сыновей Вардана, записанного как Дживелекоглы, в 1849 г. в районе Новороссийска, вторым крестным был Яков Арутюнович Богдасароглуов. Еще один Богда-

саров — Мкртич Арутюнович был свидетелем в декабре 1849 г. на венчании тех же Вардана и Анны Джевелеговых. Кроме того, выявлены социальные связи с другими черкесогайскими семьями: Хачадуровыми (в ноябре 1846 г. 17-летняя дочь Арутюна — Мариам — была выдана замуж за шапсугского черкесогая Хачатур Хачатурова), Чентемировыми (Иван Богдасаров женился на Пчас — внучке Авагема Агоповича Чентемирова), и норнахичеванцами Чайлаховыми (26 октября 1847 г. Оганес Арутюнович обвенчался с Тагуи Геворковной Чайлаховой) и Халаджовыми (при церемонии крещения в 1849 г. Мартироса, сына Оганеса Арутюновича, крестным стал нахичеванец Халаджов, кстати, бывший свидетелем на венчании Оганеса). Таким образом, трое сыновей Арутюна Богдасарова, неназванные в русском документе, по данным МК — Яков, Мкртич и Оганес.

Материалы МК дополнили и сведения о семье Карапета Богдасарова. Если в «Списке» у него только жена и дочь, то в записи о крещении 1849 г. — три девочки Антаром (8 лет), Дшхухи (5), Србухи (3), а имя матери детей — Дшхуги Торосовна. В сентябре 1849 г. Карапет Богдасарович Богдасаров (68 лет) умер. Позднее, эти Богдасаровы стали новороссийскими жителями, после Крымской войны и ликвидации Новороссийска — темрюкскими купцами и мещанами, после восстановления Новороссийска вернулись в число новороссийских купцов. Новороссийский 3-й гильдии купец Ованес Арутюнович Богдасаров в 1855 г. в виду военных обстоятельств переселен в район станицы Брюховецкой. В списке его семейства — Ованес Арутюнович, его жена Такуш, сын Мадарос, братья Ованеса — Хакуп, Никита, жена Никиты Герацак. Сравнивая с данными МК, Ованес коррелируется с Иваном / Оганесом, Такуш — Тагуи, Мадар — Мартиросом, Хакуп — Яковом, Никита — Мкртичем. В январе 1865 г. Никита, темрюкский 2-й гильдии купеческий брат, имел в станице Крымской лавку с «красным» и другим «мелочным» товаром. В 1866 г. темрюкский мещанин Иван Богдасаров содержал лавку мануфактурных товаров в Екатеринодаре в здании хорунжего Баронова, которой управлял приказчик Иван Богорсуков. Новороссийский 1-й гильдии купеческий брат Яков Арутюнович Богдасаров на 1870 г. владел земельным участком в бывшем Шапсугском округе на берегу Кубани. Богдасаровы продолжали проживать в Новороссийске, где на 1914 г. имели в собственности дом. Генеалогические изыскания демонстрируют связи представителей этих семей Богдасаровых с другими семейными группами черкесогаяев: «Гривенской-Хуторской» и «Бжедугхабльской», но не самой многочисленной «Армавирской» группой.

**Образы стран в анонимном
«Описании Восточной Европы» начала XIV века**

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 20-59-23001

Анонимное «Описание Восточной Европы» (далее — ADEO) является многоплановым источником по истории, исторической и политической географии Византии, Юго-Восточной и Центрально-Восточной Европы, а также истории международных отношений начала XIV века. По форме это сочинение представляет собой географическое описание Византии, Албании, Сербии, Болгарии, Юго-Западной Руси, Венгрии, Польши и Богемии.

К ADEO, введенному в научный оборот О. Гуркой (*Anonymi Descriptio Europae Orientalis. Imperium Constantino-politanum, Albania, Serbia, Bulgaria, Ruthenia, Ungaria, Polonia, Bohemia. Anno MCCCVIII exarata / Ed. O. Górka. Cracoviae, 1916*), за прошедшие сто с лишним лет неоднократно обращались специалисты по истории Юго-Восточной и Центральной Европы, результаты исследований которых были подведены в новом критическом издании лагинского текста ADEO вместе с его полным переводом на сербский язык и историко-филологическим комментарием (*Zhivkoviћ T., Petroviћ V., Uzelats A. Anonymi Descriptio Europae Orientalis / Anonimov opis Istochne Evrope: Kritichko izdaње teksta na latinskom juziku, prevod i filoloshka analiza D. Kuncher, Urednik S. Rudiћ. Beograd, 2013*).

Долгое время основным направлением работы с ADEO было изучение его информации о той или иной стране с целью извлечь «позитивное» знание о географии и истории описываемых в трактате стран. Впоследствии большее внимание стало уделяться анализу источника как единого целого, автор которого преследовал цель, выходящую за рамки чисто географического описания. Опираясь на анализ обстоятельств создания сочинения и особенности его содержания, развивающие данный подход исследователи видят в ADEO публицистический трактат, составленный анонимным католическим автором при дворе папы Климента V в Пуатье и адресованный Карлу Валуа, брату французского короля Филиппа IV Красивого. Сочинение было призвано обосновать права западноевропейских крестоносцев на земли Византии и прочих «схизматиков», а также побудить Карла Валуа и его дальнего родственника Карла Роберта Анжуйского совместными усилиями завоевать страны Юго-Восточной Европы, принадлежавшие им, с точки зрения автора трактата, по праву (историографию см.: *Коновалова И.Г. «Опи-*

сание Восточной Европы» начала XIV века как географическое сочинение // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем / Отв. ред. М.С. Петрова. М., 2018. Вып. 4. С. 288–290).

Если вопрос о замысле и цели ADEO достаточно разработан в историографии, то другая, но не менее важная — применительно к анализу данного источника — проблема остается все еще слабо изученной. Какие возможности жанра географического описания были использованы Анонимом для пропаганды идей своего заказчика и как идейная составляющая трактата повлияла на создание образов стран в этом сочинении?

ADEO начинается с краткого описания трех частей света — Европы, Азии и Африки. Эта общая рамка нужна автору для того, чтобы локализовать в мировом пространстве регион, находящийся в центре его внимания. Аноним оконтуривает описываемую им территорию по политическим границам своего времени, включая в него Константинопольскую империю (*imperium Constantinopolitanum*), Сербию (*Rascia*), Болгарию (*Bulgaria*), Рутению (*Ruthenia*), Албанию (*Albania*), Венгрию (*Hungaria*) и Польшу (*Polonia*). Аноним прямо не говорит о том, почему и с какой целью он решил обратить внимание именно на эту часть европейского пространства. Однако его слова о том, что в своем сочинении он намерен рассказать «о нравах и состоянии людей и провинций, находящихся в этих частях Европы» (ADEO 2013. Р. 94), в какой-то мере раскрывают его подход к определению пространственных границ своего описания. Это ценностный подход, который позволяет Анониму структурировать рассматриваемое им пространство через наделение указанных стран теми или иными характеристиками.

Сообщения Анонима отличаются весьма причудливым сплетением информации разной степени полноты и точности, к тому же почерпнутой из разновременных источников (подробнее см.: Коновалова И.Г. «Описание Восточной Европы». С. 291–296). И хотя в каждом из разделов сочинения приводятся более или менее подробные сведения о природных и людских ресурсах той или иной страны, основное внимание Аноним уделял не физической и экономической, а политической географии региона. Большая часть слов и словосочетаний, отсылающих к моменту составления сочинения (*nunc, usque ad / in hodiernum diem, adhuc, ad presens*), касается либо политического статуса стран (ADEO 2013. Р. 101, 104, 105, 130), либо сведений о правителях государств и их титулатуре (ADEO 2013. Р. 99, 102, 116, 117, 123–126, 131, 143–144). Наряду с этим для Анонима характерно внимание к актуальной топонимике (ADEO 2013. Р. 94, 95, 96, 98, 102, 104, 105, 133, 146), к современному состоянию городов и государств (ADEO 2013. Р. 97–98, 100, 106, 109, 110), а также к внешним границам стран (ADEO 2013. Р. 97, 99, 101,

102, 119–122, 128, 130–131, 142) и к административному делению последних (ADEO 2013. Р. 94–110, 115, 118–119, 120, 122, 135–139, 145, 147).

В идеологическом и ценностном отношении все пространство, охарактеризованное в ADEO, поделено Анонимом на две части, одну из которых — католические страны — он наделяет позитивными характеристиками, а другую — православный мир — демонизирует. Сочинение не случайно открывается описанием Византии. Она представляется Анониму не только привлекательным в материальном плане объектом для захвата, природно-экономические ресурсы которого он скрупулезно обрисовывает, но и главным источником церковного раскола: «Все они (греки. — *И. К.*) — неверные схизматики, и от их отступничества происходит всякого рода раскол среди других схизматических народов, а именно в Рашке, Сербии, Болгарии, Рутении, Грузии и среди всех восточных народов, исповедующих христианство, за исключением киприотов и армян, среди которых тоже много схизматиков» (ADEO 2013. Р. 114). Православные народы фигурируют в ADEO как «неверные схизматики» (ADEO 2013. Р. 98, 114, 115, 121, 131), «схизматические и варварские народы, незаконным образом владеющие столь богатыми и процветающими королевствами» (ADEO 2013. Р. 132). Жители православных государств оказывались в глазах католического автора лишенными каких-либо положительных качеств, не отличающимися воинственным нравом, изнеженными, не умеющими обращаться с оружием (ADEO 2013. Р. 97, 113, 123, 130).

Если бы ADEO являлось простым сочинением жанра описательной географии, то выбор именно этих стран для совместной характеристики в рамках одного трактата был бы неочевиден. Однако перед нами цельное произведение, где географическая форма сочинения «работает» на его идеологическое содержание. Аноним создает полярные географические образы — католических стран, с одной стороны, и стран, населенных «неверными схизматиками», — с другой. Помещая эти образы в международный и идейный контекст своего времени, автор ADEO рисует общее поле потенциального взаимодействия этих двух противоположных пространств, убеждая заказчика и адресата своего сочинения не только в возможности, но и в целесообразности завоевательного похода на восток. Концептуализация православных стран как пространства со знаком «минус» была призвана превратить захватнические планы Анонима в богоугодное дело и придать им характер морального должествования.

**Датировка писем Василия III Елене Глинской
и перспективы исследования итинерариев великих князей и
княгинь Московских XV – первой трети XVI века**

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 19-18-00247

Итинерариям московских великих князей и княгинь до настоящего времени уделялось мало внимания в отечественной историографии. Итинерарий (лат. *itinerarium*, от лат. *iter* — путь, поездка, дорога) — это описание маршрутов (в основном, сухопутных) между различными пунктами с указанием промежуточных стоянок и расстояния между ними, а также путеводители по местам паломничества и путевые записки пилигримов (*Мереминский С.Г. Итинерарий // БРЭ. М., 2015. Т. 28. С. 341*). В широком смысле слова в современной литературе под итинерариями подразумеваются поездки, официальные и торжественные выезды, перемещения внутри страны монархов и их жен, в которых венценосных особ сопровождал двор, свита, бояре и слуги, боярыни и придворные дамы. Известно, что московские великие князья и их жены часто ездили на богомолья, посещали почитаемые ими обители, где возносили молитвы о чадородии. Государи также любили «тешиться», охотиться, и нередко брали с собой на «потеху» жен и детей. Однако разнообразные перемещения и маршруты поездок великих князей и княгинь, происходившие на фоне важнейших внутривластных событий, пока что не стали предметом специального изучения.

Исследование итинерариев Василия III и его жены Елены Васильевны Глинской может помочь в решении целого ряда дискуссионных вопросов, в частности, касающихся датировки сохранившихся писем великого князя жене. Пять посланий Василия Ивановича Елене Глинской были опубликованы еще до революции (*Древняя Российская Вивлиофика. М., 1787. Т. III. С. 99–103; Оболенский М.А. Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археографическою комиссиею М., 1848. Т. 1. № 1–5. С. 3–5*). Н.И. Новиков полагал, что письма были написаны между 1532–1534 гг., а М.А. Оболенский датировал составление первого письма 1526–1530 гг., второго и третьего писем — 1530–1532 гг., четвертого и пятого посланий — 1532 г. либо 1533 годом. А.А. Зимин первым предложил датировку писем на основании анализа поездок Василия III по монастырям (*Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени: Очерки политической истории России первой трети XVI в. М., 1972. С. 306. Прим. 25; С. 377. Прим. 42, С. 387. Прим. 75*), однако выводы историка нуждаются в уточнении.

Из поездок, состоявшихся до рождения Ивана IV, когда великий князь мог написать первое письмо жене, наиболее подходит богомолье Василия III в Тихвин «помолитися о здравии и о сп(а)сении, чтоб ему г(о)с(у)д(а)рь Богъ даровал плод чрева» 9 декабря 1526 г. – 6 января 1527 г (ПСРЛ. М., 2004. Т. 43. С. 217; СПб., 1853. Т. 6. С. 265, 283; Дунаев Б.И. Преподобный Максим Грек и греческая идея на Руси. М., 1916. С. 82). А.А. Зимин верно отметил, что обещание великого князя жене вернуться в Москву к Крещению, данное им в первом письме, совпадает с датой приезда государя в столицу. В письме Василий Иванович упоминает Богородицу и Николая Чудотворца, благодаря которым он жив и здоров. Вероятно, государь имел в виду храм Успения Пресвятой Богородицы в Тихвине и церковь Николая Чудотворца Николо-Беседного монастыря под Тихвином, где он молился.

Относительно отнесения А.А. Зиминим второго и третьего писем к поездке Василия III на потеху на Волок Ламский и Можайск после 17 сентября 1531 г. до 19 ноября 1531 г. есть одно существенное возражение. Великий князь отправился на охоту не один, а с женой и сыном. Об этом прямо сказано в Воскресенской летописи: «А самъ князь велики поѣхал къ Живоначальной Троици въ Сергеѣвъ монастырь къ чудотворцовой памяти помолитися, и съ великою княгинею Еленою и съ сыномъ своимъ съ княземъ Иваномъ» (ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 276). Маловероятно, чтобы Василий Иванович после молитвы в Троице-Сергиевом монастыре оставил жену и детей и поехал на охоту на Волок Ламский и Можайск один. Обычно он ездил на охоту с домочадцами (ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 15, 18; Т. 43. С. 225). Скорее всего, Василий III написал второе и третье письма до рождения у него сына Юрия (30 октября 1532 г.), поскольку Юрий в этих посланиях не упоминается. После появления на свет первенца Ивана государь почти не отлучался из Москвы. Только однажды он оставил жену и маленького Ивана в столице во время своей поездки в Троице-Сергиев монастырь «къ чудотворцовой памяти Сергиевой помолитися» и в Александрову слободу 22 сентября – 3 октября 1532 г. (ПСРЛ. Т. 8. С. 280; Т. 13. С. 66). Полагаем, что именно в этот период он написал второе и третье письма жене.

Трудно согласиться с мнением А.А. Зимина о датировке четвертого и пятого писем Василия III июнем 1533 г., когда великий князь ездил в Троице-Сергиев монастырь. Об этом богомолье в указанное время ничего не известно. А.А. Зимин не подкрепил свои соображения соответствующей ссылкой на документ. В Воскресенской летописи, на которую ссылался историк, как раз говорится о пребывании государя в Москве 6–19 июня 1533 г., о переговорах с казанскими и ногайскими послами (ПСРЛ. Т. 8. С. 282–283). После появления на свет сына Юрия, упоминающегося в четвертом и пятом письмах, московский правитель отлучался из столицы только

два раза: 10–19 марта 1533 г. во время поездки на богомолье к Николае Зарайскому на р. Осетр (ПСРЛ. Т. 8. С. 282; Т. 13. С. 68) и 15–21 августа, когда великий князь направился в село Коломенское отражать поход на Москву крымских царевичей (ПСРЛ. Т. 6. С. 266–267; Т. 8. С. 284). Маловероятно, чтобы Василий III написал письма жене в период вооруженного вторжения крымцев во второй половине августа 1533 года. Время было неподходящим, да и обстановка не располагала. Четвертое и пятое послания были составлены, скорее всего, в спокойной обстановке, во время поездки государя на богомолье к иконе Николая Чудотворца в Зарайск 10–19 марта 1533 года.

*А.В. Королева
магистрант РГГУ*

Правила приема младенцев в Воспитательные дома за 1882 и 1894 годы: источниковедческие аспекты

В контексте генеалогических и просопографических исследований бывает важно изучение организации работы Воспитательных домов, игравших в дореволюционной России заметную социальную роль. Данная статья касается двух правил приема младенцев в Императорские Воспитательные дома за 1882 и 1894 годы.

Правила опубликованы в «Полном собрании законов Российской империи» (ПСЗРИ. Собр. 3-е в 33 т. СПб., 1885. Т. 1. С. 172–174. № 821; СПб., 1898. Т. 14. С. 495–499. № 10834) и отпечатаны отдельным изданием в типографиях Санкт-Петербурга и Москвы (ЦГА г. Москвы, Ф. 108, Оп. 3, Д. 231, Л. 11–11 об., 13–13 об., 15–15 об.). Правила 1882 г. подписаны императором Александром III 24 апреля и объявлены министром юстиции 29 июня. Они составлены К.К. Гротом, главноуправляющим канцелярией по учреждениям императрицы Марии. Через 12 лет, 20 июня 1894 г. Александр III подписал правила, составленные опекунским советом. Они были объявлены министром юстиции 19 июня 1894 года.

В обеих редакциях правил прописан прием младенцев не старше года. Этот пункт сохранен с Генерального плана И.И. Бецко-го 1763 года. В правилах 1882 г. имеется уточнение (п. 1., примеч. 2): «Почетным опекунам, управляющим Воспитательными домами, предоставлено право принимать в число питомцев незаконнорожденных детей в возрасте и более года, но не старше 5-ти лет».

В богоугодное заведение принимали: незаконнорожденных младенцев, лишившиеся матерей; незаконнорожденных младенцев матерей, которые или по беспомощности, или по необходимости сохранить тайну рождения ребенка не могут держать его при себе; подкидышей, никем не принятых на воспитание.

Согласно правилам 1882 и 1894 гг., незаконнорожденный младенец принимался с выпиской из метрической книги. Для сохранения тайны ребенка могли отдать и без выписки, но по правилам 1894 г. приноситель заполнял форму удостоверения (пропечатанную в правилах), предоставлял удостоверение от приходских священников и от лиц, стоящих во главе Советов и комитетов благотворительных обществ.

Форма выписки из метрической книги за 12 лет не изменилась. В документе указывалось имя ребенка, но без фамилии (для сохранения тайны рождения), год, месяц и день рождения, место выдачи (губерния, уезд, город или село) наименование церкви, выдавшей выписку, имя священника, его подпись и церковная печать. Выписка вкладывалась в запечатанный конверт и передавалась вместе с ребенком в Воспитательный дом. Для свидетельства о приеме младенца Воспитательные дома выдавали билеты с номером, за которым числится ребенок и год поступления в учреждение.

По правилам 1882 г. ребенка принимали бесплатно, за исключением повторного приема. В этом случае правление Воспитательного дома имело право требовать внесения какой-либо суммы, но не менее 25 рублей. Эта сумма с процентами выдавалась питомцу по достижению совершеннолетия. В правилах 1894 г. прописано, что взнос делался сразу — не менее 25 рублей, а если с сохранением тайны рождения, то взнос был равен 50 рублям и более. Если сумма взноса была больше 25 или 50 рублей, то остаток поступал на счет питомца.

В 1882 г. на временное вскармливание, в особых случаях, принимались законнорожденные дети не старше 10-ти месяцев, они отправлялись на воспитание в деревни. По достижению ребенком годичного возраста он возвращался родителям. В случаях, когда родители детей не забрали в установленный срок с них взималась плата 2 р. 50 к. в месяц. Процесс оплаты контролировался руководством Воспитательных домов и полицией.

По правилам 1882 г. отданные в Воспитательный дом дети с метрической выпиской возвращались матерям или родственникам в течении 3-х лет от рождения, дополнительная плата за содержание ребенка не требовалась. Такие дети могли быть отданы на попечение посторонним лишь по достижении ребенком трехлетнего возраста. Матери, вскормившие своих детей в Воспитательном доме или на дому, могли просить вернуть им ребенка с 3-х лет до 10-ти лет от рождения. Дети, находившиеся на попечении у матери до 10-ти летнего возраста, могли быть отданы на воспитание или усыновление только с согласия матери, если женщина ежегодно извещала правление Воспитательного дома о своем месте жительства. Младенцы, отданные без выписки из метрической книги, могли быть возвраще-

ны в семью только в течение 6-ти недель с момента поступления в богоугодное заведение.

Матери, не кормившие своих детей, а также родственники могли претендовать на возврат детей только до 5-ти летнего возраста, если последние не были отданы на воспитание или усыновление. Ходатайства могли быть удовлетворены лишь по удостоверению правительства в благонадежности просителей. Правление имело право требовать внесения на имена возвращаемых детей какой либо суммы, но не меньше 25 рублей. Эта сумма с процентами возвращалась забраным питомцам по достижении ими совершеннолетнего возраста или по вступлении питомцев в брак. В случае смерти питомцев сумма возвращалась вкладчикам. Дети, достигшие 14-ти летнего возраста, могли быть усыновлены только с согласия самого питомца.

В правилах 1894 г. законные дети, отданные на грудное вскармливание в Воспитательный дом по достижению годовалого возраста, возвращались родителям. Если родители не забирали ребенка, они принуждались к этому через полицию и происходили взыскания согласно издержкам за содержание ребенка с годичного возраста.

Для возврата из Воспитательного дома незаконнорожденных детей необходимо было предъявить следующие документы: билет, выданный в день приема ребенка, паспорт лица, которому возвращался ребенок. Если забирало постороннее лицо, требовалось письмо-согласие от матери, а в случае смерти матери — законное о том удостоверение.

Правила приема младенцев позволяют проследить, как в Российской империи оказывали финансовую поддержку матерям-одиночкам или больным, не имеющим возможность вскормить своего ребенка. Целью Воспитательных домов было не отрывать детей от родственников, а наоборот оказывать всевозможную помощь в воспитании и становлении благополучного общества в стране.

*Т.А. Круглова
к.и.н., доц. МГУ им. М.В. Ломоносова*

О прообразе нескольких поддельных грамот, датируемых временем Ивана Грозного

В корпусе средневековых подложных актов А.А. Зимин (1920–1980) вычленил небольшую группу однотипных подделок, в которую первоначально включил жалованные грамоты на земельные владения от 25 марта 1546 г. думному дворянину и наместнику обоянскому Ивану Васильевичу Кобыльскому и от 7 марта 1550 г. думному дворянину Ивану Михайловичу Супоневу. Впоследствии к

этим текстам историк приобщил грамоту от 1551 г. думному дворянину и наместнику болховскому Ивану Михайловичу Скрипицыну (Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1956. Ч. 2 / Сост. А.А. Зимин. С. 191–192. № 190; *Зимин А.А.* К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI–XVII вв. // Труды МГИАИ. М., 1963. Т. 17. С. 412–421). Признаки аналогичной, уже четвертой, грамоты усматриваются нами в упоминании о пожаловании еще одному думному дворянину и наместнику обоянскому Ивану Постельникову. Он получил грамоту «за многую службу в 1546 г. на поместья от великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича» (Краеведческая страница // Обоянская газета (12181) 20 декабря 2017 г. № 101).

Изучив грамоту на имя Супонева, А.А. Зимин констатировал, что «фальсификатор явно не знал формуляров жалованных, а также ввозных и послушных грамот середины XVI в.» (*Зимин А.А.* К изучению. С. 416). Изготовителями же фальсификатов исследователь назвал служащих Разрядного приказа. Одновременно историк был вынужден признать, что «остается неясным, откуда был заимствован сходный формуляр всех трех грамот» (*Зимин А.А.* К изучению. С. 420).

Проведенный нами анализ известных А.А. Зимину подложных грамот позволяет утверждать, что их содержание, формуляр и стилистика имеют сходство с жалованными вотчинными грамотами, выдача которых участникам московского осадного сидения началась при Василии Шуйском в 1610 г. и продолжилась при Михаиле Федоровиче (Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 1998. Т. 2 / Сост. А.В. Антонов. С. 16; *Комочев Н.А.* Царские жалованные грамоты (1613–1696) светским лицам: источниковедческое исследование. М., 2016. С. 57–61).

В подтверждение своей гипотезы приведем несколько аргументов. Так, специфической приметой жалованных вотчинных грамот за осадное сидение является наличие в них формулы «по своему царскому милосердому осмотрению» (*Каштанов С.М.* Дипломатический состав древнерусского акта // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1969. Т. 2. С. 151; *Комочев Н.А.* Царские жалованные грамоты. С. 58). С незначительными изменениями эта формула, или, по словам С.М. Каштанова, аренга «с мотивировкой личной милости монарха», встречена, к примеру, в грамоте на имя Кобыльского: «по своему государскому милосердому рассмотрению».

Другая особенность грамот за осадное сидение — указание чина и полного имени грамотчика — также отмечена в каждой из четырех фальсифицированных грамот.

В текстах жалованных вотчинных грамот за осадное сидение личные заслуги воевавших «против врагов наших польских и литовских людей, и русских воров...» излагались достаточно подробно и,

согласно А.В. Антонову, пафосным слогом. Уже в самой ранней грамоте за московское осадное сидение от 5 мая 1610 г. с помощью необычных стилистических приемов оценивалось участие грамотчиков в событиях начала XVII века. Новая, по сравнению с жалованными грамотами XVI в., стилистика была использована и в текстах подложных грамот. В последних, однако, она характеризовала поведение участников не осадного сидения под Москвой, а участников военных событий XVI в.: во время «приходов» крымских ханов Менгли-Гирея и Девлет-Гирея, Белгородской орды, битвы при Молодах, а также «немецких» и «литовских» походов русского войска и т.д. Видимо, удревнение хронологии событий должно было вызвать доверие к датировкам поддельных грамот.

Следы использования в качестве образца жалованных вотчинных грамот за осадное сидение обнаруживаются и в формуле «дать нашего жалованья... в поместье и в вотчину», читаемую в текстах подделок. О ней А.А. Зимин написал: «Формула явно не соответствует актам середины XVI в.» (*Зимин А.А. К изучению. С. 416*). Впрочем, она не соответствует и формуле пожалования в подлинных грамотах XVII в., в которых поощрение служилых за осадное сидение заключалось в переводе определенной доли земли из их поместного оклада в наследственную форму владения — вотчину. В поддельных грамотах бессмысленная формулировка возникла из-за сокращения текста, где в договорной части образцов излагались конкретные условия реализации царского распоряжения. На самом деле в образцах так же, как и в подлогах, одновременно фигурировали понятия «поместье» и «вотчина», но в контексте, который был сильно искажен в подделках под XVI веком.

Подложные грамоты, о которых шла речь, создавались, бесспорно, для лиц, не имевших письменных доказательств на право владения землей. Такая документация им потребовалась скорее всего в 1680-х гг., когда государством проводились валовое писцовое описание и межевание земель. Между прочим, в наказе писцам и межевщикам предписывалось: «... все, что объявитца по наезду писать, и мереть, и межевать по писцовым книгам, и по дачем, и по крепостям по старым межам и граням, и урочищам ...» (Писцовый наказ 1681 г. и другие источники о начале «второго валового письма» в России (1680–1688 гг.) / Подг. Ю.М. Зенченко, А.М. Прокопенко // АЕ за 2009–2010 годы. М., 2013. С. 403). Во всяком случае, о наличии проблемы, вызванной необходимостью подтвердить право на землевладение, и ее масштабах косвенно свидетельствует обнаружение не одной, а нескольких однотипных поддельных жалованных грамот якобы XVI в., в реальности составленных в последней четверти XVII века. Значит, рассмотренная группа поддельных грамот может быть пополнена в будущем новыми находками.

**Флаг, герб, кокарды и пуговицы:
сепаратистские тенденции в символике
Всевеликого войска Донского (1918)**

«Не признав власти комиссаров, мы принуждены были создать государственную власть здесь, к чему мы никогда раньше не стремились. Мы хотели лишь широкой автономии, но отнюдь не отделения от России», — говорил в последние дни 1917 г. донской атаман генерал А.М. Каледин. В более сложном положении находился другой атаман — генерал П.Н. Краснов, с весны и до поздней осени 1918 г. в условиях гражданской войны и развала империи строивший новое государственное образование — «Всевеликое войско Донское», которое имело и собственную символику.

Согласно Основным законам, принятым 4/17 мая 1918 г. и в части о флаге подтвержденным в редакции 15/28 сентября, донской флаг состоял «из трех продольных полос равной ширины: синей, желтой и алой», обозначавших соответственно казаков, калмыков и «русских крестьян», для которых каждая из полос якобы представляла их «национальный цвет». Показательно, что такое толкование почиталось бестактным в рядах Добровольческой армии, и генерал Б.И. Казанович позже возмущался: «Таким образом, красное знамя интернационала признавалось русским национальным флагом...».

Бестактность, очевидно, была налицо, но злого умысла в ней не было. «Петербургский казак» и старый гвардейский офицер Краснов был, думается, вполне искренним, когда писал в воспоминаниях о новом флаге: «Немногие понимали значение его как переходного флага. Не понимал его и Деникин». И когда командующий Добровольческой армией генерал А.И. Деникин в ответ на разработанную на Дону в середине лета 1918 г. «Декларацию Доно-Кавказского союза» тогда же писал: «Пункт IV устанавливает особый флаг Державы, в то время когда вряд ли допустимо иметь какой-либо другой флаг, помимо родного русского», — Краснов, вероятно, не менее искренно, сделал пометку: «Согласен». Говорил об этом атаман и публично, как, например, при открытии Большого войскового круга 16/29 августа — об ожидаемом времени, когда «снова, как встарь, широко развернется над дворцом нашего Атамана бело-синекрасный русский флаг». А в утвержденной 31 октября / 13 ноября новой редакции главы «О флагах» Морского устава учреждались «военный флаг Всевеликого Войска Донского» на основе традиционного Андреевского («белый флаг с синим Андреевским крестом и войсковым гербом, помещенным в центре креста») и вымпел на ос-

нове старого вымпела («военный флаг с длинной белой полосой с [двумя] косицами»).

Правда, композиционные параллели с флагами, существовавшими на русском флоте до революции, на поверку оказываются весьма поверхностными. На Георгиевском флаге и вымпеле изображение в центре Андреевского креста — Святого Георгия Победоносца в красном щите отсылало не к гербу Москвы, а к ордену Святого Георгия (и лишь опосредованно через него — к «гербу Московского царства»), варианты же государственного герба (на самом деле — фрагменты императорского штандарта) на Андреевских флагах членов императорской фамилии определяли место в династической иерархии; соответственно «Андреевский флаг с Донским гербом» при более точно соблюдаемой аналогии должен был обозначать не «военный флот государства», а «высшее лицо в государственной иерархии» или быть «наградным» (подобным Георгиевскому). Таким образом, вексиллологический язык был прочитан и понят довольно плохо, хотя сама попытка воспринять дореволюционную традицию, конечно, неоспорима.

Не забудем, однако, и еще одну область, насыщенную символикой, — военную форму. И хотя Краснов писал в 1918 г.: «Теперь, когда ничего достать нельзя, не приходится думать строго о форме», — не думать не могли, как в увлечении новым государственным строительством, так и потому, что на гражданской войне даже внешнее противопоставление враждебных сторон приобретало повышенное значение. Четыре года спустя Краснов вспоминал о тех днях: «Была мысль одеть Донскую армию в особую от Русской форму, но этому воспротивились Командующий Армией генерал Денисов и Атаман», — и... скорее всего лукавил, ибо вряд ли мог накрепко забыть собственные приказы, не столь уж давно изданные.

Приказом от 25 июля / 7 августа 1918 г. было объявлено подписанное самим Красновым «Описание формы обмундирования чинов конвоя Донского Атамана Всевеликого войска Донского (sic. — *А. К.*)», которым, в частности, устанавливались «кокарда из 3-х цветов: красного, желтого и голубого» и пуговицы «металлические, плоские, с выпуклым изображением нового Герба войска Донского». Таким образом, отменялась старая русская кокарда, да и замену одной государственной символики на другую на пуговицах вряд ли следует считать чем-то маловажным. Можно было бы предположить, что столь радикальное нововведение относилось лишь к атаманскому конвою, незначительному на общем фоне Донской армии, однако этому противоречат как слова из того же «Описания...» — «пуговицы общие с Донским Гербом», — так и красновский приказ от 24 августа / 6 сентября о форме «самолетных и броневых частей». В нем кокарда описывалась даже более подробно: «существующего

офицерского образца (то есть предполагалось, что общеармейская кокарда была уже установлена? — *А. К.*), лучи оксидированного серебра, глазок Войсковых цветов: в середине алый, затем желтый и синий», — и за отсутствием других источников остается пока лишь гадать, было ли разночтение в двух описаниях («голубой» — «синий») случайной небрежностью, или конвойцам, носившим голубые погоны с желтым кантом (у офицеров — голубой просвет), и кокарда была дана в своем, особом варианте. Не забыты оказались и пуговицы, хотя на походном мундире технических войск они и полагались «черные косяные»: оставались еще «погоны шинели» с пуговицами «металлическими, приборного цвета, с выпуклым Донским гербом».

Правда, едва отштамповав пуговицы «нового» образца, их пришлось бы (если приказы были вообще хоть в какой-то мере воплощены) почти сразу же заменять на «новейшие»: 15/28 сентября Большой войсковой круг в новой редакции Основных законов изменил государственный герб, и им вместо «нагого казака в папахе, при шашке, ружье и амуниции, сидящего верхом на бочке» стал «в голубом щите черный стилизованный степной “Елень (олень) пронзен стрелой” — старый герб до-Петровского Донского казачества». При этом сомнительная с исторической точки зрения ссылка на казачью старину представляется далеко не главным мотивом для замены: первый «красновский» герб выглядел довольно легкомысленно, и, по нашему мнению, именно он породил ироническое именование «Всевеликого войска Донского» — «всеселым».

Кокарда — один из главных элементов воинской символики; пуговицы, конечно, менее важный, но при помещении там государственного герба не стоит недооценивать и их. И выбор новой цветовой или геральдической символики — это в то же время и отказ, отвержение старой, даже если кокарды и пуговицы не изготавливались в действительности (для Донской армии в целом так, очевидно, и было). А потому реформа обмундирования, объявленная приказами атамана Краснова, вместе с рядом других его действий остается одним из свидетельств сепаратистских тенденций во «Всевеликом войске Донском».

А.В. Кузьмин

к.иск., к.ф.-м.н., н.с. ИИЕТ РАН

«Сфера неподвижных звезд»

и «беспредельное пространство Космоса»:

к 450-летию со дня рождения Иоганна Кеплера (1571–1630)

Идеи Николая Коперника, опубликованные в 1543 г. (*Коперник Н. О вращениях небесных сфер* / Пер. И.Н. Веселовского. М., 1964) и Джордано Бруно (1584) (*Бруно Дж. О бесконечности, вселенной и*

мирах // *Бруно Дж. Диалоги* / Пер. М.А. Дынника. М., 1949. С. 295–448), создали новый гелиоцентрический образ Космоса, находящегося в безграничном пространстве — Вселенной, наполненной множеством звездных миров, подобных нашему гелиоцентрическому около-солнечному миру. Начинает возникать новое, лишенное замкнутости, представление о пространстве.

Предварительное отступление. Понятие «сферы неподвижных звёзд» как внешней границы Космоса представляет собой одно из важнейших теоретических понятий астрономии, для выработки которого, было необходимо:

[1]. Преодолеть непосредственно возникающее зрительное ощущение того, что на небе, при одновременном наблюдении Луны и звезд, звезды кажутся более близкими к Земле объектами, чем Луна. (При непосредственном одновременном наблюдении Солнца и Луны возникает соответствующее действительности зрительное ощущение того, что Луна более близкий к Земле объект, чем Солнце).

[2]. Создать идеализированную геометрическую модель небесной сферы, в основании которой, лежит представление о небесной сфере как идеальной поверхности шара.

[3]. Выработать представление, согласно которому, неподвижная Земля является центром Космоса.

[4]. Выяснить, что Луна является небесным объектом, с измеримым на базе расстояния между пунктами на поверхности Земли (Ойкумены) параллаксом.

[5]. Принять, что расстояние до небесного объекта (его сферы) зависит от видимой скорости этого объекта: чем медленнее максимальная наблюдаемая скорость светила, тем оно (поверхность его сферы) дальше от Земли (по аналогии с наблюдением за движением скачущего всадника).

Дж. Бруно начинает «разрушение» сферы неподвижных звезд, приводя аргументы, элиминирующие ее существование и верифицирующие безграничность протяженности небесного пространства.

И. Кеплер по-иному подходит к вопросу о существовании модели безграничного Космоса. Прежде всего, ввиду возникающих противоречий с его теорией, показывающей возможный принцип взаимодействия платоновых тел с гелиоцентрическими сферами планет (космический кубок Кеплера), согласно разделяемой им коперниканской модели («Космографическая тайна», 1596 г.).

Заочно полемизируя с Дж. Бруно, И. Кеплер явно указывает: «И сам Бруно, защитник бесконечности, придерживается того мнения, что каждый мир должен отличаться от всех остальных миров соответствующим числом типов движений. Но если различны движения, то различны и промежутки времени, порождаемые периодами движений, а если различны промежутки времени, то различны

относительное расположение фигур, определяемых этими промежуточками, их род и степень совершенства» (*Кеплер И.* Разговор с Звездным Вестником, недавно ниспосланным смертным Галилео Галилеем, падуанским математиком // *Кеплер И.* О шестиугольных снежинках / Пер. Ю.А. Данилова. М., 1982. С. 65). Далее, в теоретическом предложении Кеплера, появляются элементы сформулированного лишь в XX веке, антропного космологического принципа: «Таким образом, если исходить из представления о подобных в указанном выше смысле мирах, то придется сотворить для них и подобных нам людей, причем Галилеев (астрономов-наблюдателей. — *А. К.*), наблюдающих новые звезды в новых мирах, столько же, сколько миров. Но какая от этого польза? Одним словом, мы должны остерегаться того, чтобы шагнуть в бесконечность, в гораздо большей степени, чем это допускают философы» (*Кеплер И.* Разговор. С. 65).

Среди астрономов и философов XVI–XVII вв. есть достаточно четкое деление на признающих существование «безграничного Космоса» (наиболее яркий представитель — Дж. Бруно), и на тех, кто, по словам Кеплера, «должны остерегаться того, чтобы шагнуть в бесконечность, в гораздо большей степени, чем это допускают философы». То есть — на тех, кто не мог принять идею безграничности пространства, по причине возникающих противоречий.

Главное противоречие Кеплер усматривал в разрушении «множеством других миров» Бруно, созданного им (Кеплером), идеального построения гелиоцентрической Солнечной системы: «Предположим теперь, что имеется бесконечно много миров, не подобных нашему миру. Следовательно, на других фигурах, отличных от пяти наших совершенных тел, основана их красота, и поэтому она уступает красоте нашего мира. Отсюда мы заключаем, что именно наш мир, если существует множество миров, — превосходнейший из всех» (*Кеплер И.* Разговор. С. 65).

Бруно напротив, утверждал: «Если бы мы были на луне или на другой звезде, мы были бы в месте, не очень отличающемся от земли, или, может быть, даже в худшем месте; мы узнаем, что могут быть другие тела, столь же хорошие и даже лучшие сами по себе и способные дать больше счастья своим обитателям» (*Бруно Дж.* Пир на пепле // *Бруно Дж.* Диалоги. С. 60).

Проблема определения размера пространства Космоса непосредственно связана с верификацией или фальсификацией гелиоцентрической модели Космоса. «Контур наблюдаемого мира» — «сфера неподвижных звезд», в случае верификации гелиоцентризма, должна претерпевать, вследствие годового движения Земли, периодические видимые изменения, выражающиеся в виде параллактических смещений «неподвижных» звезд (отсутствие параллакса звезд Аристотель считал главным свидетельством неподвижности Земли).

Отсутствие наблюдаемых параллаксов было преодолено Аристархом Самосским, допустившим, что расстояние от Земли до Солнца несравнимо мало по сравнению с расстоянием от Земли до неподвижных звезд (*Веселовский И.Н.* Аристарх Самосский — Коперник античного мира // *Историко-астрономические исследования.* М., 1961. Вып. VII. С. 11–70.). Это утверждение свидетельствует о том, что Космос, если и не бесконечен, то достаточно велик. Но в этом случае (если Космос бесконечен) возникает вопрос о возможности наблюдения параллаксов в принципе, или о корректности постановки вопроса о наблюдаемости параллаксов лишь у наиболее близких звезд, которыми считались звезды наиболее яркие.

Т.А. Кулиев
PhD (History), с.н.с. Института
археологии, этнографии и антропологии НАНА

Монетные клады Карабаха

Междуречье Куры и Аракса является одним из древнейших очагов цивилизации (*Алиев И.Г.* Нагорный Карабах: история, факты, события. Баку, 1989. С. 5). Нахождение Азербайджана на стыке международных торговых путей, развитие ремесел и торговли способствовали развитию в этом крае товарно-денежных отношений, что нашло свое отражение в наличии большого количества монетных кладов и единичных монетных находок. Мы остановимся на монетных кладах, обнаруженных в Карабахе и описанных Е.А. Пахомовым, М.А. Сейфеддини и другими исследователями. Е.А. Пахомов в девяти выпусках издания «Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа» (Баку, 1940–1966) приводит подробное описание монетных кладов, обнаруженных на территории Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР и в прилегающих к нему районах (нумерация по вып. 1–9: №№ 58, 74, 90, 164, 181, 216, 228, 386, 391, 446, 448, 524, 534–535, 578, 1039, 1075, 1101, 1150, 1208, 1224, 1251, 1288, 1496, 1764, 2019).

М.А. Сейфеддини приводит описание обнаруженного в 1983 г. в с. Ахмедлы Лачинского района Азербайджанской ССР клада из 271 экземпляра серебряных монет Сефевидов (*Сейфеддини М.А.* Средневековые монетные клады Азербайджана (1968–1983 гг.). Баку, 1994. С. 79–85).

А.В. Акопян исследовал самую раннюю монету Карабаха (*Akopyan A.V.* On the earliest coins of Khachen (Qarabagh) // *Journal of the Oriental Numismatic Society.* 2015. No. 222. P. 6–11) — битый от имени поздних Шаддадидов биллонный дирхем, который ранее был исследован В.С. Кулешовым. Если В.С. Кулешов относит биллонный

дирхем к поздним Шаддадидам (*Кулешов В.С.* Вновь выявленные монеты правителей Восточного Закавказья XI века в собрании Эрмитажа // *Сообщения Государственного Эрмитажа. СПб., 2014. Вып. LXXII. С. 210*) и при этом указывает, что выпускные данные на монету не попали (*Кулешов В.С.* Вновь выявленные монеты. С. 211), то, по мнению А.В. Акопяна, данный дирхем мог быть чеканен князем Сахл ибн Смбагом из дома Арраншахики (*Акопян А.В.* On the earliest coins. P. 7), однако вызывает сомнение чекан дирхема с изречениями из Корана армянским князем.

В Карабахе, согласно Е.А. Пахомову, были найдены монеты, чеканенные от имени Хулагуидов (№№ 446, 448, 1150), описание которых дано выше. А.В. Акопян утверждает, что ослабление центральной власти в государстве Хулагуидов стало причиной чеканки армянскими князьями (ишханами) монеты общехулагуидского типа в своих землях. Он перечисляет армянские княжества (Анийское княжество, княжество Прошянов, княжество Хачен, Сюникское княжество), которыми чеканились монеты ильханов Хулагуидов. В частности, монеты Карабаха, по мнению А.В. Акопяна, чеканились в княжестве Хачен, в крепости Хоханаберд от имени Ануширвана князем Иванэ II Хасан-Джалаляном (*Акопян А.В.* Ильханы и ишханы. Монеты армянских княжеств периода заката Хулагуидского государства (737–759 гг. х. / 1336–1358) // *Нумизматика и эпиграфика. М., 2015. Вып. XIX С. 122–169*). Но чеканке хулагуидских монет предшествовал самостоятельный чекан монет феодальными государствами Азербайджана и Грузии. В феодальных государствах Азербайджана и Грузии накануне монгольского вторжения чеканились монеты с указанием имен местных государей (Ширваншахов, Грузинских царей). Кроме отсутствия до монгольского нашествия на Кавказ монет на армянском языке, чеканенных армянскими феодалами на армянском языке, чекан хулагуидских монет армянскими феодалами в условиях ослабления государства Хулагуидов был невозможен также из-за налоговой политики государства Хулагуидов, которые налогами разоряли не только крестьян и ремесленников, но, также феодалов.

Л.О. Бабаян утверждает, что в начале XIII в., накануне монгольского нашествия, в северных, восточных и центральных районах Армении — Сюнике, Арцахе, Утике, Гугарке и Айрарате — под верховной властью Грузии и под ее покровительством было создано во главе с Захаридами армянское автономное государство, вассальное Грузии (*Бабаян Л.О.* Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII–XIV вв. М., 1969. С. 30). Но И.Л. Джалагания отмечает широкое распространение грузинских монет в тех частях Армении, которые в качестве инкорпорированных княжеств входили в феодальную структуру Грузии XII–XIII вв. (*Джалагания И.Л.* Мо-

нетное дело и денежное обращение Грузии V–XIII вв. Автореф. дисс. ... доктора исторических наук. М., 1981. С. 31). Х.А. Мушегян также указывает, что с конца XII в. и особенно в начале XIII в. наблюдается расширение ареала обращения монет Грузии. Находки грузинских монет в северо-восточных частях Армении носят массовый характер (*Мушегян Х.А. Денежное обращение Армении (V в. до н.э. –XIV в. н.э.)*. Ереван, 1983. С. 259 (на арм. яз.). Е.А. Пахомов приводит описания грузинских монет, найденных на территории Армянской ССР (№№ 116, 838, 1986, 1993). Между тем, на территории Карабаха, согласно Е.А. Пахомову, не были обнаружены монеты, битые от имени царей Грузии, а это значит, что в XII–XIII вв. территория Карабаха не находилась в сфере влияния армянских феодалов.

Более того, если исходить из публикации Е.А. Пахомова, охватывающей период с начала XIX в., то есть с момента включения Кавказа в состав Российской империи, и до 1966 г., то можно утверждать, что от имени армянских феодалов в городах Кавказа, в том числе и в Карабахе, монеты на армянском языке никогда не бились, за исключением монет государств Софена, Великая Армения и Киликийская Армения, однако монетные дворы перечисленных государств располагались преимущественно в городах Малой Азии. Монетные клады, обнаруженные в Карабахе, свидетельствуют, что денежное обращение Карабаха входило в орбиту денежного обращения мусульманских феодальных государств Азербайджана, Ирана и Турции (№№ 90, 164, 181, 216, 228, 386, 391, 446, 448, 524, 534–535, 1075, 1101, 1150, 1208, 1496, 2019). Что касается обнаруженных в Карабахе (№ 1764), так же как и в других областях Азербайджана золотых монет Византии, то их появление в Карабахе было связано с так называемым «серебряным кризисом», охватившим большинство стран Востока и сопровождавшимся нехваткой серебряных монет, что приводило к использованию в денежном обращении золотых византийских монет.

Среди монетных кладов, обнаруженных на территории Карабаха, есть монеты чеканенные в Панахабаде-Шуше, который являлся столицей Карабахского ханства (№№ 1288, 1251, 1496). Исследовавшая денежное обращение ханств Северного Азербайджана Е.А. Синицина указывает, что о монетных выпусках первых лет независимого существования Карабахского ханства нет сведений. Очевидно, что борьба за укрепление своего положения не позволяла Панах-Али хану вплотную заняться внутренними делами, в частности упорядочением монетной системы (*Синицина Е.А. Денежное обращение Азербайджана (Гянджинского, Карабахского, Шемахинского, Шекинского, Бакинского, Дербендского и Кубинского ханств) во второй половине XVIII – первой четверти XIX в.* Дисс. ... кандидата исторических наук. Баку, 1992. С. 50). А.В. Акопян и П.Н. Петров счи-

тают, что поздняя чеканка монет в Карабахском ханстве связана с тем, что Панахабад-Шуша «находился на территории варадского мелика Шахназара II, единственного союзника Панах Али-хана из меликов» (Акопян А.В., Петров П.Н. Этапы монетного обращения и денежная политика в Карабахском ханстве (1747–1822 гг.) в связи с российским влиянием // Нумизматические чтения Государственного Исторического Музея 2014 года. М., 2014. С. 34). Таким образом, А.В. Акопян и П.Н. Петров ситуацию в Карабахском ханстве представляют так, будто хан Панах-Али зависел от меликов Карабаха. Между тем, Мирза-Адигезаль-бек, на которого ссылаются Акопян и Петров, отмечает, что после присвоения Али-Кули-шахом Панах-Али-беку звания хана (*Мирза-Адигезаль-бек. Карабаг-наме / Предисл. В.Н. Левиатова. Баку, 1950. С. 52*), Панах-Али-хану пришлось бороться с племенами Отузики и Джеваншир, а также с некоторыми меликами Карабаха, которые отказывались подчиняться хану Карабаха, подстрекаемые ханом Шеки. Мирза-Адигезаль-бек подробно описывает в «Карабаг-наме» расправу, которую хан Панах-Али устроил над некоторыми негодными ему меликами Карабаха, которые отказывались подчиниться ему (*Мирза-Адигезаль-бек. Карабаг-наме. С. 58–60*), но одновременно «за свою преданность и благорасположение» Мелик-Мирза-хану было предоставлено право чеканки монеты от имени хана Карабаха (*Мирза-Адигезаль-бек. Карабаг-наме. С. 57*). Таким образом, Мирза-Адигезаль-бек указывает на зависимость Мелик-Мирза-хана от хана Панах-Али. Откуп широко практиковался не только в странах Западной Европы, но, также в странах мусульманского Востока. К примеру, в Иране откуп распространялся не только на эксплуатацию недр и отдельных провинций, но, также на монетный двор (Откуп // СИЭ. М., 1967. Т. 10. С. 688). За оказание помощи государю зависевший от него подданный мог получить право откупа, то есть сбора налогов с определенной территории. Если мелик Карабаха получил право на получение дохода от чеканки монет от хана Карабаха, то это свидетельствует о зависимом положении мелика, потому что право получения дохода от чекана монет мелик осуществлял не самостоятельно, но от имени хана, а потому вряд ли получение дохода от чекана от имени хана Панах-Али могло быть связано с кончиной мелика Шахназара. Скорее всего, это было связано с политической ситуацией в Иране. Безусловно, в борьбе за укрепление своего положения хан Панах-Али должен был опираться также на поддержку некоторых меликов, но решающее значение для хана Панах-Али имела не поддержка меликов Карабаха, а политическая ситуация в Иране, которая влияла не только на положение дел в Азербайджане, но также в Грузии и в Кавказской Армении. Вплоть до начала XIX в. Южный Кавказ являлся сферой интересов Ирана.

А.Ф. Литвина
к.ф.н., доц., в.н.с. НИУ ВШЭ

Ф.Б. Успенский
д.ф.н., чл.-корр. РАН, директор ИРЯ РАН
зав. Лабораторией древнерусской культуры
ШАГИ ИОН РАНХиГС

Думный дьяк Андрей Щелкалов и его личные имена

*Исследование выполнено в рамках проекта
Минобрнауки России № 075-15-2020-908*

Андрей Яковлевич Щелкалов был одним из самых известных и могущественных администраторов своего времени — более двух десятков лет он возглавлял Посольский приказ, управляя в то же время Нижегородской четью, а заодно и верша дела других приказов. Щелкалов вел переговоры со множеством иностранцев, заслужил ненависть английских купцов, да и многих соотечественников, оставаясь одним из первых лиц страны при, если так можно выразиться, двух с половиной государях. Как известно, Андрей Яковлевич достиг весьма высокого положения еще при Иване Грозном, но скончался, по-видимому, примерно в ту же пору, что и царь Федор; не застав Бориса Годунова на троне, он, тем не менее, успел побывать в числе его любимцев. Имя Щелкалова было, несомненно, у всех на слуху при жизни, да и некоторое время после смерти, однако, парадоксальным образом, мы даже не можем сказать, как по-настоящему его звали.

Что же дает нам начальный импульс к тому, чтобы озаботиться этим вопросом и отыскивать какое-то другое имя знаменитого администратора, коль скоро в сотнях документов он показан под христианским именем *Андрей*?

Незадолго до кончины Щелкалов принимает монашеский постриг с именем *Феодосий*, и вот эта-то пара — мирское *Андрей* и иноческое *Феодосий* — сама по себе создает повод для неких антропонимических разысканий, опирающихся на одну довольно мощную тенденцию и одно неукоснительно исполняемое правило. Хорошо известно, что в XV–XVII вв. в подавляющем большинстве случаев имя, даваемое при постриге, подбиралось к мирскому по созвучию, а чаще всего попросту по совпадению первых букв — *Иван* становился, к примеру, *Ионой*, *Федор* — *Феогностом* или, скажем, *Филиппом*, *Дмитрий* — *Диомидом*, *Доментианом* или *Дионисием*, и т.п.

С другой стороны, существовало не зафиксированное на письме, но само собой разумеющееся непреложное правило: если монашеское имя выбиралось вышеописанным способом («по букве») по

созвучию), то сколько бы имен в миру ни носил постригаемый, основой для подбора нового антропонима всегда выступало его имя, полученное при крещении. Таким образом, обнаружив отсутствие созвучия у мирского и монашеского имен, мы можем в рабочем порядке допустить, что доступный нам светский антропоним постриженника был не единственным, что мы имеем дело с носителем светской христианской двуименности, который был крещен иным именем нежели то, что известно нам по его публичной жизни. Если это так, то сокровенное, непубличное имя Щелкалова следует искать не в светских документах, а в коммеморативных источниках — поминальных записях, вкладных и кормовых книгах, всевозможных синодичных перечнях, там, где люди чаще появляются под своими крестильными именами.

В средневековой Руси помянуть человека, назначать по нему корма и заупокойные службы, было принято прежде всего на день его кончины и/или на память того святого, в честь которого он был крещен. Вообще говоря, такая закономерность очень часто помогает определить крестильное имя того или иного лица, однако в коммеморативной практике задействовался и ряд других механизмов, значительно затемняющих наглядность подобной схемы поминавания. В конце XVI – начале XVII в. сложилась практика, когда особенно богатых и влиятельных людей, в миру обладавших двумя христианскими именами, поминали при жизни дважды, а после смерти и трижды — в дни памяти двух небесных тезок по мирским именам и на день преставления. Соответственно, появление имени *Андрей* в связи со Щелкаловым во вкладных и кормовых книгах и синодиках само по себе не позволяет определить, было ли *Андрей* его единственным мирским именем или всего лишь вторым, публичным.

Дело осложняется еще и тем, что братья Андрей и Василий Щелкаловы в большинстве коммеморативных текстов фигурируют не сами по себе, а в составе родового поминавания, приуроченного, например, ко дню именин их отца, дядка Якова Семеновича Щелкалова, или последнего мужского представителя рода — Андреева племянника, суздальского и тюменского воеводы Ивана Васильевича Щелкалова. Не слишком повезло исследователям и с характером записей о Щелкалове в синодиках: мы можем лишь констатировать, что в заголовках синодичных разделов он регулярно появляется под публичным светским именем *Андрей*, а в самом перечне — под своим монашеским именем *Феодосий*.

Итак, антропонимическое досье Андрея Яковлевича Щелкалова могло бы послужить иллюстративным пособием о сложности и многообразии судьбы имен собственных в русской коммеморативной практике. Его крестильное имя как будто бы удачно избегает исследовательского взгляда во всех местах, где есть надежда его об-

наружить, и нам, казалось бы, не остается ничего другого, как признать, что у Щелкалова не было никаких других имен, кроме и без того хорошо известного светского *Андрей* и запечатленного в ряде источников монашеского *Феодосий*, а отсутствие привычного созвучия между ними отнести на счет причин нам неизвестных.

К счастью, однако, обнаруживается еще одно свидетельство, все расставляющее по своим местам и позволяющее утверждать достаточно уверенно, что второе христианское имя у Щелкалова все-таки было, что именно его он получил в крещении и именно оно задавало, в полном согласии с доминирующей тенденцией, наречение Андрея Яковлевича иноческим именем *Феодосий*. Это свидетельство не привлекало должного внимания лишь потому, что до последнего времени не существовало разработанного инструментария для выявления случаев христианской двуименности, да и масштабы ее существенно недооценивались, а, соответственно, подобная перспектива при анализе средневекового источника попросту отсутствовала. Доклад предполагается посвятить анализу уникальных известий, позволяющих существенно скорректировать антропонимическое досье знаменитого думного дьяка XVI века.

Д.В. Лобанов
методист ЦМ ВОВ 1941–1945 гг.

Некрополь Шервудов в Донском монастыре

Фамильный некрополь Шервудов в Донском монастыре, включающий в себя примыкающие захоронения родных и близких семьи Шервудов, связан с именем известного русского архитектора, скульптора, живописца, автора проекта здания Исторического музея на Красной площади Владимира Осиповича Шервуда (1832–1897). На выбор места захоронения повлияло расположение усадьбы Шервудов, в территориальной близости от Донского монастыря на Малой Калужской улице (д. 15, стр. 5). Здесь в 1809 г. дед В.О. Шервуда, механик-мануфактурщик Вильям (Василий Яковлевич) Шервуд, переехавший в Россию из Англии в 1800 г. по приглашению императора Павла I, выкупил в Москве, на Малой Калужской, напротив Нескучного сада, участок земли у надворной советницы М.С. Бахметьевой. Дом сгорел в 1812 г., в 1813 г. построен новый деревянный дом (в 1837 г. дом унаследовали его дети — Елизавета и Яков, а в 1883 г. усадьба перешла во владение В.О. Шервуда (Шервуд Леонид. Путь скульптора / Сост. В. Шервуд. СПб., 2021. С. 10–11).

Первым в некрополе Донского монастыря, недалеко от восточной монастырской стены, под памятником из черного гранита, был погребен дядя В.О. Шервуда художник Константин Иванович Шер-

вуд-Верный (1829–1865), сын И.В. Шервуда-Верного, крестник великого князя Константина Павловича (ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 421. Оп. 1. Д. 6195. Л. 21 об.; Ф. 2121. Оп. 1. Д. 1774. Л. 134 об.). Здесь в дальнейшем, рядом с часовней, принадлежащей к фамильному некрополю Жемочкиных, нашли последний покой — Софья Ивановна Шервуд-Верная (ум. 1888), сестра К.И. Шервуд-Верного; Екатерина Иосифовна Заодовская (1834–1888), сестра В.О. Шервуда, и ее близкие: муж Е.И. Заодовской Михаил Иванович Заодовский (ум. 1878); внук Михаил Михайлович Заодовский (ум. 1899); дочка Е.И. Заодовской Ольга Михайловна Тиль (1861–1936) с мужем купцом 1-й гильдии Карлом Карловичем Тиль (1860–1903), одним из крупнейших поставщиков амуниции, и сыном Иосифом Карловичем Тиль (1885–1896) (ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 421. Оп. 1. Д. 7287. Л. 30 об., 34 об.; Московский некрополь / Сост. В.И. Саитов, Б.Л. Модзалевский. М., 1907. Т. 1. С. 455; Московский некрополь / Сост. В.И. Саитов, Б.Л. Модзалевский. М., 1908. Т. 3. С. 342). Под одним памятником с К.К. Тиль (надгробие представляет собой каменную глыбу с высеченным крестом, ветками и картушем с надписью) была также погребена позднее его дочь Анна Карловна Дубовикова (1887–1953) с мужем.

Владимир Осипович Шервуд был похоронен немного дальше от восточной стены, в глубине участка, рядом с массивным чугунным крестом с распятием собственной работы на могиле действительного статского советника Михаила Михайловича Богословского (1826–1893), отца известного историка М.М. Богословского. Памятник В.О. Шервуду представляет собой призму розового гранита с утраченным металлическим крестом (*Домбровский И.Е.* Некрополь Донского монастыря. М., 2007. С. 172). Под одним памятником с В.О. Шервудом был погребен его внук архитектор Иосиф Владимирович Шервуд (1901–1967).

Также здесь нашли последний покой родные и близкие В.О. Шервуда: зять — известный педагог, директор 5-й московской мужской гимназии, Андрей Викентьевич Адольф (1857–1905), внук — Викентий Андреевич Адольф (ум. 1966), член комиссии «Старая Москва», и Надя Адольф (ум. 1953). К сожалению, не сохранилась могилы погребенных здесь: старшего сына В.О. Шервуда архитектора Сергея Владимировича Шервуда (1858–1899) и внука В.О. Шервуда — Всеволода Сергеевича Шервуда (1882–1915), автора проекта знаменитого «Ласточкина гнезда» в Крыму, с сыном младенцем Сергеем (ум. 1912) (ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 421. Оп. 1. Д. 7287. Л. 26 об.; Д. 7443. Л. 118; Д. 7586. Л. 71; Д. 7676. Л. 5.).

Незадолго до революции 1917 г., уже на новом кладбище Донского монастыря, был похоронен младенец Андрей Шервуд (ум. 1911), внук В.О. Шервуда, сын фельдшера Александра Владимиро-

вича Шервуда (1869–1919), погребенного здесь позже (ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 7586. Л. 59; ОР РГБ. Ф. 881. Д. 19. Л. 34.).

Последним захоронением некрополя Шервудов в Донском монастыре было захоронение его внука И.В. Шервуда в 1967 году. Таким образом, временные рамки бытования некрополя составляют чуть более 100 лет — с 1865 по 1967 год. Всего же некрополь Шервудов и их близких насчитывает 20 захоронений в монастырском некрополе и 2 захоронения на новом кладбище Донского монастыря.

*А.А. Локтева
соискатель, ИАИ РГГУ*

Роль визуальных источников в исследовании пород домашних собак в повседневной жизни России в начале XX века

В 1914 г. модный светский журнал «Столица и усадьба» писал: «Наличие в семье хотя бы одной породистой собаки является показателем культурности данной страны, утонченности вкусов и нравов данного общества». При этом само понятие о том, что у собак есть породы, представляющие собой определенные типы, чистоту которых нужно сохранять при помощи репродуктивной селекции, возникло только в середине XIX века. Вплоть до 1917 г. на приусадебных псарнях существовали свои «породы» борзых, носившие название местности. Знаменитый охотовед Л.П. Сабанеев упоминает обитавших в московских богатых домах «коренастых, на коротких ногах, с очень длинными ушами, черных и каштановых» «шарлоток», то есть отдаленных, «выродившихся» потомков кинг-чарльз спаниелей, а мемуаристы, говоря о любимце и верном спутнике Федора Шаляпина, называли его то просто бульдогом, то «французским булем», а то «мопсом».

Если к рубежу XIX–XX вв. российское охотничье собаководство вполне утвердилось со своей терминологией и стандартами рабочих (охотничьих) домашних собак, то среди собак-компаньонов, живших в домах и являвшихся нередко полноправными членами семьи владельца, царила полная неразбериха. Именно эта близость и помогает, используя визуальные источники, сделать вывод о внешнем виде этой категории собак, которые, будучи важными существами в жизни людей, оказывались с ними на портретах и фотографиях. Фотография оказывается крайне полезным инструментом для анализа пород собак, реальный внешний вид которых не всегда удавалось или не считалось необходимым воспроизвести художникам.

Для определения пород некоторых собак, изображенных на портретах российской царской семьи и знати, можно использовать

фотографии домашних питомцев английской королевы Виктории, которая держала в своем личном питомнике несколько десятков собак в конце XIX века. Подробный рассказ о любимцах королевы и четкие их фотографии, опубликованные в журнале *Lady's Kennel Journal*, дают нам возможность, используя также документы личного происхождения, верифицировать практически любую, встреченную на общей фотографии или портрете, собаку, отнеся ее к какой-либо из известных на тот период в Российской империи пород или хотя бы категорий.

В.И. Мажуга
к.и.н., в.н.с. СПбИИ РАН

Буквенная разметка глосс в юридических рукописях XIII века

Для раннесредневековой Италии более, чем для любой другой области лагинского Запада, было характерно одновременное действие разных правовых систем в зависимости от этнической принадлежности групп населения. В Италии к концу раннего средневековья с большей, чем где бы то ни было, силой поднялись города, с чем было связано стремительное усложнение общественно-экономических отношений. В условиях начавшейся борьбы между римской курией и германскими императорами за властные прерогативы на рубеже XI–XII вв. возник живой интерес к памятникам позднего римского права, сопряженный с желанием применить его нормы в судопроизводстве.

В течение всего следующего XII столетия шла интенсивная работа ученых юристов по сбору и редактуре списков отдельных частей правового свода Юстиниана и одновременно осваивались сложные античные тексты, полные необычных реалий, лексик и своеобразных формул, а главное, противоречий внутри отложившегося в течение веков нормативного и аналитического материала. Вся эта работа отразилась по преимуществу в виде системы глосс, которые располагались на полях рукописей в зависимости от их функционального назначения и с применением особых знаков для отдельных их типов.

Поскольку ценился каждый список юридического памятника, прошедший через руки авторитетного юриста, а вместе с тем и элементы его работы с ним, то при копировании текста памятника и глосс ученики и помощники такого юриста отмечали авторство глосс первыми буквами имен юристов в конце глосс (*signa*). Со времени все больше глосс, помеченных начальными буквами имени того или иного юриста, стали попадать в рукописи, вероятно, из конспектов лекций, которые вели специально назначенные слушатели или

наиболее способные студенты, а поля рукописей все больше заполнялись глоссами. Менялась и изначально продуманная система распределения и разметки глосс специальными знаками (отнюдь не только обозначениями имен). Так, постепенно, ближе к концу XII в., стали исчезать глоссы чисто филологического свойства, отмеченные так называемыми красными значками, восходившими к византийской традиции. Но глоссы, в которых предлагалось решение юридических казусов, причем часто приближенное к средневековой реальности, начали к исходу первой четверти XIII в. занимать поля рукописей почти целиком.

Если в XII в. общее оформление юридических рукописей не отличалось существенно от тех, что выходили обычно из монастырских скрипториев, то на рубеже XIII в. образованные писцы и иллюминаторы, трудившиеся в Болонье, главном центре преподавания римского права, развили свой стиль оформления юридических рукописей, сделав систему распределения глосс еще более наглядной, а процесс создания рукописи более дешевым. С незначительным отставанием начались и попытки содержательного упорядочения глосс, их последовательного отбора и дополнения. На этом поприще первым прославился болонский профессор Азо, действовавший в течение тридцати лет в конце XII и в начале XIII в. А один из его учеников, Аккурсий, отважился на создание полного аппарата к Корпусу Юстиниана — *Magna glossa* или *Glossa ordinaria*. Основную работу над аппаратом он окончил примерно к 1230 году.

Традиционно глоссы, объяснявшие вопросы права, помечались знаками в виде штрихов, кружков на их концах и точек, в начале толкуемого текста и перед самой глоссой. Так обстоит дело и в рукописях, отразивших начальный этап работы Аккурсия над своим аппаратом. Но когда аппарат Аккурсия стал приобретать более законченные очертания, хорошо организованные в Болонье переписчики книг, ставшие многочисленными (их число возросло до нескольких сотен), сумели ввести указание глосс с помощью последовательного ряда букв латинского алфавита. В новых списках воспроизводилось расположение основного текста и текста глосс, каким оно было в едином образце.

Но до этого списки аппарата Аккурсия, отразившие последовательные этапы его работы и содержавшие лишь традиционные знаки для отнесения глосс к определенному месту в тексте юридического памятника, успели быстро разойтись по Европе, ведь в Болонье учились тысячи студентов. Изучать рукописи с ранними редакциями очень трудно. Пример такой рукописи представляет фрагмент *Digestum Vetus* «F. 44» из собрания БАН.

Пример параллелизма в расположении текста памятника и текста глосс, благодаря которому получало настоящий практический

смысл отнесение глосс под определенными буквами к последовательному ряду комментируемых мест, тоже помеченных буквами в алфавитном порядке, представляет хранящийся в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки СПбГУ список «Институций», датированный в Болонье 1259 г., и фрагмент списка Институций того же времени из Научного архива СПбИИ РАН «Карт. 622, № 9.

Ученые толкователи церковного права работали рядом с теми, кто изучал и комментировал памятники гражданского права, и сами, как известно, были нередко крупными знатоками Корпуса Юстиниана. Все это отразилось в сходном оформлении рукописей, содержащих труды эрудитов из той и другой областей права, равно как и в одинаковой эволюции принципов работы с текстом. Момент перехода к буквенной разметке текста глосс у канонистов, однако, получил более рельефное выражение, ведь такой важнейший свод церковного права, как «Декреталии папы Григория IX» или *Liber Extra*, был создан заново в течение 1227–1234 г. И тут же началась работа Бернарда Пармского над аппаратом к этому своду, тоже получившем название *Glossa ordinata*. Первая редакция появилась к 1241 г., но затем из-под руки того же автора вышли новые редакции, и работа продолжалась до самой его кончины в 1266 году.

Рукопись РНБ «F.v.II 8», написана письмом середины XIII в., содержит множество разновременных глосс, помеченных в основном традиционными знаками в виде штрихов и точек. Большая их часть, особенно на боковых полях, написана в стиле, близком к стилю комментируемого текста. И вот в отдельных частях рукописи поверх названных знаков появляется буквенная их разметка, причем большей частью в ином порядке, нежели тот, в каком глоссы изначально размещались, исходя из образца, по которому рукопись была выполнена, или по мере их дальнейшего внесения в рукопись.

Несомненно, рукопись отразила промежуточный этап работы автора комментария и его помощников по созданию *Glossa ordinaria*. Проводимое нами сопоставление с рукописями, содержащими ранние редакции комментария, позволит точнее определить время и условия создания этой рукописи.

В.В. Майко
д.и.н., директор Института археологии Крыма РАН

К вопросу о правомочности применения термина «закрытый комплекс» в российской бонистике 1917–1923 годов

Термин «закрытый комплекс» применяется обычно в археологии для обозначения состава находок в заполнении сооружений, прекративших функционирование единовременно вследствие ката-

строфических последствий. Закрытым комплексом можно считать и состав находок, сопровождавших единовременное одиночное или коллективное погребение. В любом случае это своеобразный хронологический срез очень ценный для реконструкции конкретного временного промежутка.

На наш взгляд, этот термин применим не столько для нумизматики всех периодов, сколько для российской бонистики 1917–1923 гг. насыщенной, как никакой другой период, драматическими событиями. Именно в этот период происходит выпадение большинства известных бонистических кладов и формирование в конце этого периода собраний банкнот, не являвшихся коллекционными накоплениями.

Относительно бонистических кладов ситуация представляется достаточно понятной и непосредственно связана с переломными моментами российской истории 1917–1920 годов. Обобщение всех известных кладов этого периода — дело будущего, для продвижения вперед которого необходима их грамотная и полная публикация. В данной работе использована минимальная и наиболее показательная их часть.

Среди примеров наиболее ранних кладов упомянем Тверской клад 1983 г., четко датированный осенью 1918 г., включавший 61 бону номиналом 1, 3, 5, 10 и 25 рублей образца 1898, 1905, 1909 годов. Среди них оказались 26 бон выпуска царского правительства; 20 — Временного правительства с явным преобладанием 5 и 10 рублевых номиналов и 14 — Советского правительства исключительно номиналами 5 и 10 рублей (*Чекунина Н.В.* Клад бумажных денежных знаков со сберкнижкой из фондов Тверского музея // *Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования.* СПб., 2018. Вып. 1. С. 208). Близки к нему по составу так называемые Тверские клады в пивных бутылках (*Хухарев В.В., Борисов Б.Б.* Тверские клады в пивных бутылках // *Деньги в Российской истории. Вопросы производства обращения, бытования.* СПб., 2019. Вып. 2. С. 322–327), опубликованный Вятский клад (*Мокерова Е.Ю.* Клад Вятского обывателя 1925 г.: банкноты и документы // *Деньги в Российской истории... Вып. 2. С. 335–340*) и клад 1983 г. из собрания Центрального музея Тавриды (далее — ЦМТ) (*Майко В.В., Майко Н.Б.* Боны Центрального музея Тавриды: история формирования и содержание коллекции // *Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования.* СПб., 2020. Вып. 3. С. 403–409). Одинаковые по составу клады 2003 г. из музея Национального банка Республики Беларусь из 68 и 215 банкнот отличались преобладанием серий выпусков Советского правительства. Время их тезаврации определяется в широких хронологических рамках после 1919 г. (*Масько И.Ф.* Денежно-вещевой комплекс начала XX века (из собрания музея На-

ционального банка Республики Беларусь) // Банкаўскі веснік. 2004. № 28 (285). С. 36–41). Однако, исходя из опубликованных номеров серий, эту дату можно сузить. Для хронологии кладов главным критерием видится преобладание ранних и поздних серий. Без их публикации судить о времени тезаврации тяжело.

Сказанное справедливо и для кладов, сохранивших уже денежные знаки собственно Временного правительства. Например, клад 1976 г. из собрания ЦМТ, включавший 231 банкноту, датированный началом июня 1919 г., состоял из мелких номиналов Императорских банкнот при минимальном количестве исключительно «думских» билетов (*Майко В.В., Майко Н.Б.* Боны. С. 403–409). Клад 1986 г. из собрания ГИМ, включавший 1955 экземпляров (*Семилетникова Е.С.* Клады бумажных денег из собрания отдела нумизматики Государственного исторического музея // *Деньги в Российской истории...* Вып. 1. С. 212–213), датированный второй половиной 1919 г., включал всего 21 билет Российской империи, 1085 «керенок» при отсутствии «думок», 2 билета ВСЮР и 847 «пятакоек» (*Семилетникова Е.С.* Клады. С. 212–213). Региональную специфику Крыма отражает клад 1978 г. из собрания ЦМТ, включавший 27 банкнот, датированный осенью 1920 года. Больше половины клада составили 3 рубля 1905 г., а остальную часть — боны ВСЮР и 50 карбованцев 1918 г. выпусков А.И. Деникина (*Майко В.В., Майко Н.Б.* Боны. С. 403–409). Клады, подобные последнему, датировать, безусловно, легче.

Отдельного внимания заслуживают так называемые комплексы банкнот, формировавшиеся разными путями, но одновременно, вследствие сдачи населением в период денежной реформы 1922–1923 гг. имевшихся на руках и «припрятанных» предшествующих денежных знаков.

В качестве опубликованных примеров можно привести собрание И.Ф. Сито, включавшее 269 бон (*Майко В.В.* Одна неизвестная коллекция банкнот, бывших в обращении в период денежной реформы 1922–1924 гг. // *Деньги в Российской истории...* Вып. 2. С. 376–383), так называемый клад 2001 г. из собрания ГИМ, состоявший из 215 экземпляров (*Семилетникова Е.С.* Клады. С. 213–214), собрание, насчитывающее 856 экземпляров, составившее костяк коллекции бон ЦМТ (*Майко В.В., Майко Н.Б.* Боны. С. 403–409). Региональные различия заключаются только в том, что в последнем комплексе более 50% составляют 500 рублевые билеты ВСЮР 1920 г., а в первом более многочисленны и разнообразны боны УНР. В целом можно предварительно говорить о следующих критериях для выделения подобных собраний банкнот.

1. Преобладание бон Российской империи, среди которых больше мелких номиналов серий Советского правительства.

2. Минимальное количество думок и почти полное отсутствие «керенок».

3. Полное отсутствие редких и частных бон.

4. Небольшое количество Донских денег.

5. Деньги РСФСР за исключением банкнот 1918 г., малочисленны.

Собственно клады конца 1923 г. редки и значительно отличаются по составу бон. Ярким примером является клад 1982 г. из собрания ГИМ, включавший 592 банкноты, основу которого составили расчетные знаки РСФСР образца 1919 и 1921 гг. (*Семилетникова Е.С.* Клады. С. 211–212).

Таким образом, проанализированные выше комплексы бон, датированные второй половиной 1923 г., как и бонистические клады, являются классическим примером «закрытых комплексов». Они полностью отражают специфику денежного обращения периода денежной реформы 1922–1923 годов.

*А.А. Малыгина
н.с. ИРИ РАН*

Роберт Бэст, Генри Лэйн, Дэниэл Сильвестр: английские «торговые мужики» на службе дипломатии

В середине XVI столетия случилось неожиданное «открытие» Московского государства англичанами. Вскоре подданные английской короны получили торговые привилегии, резиденцию в Москве и другие преференции. Ввиду активных русско-английских контактов росла потребность в переводчиках, которые, в том числе, сопровождали посольские миссии. В начальный период отношений подобная работа обеспечивалась английскими «торговыми мужиками». Они не просто переводили тексты посланий, но и служили толмачами в составе русских и английских посольских миссий.

К сожалению, в известных исследованиях вопрос о переводческой деятельности англичан в грозненское время изучен недостаточно. Однако мы попытаемся реконструировать биографии и деятельность толмачей и переводчиков-англичан.

По источникам пока удалось выявить имена трех из них: Роберт Бэст, Генри Лэйн и Дэниэл Сильвестр. О первых двух известно гораздо меньше, чем о Дэниэле Сильвестре, однако установлено, что все они были сотрудниками Московской компании и часто путешествовали по Московскому государству, перевозя различные торговые документы, в том числе, и дипломатические.

В недавней монографии о переводчиках Посольского приказа (*Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики

Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М., 2021. С. 36) приводятся данные о первом известном переводчике с английского, шотландского, немецкого и шведского языков Джоне Элмесе (Иване Фомине). Эти сведения относятся к 1589 г., в них зафиксирована информация о его годовом жаловании в 15 рублей. Но указанные выше англичане Московской компании не состояли на службе в Посольском приказе, из-за чего их деятельность до сих пор изучена слабо.

Первые упоминания о толмачах и переводчиках-англичанах содержатся в работах академика И.Х. Гамеля (*Hamel J. England and Russia; Comprising the voyages of John Tradescant the Elder, Sir Hugh Willoughby, Richard Chancellor, Nelson, and others, to the White sea, etc. London, 1854.; Гамель И.Х. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1865*). Позже были работы Ю.В. Толстого, И.И. Любименко и А. Герсона (*Толстой Ю.В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553–1593. СПб., 1875.; Lubimenko I. The Correspondence of Queen Elizabeth with the Russian Czars // The American Historical Review, Vol. 19, No. 3 (Apr., 1914); Gerson A.J. The Organization and Early History of the Muscovy Company // Studies in the history of English commerce in Tudor period. University of Pennsylvania. New York, 1912.*), но все же данные о подданных короны, которые, как установлено, играли заметную роль в коммуникации двух государств, так и не были систематизированы.

У нас нет данных о происхождении и жизни Роберта Бэста, Генри Лэйна и Дэниэла Сильвестра до тех дней, когда они впервые упоминаются в дипломатических и иных источниках, связанных с деятельностью Московской компании в России. Роберт Бэст и Генри Лэйн впервые оказались в Московском государстве в 1555 г., сопровождая Ричарда Ченслора во время его второго визита в Россию. Позже в 1557 г. Генри Лэйн становится третьим агентом компании в Холмогорах, а затем в Москве. Окончательно он уезжает из России в 1560 г. Также Лэйн присутствовал на аудиенции у Ивана IV в 1555 г., о чем оставил записи. В 1567 г. англичанин был толмачом у прибывших на туманный Альбион русских купцов Степана Твердикова и Федота Погорелова, чья миссия кроме торговых дел, заключалась в заключении военного союза с королевой Елизаветой Тюдор (*Hamel J. England; Гамель И.Х. Англичане. С. 123–124*).

Упомянутый выше Роберт Бэст в 1557 г. был отправлен в Англию в качестве толмача русского посла Осипа Непеи. Корабли попали в шторм у берегов Шотландии и, возвращавшийся домой, Ричард Ченслор погиб, спасая Непею (*Hamel J. England; Гамель И.Х. Англичане. С. 128*). Позже имя Роберта Бэста несколько раз встречается в дипломатических документах, где он представлен как посланец, перевозивший царские и королевские грамоты из Москвы в Лондон и обратно.

Третий из известных нам англичан на дипломатической службе — Дэниэл Сильвестр, был не только переводчиком и толмачом, но и в конце своей карьеры представлял королеву Елизавету Тюдор уже как полномочный посол в Московском государстве. Впервые его имя фигурирует в английском списке послания Ивана IV королеве от августа 1563 г. (Лондон. British Library. Cotton Ms. Nero B VIII, folio 19v-21v. Список XVI в.). Здесь он назван *interpreter*, то есть толмач и, судя по всему, его карьера началась еще до 1563 года. Когда именно — установить пока не удается. Позже, в 1570 г., в один из самых драматичных периодов начального этапа русско-английских отношений, Сильвестр переводит грамоту королевы, в которой она клятвой обещает предоставить Ивану IV убежище в своем государстве, в случае необходимости (РГАДА. Ф. 35. Оп. 2. № 3. Л. 1-1 об. Оригинал). Ответ царя, потерявшего надежду на военный союз, был гневным и почти оскорбительным (Лондон. The National Archives. Public Record Office. SP 102/49/1 Оригинал, 1 л). Его перевод, мы полагаем, также выполнен Дэниэлом Сильвестром, который и доставил грамоту в Англию.

Как уж было сказано, первые свидетельства о переводчиках с английского языка известны позже описанных событий, что, однако, не умаляет заслуг англичан, агентов Московской компании, которые внесли весомый вклад в развитие русско-английских отношений.

И.И. Манцеров
магистр, гл. специалист РГАЛИ

Реки в городском ландшафте Твери на рубеже XIX–XX веков: эколого-исторический аспект

С развитием индустриализации и технологического прогресса человек научился адаптироваться к природным условиям и преобразовывать их. Однако условия окружающей среды по-прежнему являются рамками, определяющими паттерны развития городов. Одними из ключевых подобных факторов являются ландшафт и водные ресурсы.

В рамках данной работы автор попытается проанализировать возникший во второй половине XIX в. в Твери конфликт вокруг проблемы загрязнения реки Тьмаки с точки зрения влияния данного события на социальную историю города. Основным скрытым «провокатором», обусловившим неизбежность социального столкновения, выступит природная среда города Твери, его реки и ландшафт.

Исследуемая проблематика находится в исследовательском поле исторической географии как дисциплины, чей инструментарий позволяет осветить исторические события через призму географии и

экологической истории, акцентируя внимание на тезисе о взаимовлиянии Человека и Природы во времени. Актуальность темы обусловлена низкой степенью изученности проблемы промышленного загрязнения водоемов в русле отечественной экоистории, введением в научный оборот новых источников, а также важностью составления картины ранних противостояний по вопросу загрязнения вод токсичными отходами предприятий в связи со злободневностью данной проблемы. Источниковая база работы состоит из документов фонда Тверской городской управы Госархива Тверской области.

Город Тверь расположен по берегам р. Волги, а первые поселения на этой территории предположительно возникли при впадении в Волгу более мелких рек — Тьмаки и Тверцы. В XIX в. с развитием промышленности на берегах рек появились первые предприятия. Одними из крупнейших фабрик в Твери стали образованные в 1856–1858 гг. Каулинская и Морозовская текстильные фабрики на берегу реки Тьмаки (ГАТО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 2046. Л. 1). Плюсы высоких темпов экономического роста уравновесились экологическими издержками, и спустя почти 10 лет воды реки Тьмаки под воздействием вредных фабричных стоков стали непригодны для питья и использования в быту. С появлением в начале 1870-х гг. Тверской городской Думы у города появился шанс бороться за чистоту речных вод. В 1870-е гг. Дума инициировала образование первых комиссий, проводивших анализ сточных вод фабрики и проектировавших первые меры контроля над загрязнением, а в 1874–1878 гг. были взяты пробы воды, которые впоследствии удалось изучить в Медицинском Совете МВД. Фабрика Морозовых, основанная с нарушением 408 ст. Устава Строительного (*Виноградов А. В. Борьба с промышленным загрязнением в поздней имперской России (1850–1917 гг.) // Экологическая история России: Локальные измерения и перспективы интегральных исследований / Отв. ред. О.Ю. Солодянкина. Череповец, 2017. С. 84*), длительное время не подвергалась никаким санкциям за загрязнение вод, несмотря на очевидный для местных жителей вред фабричных стоков. Так продолжалось вплоть до введения запрета на спуск фабричных нечистот фабрики Морозовых в 1881 году.

Резонанс данного постановления стал катализатором привлечения к процессу именитых экспертов в области химии и гигиены, а также высших ведомств (МВД, МТП и др.). Дальнейшее разбирательство, сопровождавшееся расширением представлений о загрязнении и появлением инструментов борьбы с ним, привело в конечном итоге к беспрецедентному суду над фабричными управляющими Д.Н. Поповым и И.И. Кузнецовым в марте 1910 года. Согласно приговору суда, фабрика была обязана установить предписанные экспертами очистные сооружения, а указанные выше управляющие — отбыть наказание в виде ареста. Таким образом, длительные су-

дебные тяжбы и социальные противоречия формально привели к победе города над промышленниками, однако использование речной воды Тьмаки по-прежнему оставалось небезопасным. Роль изучаемого конфликта в деле формирования инструментов борьбы с промышленным загрязнением в империи велика.

Несмотря на то, что именно загрязнение представляется ключевой причиной конфликта, стоит учесть, что подобное развитие событий было во многом обусловлено местными природно-географическими условиями. Периферийность захолустного Затьмачья в изучаемый период и наличие удобной для слива отходов р. Тьмаки обусловили возникновение по берегам этой реки предприятий, чьи отходы разрушали водную экосистему. Тьмака несла свои воды в Волгу вдоль аристократических кварталов и улиц — отравление главной водной артерии, неприятный запах от воды стали вызывать недовольство верхушки общества, что во многом спровоцировало конфликт, а также его обсуждение в высших кругах. Расположение фабрик на Тьмаке выглядело закономерным, поскольку налаживание вывоза фабричных отходов свело бы на нет прибыль от производства тканей. Более выгодным решением была бы организация спуска нечистот в реку, а потому изучаемый конфликт кажется предопределенным.

Приведенная ситуация иллюстрирует понятие «провоцирующего ландшафта» (*Корандей Ф.С. и др. Провоцирующие ландшафты: исследования повседневных культурных ландшафтов периферии агломераций // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3 (54). С. 250*), располагающего к основанию фабрики на берегу Тьмаки. Несмотря на негативное отношение местных жителей к фабрике, городские стоки бань, кожевенных мастерских, огородов и свалок загрязняли реку ничуть не меньше, а потому река Тьмака быстро стала сточной канавой. Загрязнение Волги ее водой стало вопросом времени.

Несмотря на наличие благоприятных условий для развития промышленности в Затьмачье, вопрос выбора функции реки остается за населением. Теория «аффордансов» (*Корандей Ф.С. и др. Провоцирующие ландшафты. С. 249*) говорит о наличии предрасположенности данному человеку окружающей средой природного объекта к использованию, однако отведение реке функции сточной канавы или источника питьевой воды — сугубо человеческая прерогатива.

Таким образом, несмотря на то, что природный ландшафт является силой, во многом задающей рамки развития человеческого общества на определенной территории, его составные части могут использоваться человеком в зависимости от доминирующей социально-экономической исторической реальности, его взглядов и потребностей. В зависимости от этого выбора природные объекты могут оказать существенное влияние на развитие региона.

Польско-литовские шляхетские фамилии в России в XVII веке

XVII век, с точки зрения генеалогических исследований, представляет интерес как время, когда представители семьи или рода из Литвы и Польши оказывались, и достаточно часто, основателями новых родов (в частности, дворянских) в двух странах-соперницах, ведших многочисленные войны друг с другом на протяжении ряда веков. Если к концу XVIII века, по результату трех разделов Речи Посполитой, появляется «разделенная» нация — польская, то в XVII веке наблюдается процесс разделения ряда дворянских фамилий на ветви, которые обосновываются по обе стороны русско-польской границы. Речь идет о польско-литовской шляхте, имевшей единого прародителя. При наличии общих предков, потомки стали причислять себя либо к российскому дворянству, либо к польскому.

Русское царство, по мере роста и укрепления, нуждалось в притоке в страну всякого рода специалистов: художников, мастеров, «сведущих людей», военных. Правительство охотно привлекало иностранных специалистов на русскую службу, заботилось о приезде в государство необходимых стране опытных и обученных иностранцев, готовых поступить на службу. Московское правительство допускало в свои пределы иностранцев, руководствуясь, по большей части, собственными интересами. Активными «поставщиками» европейских достижений стали ближайшие соседи. Исследователями многократно отмечалась особая роль Речи Посполитой (Польши и Литвы) в данном процессе, причем наибольшая интенсивность контактов наблюдалась со стороны Литвы. «Восточная» политика Великого княжества Литовского, еще со времен завоеваний Ольгерда и Витовта, оставалась значимой в XVI веке для литовской знати. Московское государство рассматривалось панамы-рады двояко. Сложилась парадоксальная ситуация — с одной стороны, в Москве видели врага и соперника, а с другой, литовская шляхта рассматривала соседа в качестве потенциального партнера, позволявшего в политических играх сохранять литовскую идентичность перед доминированием польской короны.

В XVI–XVII веках значительную часть иностранцев, находившихся в России, составляли польско-литовские выходцы. По подсчетам В.О. Ключевского, 24 % включенных в Бархатную книгу служивых фамилий из 930 имели польско-литовское происхождение.

ние (в большинстве случаев западно- или южнорусское). При этом западноевропейское происхождение имели 25 % фамилий, великорусское — 33 %. М.Е. Бычкова предположила, что в связи с тем, что наибольшее количество переходов на русскую службу производилось выходцами из Польско-Литовского государства, в приказной делопроизводственной практике XVII века отразились нормы признания дворянского происхождения, установленные еще Статутом Великого Княжества Литовского 1529 года.

Боярские списки, в частности, боярский список 1667 года, включают немало представителей польско-литовских дворянских фамилий (некоторые из которых стали основателями национального дворянства — белорусской или украинской шляхты): Краевские, Водорацкие, Высоцкие, Грушецкие, Рачковские, Колонтаевы-Велишевские, Корсаки, Яновские, Тихоновецкие и другие. Родословные росписи в конце XVII века были поданы представителями ряда польско-литовских семей в Палату родословных дел с указанием на свое происхождение (в большинстве случаев, литовское, что подразумевало выезд с территорий бывшего Великого княжества Литовского): Буковскими, Грушецкими, Колдычевскими, Краевскими, Водорацкими, Ближевскими.

После окончательного присоединения Смоленска к Московскому государству многие семьи, обосновавшиеся там достаточно недавно, не захотели переселяться в Польшу, а предпочли сменить подданство. Один из примеров «разделенной» между странами семьи — шляхетская фамилия Пасек. В XVII веке два представителя этой фамилии получили определенную известность: Ян Хризостом Пасек (около 1636–1701) — польский шляхтич, католик, автор известных «Записок», ревливый последователь польского шляхетского духа. И Даниил Иванович Пасек (или Пассек) — смоленский шляхтич, который принял российское подданство после присоединения к России Смоленска в результате русско-польской войны 1654–1667 годов. Он стал родоначальником русских Пассеков.

Российское дворянство пополнилось представителями польских и литовских родов, которые стали родоначальниками многих известных российских фамилий. Изучение истории польско-литовских фамилий, представители которых появились в пределах России начиная с XVI века, позволяють сделать предположение, что для многих иностранцев — поляков и литвинов — в новом отечестве открылись возможности для карьерного роста, улучшения своего социального и материального положения. Успехов шляхтичи добились на разных поприщах.

Наследственная приказная служба в русских монастырях в XVII–XIX веках (тверской род Борзиковых)

Монастырские слуги играли важную роль в обеспечении функционирования монастырей на Руси и в России, занимая там как разного рода хозяйственные должности, так и исполняя определенные функции управления (например, посылались приказчиками в монастырские вотчины). После секуляризационной реформы 1764 г. и разделения монастырей на классы с тем или иным уровнем финансирования здесь были предусмотрены определенные штаты служителей. Значимыми фигурами в системе монастырского управления до середины XVIII в. являлись стряпчие, которые после секуляризационной реформы стали именоваться подьячими. Они представляли интересы монастырей в разных учреждениях, вели канцелярскую работу и имели отношение к монастырским владениям (в частности, неизменно участвуя в межевании земель).

Вопросы истории и правового статуса монастырских служителей в разные хронологические периоды уже являлись предметом изучения специалистов, хотя число этих работ относительно невелико (см., например: *Богданова А.В.* Штатные служители Соловецкого монастыря (последняя треть XVIII века) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2014. № 5. С. 5–10; *Виденеева А.Е., Грудцына Н.В.* Светские служители Спасо-Яковлевского монастыря // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 2. С. 47–50; *Пономарева И.Г.* Слуги Троицкого Макарьева Калязина монастыря // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7. С. 83–101). Отдельное исследование посвящено деятельности приказных монастырских служителей (*Введенский А.А.* Трудовая деятельность стряпчих в северно-русских монастырях в XVII–XVIII вв. // Север. 1923. Кн. 1. С. 36–64). Вместе с тем, фактически отсутствуют сочинения, исследующие историкородословные отношения в этой среде. Исключением является работа, содержащая родословные росписи служителей одной из обителей (*Соколов Ю.И.* Династия штатных служителей Калязина монастыря 1764–1861 гг. М., 2010).

Именно поэтому особенное значение имеет изучение генеалогии монастырских служителей — в первую очередь, династий, занимавших ключевые приказные должности в системе монастырского управления. В Тверском Успенском Отроче монастыре такой династией являлись Борзиковы. Этот монастырь являлся одним из старейших и богатых монастырей Тверской епархии, находился непосредственно в кафедральном центре и владел землями в разных уез-

дах. После проведения секуляризационной реформы Отроч монастырь был причислен ко 2-му классу. Источники позволяют установить более-менее регулярные данные о местных служителях начиная с 1670-х годов.

Первые найденные упоминания о Борзиковых в Твери встречаются в переписной книге 1677 г. и в писцовой и межевой книге 1685–1686 гг., где упомянуты слуги (служки, служебники) Отроча монастыря Данила и Федор Давыдовы дети Борзиковы. Вместе с тем, известно, что ранее слугой здесь был и их отец, а, возможно, и более отдаленные предки. Борзиковы продолжали служить в Отроче монастыре вплоть до середины XIX в. — имеются данные не менее чем о семи поколениях этого рода, чьи представители занимали здесь различные должности.

В 1680-е гг. Данила Давыдович, вероятно, был монастырским стряпчим — именно он совместно с братом представлял Отроч монастырь на межевании тверских земель при составлении писцовой и межевой книги Твери 1685–1686 годов.

В начале XVIII в. должность стряпчего здесь занимал сын «старинного» слуги Отроча монастыря Федот Гаврилович Борзиков, возможно, приходившийся племянником Даниле и Федору. В дальнейшем, на протяжении XVIII и в начале XIX в., стряпчими (а после секуляризационной реформы — подьячими) здесь неизменно служили потомки Федора Давыдовича: в 1730-е – 1770-е гг. (до смерти в 1779 г.) — его внук Егор Никитич, в 1780-е гг. (до смерти в 1785 г.) — другой его внук Захар Никитич и, наконец, начиная с середины 1780-х гг. — его правнук Захар Григорьевич (вероятно, до смерти в 1824 г.). Во второй половине XVIII в. именно они подавали сказки о монастырских служителях во время проводившихся ревизий (при подаче сказок 3-й ревизии в 1764 году. Егор Никитич еще поименован стряпчим, а во время подачи сказок к 4-й ревизии 1782 г. и 5-й ревизии 1795 г. Захар Никитич и Захар Григорьевич указаны как монастырские подьячие). Таким образом, представители рода Борзиковых занимали приказные должности в Отроче монастыре не менее чем в пяти поколениях.

Большинство их родственников также продолжали служить в Отроче монастыре, будучи слугами, а после секуляризационной реформы — штатными служителями. Исключение составляют только потомки Данилы Давыдовича Борзикова. Его сын Кондратий был архиерейским певчим, внук Яков Кондратьевич — подьячим Тверской провинциальной канцелярии, правнук Герасим Яковлевич — приказным служителем сначала в Тверском архиерейском доме, а потом в местных «светских» учреждениях. В 1760-е – 1770-е гг. Герасим занимал должность секретаря Тверской провинциальной канцелярии, а в 1780-е гг. — стряпчего Верхней расправы Тверского

наместничества. Он был произведен в чин коллежского асессора, получив право на потомственное дворянство, а его сыновья Иван и Федор Герасимовичи состояли в военной службе, будучи в конце XVIII в. поручиками. Вместе с тем, сведений об утверждении этой ветви Борзиковых в дворянстве найти не удалось.

Приведенные данные убедительно показывают, что наследственной являлась не просто «светская» служба в монастырях, на что уже обращали внимание исследователи, но и само замещение конкретных должностей (в том числе и ключевых — приказных) происходило по принципу наследования.

Т.В. Медведева
к.и.н., с.н.с. ИСл РАН, доц. РГГУ

«Тайные» публикации царской переписки: о двух археографических казусах в новейшей истории

Каждый масштабный археографический проект — плод долгой и кропотливой работы одного или нескольких авторов. И зачастую известная история публикации составляет лишь видимую часть археографического айсберга.

Таковых немало в XX в., и один из них — англоязычная публикация переписки Николая II с матерью, Марией Федоровной, вышедшая в конце 1930-х гг. на Западе. Книга увидела свет под именем издателя Эдварда Дж. Бинга и имела два разных названия (английское и американское), ничем не выдавая своего советского происхождения (The Letters of Tsar Nicholas and Empress Marie. Being the confidential correspondence between Nicholas II, and his mother, Dowager Empress Maria Feodorovna / Ed. by E.J. Bing. London, 1937; The Secret Letters of the Last Tsar. Being the confidential correspondence between Nicholas II, and his mother, Dowager Empress Maria Feodorovna / Ed. by E.J. Bing. New York; Toronto, 1938).

Автором предисловия выступил британский дипломат Брюс Локкарт (бывший генеральный консул в России), а издатель Э.Дж. Бинг не был замечен в дружбе с коммунистами и имел прекрасную репутацию на книжном рынке. Сложно было предположить, что права на это издание он с большим трудом перекупил у конкурентов, в числе которых были: просоветский издатель из Британии Джон Родкер и владелица американского издательства, специализирующегося на документальных публикациях, Эрика Биль. В переговорах также участвовали: близкая знакомая Локкарта Мура Будберг и журналист Юджин (Евгений) Лайонс (*Paterson I. The Translation of Soviet Literature: John Rodker and PresLit // Russia in Britain, 1880–1940: From Melodrama to Modernism. Oxford, 2013. P. 197–198.*

Второй стороной этой археографической сделки было официальное советское учреждение, мастерски балансировавшее между интересами Наркомата внешней торговли, Центрархива, Политуправления НКВД и ОГПУ. За невзрачным названием конторы «Литературное агентство» (ЛИТАГ), в англоязычных документах *PresLit* (Press and Publisher Literary Service) скрывалась кипучая деятельность, осуществляемая Дмитрием Александровичем Уманским (1901–1977), старшим братом дипломата К.А. Уманского (подробнее см.: *Медведева Т.В.* Центрархив и Литературное агентство: взаимодействие в деле подготовки публикаций архивных документов для заграницы в 1930-е гг. // *Отечественные архивы.* 2021. № 1. С. 17–26). В истории этой публикации особенно примечателен возникший и своевременно урегулированный конфликт интересов внешнеторговых структур, зарубежных издателей, архивистов и исследователей.

Подводная часть этого археографического айсберга была столь неочевидна, что даже в недавней публикации царской переписки по документам ГАРФ не удалось восстановить ее историю (Переписка императора Николая II с матерью — императрицей Марией Федоровной. 1894–1917. М., 2017. С. 9 и др.).

Американская версия книги выдержала впоследствии шесть переизданий с 1938 по 1974 гг., а английская — 10 переизданий с 1938 по 1995 год.

Переписка последнего императора с матерью была не единственным комплексом документов, предложенным Уманским для заграничных издателей. Но осталась в истории как наиболее масштабный проект как по объему текста, так и по сложности сопутствовавших переговоров (См. переписку Центрархива: ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 1021–1023, 1220, 1354).

Этому проекту предшествовал другой, менее успешный: продажа во Францию копий переписки Екатерины II с Г.А. Потемкиным, подготовленной на русском языке Я.Л. Барсковым (*Lettre d'amour de Catherine II a Potemkine / Publiees par Georges Oudard.* Paris, 1934; аналогичная публикация — в журнале *Revue de Paris* за 1934 г.). Планировались также англоязычные издания этих текстов, но они не были реализованы. Изначально Я.Л. Барсков надеялся официальной публикацией своей работы за рубежом поправить финансовое положение семьи, однако он не предполагал, что это обернется мораторием на публикацию текста в СССР. Барсков сомневался, что письма императрицы могут быть интересны широкому зарубежному читателю, однако соглашался с тем, что многое зависит от подачи, поэтому многократные переделки своего текста вступления и комментариев Д.А. Уманским считал неизбежной частью общего процесса подготовки публикации «для заграницы» (ОР РГБ. Ф. 16. Д. 35).

Эти две публикации 1930-х годов вскрыли ряд противоречий, многие из которых до сих пор и остаются актуальными. Они были призваны обеспечить пополнение валютных запасов СССР и соблюдение авторских прав на архивные публикации, но оборотной стороной этого процесса стало, фактически, полное исключение подготовленных публикаций из поля зрения отечественных историков. Издательские договоры ставили отечественным археографам кабальные условия. При этом соблюдение авторских прав советского государства на публикуемые документы соседствовало с полным пренебрежением авторским правом исследователей, готовивших эти публикации на русском языке. Наиболее драматичный пример — работа Я.Л. Барскова над перепиской Екатерины II, частично присвоенная во французском издании.

Отдельно стоит выделить вопросы, связанные с интонациями предисловия и комментариев. Публикуемые документы сопровождалась сложной смысловой нагрузкой. Советские архивисты пытались задать тон в интерпретации текстов, но договоренности регулярно менялись на этапе переговоров. Например, всячески подчеркивалось, что в публикации писем Николая II нежелательно «изображать царя как жертву», — и издатели соглашались с этим посылом, добавляя: «Наше собственное предположение сводится к тому, чтобы дать портрет царя таким, каким он был — человеком, поработившим своей женой, слабохарактерным и исключительно упрямым, который был худшим врагом самому себе» (ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 1023. Л. 8–9).

Другой круг вопросов связан с правами на царские письма. В ряде случаев, частные документы императорской фамилии, хранившиеся вне пределов России, не имели законных владельцев или их происхождение было туманно. Для серьезных зарубежных издателей это ставило под сомнение подлинность материалов: авторитет публикации мог быть подорван скандалом (что и случалось неоднократно). Получение документов для издания из советских архивов являлось весомым доказательством их подлинности и решало вопросы правообладания.

А.Г. Мельник

к.и.н., Гос. музей-заповедник «Ростовский кремль»

Новый источник по истории Ростовского княжества середины XV века

История Ростова и Ростовского княжества середины XV в. крайне слабо документирована. Поэтому особую ценность представляет каждый новый источник по этой истории. Неожиданно в

качестве такого источника предстал антиминос, хранящийся в фондах Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» (инв. № Т-1844). Он поступил в музей в 1924 г. из Казанской церкви села Скнятинова Ростовского уезда. Антиминос прямоугольный (14,7 x 16 см), изготовлен из льняной ткани, все изображения и надпись нанесены серыми чернилами. В центре представлен шестиконечный крест на Голгофе, по бокам от него — надпись. В музее антиминос датируется XV в. и специально не изучался. Сохранность памятника оставляет желать лучшего. Он имеет прорывы и утраты ткани, не дошла до нас значительная часть надписи, особенно — левее креста. И всё же уцелевшая ее часть представляет несомненный интерес. Ниже публикуется текст антиминоса, который удалось прочесть. Все устаревшие буквы заменены современными. Реконструированные фрагменты даны в квадратных скобках. Утраченные элементы текста обозначены многоточием в квадратных скобках.

Текст антиминоса:

«[...] [архи]еписко[по]мъ Феод[осием] Ростовским и Ярославскимъ [...] [при благовер]номъ великом князе [...] [Василии Васи]льевич[е] и при его [...] [кня]зе Иване Васи[льевиче] [...] [благо]верном князе [...] [Ростов]ском Одрее О[лександровиче] [...] индикта [...] 15 д[е]нь».

Как видим, точная дата освящения антиминоса не сохранилась. Но хронологические рамки появления памятника можно существенно сузить. Фигурирующий в тексте архиепископ Феодосий (Бывальцев) занимал ростовскую кафедру с 1454 по 1461 г. Значит, антиминос возник в этих временных пределах.

Одним из ценнейших свидетельств рассматриваемого источника является указание на ростовского князя Ондreja О(лекса)ндровича). Как известно, он принадлежал к Борисоглебской линии ростовских князей. В документах этот князь фигурирует под 1415–1417 годами. В дальнейшем его имя не встречается в письменных источниках. Но оно зафиксировано на многочисленных ростовских монетах. Обычно их датируют началом XV в. (после 1404 г.). Правда, верхняя хронологическая граница их чеканки строго не установлена. Характерно, что на ряде таких монет имя указанного князя начинается так же, как и на антиминосе, — с буквы О. Например, на одной из монет читаем: «Печать княжа Ондреева Ол». Последние две буквы, очевидно, означают недописанное отчество Олександрович. И вот, оказывается, князь Ондрей дожил до середины – второй половины 1450-х годов. Причем, как и в 1410-х гг., он оставался старшим князем в Борисоглебской ветви ростовских князей.

Существует источник, который позволяет приблизиться к пониманию того, около какого времени умер князь Андрей Александрович, и еще более сузить хронологические рамки появления анти-

минса. Речь идет о тексте на широко известном каменном кресте, который был изготовлен и установлен по заказу дьяка Стефана Бородатого на могиле его сына в 1458 году. На данном кресте в качестве ростовского князя значится Владимир Андреевич, являвшийся сыном упомянутого Андрея Александровича. Следовательно, этот последний умер до 1458 г., но не раньше 1454 года. Соответственно, наш антиминос появился между 1454 и 1458 годами.

Важно подчеркнуть, что Ондрей Александрович представлен в рассматриваемом тексте как полномочный представитель Ростовского княжества или его части, то есть как владетельный князь. Надо полагать, на территории, контролировавшейся князем Ондреем, находилась церковь, для которой предназначался антиминос. Как видим, церковная власть от лица архиепископа Феодосия вполне ясно обозначила данный статус князя Ондрея.

Теперь мы более отчетливо, чем ранее позволяли источники, можем проследить преемственность власти в Борисоглебской линии ростовских князей в XV веке. В 1404 г. умер представлявший эту линию князь Александр Константинович Ростовский. Власть перешла к его старшему сыну Андрею Александровичу, который властвовал до периода 1454–1458 годов. В этом промежутке времени он умер, и власть унаследовал его сын Владимир Андреевич, что произошло не позже 1458 года. Наконец, согласно Типографской летописи, названный Владимир Андреевич с двоюродным братом Иваном Ивановичем «и съ всеми своими детми и з братаничи», зимой 1473–1474 гг. продали «свою отчиноу, половину Ростова съ всемъ» московскому великому князю Ивану Васильевичу.

*А.А. Митрофанов
к.и.н., н.с. ИВИ РАН*

Городская геральдика в эпоху Наполеона: рецензия французского имперского опыта в Итальянском королевстве в начале XIX века

Начало новой постреволюционной геральдической системе во Франции было положено в 1804 году. Провозглашение Империи привело к созданию императорского двора и учреждению Императорской фамилии, а также крупных земельных владений в странах, завоеванных Францией. Декретами 1806 г. на территории прежних итальянских государств создавался ряд фьефов Империи. Представители Императорской фамилии, маршальского корпуса и высшей бюрократии обладали правом на герб. Статут от 1 марта 1806 г. организовал новую знать и зафиксировал иерархию титулов. (*Bascapè G., Del Piazzo M. Insegne e simboli: araldica pubblica e privata*

medievale e moderna. Roma, 1999). Последний и самый важный шаг в этом направлении — создание титулярного права. Это два статута от 1 марта 1808 г., которые восстанавливают и кодифицируют названия титулов. У представителей этой новой знати должен был быть и герб, подчиняющийся обновленным геральдическим правилам. Наряду с личным и фамильным гербом вскоре вновь появились и гербы городские и муниципальные, но не как знаки Старого порядка, а как знаки почетного отличия и символические украшения. На территории Франции право на герб для городов и корпораций было восстановлено императорским декретом 17 мая 1809 года. Декрет содержал несколько важных положений, уже подготовленных к этому моменту в Совете печати и титулов под руководством архиканцлера Ж.-Ж.Р. Камбасереса и утвержденных Государственным Советом.

Согласно декрету, никакой город, коммуна, корпорация или общество не могли пользоваться дореволюционным гербом. Новые же гербы могли быть «дарованы» императором. Города, коммуны или корпорации, власти которых желали получить патентные грамоты о даровании герба, должны были, после получения на это предварительного разрешения в компетентных административных органах, обратиться к архиканцлеру Империи. Такие обращения должны были оформляться в единообразном виде адвокатом Государственным советом в соответствии с императорским декретом от 24 июня 1808 г., касающимся вопросов учреждения майората. Исполнение декрета проходило достаточно медленными темпами. Только появление инструкций министра внутренних дел Жана-Пьера Монталиве (18 октября 1809 г.) сделало возможным начало работы по возрождению городских гербов.

Следует согласиться с авторитетным мнением М. Пастуро, который писал о наполеоновской геральдике: «В целом, необходимо признать, что эта система оригинального блазона, которая представляет в истории геральдики пример систематизации доведенной до самой крайней степени, осталась более в области теории, чем в области практики. Созданная в 1808 г. и отброшенная в 1815 г. (впоследствии скромным и робким образом воспринятая во времена Второй империи после 1859 г.) она не располагала ни временем, чтобы быть в полной мере использованной, ни, тем более, временем, чтобы эволюционировать» (*Pastoureau M. Heraldique // Dictionnaire Napoléon / Sous la dir. J. Tulard. Paris, 1999. Vol. I. P. 947*). Однако на практике наполеоновскими чиновниками также было сделано немало.

Дарование гербов городам и корпорациям логически было связано с формированием новой аристократии и придворной культуры. Эта попытка визуализации новой социальной иерархии была рассчитана на длительный срок. По подсчетам специалистов, за 1809–1814 гг. всего 259 французских городов обратились для получения

соответствующих патентных грамот. Внимание элиты наполеоновского государства к вопросам городской геральдики было недостаточно выраженным, поскольку и само существование всей политико-государственной системы вызывало во Франции, особенно после неудач военных кампаний, немалые сомнения. И все же этот проект ознаменовал поворот в общественном сознании Франции начала XIX в.: геральдическая система осознавалась как необходимая система визуальных признаков новой социальной и политической стратификации постреволюционного общества.

Опыт Франции имел огромное значение для государств, находившихся под протекторатом Наполеона или, как в случае с Итальянским королевством, такого, где он был его коронованным главой. С отставанием от Франции на несколько лет, в последние три года существования этого королевства (1812–1814) его правительство приступило к регламентации городской геральдики. Королевским декретом от 17 января 1812 г. было запрещено коммуна и другим общественным ассоциациям использовать гербы, которые не были получены от короля и не были подтверждены патентными грамотами. Также Геральдический регламент для городов и коммун был утверждён, по примеру Французской империи, Советом печати и титулов королевства в инструкциях от 16 июня 1813 года. По данным исследования Э. Пиньи, большинство городов обратились в 1812–1813 гг. с просьбой предоставить им герб в соответствии с нормами декрета 17 января 1812 г., но не внесли никаких предложений о его блазоне. Ряд других городов обратились в 1812 г. с просьбой предоставить им право использовать свой старинный герб (*Pigni E. Stemmi gentilizzi e civici concessi da Napoleone I come Re d'Italia. Firenze, 2021*).

В целом, не менее 45 муниципалитетов запросили предоставление герба в соответствии с вышеупомянутым королевским декретом. Из числа 2155 коммун королевства это было ничтожным меньшинством. В течение 1812 г. Совет печати и титулов в рамках своей компетенции рассмотрел только пять обращений по вопросам о городских гербах: «добрых городов» Милана, Венеции, Брешии, а также Феррары и Модены. 9 января 1813 г. грамоты были подписаны Наполеоном. Важность, которую придавало правительство королевства вопросу о гербах подчеркивает следующий пример. 12 марта 1814 г., когда венецианские департаменты уже были оккупированы вражеской армией, Венеция была блокирована и итальянская армия оборонялась на линии от Минчио до озера Гарда, министерство внутренних дел отозвало полномочия муниципалитета Брешии, поскольку он выдавал сертификаты с печатью, воспроизводящей старинный герб города, вместо того, который был выдан ему в соответствии патентными грамотами.

6 апреля 1814 г. Наполеон подписал свое первое отречение от французского трона. Вместе с наполеоновским проектом государственного устройства были ликвидированы и все инновации в области геральдики и эмблематики. Реставрация положила конец этому эксперименту, но наполеоновская геральдика вовсе не была забыта и даже сегодня вполне заслуженно привлекает внимание исследователей.

*М.В. Мусеев
к.и.н., доц. МПГУ*

Московское царство и ханства Средней Азии: маршруты движения дипломатических миссий

Учитывая, что между Московским царством и ханствами Средней Азии в XVI–XVII вв. не было общих границ, необходимо рассмотреть вопрос путей сообщения между государствами. Первое развернутое описание маршрута в Бухару оставил агент Московской компании Энтони Дженкинсон. Выйдя из дельты Волги восточным рукавом, Дженкинсон и его спутники двигались северо-восточным берегом до острова Аккургар (вероятно, это совр. Джамбайский остров), а затем прошли еще один остров. Можно полагать, что это были острова, ныне известные как Большие Пешные острова Атырауской области Казахстана. Пройдя их, путешественники достигли область «страны Боглита». А затем, держа курс на юго-восток, прошли место впадения р. Яик в Каспийское море (Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Рязань, 2006. С. 208). После этого Дженкинсон со спутниками достиг устья р. Эмбы, где они оставались в течение двух дней, а затем, продолжив путь, попали в сильный шторм в районе Мангышлака. С этого момента началось сухопутное путешествие. Караван в течение 20 дней шел до крепости «Селлизюр», потом в Ургенч, затем, следуя вдоль Окса (Амударьи), достиг замка Кайт и потом Бухары (Английские путешественники. С. 211–212, 217–219). Из описания Дженкинсона понятно, что, двигаясь от Ургенча, они старались не уходить далеко от Амударьи, отклонившись от нее только, когда взяли курс на Бухару.

Так же морским путем в Бухару следовало и посольство И.Д. Хохлова в 1620 году. Первоначально планировалось пристать к «Кабкльчскому пристанищу», но из-за шторма их занесло к месту «Тюпкарагани» (Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. С. 389), очевидно, к мысу Тюб-Караган, где теперь находится г. Форт-Шевченко (Казахстан). Затем они углубились и достигли места под названием «Белые Мечети» (Сборник. С. 391), отдалившись от пресной воды на 2 версты (Сборник. С. 392). Затем они прибыли в Ургенч и спустя некоторое время направились в Хиву (Сборник. С. 394). Из Хивы

они взяли курс на восток и через 20 верст достигли «деревни Ханки», миновав которую, через три версты достигли реки Дарии (Амударьи), откуда, взяв на юго-восток, шли «пустыми мѣсты, пески» 12 дней и достигли Хайрабата, располагавшегося за 15 верст от Бухары (Сборник. С. 397). Весь путь от Ургенча до Бухары русский посланник оценивал как тяжелый: «жилых мѣст нѣтъ же, все пески, мѣста худые» (Сборник. С. 397–398). Далее И.Д. Хохлову со спутниками пришлось, покинув Бухару, ехать пять дней в Самарканд (Сборник. С. 398).

Такой маршрут следования через Каспийской море на Мангышлак, а затем на Ургенч и Бухару использовался дипломатами и купцами часто. Полностью же сухопутный маршрут был избран миссией М.Н. Тиханова в 1613 году. М.Н. Тиханов был направлен в Иран к шаху Аббасу, однако привычный маршрут через Астрахань и на Кавказ был блокирован атаманом И. Заруцким. В результате члены посольской миссии и самарский воевода кн. Д.П. Пожарский провели расспросы среднеазиатских купцов об оптимальном возможном маршруте и в итоге выбрали путь от Самары через Ургенч на Хорасан и далее в Казвин (*Моисеев М.В.* «Проваленная миссия». Посольство М.Н. Тиханова в Иран в 1613–1615 годах // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. В память 400-летия Нижегородского Подвига. Нижний Новгород, 2012. С. 354–355). Сама эта дорога была трудна и требовала выполнения нескольких условий: «А ити бы де с Сомары по пластом, как снѣгу збудет, чтоб Яик по льду перелесть; а до Яика де надобно с собою конской корм вести: овес битой» (Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, изданы под ред. Н.И. Веселовского. СПб., 1892. Т. II. С. 271).

Окончательно маршруты следования в Бухару и Хорезм были определены в наказе Борису и Семену Пазухиным 1669 года. В этом документе были описаны три пути. Согласно первому маршруту, надо было плыть из Астрахани — «будет на море воровских людей нет» — на Караганскую пристань, затем в «Трухмень», а оттуда «через Хивинскую землю в Бухары». Второй вариант, сухопутный, шел из Астрахани на Яик, затем через Эмбу на Хиву и потом уже на Бухару. Обе эти дороги признавались опасными и ненадежными. Третья дорога шла через Кавказ и Северный Иран: «ехать на Терек, на Тарки, на Буйнаши, на Усмью, на Дербень, на Баку, на Свиной Базар, на Тальши, на Кесму, на Кескер, на Ряш, на Логожан, на Аман город, на Балфруж, на Сару, на Ашраф, на Мешед» и затем на Бухару. Именно этот долгий и окружной путь считался наиболее безопасным (Наказ Борису и Семену Пазухиным, посланным в Бухару, Балх и Юргенч, 1669 / Изд. под ред. А.Н. Труворова // Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 15. С. 21).

Таким образом, на протяжении XVI–XVII вв. и даже позднее, до изобретения новых средств передвижения, логистика отношений между Московским государством и ханствами Средней Азии была весьма затрудненной. Это обстоятельство определяло и довольно низкую интенсивность дипломатических контактов. В конечном счете, географические условия привели к тому, что среднеазиатское направление русской восточной политики в изучаемое время оказалось глубоко периферийным и поддерживалось лишь в рамках торговых интересов государств.

*Е.Ю. Мокерова
к.и.н., доц. Вятского ГУ*

Нумизматические находки на территории Вятской губернии и Императорская Археологическая Комиссия

Регистрация нумизматических находок в России становится относительно систематической с появлением в 1859 г. Императорской Археологической Комиссии (ИАК). С ноября 1862 г. научным партнером ИАК в деле собирания информации стали губернские Статистические комитеты, переадресовавшие программу приходскому духовенству (Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): к 150-летию со дня основания / Под общ. ред. Е.Н. Носова. СПб, 2009. С. 80–83). Подобное начало было и на Вятке.

Осенью 1863 г. священник–просветитель И.Г. Кибардин из села Лекма Слободского уезда сообщил в Вятский губернский Статистический комитет (ВГСК) о находке Савватия Бердинского в поле летом того года около 300 монет XVII – начала XVIII века. (ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 147. Л. 15). Часть комплекса была доставлена в ИАК, а в мае 1864 г. в Вятке был получен ответ: «...серебряные монеты суть обыкновенные копеечки. ..., и потому не имеют никакого собственно археологического достоинства. Но что бы не оставлять находчика без вознаграждения за предоставление их начальству, Комиссия сверх причитающихся за них по весу 4 руб., считает обязанностью выдать ему еще 1 руб. 50 коп. ...». Однако сумма уменьшилась по мере пересылки денег на 50 коп. (часть ушла в пользу почты) и опекун 13-летнего находчика С. Бердинского Дементий Бердинский получил 5 руб. со взятием расписки в получении «при народе, чтобы гласность вознаграждения на будущее могла расположить крестьян не скрывать ими никакие подобные находки» (ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 147. Л. 22, 23, 28).

Тем не менее, вятские крестьяне продолжали продавать находки скупщикам и серебряных дел мастерам тайком от начальства, и довольно часто за бесценок.

В 1863–1917 гг. сведения о находках подавались в рапортах уездными исправниками на имя вятского губернатора. Губернатор передавал находки в ВГСК, откуда они отправлялись в ИАК. В редких случаях Статистический комитет сам решал вопрос о значимости и судьбе находки, не обращаясь в ИАК (в основном клады медных монет).

Ценность и состав вятских монетных кладов и находок платежных слитков в ИАК определяли крупные нумизматы: Ю.Б. Иверсен, В.Г. Тизенгаузен, А.А. Ильин, А.К. Марков и др. Был отпечатан в специальный типографский бланк «Сведения о кладе, поступившем в Археологическую комиссию» с графами: где и кем найден, вес, из чего состоял, куда передан из комиссии, получил ли находчик вознаграждение. Роспись монет в количественном отношении по денежным дворам в нем отсутствовала. В более кратком варианте сведения публиковались в специальном разделе Отчетов Археологической Комиссии (ОАК).

С присланных платежных слитков в ИАК выполняли рисунки, позднее с них делали фотографии. Благодаря этому на данный момент мы имеем визуальное представление обо всех платежных слитках, зафиксированных на территории Вятской губернии.

В ИАК клады часто оценивались как рядовые, «не имеющие археологического значения», в них отсутствовал «выдающийся нумизматический интерес». В Комиссии сильно сказывался исследовательский приоритет единичной монеты над комплексом, а также то, что к выборочным монетам из кладов сохранялся зачастую не научный, а скорее коллекционный интерес. Наиболее ценные единичные экземпляры отбирали для коллекций Исторического музея или Эрмитажа. Другие пересылали в Вятку вместе с кратким ответом для публичного музея либо владельцу, или распределяли по архивным комиссиям и музеям других городов, или по коллекциям различных институтов.

Не был сохранен даже самый крупный монетный клад XVI века (Старковский клад времени Федора Ивановича возвращен владельцам; ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 724. Л.1, 2, 5; ДАК. 1907 г. Д. 136. Л. 1–5).

ИАК высылала удостоверение на имя уездного исправника для получения денег за находку из местного уездного казначейства (см., напр., ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1159. Л. 4). О выдаче денег уездный исправник отчитывался в рапорте. Денежные вознаграждения находчикам были самые разнообразные в зависимости от научной ценности монеты (каждая от 1 копейки до нескольких десятков копеек) и от количества монет. Особенно дорого ценились монетные слитки — до 15 руб. (ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1244. Л. 53). Наиболее дорогостоящей из всех зафиксированных комплексов была часть

клада 1897 г. из починка Орловка Малмыжского уезда. ИАК заплатила 975 руб. 36 коп. за 235 серебряных слитка XI–XIII вв. весом 1 пуд 13 фунтов 16 долей, принадлежавших обществу починка (часть осталась у находчиков). Летом 1896 г. в починке произошел пожар, уничтоживший до основания 19 домов из 25 имевшихся, а 1898 г. был «недородный хлебами», поэтому находка клада обществом починка была отнесена к «воле и промыслу Божьему». Господь «возжалел» крестьян «в такие горькие для пострадавших от пожара минуты, открыл такую для всех... благодать» в виде полученной из ИАК суммы, что, «не желая это оставить забытым в будущем», сход починка Орловка «единогласно постановил приобрести для приходской церкви села Тыловал Пельга икону Божьей матери «Утоли моя печали» стоимостью 35 руб. с соответственной по сему случаю надписью, а прежде всего этого при полном собрании всех нас отслужить Господу Богу благодарственный молебен», приговор же «селенного схода» от 18 ноября 1898 г. отправить в ИАК (ДАК. Ф. 1. 1897 г. Д. 204. Л. 22, 22об.).

Неоднократно Комиссия предлагала выбор владельцам — вернуть ли находку обратно или получить деньги за переплавку монет на Петербургском Монетном дворе (стоимость драгоценного металла определялась на основе «Расчета о серебре, полученном по сплавке древних серебряных монет», переправлялась в Комиссию). При этом вознаграждение представляло собой сумму «металлической ценности» самого клада и 30% этой стоимости в целях поощрения ((Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): к 150-летию со дня основания. / Под общей ред. Е. Н. Носова. СПб, 2009. С. 72). Однако не все находчики принимали эти условия. Так в 1899 г. крестьяне села Селты Малмыжского уезда «в виду невыгодности предлагаемых условий... не согласились» на переплавку 1654 серебряных монет XVII в. (ДАК. Ф.1. 1899 г. Д.263. Л.1–4об.). Жители села Сарали Елабужского уезда, не только «не пожелали» получить деньги за переплавку монет XVI в., а предпочли большую часть клада вообще продать «какому-то серебрянику в Елабуге по 10 копеек за золотник» (ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 28. Л. 5, 13, 32, 33, 37 и Ф. 204. Оп. 1. Д. 149. Л. 39).

Делались предложения о переплавке серебряных и медных монет XVIII в. Причем предлагалось «вознаграждение со стороны Комиссии за неутайку клада в размере 1/8 сверх той суммы, которая будет получена от названного двора по сплаве...» (ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 348. Л.18–19). За «сплав» медных монет было предложено за каждый пуд платить по 8 руб. 57 коп. (ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 164. Л. 23).

Неоднократно обращались в ИАК и вятские кладоискатели, просили о выделении «казенных землекопов» и о назначении «офи-

циального лица, в присутствии которого они могли бы произвести раскопку кладов». Однако Комиссия потребовала «самое подробное письменное заявление о том, что, где и на каком основании они намерены отыскивать» (ДАК. Ф. 1. 1889 г. Д. 9. Л. 12, 12об.), что не было представлено.

Большое значение деятельность ИАК имела для нумизматической коллекции Вятского Публичного музея, которая начала формироваться с 1863 г. Нумизматические находки, присылаемые при описи/определении из ИАК через ВГСК, стали главным источником новых поступлений «нумизмов» и относительно хорошо давали представление о денежном обращении в разные периоды истории Вятского края до начала XVIII века.

*Л.В. Мошкова
гл. спец. РГАДА*

«Война текстов»: духовная князя Михаила Андреевича и его последнее dokonчание с Иваном III

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 20-09-00360

Последнее dokonчание великого князя Ивана Васильевича с князем верейским и белозерским Михаилом Андреевичем было составлено 12 декабря 1483 года. Причина заключения нового соглашения менее чем через два года после подписания предыдущего была серьезной: сын Михаила Андреевича Василий, которому предназначалась верейская часть удела, попал в опалу и отъехал в Литву.

Договор 1483 г. сохранился только в одном списке (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 70), представляющем грамоту Ивана III. Водяной знак (единорог) сходен с филигранью, приведенной в справочнике Н.П. Лихачева под № 2918 и взятой из «духовной Михаила Верейского».

Обращение к этому акту показало, что на бумаге с единорогом написана не духовная, а приложенные к ней данные грамоты и приписные списки (Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 30. Л. 1, 4, 8). На указанных листах сохранились три фрагмента, два из которых объединены в один знак на странице справочника.

Работа с документами второй половины XV в. из ф. 135 показала, что сходные знаки встречаются на актах, составленных с небольшим временным интервалом. Следовательно, копирование dokonчания и оформление данных грамот и приписных списков состоялось примерно в одно время в одном месте. Но после знакомства с двумя вариантами духовной Михаила Андреевича появились следующие вопросы. Зачем при составлении завещания копировать dokonчание, причем именно грамоту Ивана III, а не удельного князя? Почему не сохранился официально утвержденный договор 1483 г.,

хотя от более ранних дошли подлинники? А было ли ратифицировано соглашение 1483 г., и не могло ли случиться так, что его готовили, но по неизвестным причинам не подписали?

В описи царского архива XVI в. упоминаются «списки з грамот с черных з докончальных князя Михаила Андреевича», а также «духовная князя Михаила Андреевича верейского и данные» (Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции / Подг. текста и коммент. А.А. Зими́на. М., 1978. [Ч.] 1. С. 53, 66).

В описи архива Посольского приказа 1614 г. упоминается список с «утвержденные грамоты» 6992-го года (см.: Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г. / Под. ред. С.О. Шмидта. М., 1960. Л. 21 об.; здесь и далее ссылки даются на номер листа описей).

В послепожарной описи фигурирует этот же документ: «Список з докончалные грамоты великого князя Ивана Васильевича ... с Михайлом Ондреевичем, писана на бумаге лета 6992-го, ветха и подралась, назади поплела» (Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1. / Подгот. В.И. Гальцов. Под ред. С.О. Шмидта. Л. 32 об.–33).

Процитированная описательная статья практически совпадает с той, которая содержится в более поздней описи: «Список з докончалные грамоты великого князя Иоанна Васильевича ... с великим князем Михайлом Андреевичем, писана на бумаге лета 6992-го декабря во 12 день, ветха, подралась и назади поплела» (Опись архива Посольского приказа 1673 года. М., 1990. Ч. 1. / Подгот. В.И. Гальцов. Под ред. С.О. Шмидта. Л. 42).

Следовательно, в «исторических» описях утвержденное dokonчание 1483 г. не упоминается, хотя это не говорит о том, что его не существовало.

Л.В. Черепнин, сопоставивший московский и верейско-белозерский варианты духовной Михаила Андреевича (Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 26–29), раскрыл суть изменений, внесенных в первоначальный проект (*Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 175–179, 181–182*). Думаю, в первую очередь они были призваны согласовать положения dokonчания 1483 г. и духовной. Но из этого следует вывод, что Михаил Андреевич составил свое завещание так, как будто договора 1483 г. не существовало! Об этом свидетельствует слово «благословляю», которое использовано для описания процесса передачи верейской и белозерской частей своего удела, а юридической предпосылкой этого перехода выступает только воля удельного князя-завещателя (*Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы. С. 181–182*). Московский проект духовной «выдвигает различные правовые основания для перехода к Ивану III каждого из трех названных владений. Белоозеро ... рассматривается

как прекарное держание... Верея ... передана Михаилу Андреевичу в качестве великокняжеской вотчины на началах пожизненного владения... В качестве наследственной вотчины Михаила Андреевича, которой он владеет по „благословенью” своего отца Андрея Дмитриевича, московская редакция завещания признает только жеребий в Москве и Ярославце» (*Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы. С. 177*).

Как же могло случиться, что при составлении духовной Михаил Андреевич совершенно «забыл» заключенный пару лет назад договор? Ответов может быть несколько, но приведу два.

1. Докончание 1483 г. готовилось, но непростой процесс переговоров подорвал силы и здоровье Михаила Андреевича и послужил причиной его болезни. Поэтому ратификация документа не состоялась.

2. Верейско-белозерский вариант духовной был своеобразным способом показать, как удельный князь относится к поведению Ивана III. Именно поэтому в нем не учитывалось последнее соглашение, и в целом создавалось впечатление, что это «внутрисемейный» документ, в котором главную роль играет воля завещателя. А слова: «А что моих порт, спорок аксамит зелен, пугвици золоты з жемчюги, да шуба соболя аксамит синь з золотом да с пугвицами, то все моему господину, великому князю. И с тое моеи отчины **и моими порты** (выделено мною. — *Л. М.*) поминати моему господину, великому князю Ивану Васильевичу, поминати моя душа» (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. Л.В. Черепнин. М.: Л., 1950. С. 302) граничат с издевательством или юродством. Однако эта «война текстов» закончилась поражением Михаила Андреевича, и в основу утвержденного варианта духовной легла московская редакция.

Предположения, изложенные выше, недоказуемы, но они имеют право быть высказанными потому, что категорически отрицать подобное развитие событий невозможно.

*В.В. Мурзин-Гундоров,
МГУ им. М.В. Ломоносова*

Погребальный замысел Нового Иерусалима: от гробниц-кенотафов и августейшей ниши до дворянского некрополя

Появление в подмосковном Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре в последней четверти XVII в. первых статусных захоронений не имеет аналогов в истории русской православной мемориальной культуры, поскольку ранние символические памятники-гробницы — кенотафы с конкретикой топографии и символического

значения — предопредели появление захоронений знатных персон под то или иное место для упокоения в стенах обители.

Принцип места-значения озвучивали текстовые таблицы-кенотафы, вмонтированные в стены главного собора. Благодаря таким носителям информации можно судить о существовании целой системы гробниц Иерусалимского храма-первообраза, которая легла в основу монастырских памятников-кенотафов, ставших отправными точками для определения наиболее статусных мест, отведенных изначально под символические, а позднее и под фактические гробницы в некрополе Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря (*Абакумова Н.А., Михайлова Н.М.* Монастырский некрополь / Московский областной краеведческий музей в городе Истре: Путеводитель. М., 1989. С. 63).

О принципе «от кенотафа к фактическому захоронению» зримо свидетельствуют статусные погребения первых монастырских архимандритов в подклете колокольни Воскресенского собора. Гробницы иллюстрируют топографическую параллель в храме-первообразе с могилами иерусалимских патриархов.

Продолжением принципа стало погребение основателя обители — царя-первосвященника, шестого патриарха Московского и Всея Руси, в миру Никиты Минина (Минича). Топографически гробница дублирует место-захоронение иерусалимского ветхозаветного первосвященника царя-жреца Мелхиседека (*Леонид [Лев Кавелин], архим.* Историческое описание ставропигиального Воскресенского, «Новый Иерусалим» именуемого, монастыря, составленное по монастырским актам настоятелем онаго архимандритом Леонидом. М., 1876. С. 82). Святейший Никон — второй из первоиерархов в отечественной истории и последний, обладавший царским титулом и столь же высокой духовной и светской властью. До него подобное положение было только у деда царствующего государя Алексея Михайловича патриарха Филарета, который был отцом первого царя из дома Романовых.

По нашему мнению, первые наиболее ранние некрополи берут своё начало от погребений лиц аристократического происхождения из числа семей близкого круга святейшего патриарха Никона. Не исключено, что ряд персон имел непосредственное родственное к нему отношение. Общепринятая версия крестьянских корней патриарха известна по произведению И.К. Шушерина (*Шушерин И.* Известия о рождении и о воспитании и о житии святейшего Никона патриарха Московского и всея России, написанное клириком его Иоанном Шушериным. М., 1871; Повесть о рождении, воспитании и жизни Святейшего Никона, патриарха Московского и всея России. М., 1997; Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона, патриарха Московского и всея России. М., 1997; Новгород-

ский историко-архитектурный музей заповедник: № 11048. Л. 42–42 об., см.: *Сазонов С.В.* Поминание рода патриарха Никона в синодиках середины XVII в. // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Париж, 1993. Вып. 2. С. 82). Эта точка зрения нуждается в дополнительной аргументации и дополнении. Недостаточная освещенность в отечественной историографии происхождения рода патриарха Никона, предопределила более углубленное изучение данного вопроса. В свою очередь, это позволило пролить свет на изначальное формирование первых фамильных захоронений в стенах Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. Мной была сделана попытка обосновать альтернативную версию о происхождении Никона, удалось выяснить, что в его роду, возможно, были и священнические, и аристократические члены семьи по линии боярина В.И. Стрешнева, четвероюродного дяди царицы Евдокии Стрешневой, матери царя Алексея Михайловича (*Мурзин-Гундоров В.В.* Синодики как источник новых данных о генеалогии патриарха Никона // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 2013. Вып. 25. С. 24–45; *Мурзин-Гундоров В.В.* Синодичные поминальные записи рода патриарха Никона, как дополнительный источник по генеалогии // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXV международной научной конференции (Москва, 31 января – 2 февраля 2013 г.). М., 2013. Ч. II. С. 448–450).

Символизм первообраза наложил отпечаток и на формирование некрополя государей. Если в Иерусалиме в храме Гроба Господня покоились короли, то русские цари, великие и удельные князья покоились в московском Архангельском соборе. В 1659–1661 гг. патриарх обращался к государю с просьбой о последующем погребении в соборе Нового Иерусалима боярина Бориса Ивановича Морозова. Место для захоронения было выбрано при дверях Предтеченской церкви, дабы «...и память бо такова Великова боярина не престала в век» (*Гиббенет И.* Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1882. Ч. 1. С. 112–113). В иерусалимском храме Гроба Господня на юге у западной стены церкви Иоанна Предтечи находились саркофаги правителей Иерусалима — крестоносцев Готфрида Бульонского и его брата короля Бодуэна I. Патриархом понимался статус и полномочия боярина Б.И. Морозова, в том числе и как персоны ни единожды имеющей родственное отношение с русскими государями, поэтому ему и намечалось место упокоения в южной галерее храма, где в Иерусалиме погребены члены семей правителей-крестоносцев (ОР ГИМ. Син. 574. Л. 206–206 об). Великий боярин отказал патриарху, избрав местом своего упокоения Чудов монастырь в Кремле.

С конца XVII в. сюжет мемориального замысла от кенотафа к фактическому захоронению находил свое дальнейшее воплощение.

Офицерское собрание лейб-гвардии Саперного батальона в начале XX века

В повседневной жизни офицеров русской императорской армии значительную роль играли офицерские собрания. Первый «Устав военных собраний» был принят 4 ноября 1874 г. (приказ по военному ведомству № 289). Почти десять лет спустя, 5 сентября 1884 г. было высочайше утверждено «Положение об офицерских собраниях в отдельных частях войск» (приказ по военному ведомству № 279). Положение стало основным документом «для руководства всем офицерским собраниям, как уже учрежденным при разных частях войск, так и впредь открываемым» (Положение об офицерских собраниях в отдельных частях войск. СПб., 1903. С. 1). Положением были определены цели офицерских собраний: доставить офицерскому обществу средства для взаимного сближения, поддержки товарищеских отношений и развлечения в свободное от службы время, содействовать развитию военного образования и удешевить жизнь офицеров (Положение. С. 3).

Офицерские собрания, в зависимости от помещения и средств, могли располагать библиотекой, столовой, фехтовальным и гимнастическим залами, бильярдом, стрельбищем и т.п. Собрание было подчинено начальнику части, который являлся его председателем, а офицеры обязательно состояли членами собрания. Средства офицерского собрания складывались «из суммы, отпускаемой из казны на улучшение быта офицеров, из взносов членов собрания, из денег, поступающих за игры и других возможных источников» (Положение. С. 12). Для ведения хозяйственных и имущественных дел общим собранием офицеров избирался Распорядительный комитет, а также заведующий столовой (он же хозяин собрания) и библиотечарь.

Доклад основан на материалах Инженерно-документального фонда и архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) и посвящено основным направлениям деятельности офицерского собрания лейб-гвардии Саперного батальона в начале XX века.

Собрание располагалось в отдельном здании на Преображенской улице (с 1935 г. — ул. Радищева), д. 37 (АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/27. Д. 85. Л. 27). Сохранились фотографии помещений собрания конца XIX – начала XX в.: гостиной, зала, столовой, бильярдной, а также батальонного музея, располагавшегося в том же здании.

В батальонном дневнике собрание впервые упоминается 23 декабря 1881 г.: «Сегодня был первый ежемесячный обед в собрании батальона, устроенный по желанию офицеров. Участие в обеде

принимают все офицеры, служащие в строю и носящие форму батальона. Решено обществом такие обеды делать раз в месяц» (АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2А. Д. 26–1. Л. 171). В последующем эта традиция неизменно поддерживалась. В 1907 г. на эти цели ежемесячно удерживалось 3 рубля 75 копеек с каждого офицера (ВИМАИВиВС. ИДФ НВФ 1018. Л. 2). Напитки оплачивались по отдельным счетам. Для участников обедов печатали меню и программу «хора музыки», состоявшую, как правило, из маршей, вальсов, популярных оперных арий, романсов.

Из записей «Денежной приходо-расходной книги офицерского собрания» за 1911 и 1912 гг. (ВИМАИВиВС. ИДФ НВФ 1016) следует, что ежемесячный приход составлял в среднем от 5 до 9 тысяч рублей, а расход — от 1 до 3 тысяч рублей.

Действительными членами собрания батальона в 1897 г. состояли 36 офицеров (Там же. Л. 11–12). Согласно ведомости, взносы для каждого из них составляли 2 рубля в месяц; кроме того, 3 рубля в год каждый член собрания отдавал на библиотеку (Там же. Л. 15). Записи в «Книге заявлений по библиотеке» за 1906–1914 гг. (ВИМАИВиВС. ИДФ НВФ 1017) демонстрируют разносторонние интересы офицеров, не ограниченные только специальной литературой по направлениям инженерного образования. Офицеры увлекались классикой, следили за новинками. Показательно, что в одном из заявлений «Декамерон» Дж. Боккаччо соседствует с трилогией Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» (Там же. Л. 5).

Важным документом о деятельности офицерского собрания является «Журнал постановлений общих собраний офицеров Л. Гв. Саперного батальона» (ВИМАИВиВС. КП ИДФ 1249 22–10). «Журнал» включает записи с марта 1907 по май 1914 года. Все утвержденные командиром части постановления отдавались приказами по батальону.

С 1907 г. началась подготовка к столетнему юбилею батальона, который праздновался 27 декабря 1912 года. Предусматривалось создание музея и составление истории батальона. В марте 1907 г. общим собранием офицеров было принято «Положение о Юбилейном музейно-историческом комитете», избраны члены комитета и определены ежемесячные вычеты для зачисления в «юбилейный капитал» в размере трех рублей с каждого офицера (Там же. Л. 3). Первый отчет Юбилейного комитета был заслушан 2 июня 1910 г. Членам комитета была выражена благодарность «за ревностное отношение их к порученному делу и за отчетливое и правильное ведение прихода и расхода как по денежным суммам, так и по различным предметам, касающимся до юбилея» (Там же. Л. 21).

Большая часть постановлений касалась повседневных забот офицерского общества, организационных и финансовых. Важным вопросом являлось денежное довольствие офицеров во время летне-

го лагеря. Оно производилось «с удержанием по 30 руб. в месяц с каждого офицера» (ВИМАИВиВС. КП ИДФ 1249 22–10. Л.3). Ежегодно для устройства завтрака в день батальонного праздника (день святой Троицы) с приглашением «высшего начальства» и состоявших в списках батальона великих князей, а также организации «увеселений для нижних чинов», удерживалось по 25 рублей с человека (Там же. Л. 3об. – 4об.; Л. 7об. – 8об.).

В 1912 г. в помещениях собрания был проведен ремонт, заменена проводка, закуплена новая обстановка. В специальном журнале скрупулезно подсчитаны расходы, подклеены все счета (АВМАИ-ВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2А. Д. 33).

Офицерское собрание лейб-гвардии Саперного батальона с успехом функционировало как сообщество единомышленников, экономическая структура и место проведения досуга офицеров.

Е.Ю. Нуйкина
к.и.н., н.с. ИнСлав РАН

**К вопросу о применении методов дипломатики,
разработанных С.М. Каштановым, при изучении документов
судебно-следственных дел по обвинению духовенства
в советский период**

Проблема изучения актов новейшего времени, их типовых формуляров, как одна из задач дипломатики, впервые была поставлена С.М. Каштановым (*Каштанов С.М. Акты новейшего времени // Источниковедение XX столетия: Тезисы докладов и сообщений научной конференции (Москва, 28–30 января 1993 г.)*. М., 1993. С. 101–103). По его определению, под «актами» в новейшее время подразумеваются, «во-первых, документы законодательного вида (законы и так называемые „подзаконные акты“), во-вторых, документы протоколно-регистрационного и протоколно-учетного видов, фиксирующие факты правового освидетельствования или сдачи имущества, милицейские „акты“ и т.п.)» (*Каштанов С.М. Акты*. С. 101). В теории источниковедения к актам новейшего времени были отнесены административные акты (*Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории*. М., 1998. С. 560–561). Одним из видов административных актов являются документы судебно-следственных дел, которые представляют собой уголовно-процессуальные акты, в которых зафиксированы действия и решения должностных лиц и органов, осуществлявших судопроизводство. Применение к их изучению методик дипломатики, в частности, метода формулярного анализа, весьма эффективно.

В юридической литературе понятие «уголовно-процессуальный акт» применяется к процессуальным действиям и процессуальным документам (Уголовно-процессуальные акты / Под ред. Г.В. Стародубовой. 2-е изд. М., 2019. С. 20). Уже первый Уголовно-процессуальный кодекс 1923 г. устанавливал четкие требования к оформлению процессуальных документов и частично их формуляров, что позволяет говорить о наличии у большинства следственных документов устойчивого формуляра. Сравнительный анализ формуляров документов в хронологической последовательности позволяет проследить их конкретные изменения в контексте изменения социально-политической ситуации. Результаты такого анализа были частично показаны нами на примере анализа протоколов допросов (*Нуйкина Е.Ю.* Формулярный анализ как метод изучения протоколов допросов судебноследственных дел по обвинению духовенства Русской Православной Церкви Москвы и Московской области 1918–1920-х годов // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Мат-лы XXXII Межд. науч. конф. Москва, 11–12 апр. 2019 г. М., 2019. С. 300–302). В то же время метод формулярного анализа применим и к другим следственным документам. Например, сопоставление ордеров на арест за период 1917–1939 гг. позволило выявить устойчивые составные элементы формуляра (клаузулы). Они включают: дату выдачи, срок действия (одни сутки, как правило), какой отдел осуществлял арест (секретный или оперативный), кому выдан, кого арестовать и по какому адресу, подписи начальника отдела или отделения, производившего обыск и арест, секретаря и печать. Эти элементы были закреплены в печатных бланках (формулярах) после введения в действие Уголовно-процессуального кодекса 1923 г. и, как показало исследование, не менялись вплоть до конца 1930-х годов. Сравнительный анализ изменений перечисленных устойчивых элементов в соответствующий хронологической последовательности позволил выявить изменения в структуре органов государственной безопасности и влияние этих изменений на процессуальные действия.

Было установлено, что в период 1918–1920-х гг. аресты производились Московской чрезвычайной комиссией (МЧК), районными чрезвычайными комиссиями, подчинявшимися ей, уездными чрезвычайными комиссиями и политбюро при уездной милиции, которые впоследствии передавали материалы дела в МЧК, а также железнодорожными чрезвычайными комиссиями. В период 1921–1928 гг. в качестве учреждения, производившего арест, указывалось Московское государственное политическое управление, в 1924–1928 гг. — Объединенное государственное политическое управление, что связано с проведенной в 1923 г. реорганизацией специальных органов и образованием в ноябре 1923 г. Объединенного государственного политического управления (ОГПУ). В 1929–1930 гг. аресты духовенств-

ва производились окружными отделами ОГПУ, а начиная с 1931 г. и по 1939 г. — районными отделениями ОГПУ (с 1934 г. — НКВД), что было связано с принятым в июле 1930 г. решением XVI съезда ВКП(б) об упразднении округов (XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л., 1930. С. 45). Также было установлено, что в течение 1931 г. аресты производились еще и районными отделениями милиции и уголовного розыска, что было связано с тем, что в этот период руководство деятельностью милиции и уголовным розыском было передано ОГПУ (О Народном комиссариате внутренних дел. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б), 5 декабря 1930 г. // Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. М., 2003. С. 523–524). Анализ ордеров на арест за последующие годы показал отсутствие в дальнейшем подобной практики.

Таким образом, применение методов дипломатики, разработанных С.М. Каштановым, расширяет исследовательские возможности изучения документов новейшего времени и показало свою результативность.

Т.А. Опарина
к.и.н., зав. каф. РАЖВиЗ Ильи Глазунова
с.н.с. ИРИ РАН

«Кречетник» турецкого султана Михаил Дмитриев Дунганжи (Дуганжи) в России

«Греческая» светская миграция первой половины XVII в. была тесно связана с дипломатическими поездками. Примером может служить посольство Ивана Кондырева и Тихона Бормосова (1622–1624 гг.) (РГАДА. Ф. 89. Оп.1. 1622. № 4. Ч. 1–2.), двигавшегося к Москве с ответным османским посольством Али-аги и Ахмет-чеуша (РГАДА. Ф. 89. Оп.1. 1624. № 1). В 1624 г. с дипломатами приехало 13 иммигрантов, часть выходцев входила в состав русского посольства, часть — османского. С Али-аги и Ахмет-чеушем добирался и Михаил Дмитриев Дунганжи (Дуганжи) (РГАДА. Ф. 150. 1624. № 2). Причем он был единственным в своей группе, кто не относился к османским воинам. О себе «греченин» сообщил, что «был он во Царегороде у салтана кречетник, а жалованья ему было поденного корму по 3 алтына на день, а годового жалованья не было...А роду и племени у него в Турской земли не осталось» (РИБ. Т. 8. № 10. Стб. 168–169). В Москве всех приехавших разделили на три категории. Чиновники Посольского приказа отнесли Михаила Дунганжи ко второй категории («средней статье»), все остальные иммигранты османского посольства были признаны более родовитыми и вошли в

первую категорию. В результате Михаил Дунганжи получил за принятие русского подданства («выход») 13 рублей, сорок куниц, тафта и сукно доброе (РГАДА. Ф. 150. 1624. № 4. Л. 26; Ф. 210. Оп. 13. Стб. 29. Л. 8; Ф. 396. Оп. 2. Кн. 209. Л. 469). При верстании ему назначили поместно-денежный оклад в 350 чети и 15 рублей, поденный корм составил 10 денег на день (РГАДА. Ф. 150. 1624. № 4. Л. 22; Ф. 210. Оп. 9. Стб. 899. Л. 154).

Всех иммигрантов направили в Иноземский приказ. В 1626 г. «гречанам», выехавшим с посольством Али-аги и Ахмет-чеуша, оказал покровительство Фома Кантакузен. Находясь в России в качестве гонца султана, фанариот заступился за соотечественников. По его мнению, назначенный им поденный корм не соответствовал их статусу на родине. Русские власти приняли во внимание прошение влиятельного дипломата: «По челобитью турсково посла Фомы Кутакузина» содержание иммигрантом было увеличено: «давать поденного корму с прибавкою по 4 алтына» (РГАДА. Ф. 52, Оп. 1. 1630, № 26. Л. 5–7; Ф. 52. Оп. 1. 1631. № 13. Л. 6–9). Однако в большом кремлевском пожаре 1626 г. документы были утеряны. Благодаря настойчивым просьбам иммигрантов они были восстановлены по сохранившимся в Посольском приказе материалам их выезда. Важны оказались и рекомендации греческих иерархов. В Иноземский приказ были призваны келарь Новоспаского монастыря Иоанникий и бывший вологодский архиепископ Нектарий. Пастыри подтвердили верность слов военных о некогда увеличенном размере выплат: «гречане, которым учинено государева жалованья в поденой корм прибавки до Московского большово пожара, по скасе архиепископа Нехтария да Спаского келаря Ианикея шти человеком: Андрею Серчеиву, Петру Александрову, Ивану Мирчеиву, Дмитрею Первану, Михаилу Дуганжину, Дмитрею Манулакину» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 899. Л. 435). Все это позволило восстановить документацию окладных книг полностью.

К 1628 г. Михаил Дунганжи числился в роте «новых иноземцев», которую возглавлял шотландец Ян Вуд. «Греченин» находился в подразделении до его расформирования (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 40. Л. 146об.; Кн. 68. Л. 233; Оп. 9. Стб. 903. Л. 505; Стб. 1139. Л. 63; Стб. 877. Л. 501; Стб. 902. Л. 24). В 1630 г. была создана особая «греческая» рота, руководителем которой был избран Николай Мустофин. В нее переводились «гречане» других рот, в том числе — Михаил Дунганжи (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 801. Л. 64; Стб. 929. Л. 25). Реформирование было вызвано подготовкой к Смоленской войне, воинам Иноземского приказа выдавались средства для снаряжения. Михаилу Дунганжи назначили 11 рублей, 21 алтын и 2 деньги (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 45. Л. 14), перед отправкой на войну он присутствовал на смотре (РГАДА. Ф. 210. Ф. 210. Оп. 9.

Стб. 929. Л. 33), а затем получил жалованье на три месяца (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 46. Л. 694). Далее он жалованье вручалось уже на фронте, в том время как в Москве «поденное питье» отдавали его супруге (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 47 Л. 114). По окончанию боевых действий «греченин» был награжден: «А 143-го апреля в 28 день по государеву ...указу Михаилу Дунганжину государева жалованья прибавлено **за** подсмоленскую службу за осадное сиденье против дворян и детеи боярских 50 чети денег 3 рубли корму по 3 деньги на день» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 48. Л. 40). Соответственно, к 1636 г. его оклад составлял 400 чети и 18 рублей, поденный корм - 4 алтын и 3 деньги (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 49. Л. 75). Не позднее 1637 г. ротмистром был назначен Юрий Трапезундский, под его началом на смотре 1641 г. Михаил Дунганжи предстал «на коне с саблюю да с карабином» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 848. Л. 15, Л. 368). Вне военных действий основной службой «греческих» военных была охрана южных границ. Михаил Дунганжи регулярно находился на Туле (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 903. Л. 418; Стб. 801. Л. 64; Стб. 139. Л. 421), в последний раз — в 1641 году. В конце октября 1641 г. он скончался, возможно, сказались предшествующие ранения: «у роздачи иноземцы сказали, что он Михайло во октябре месяце в последних числах умер» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 50. Л. 38).

В России «греченин» находился 17 лет. Можно предположить, что навыки «кречетника» не совсем соответствовали его назначению в Иноземском приказе. Михаил Дунганжи не продвигался по службе, не был социально активен, но, безусловно, беспрекословно выполнял все поручения и всегда оставался верен присяге.

*А.Д. Паскаль
к.и.н., в.н.с. РГБ*

**Об ошибочной атрибуции
Минеи служебной, март (РГБ. Ф. 310. № 80)
из библиотеки молдавского монастыря Путна**

Рукописный список Минеи служебной, март из собрания В.М. Ундольского (РГБ. Ф. 310. № 80) с датировкой ее XV в. и указанием на молдавское происхождение (далее — Минея) стал известен исследователям из его каталога (Славяно-русские рукописи В.М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания с № 1-го по 579-й: С прил. Очерка собр. рукописей В.М. Ундольского в полном составе. М., 1870. Стб. 105. № 80) и сообщения В.И. Викторова (Собрание славяно-русских рукописей В.М. Ундольского: Библиогр. очерк А. Викторова. М., 1870. С. 7). А.И. Яцимирский опубликовал текст паремийных чтений из этой

рукописи, которая, по его мнению – «конца XV века, переписанной, повидому в мон-ре Путне» (*Яцимирский А.И.* Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV–XVI вв. СПб., 1906. С. 18).

Эмиль Турдеану повторил эту датировку и мнение о происхождении Минеи, отнеся ее к книжным памятникам эпохи молдавского воеводы Стефана Великого (*Turdeanu E.* Manuscrise slave din timpul lui Ștefan cel Mare // *Convorbiri literare.* Iași; Buc., 1942. 5. P. 114.), (*Turdeanu E.* L'activité littéraire en Moldavie à l'époque d'Étienne le Grand (1457–1504) // *Revue des études roumaines.* 1957–1958. V–VI. P. 62. № VIII), как и Раду Константинеску (*Constantinescu R.* Manuscrise de origine românească din colecții străine: repertoriu. Buc., 1986. P. 120. № 622).

Эта историографическая традиция продолжена и в других работах отечественных и зарубежных исследователей (*Ухова Т.Б.* Миниатюры, орнамент и гравюры в собрании В.М. Ундольского // *Записки Отдела рукописей библиотеки им. В.И. Ленина.* М., 1956. Т. 18. С. 80. № 29), (Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР. М., 1986. С. 259. № 2790), (*Pelin V.* Manuscrise din domnia lui Ștefan cel Mare. II. // *Analele Putnei.* 2008. IV. 2. P. 313–314. № 67), (*Cândea V.* Mărturii românești peste hotare: creații românești și izvoare despre români în colecții din străinătate. Ser. nouă. București, 2012. Vol. 4. Polonia — Rusia. P. 205. № 1471).

Однако изучение бумаги Минеи показывает, что ее все же следует датировать последней четвертью XIV в. (филигрань «Три горы с крестом» очень близка: Piccard, № 156030 — 1376 г.), что не позволяет считать ее созданной во времена Стефана Великого (1457–1504). Об этом говорит и палеография почерка переписчика — полуустав, характерный для болгарских рукописей последней четверти XIV века.

Минея содержит после 6-й песни канона на каждый день соответствующие стихи и чтения из Стишного пролога тырновской редакции (*Петков Георги, Спасова Мария.* Тырновската редакция на Стишния пролог: текстове, лексикален индекс. Пловдив., 2008. Т. VII: Месец март. С. 6–92).

Однако при этом в Минее есть ряд разночтений: 1) на 2 марта отсутствует стих мч. Фригийскому Коинту (греч. Κόϊντος; лат. Quintus, Coïntus; † ок. 280–285), который назван в тексте как Коинт (в Стишном прологе тырновской редакции – Коинт[ъ]); 2) на 21 марта отсутствуют памяти еп. Иакова (чтение), муч. Терентия, Африкана, Максима, Помпия, Зинова, Александра, Диодора, Сура и инех (чтение), мч. Тамола, Рамола, преп. отца Георгия, присутствующие в Стишном прологе тырновской редакции; 3) на 31 марта содержится память (стих и чтение) еп. Гангрскому Ипатию: Въ тѣжѣ днѣ памать

прѣбнаго ѿца нашего Ипатїа еписпа Гангрзскаго. сѣ Оубиваетъ же на оударившїа развож каменнож Ипатїа, горе же нѣстрѣтнви. Иже въ сѣбѣ ѿць нашъ Ипатїе, ѿ Киликъ процвѣть. въ Галатѣхъ построавь... (РГБ. Ф. 310. № 80. Л. 208–210 об.), отсутствующая в Стишном прологе тырновской редакции.

Все эти разночтения также обнаружены нами в тексте поздних славянских списков молдавского происхождения Минеи служебной, март (например: РГБ. ф.178. № 3742. Первая четверть XVI в.; РГБ. ф. 98 № 760. 1605 г.). Это позволяет предполагать, что текст Стишного пролога в них восходит к аналогичному тексту из Минеи, как к протографу.

О пребывании же Минеи в стенах монастыря Путна свидетельствует выцветший текст записи чернилами курсивом последней четверти XVII в. кириллицей на румынском языке на внутренней стороне верхней крышки переплета (на деревянной доске). Запись частично прочтена нами в УФ лучах и начинается так: «Ача^ть свѣтъ ка^рте а^сте д^н свѣт а мьнь^стїрї П^лс^тно^н а^в фо^ст ши а^в л^ва^т ть^мх^рл^л... » (Эта святая книга из святого монастыря Путна где она была и была взята (похищена) разбойниками...). Далее говорится о том, что ее нашел рохмистр Александро Давид в Венгерской стране, который забрал у них эту книгу. Окончание записи трудночитаемо, так как оно выскоблено и поверх ее написано крупно густыми чернилами скорописью рукой И.П. Лаптева — последующего владельца книги: «Месецъ мартъ» (*Левшина Жанна*. Атрибутивные признаки рукописей коллекции И.П. Лаптева // *Scripta & e-Scripta*. София, 2020. Т. 20. С. 60, 71). Личность рохмистра достаточно хорошо известна в историографии — тексты нескольких его писем и посланий 1680-х годов опубликованы (*Iorga N. Documente românești din arhivele Bistriței: scrisori domnești și scrisori private*. Buc., 1900. CLXII. Part. 2. P. 62, 64, 65, 67, 68).

Таким образом, Минея служебная, март последней четверти XIV в. из собрания В.М. Ундольского № 80 — это уже вторая рукопись, которую также следует исключить из свода оригинальных книжных памятников, созданных на территории Молдавского княжества XV в. в эпоху Стефана Великого, наряду с Минеей служебной, ноябрь–декабрь последней четверти XIV в. из бывшего собрания Общества истории и древностей российских (РГБ. Ф. 205. № 337) (*Паскаль А.Д.* Об ошибочной атрибуции Минеи служебной, ноябрь–декабрь, ОИДР 337 как памятника эпохи Стефана Великого // *Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной конференции (9–13 сентября 2019 г., Москва, Россия)*. М., 2019. С. 153–154).

**Вещественные памятники
истории России (XVI – начало XX века):
проблемы восприятия, выявления и учета**

Интерес к национальному историко-культурному достоянию, его изучение, учет и сохранение отражают общий уровень культуры и историческую идентичность общества и государства. Многочисленные памятники истории и культуры России отличаются заметным разнообразием и охватывают все этапы ее исторического развития. В них запечатлены передаваемые из поколения в поколение трудовой опыт и мастерство, ратная история, культурные свершения наших предков. Признание тех либо иных остатков духовной и материальной культуры — свидетелей прошлого — памятниками зависит от уровня и направленности развития исторического сознания общества.

Еще в 1980-е годы, в процессе подготовки «Свода памятников истории и культуры СССР», отечественными специалистами в области памятниковедения подчеркивалась острая «необходимость дальнейшей разработки понятийно-терминологического аппарата» в связи с отсутствием единой, научно обоснованной точки зрения на историко-культурное наследие. Это всеобъемлющее понятие сформировалось далеко не сразу. Понятийно-терминологический аппарат отечественного исторического памятниковедения нуждается в более четком и научно обоснованном определении. Метод изучения понятий и терминов (*Begriffsgeschichte*), основанный на сочетании структуралистского подхода и лингвистических исследований в области этимологии, еще с последней трети XX в. получил распространение в Великобритании и Германии. Надо различать социально-экономическую, политическую и правовую терминологию разного рода источников и отдавать предпочтение, конечно же, законодательным и актовым документам, а не нарративным (повествовательным) материалам либо публицистическим сочинениям. Далек не все книжные церковнославянизмы вошли в делопроизводственную и разговорную лексику русского языка. Следует учитывать и частоту встречаемости того или иного термина в источниках, отличая случайные упоминания от устойчивых стереотипов. Любое явление, обозначаемое тем или иным словом (либо словосочетанием), существует в определенной пространственно-временной системе координат, обладает конкретно-историческим содержанием, которому и должно соответствовать его толкование.

К сожалению, в толковых и энциклопедических словарях не приводится целый ряд старинных терминов, использовавшихся для обозначения объектов историко-культурного наследия, либо не дается их точное и полное объяснение. Нужно уяснить, что же подразумевалось первоначально под словами «дикивинки», «достопамятности», «древности», «редкости», «реликвии». Нередко вызывает затруднения и техническая терминология, с помощью которой описывались старинные объекты производственного назначения. Фактически только с петровской эпохи государственные органы власти России стали заниматься проблемами сбережения памятников истории и культуры. В эпоху Просвещения стал применяться термин «достопамятности», в трудах В.Н. Татищева и Г.Ф. Миллера уделялось внимание не только вещественным памятникам, но и памятным местам русской истории. С XIX в. в лексику русского языка вошло понятие «памятники старины», а затем — «памятники искусства и старины». Реже использовались словосочетания «исторические памятники», «памятники отечественной истории». В советскую эпоху утвердилось наименование «памятники истории и культуры», которые подразделялись на движимые и недвижимые объекты. В законодательстве современной России используются два понятия: 1) «культурное наследие» («объекты культурного наследия»); 2) «памятники истории и культуры».

В период Средневековья первенствующую роль в сохранении вещественных реликвий истории играли на Руси церковные учреждения (соборы, монастыри) и великокняжеская (затем — царская) Казна. С петровских реформ на первый план в деле сбережения историко-культурного наследия выходит светская власть: издаются первые царские указы, основывается первый музей (Кунсткамера). В эпоху Просвещения в результате академических экспедиций выявляется целый ряд преимущественно недвижимых исторических памятников, выдвигаются проекты монументального увековечения героев и событий российской истории. Учетом памятников истории и культуры занималось с начала XIX в. Министерство внутренних дел. XIX век ознаменовался также появлением научных обществ (Российского археологического общества в Петербурге — с 1846 г. и Московского археологического общества — с 1864 г.) и государственного учреждения в лице императорской Археологической комиссии (1859 г.), которые со временем приступили к раскопкам памятников древнерусской эпохи и реставрации старинных культовых и светских построек. В России с 1869 г. стали проводиться археологические съезды, в том числе с начала XX в. — и на областном уровне. Были открыты для посещения Оружейная палата, Эрмитаж. Огромное значение имело основание после Политехнической выставки 1872 г. Российского исторического музея. В стране появи-

лось немало местных исторических музеев (Керчь, Минусинск, Одесса и др.), в том числе церковно-исторических. Существовало также много частных собраний реликвий русской старины. Сбережением исторических реликвий стали более активно заниматься общественные круги. Создавались научно-просветительские историко-краеведческие общества на региональном уровне. Сохранение древних памятников и создание монументов в честь деятелей и событий истории России играли существенную роль в формировании национально-государственной идентичности у просвещенной части россиян. К этому делу были привлечены и губернские ученые архивные комиссии. В то же время не были разработаны принципы научной реставрации памятников архитектуры, которые продолжали разрушаться. До 1917 г. в стране, несмотря на неоднократные попытки, так и не удалось принять закон об охране памятников искусства и старины. Огромный ущерб был нанесен им в период военно-революционных бурь 1917–1922 гг., особенно пострадали памятники Московского Кремля, Иркутска, Ярославля и культовые объекты в разных местах России. Вместе с тем советскими органами власти делалось немало для постановки на учет и сохранения ряда объектов историко-культурного наследия.

Объектом исследования является историко-культурное наследие дореволюционной России, а предметом изучения — вещественные памятники русской истории XVI – начала XX в., преимущественно недвижимого характера, хотя полностью абстрагироваться от движимых реликвий практически невозможно. Эта проблематика недостаточно освещена в отечественной и зарубежной историографии, хотя и затрагивалась в работах ряда историков, литературоведов, географов и культурологов (М.Т. Белявского, Ю.А. Веденина, Ю.Г. Галая, Ю.Н. Жукова, В.В. Запария, Е.И. Кириченко, Д.С. Лихачева, М.А. Поляковой, Д.А. Равинович, А.В. Святославского, К.Г. Сокола, С.Ю. Шокарева и др.). Однако далеко не во всех опубликованных трудах соблюдается комплексный подход к изучению историко-культурного наследия, проблем его понятийно-терминологического воплощения, сохранения и презентации. Слабо разработан и очень важный вопрос об источниковедческой ценности недвижимых памятников истории и культуры.

Важно проследить, как в нашей стране зарождался интерес к вещественным реликвиям истории еще в допетровский период, что нового было привнесено в эпоху Просвещения, как формировалась система охраны памятников искусства и старины в XIX веке. Требуется дать четкую и многомерную трактовку самого понятия «историко-культурное наследие» и его отдельных компонентов, а также выделить особенности государственной политики по отношению к памятникам искусства и старины на разных

этапах истории нашего государства. Особое внимание нужно уделить эпохе петровских реформ, памятникам Московского Кремля, Новгорода Великого, Нижнего Новгорода, Пскова, Смоленска, Ярославля, других старинных русских городов. Автором намечено собрать и обобщить материалы о возведении памятников Минину и Пожарскому, Куликовской битве, русско-турецким войнам XVIII–XIX веков, Отечественной войне 1812 года, Первой мировой войне. Особого внимания заслуживает рассмотрение недвижимых памятников в качестве своеобразных источников по русской истории. В историографии пока полностью не освещено отношение властей и общественности к индустриально-техническому наследию России XVII – начала XX века, не прослежен досконально процесс зарождения в стране промышленной (индустриальной) археологии.

Полноценное изучение вещественных памятников дореволюционной России возможно только на основе интеграции методов археологии с методикой письменной истории, специальных исторических дисциплин и естественных наук, то есть междисциплинарного синтеза. Инструментарий междисциплинарного подхода требует хотя бы краткого пояснения. Суть метода комплексного источниковедения заключается не в простом сопоставлении результатов, полученных археологией, источниковедением, топонимикой, а в аналитическом сравнении их первичных источников, во взаимной корректировке их достоверности, полноты, репрезентативности, а в некоторых случаях — в установлении даты и происхождения конкретных памятников истории и культуры.

Проблемы формирования исторической памяти, сохранения культурно-исторической идентичности россиян, а также зарождения и эволюции коммеморативных практик, осуществлявшихся на протяжении пяти столетий истории нашего государства, нуждаются в дальнейшем целенаправленном изучении.

*М.С. Петрова
д.и.н., доц., г.н.с. ИВИ РАН*

Смерть у Имре Мадача в контексте просопографического исследования

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 20-59-23001

Тема смерти, проходящая через всю поэму «Трагедия человека» Имре Мадача (1823–1864) (Ed. Kerényi 2005; Пер.: Мартынов 1964; Tomschey 2000; Анисимова; Гусев 2011; о сюжете: Гусев 2011: 344–352), рассматривается нами как звено общей социокультурной проблемы, ориентированной на определение / пересмотр

места человека в цивилизационном пространстве, с помощью методов и подходов просопографического исследования и релевантных контекстов.

У Мадача смерть ассоциируется с изгнанием из Эдема, наказанием за грех — вкушение яблока с «Древа Познания», соотносящегося с «Древом Смерти» (ср. Avitus // PL 59: 325–382; Kirkconnell 1947: 222–242; Liebert 2003: 63). Отведав плод, герои его поэмы Адам и Ева «соприкасаются» со смертью. Через смерть Адам обретает знание и стремится к новым идеалам (разочаровываясь в прежних) на всяком витке своих путешествий по эпохам (Египет, Древняя Греция и Рим, средневековый Константинополь, европейские города Нового времени...) и поворотах истории в различных образах — фараона, полководца, аристократа, рыцаря-крестоносца, борца-реформатора... (Ed. 2005: XV, 583; Пер. 2011: XV, 279; Liebert: 63–72).

Смерть непостижима в мире, в котором находится Адам до падения. У Мадача смерть, будучи наказанием за непослушание, хотя и лежит за пределами эмпирического знания еще не совершивших греха существ, присутствует в образах Люцифера, духа отрицания и соблазна, враждебной и неведомой силы (Пер. 2011: II, 16–17; 23–24). Такие образы смерти, будучи литературным приемом, служат поэту не только средством позиционирования различий между вечным / непадшим и бранным / падшим миром, но и позволяют показать реалии последнего (Liebert: 63).

Согласно сюжету поэмы, только после грехопадения для Адама возможно знание смерти. Физическая смерть Адама не наступает тотчас после вкушения плода, но ее проявления очевидны, в связи с утратой им и Евой физического совершенства, духовной красоты, чистоты и невинности. Отведав плод, Ева лишается духовной красоты; она более не наполняет ее вожделеющее любви тело. Адам осознает потерю этих качеств не только в Еве (Ib. IX, 164), но и в себе самом, когда его любовь, воспринимаемая им как потребность соединения с Евой в грехе, превращается в похоть (IX, 160; XI, 201). Пребывая в объятиях друг друга, они больше не ощущают себя в Эдеме (IV; XI); их бывшее единство заменяется взаимными обвинениями и отчуждением (IX). Так, знакомство Адама со смертью начинается с его духовной гибели; ее проявления в физическом облике и психологическом состоянии обоих. Но если сначала Адам воспринимает смерть как единичный акт, как завершение своего прежнего существования и утрату «врожденной праведности», то далее он ощущает ее в душевных терзаниях и мучениях, которые он из-за своего греха претерпевает на протяжении земного существования.

Оставив Эдем, Адам первоначально испытывает лишь дрожь от своего пробуждения к яви (II, 29). Затем он ощущает в себе «са-

мобожество» как факт нового существования; определяет в себе независимое, самодостаточное целое («Вот он, мой дом... вместо всей вселенной / Отныне здесь мой мир. Я — властелин его. / Я защищу его от вредоносных тварей / И землю плодоносить научу» [III, 30]). И только после того, как Люцифер позволяет ему «увидеть» материальный мир, он осознает и его нестабильность, и свое физическое существование в нем, и свою смертность («Ты, слабая, изнеженная плоть, / Что мне приносишь боль и наслаждение, / Неужто станешь только горсткой праха» [III, 35; ср.: X, 173; XI, 219; XII, 239–241; XIII, 255–260]).

Важным представляется драматическое присутствие смерти в каждой сцене. Она не только дает импульс Адаму к поиску знания (как в Сцене III, в которой он осознает ненадежность окружающей его материи «другого» мира), но и становится неким, продвигающим его вперед «началом» (вокруг которого отстаиваются и отвергаются идеалы). Так, в Египте умирающий раб оставляет его, фараона, лицом к лицу с Евой (IV, 45–46), поведавшей ему о тяготах мирской жизни за пределами дворца (IV, 51–53); слова умирающего раба побуждают его подвергнуть сомнению идеал вечной славы, а его смерть способствует разочарованию в прежних ценностях (IV, 48–52). В Греции демагоги жаждут его, великого полководца Мильтиада, крови (V); смертный приговор, вынесенный ему Городом, за свободу которого он сражался, заставляет его осознать, «насколько глупа [и несовершенна такая] свобода...» (V, 74–80). В Риме смерть гетеры Гиппии от чумы (V, 88; 96–97) побуждает его, знатного римлянина, отказаться от жизни в удовольствии и стремиться к новому знанию и новому идеалу. В Константинополе идеализм Адама очевиден в его рассуждении в образе рыцаря-крестоносца, защитника Гроба Господня (VII, 110), ратующего за святую веру и святую любовь (VII, 101–102). Но эти ценности, извращенные в споре между Церковью и еретиками, становятся не только предлогом убийства женщин и детей (VII, 110–111; 113) и, соответственно, причиной отказа от них Адама (Ib. 115), но и стимулом его стремления к новому знанию («Учение... — вся жизнь моя...» [Ib. 104; 132–133]).

Смерть занимает центральное место и в развивающемся понимании Адама возможной гибели человечества. Так, на заднем плане сцены в Праге сжигают еретика, при этом фоновая природа его гибели отражает застои и упадок пражского общества (VIII, 134). В Париже убивают Еву (Сцена IX, 162); Адаму (в образе вождя революции Дантона) грозит казнь, и он, в итоге, склоняет голову под нож гильотины (Ib. 149; 167). Лондонская сцена свидетельствует о гибели общества в веселье и пляске (XI, 189; 192; 194–195), в Фаланстере умирает сама женская природа, неспособная дать здо-

ровое потомство (Сцена XII, 251), в космической сцене Адам сталкивается с убожеством Земли (XIII, 254; 257, 259–260), в Ледяном мире есть только смерть (Сцена XIV, 264). И этот мир ужасен и «годен лишь для смерти» (Ib.). В нем умирает и человечество, и вся Земля (Ib. 265).

Тем самым, смерть у Мадача — основание (и «начало»), вокруг которого происходит непрерывный пересмотр Адамом своего идеала, который все больше фокусируется на парадоксе человеческого существования «как божественной искры» в материи смертного (II, 23). Конфликт, присущий такому парадоксальному существованию, подразумевается и драматически реализуется, в том числе, и в демонстрации того, как человек, отказываясь от Бога, начинает действовать самостоятельно, полагаясь на свои силы и знание, стремится к мудрости, пытается познать и жизнь, определив в ней свое место, и смерть.

В итоге, на протяжении всего текста поэмы смерть играет положительную роль, благодаря, собственно, своей отрицательности. Она заставляет главного героя поэмы осознать разрыв между концепцией идеала и его реализацией, постоянно пересматривать свое отношение к жизни. Смерть никогда не появляется в «Трагедии» в виде аллегорической фигуры (Liebert: 116). Но благодаря своей роли и постоянному присутствию она является важным (хотя и незримым) персонажем — неммым игроком, весьма эффективным как для развития всего действия поэмы, так и для поиска ответа на фундаментальные вопросы о человеческом существовании и способности человека к познанию окружающего мира и самого себя.

Д.Г. Полонский
к.и.н., н.с. ИнСлав РАН

Д.Н. Рамазанова
к.и.н., зав. НИО редких книг РГБ, доц. РГГУ

Восточнославянские учебные издания и их сербские читатели первой половины XVIII века

Первая половина XVIII в. является одним из наиболее сложных для изучения периодов истории образования в сербском обществе ввиду скудости и разрозненности сохранившихся источников. На это время приходится территориальное и политическое разделение сербского этноса: вследствие войны Священной лиги с Османской империей одна его часть осталась во владениях султана; другая оказалась под властью монархии Габсбургов. Десятки тысяч православных сербов, бежав от османских войск в ходе «Великого

исхода» 1690 г., расселились в иноконфессиональной среде на территориях современной Венгрии (преимущественно на ее северо-западе и в центральной части в окрестности Буды), Хорватии и Румынии (Арад, Рымник, Тимишоара). Привилегии императора Леопольда I 1690–1695 гг., на десятки лет определившие правовой статус переселенцев и дававшие сербам гарантии конфессиональной автономии, не предусматривали прав на открытие собственных типографий и книгопечатание (*Давидов Д.* Српске привилегије царског дома хабзбуршког. Нови Сад, 1994. С. 14–44). Это не могло не сказаться на состоянии образования, положении школ и обеспечении сербов нужной учебной литературой.

В конце XVII – первой половине XVIII в. не только богослужebные, но и учебные кириллические книги сербы получали либо от торговцев, привозивших московские, киевские и львовские издания, либо от сербских монахов, неоднократно возвращавшихся с полученной в Москве милостыней через Киев и Львов. Иногда такие учебные книги бытовали у сербов на протяжении многих десятилетий.

Так, в Библиотеке Сербской патриархии (Белград) хранится экземпляр издания «Грамматики» Мелетия Смотрицкого (Евье, 1619), который явно был привезен из Москвы: по всем листам книги проходит запись-скрепа, сделанная дьяком Максимом Протопоповым, служившим на Московском Печатном дворе в 1670-е гг. (*Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). М., 2011. С. 465). Другой пример представляет экземпляр московского переиздания той же учебной книги Смотрицкого 1648 г., находящийся в собрании Архива Сербской Академии наук и искусств в Белграде (САНУ №303), сохранивший не только следы активного использования, но и владельческую запись о покупке учебника неким Николаем Стефановичем в 1751 г., то есть чуть более чем век спустя после издания книги в Москве.

Интересное свидетельство знакомства сербского иерарха с изданием Славяно-греко-латинского букваря Федора Поликарпова 1701 г. обнаруживается благодаря автографу в экземпляре, хранящемся в Научной библиотеке Одесского университета, куда он поступил в составе книжного собрания известного слависта В.И. Григоровича. Автограф и пространная запись в экземпляре оставлены Рашким митрополитом Арсением (Йовановичем-Шакабандой), которую он сделал 28 июля 1724 г. по прибытии в Скопье, накануне своего поставления в сан Печского патриарха. Подпись патриарха Арсения IV уверенно атрибутируется благодаря сопоставлению с другими образцами его почерка, находящимися в собраниях Сербии и Черногории. Объяснение того, зачем грамотному сербскому иерарху понадобилась книга для начального обучения, как представ-

ляется, содержится в самом издании Букваря 1701 года. В этой книге около трети из более чем 300 листов отведено под «Краткое собрание имен по главизнам расположенное тремя диалектами» — терминологический славяно-греко-латинский словарь, сгруппированный по различным отраслям знаний, включая богословие, географию, ботанику. Поэтому Букварь Ф. Поликарпова мог быть полезен отнюдь не только для начального обучения.

В целом положение с обеспечением сербов необходимой учебной литературой радикально изменилось в 1724 г.: по просьбе белградского митрополита Моисея Петровича, обращенной к Петру I, Синод распорядился направить в Сербию учителем славянского и латинского языков переводчика Максима Суворова, при этом выделив для сербских школ 70 экз. московских изданий «Грамматики» Мелетия Смотрицкого (1721), 10 экз. «Лексикона трехязычного» Ф. Поликарпова (М., 1704), а также 400 экз. составленного Феофаном Прокоповичем букваря «Первое учение отроком» (СПб., 1721–1723) (*Грујић Р.М.* Српске школе (од 1718–1739 г.). Београд, 1908. С. 31–37). В собрании Народной библиотеки Сербии сохранился экземпляр «Грамматики» 1721 г., одна из записей в котором гласит: «Приидох аз Леонтие иеромонах Тисменский у школу научение в Карловце, на святого Дионисиа Реопагита. Октомвриа 7237 года». Судя по тексту записи, иеромонах Леонтий приступил к занятиям в школе Суворова в Карловцах 3 октября 1728 г., придя туда из монастыря Тисмана, основанного в XIV в. (ныне обитель относится к Румынской православной церкви). Число разновозрастных учеников Суворова в Карловцах превышало 120 чел.; среди них, судя по его доношению в Синод, было около двух десятков лиц духовного звания, так что иеромонах Леонтий не был в этом ряду исключением.

Что касается других московских, а также киевских и львовских изданий букварей конца XVII – начала XVIII в., то свидетельства знакомства с ними в среде сербской диаспоры обнаруживаются при анализе текстовых и изобразительных источников рукописного букваря, составленного знаменитым сербским книжником Гавриилом Стефановичем Венцловичем (ок. 1680 – ок. 1749) в Сентендре в 1717 году. Компилятивный труд Венцловича, сохранившийся в кодексе САНУ №141, содержит свод начальных знаний о славянском языке, грамматике и основах православного вероучения. Как нам удалось установить, сербский книжник пользовался как минимум четырьмя изданиями различных учебных книг. В основной части содержания сербского букваря 1717 г. Венцлович опирался на учебник, вышедший из типографии Киево-Печерской Лавры в 1705 г.; также составитель привлек тексты из «Букваря языка славенска», печатавшегося типографией Львовского Успенского брат-

ства в 1671 и 1705 гг.; московских изданий простых Псалтирей, не менее 25 раз издававшихся на Печатном дворе с 1647 г. до конца XVII века. В заключительной части букваря Венцловичем приведены в переработанном виде силлабические вирши Кариона Истомина, содержащие поучения на разные буквы алфавита, опубликованные в составе цельногравированного издания «Букваря славенороссийских писмен уставных и скорописных...», отпечатанного на Московском Печатном дворе в 1694 г. (подробнее см.: *Полонский Д.Г., Рамазанова Д.Н.* Восточнославянские источники первого сербского букваря Гавриила Стефановича Венцловича (1717 г.) // *Slověne*. 2021. Vol. 10. № 1. С. 157–185).

Таким образом, не только сохранившиеся экземпляры восточнославянских изданий пособий для начального обучения и записи в них позволяют проследить факты бытования и использования учебников православными сербами в первой половине XVIII века. Благодаря трудам сербских книжников также оказывается возможным узнать, как адаптировались те конкретные издания учебных пособий, экземпляры которых до нас не дошли. Это позволяет проследить пути миграции таких книг, а также отчасти понять, какой была их рецепция в сербском обществе.

И.А. Поляков
к.и.н., н.с. ОР РНБ

**Основные проблемы и перспективы
реконструкции истории поступления документов
с автографами императора Петра I
в Императорскую публичную библиотеку**

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 20-09-42025

В 2022-м году отечественная наука празднует 350-летний юбилей со дня рождения первого российского императора Петра Великого. Главными направлениями в проведении коммеморативных мероприятий являются выявление неизвестных ранее материалов Петровской эпохи, а также исследование, систематизация и переиздание уже известных источников, в первую очередь, автографов монарха, многие из которых были описаны и опубликованы еще в XIX в. в изданиях, уже не отвечающих запросам современной исторической науки. Сотрудники Отдела рукописей РНБ присоединились к этому процессу и надеются к окончанию юбилейного года подготовить каталог научных описаний документов из Собраний Отдела рукописей РНБ, содержащих автографы императора и его сподвижников. Тем не менее, проводимая в настоящий момент работа позволяет не

только унифицировать информацию об этих документах для научного сообщества, но и решить важную исследовательскую задачу — определить, когда, как и в каком объеме грамоты и письма первого российского императора поступили на хранение в Рукописное отделение Императорской публичной библиотеки, являвшееся в XIX — начале XX в. предшественником современных Отдела рукописей и Отдела редких книг РНБ.

Сотрудниками Отдела рукописей РНБ выявлено около 100 документов, собственноручно написанных монархом или же имеющих его подпись. В настоящий момент автографы были обнаружены в составе четырех архивных фондов: Ф. 532. Оп. 2–3. Основное собрание актов и грамот; Ф. 588. Оп. 3. Собрание автографов М.П. Погодина; Ф. 650. Оп. 1. Романовы. Императорский дом; Ф. 784. Собрание Ф.А. Толстого. Основной проблемой при исследовании обстоятельств поступления тех или иных петровских материалов является тот факт, что фонды № 588 и № 650 начали существовать в современном виде только во второй половине XX — начале XXI века. Более того, согласно тексту архивной справки, подготовленной сотрудниками ОР РНБ Н.А. Зубковой и Е.С. Павловой, фонд № 650 был составлен из поступлений разных лет (Опись фонда № 650. Романовы. Императорский дом / Сост. Н.А. Зубкова, Е.С. Павлова. СПб., 2005). До второй половины — конца XX в. документы многих известных государственных лиц и деятелей культуры и искусства хранились в так называемом «Собрании автографов». Оно было создано в XIX в. и состояло из картонов, в которых по тематическому, а затем и по алфавитному принципу находились единицы с собственноручными документами известных личностей. Каждое дело представляло собой папку, в которую были вложены материалы конкретной персоны — документы выстраивались по хронологическому принципу от даты их создания и имели сквозную карандашную нумерацию. При поступлении нового автографа в конце XIX — первой половине XX в. его вкладывали в ту же архивную единицу и, в зависимости от ситуации, меняли нумерацию или же перемещали в конец последним листом. Таким образом, до создания фондов № 588 и № 650 архивный шифр подобных документов выглядел следующим образом: «ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Рукописи. Собрание автографов Петра I» (иногда указывался картон и лист) (см., например: Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1950. Т. 9. Вып. 1. С. 137).

В XIX — первой половине XX в. современный фонд № 532, насчитывающий более шести тысяч единиц XV–XVIII вв., имел только название — «Собрание актов и грамот», — а описания дел отсутствовали. До второй половины XX в. в него перемещались практически все поступающие в библиотеку делопроизводственные материа-

лы, сохранившиеся в столбцовой или листовой формах (переплетенные хозяйственные книги и сшитые тетради направлялись в фонды древнерусских рукописей). При передаче документов в «Собрание актов и грамот», как и в случае с «Собранием автографов», их происхождение архивистами не оговаривалось. Для жалованных грамот, патентов, частей официальной документации конца XVII – начала XVIII в. принцип их попадания в «Собрание автографов» (при наличии подписи монарха или важных государственных лиц) или «Собрание актов и грамот» зависел от личного взгляда на документ сотрудника «Депо манускриптов».

Фонд № 784 (Собрание Ф.А. Толстого) был выкуплен библиотекой у частного лица только в 1915 году. По-видимому, после поступления в Отдел рукописей этот архив хранился отдельно, что позволило в последней трети XX в. сформировать из его материалов фонд коллекционера.

Наконец, главной проблемой являются принципы учета документации Императорской публичной библиотеки, существовавшие в XIX – начале XX века. Главным источником по истории поступлений тех или иных материалов в фонды библиотеки служат печатные «Отчеты императорской публичной библиотеки», где отмечались только самые значимые приобретения или покупки — преимущественно, рукописные книги и крупные архивы. Более того, пометы о поступлении книги или документа в фонд в тот период ставились исключительно в случае их упоминания в «Отчете». Одновременно для всей библиотеки велись общие книги поступлений (хранятся в ОАД РНБ), однако сведения в них заносились частично, а отдельные единицы в составе комплексов не перечислялись. По этой причине без знания года поступления обнаружить информацию о поступившем документе в книгах из ОАД РНБ затруднительно. Только с 20-х – 30-х годов XX в. на оборотных сторонах последних листов единицы или по нижнему полю её первого листа стали ставиться печатные штампы с указанием года и номера поступления.

Таким образом, сложившиеся в XIX – начале XX в. в Императорской публичной библиотеке архивные принципы затрудняют работу современных исследователей при реконструкции обстоятельств поступления того или иного документа в фонды. Тем не менее, при научном описании и исследовании автографов Петра I сотрудникам ОР РНБ удалось обнаружить ряд возможностей хотя бы частично решить эту проблему. В первую очередь, это касается материалов, попавших в Депо манускриптов в период с дня открытия библиотеки до 1872 г. — даты выхода публикации А.Ф. Бычкова «Писем Петра Великого, хранящихся в Императорской публичной библиотеке ...», в которой многолетним хранителем рукописных фондов были учтены все предшествующие поступления, но не приведены описа-

ния и шифры (Письма Петра Великого, хранящиеся в Императорской Публичной библиотеке и описание находящихся в ней рукописей, содержащих материалы для истории его царствования / Сост. А.Ф. Бычков. СПб., 1872). Наиболее перспективным направлением стал поиск владельческих и библиотечных помет на документах первого российского императора, их дальнейшем сопоставлении между собой и с разнообразными рукописными каталогами из фондов РНБ. Первичными результатами начавшейся работы стали реконструкции нескольких комплексов собственноручных документов Петра I, поступивших на хранение в Депо манускриптов от П.К. Сухтелена (первая четверть XIX в.) и от М.П. Погодина (1852 г.).

*И.Г. Пономарева
к.и.н., доц. МГЛУ*

В добавление к генеалогии Серпуховской ветви московских Рюриковичей

Известно о существовании у князя Ярослава Владимировича Малоярославецкого (1389–1426) детей только от второго брака с боярышней из рода Федора Кошки: Василия (удельный князь Серпуховско-Боровский), Марии (жена московского великого князя Василия II) и Елены (жена удельного князя Михаила Андреевича Верейско-Белозерского).

В генеалогическом очерке о Серпуховском княжеском доме высказано предположение, что Елена родилась не позднее начала 1419 г., так как она не упоминается в завещании бабки княгини Елены Ольгердовны (конец 1433 – начало 1434 г.), очевидно, по причине замужества. Авторы предположили, что она была старше Василия, родившегося между 1416 и началом 1419 года. Датировку его рождения определяет достижение им дееспособности к концу 1432 – началу 1433 г. (по участию как дееспособного князя в заключении договора). Ошибочным следует признать мнение, что материю Василия была первая жена Ярослава Владимировича Анна Семеновна (Ярославский княжеский дом, умерла 1 декабря 1411 г.). Оно основано на том факте, что Мария, будучи великой княгиней, не вступилась за попавшего в опалу брата (*Морозова Л.Е.* Родственные связи предков Романовых с представителями династии московских князей. XIV–XVII вв. // Вестник архивиста. 2013. № 1. С. 213–214). Время рождения Марии, определенной в очерке младшей: конец 1420 – начало 1421 года. Последняя из дат обоснована временем ее бракосочетания. Предполагается, что при обручении с Василием II осенью 1432 г. Мария не имела допустимого церковью

брачного возраста (12 лет), но достигла его ко дню венчания (8 февраля 1433 г.). Аргументация вполне убедительна: первый из известных ее детей — Юрий, родился спустя 4,5 года после заключения брака, хотя историки оговаривают возможность рождения первой дочери без фиксации факта в летописании. Т.Д. Панова относит рождение Марии к 1419–1421 гг., считая брачным возрастом 13 лет (*Мазуров А.Б., Никандров А.Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV – первой половине XV вв. М., 2008. С. 149–150; *Панова Т.Д.* Биографический очерк // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. М., 2013. Т. 2. С. 248).

Елена не могла быть старшей из детей. Ее муж родился в период между 9 июня 1427 г. (дата смерти Кирилла Белозерского, не упоминающего в своей душевной грамоте Михаила) и мартом 1433 г., с учетом времени смерти его отца (АСЭИ. Т. I. № 314; *Семеченко Г.В.* Завещания церковных иерархов XV в. как исторический источник // Источниковедение отечественной истории. 1984. М., 1986. С. 156; *Пономарева И.Г.* К датировке первого договора московского великого князя Василия II с удельными князьями Иваном Андреевичем Можайским и Михаилом Андреевичем Верейским // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: Современные исследования и перспективы развития. Материалы XXVII Международной научной конференции. М., 2015. С. 362–364). Отец Елены умер 16 августа 1426 г., следовательно, она родилась не позднее апреля 1427 г., думается, ближе к этой дате, так как вряд ли она была намного старше мужа.

Уточнить время рождения Марии затрудняет определение разрешенного возраста вступления в брак. В «Эклогге» императоров Льва III и Константина V для женщин возраст вступления в брак — 13 лет; в «Прохироне» императора Василия Македонянина — 12. Оба кодекса вошли в «Кормчую книгу», и сложно сказать, каким из кодексов руководствовались в Московском княжестве в 30-е гг. XV века.

Привлекает внимание близость дат венчания (8 февраля) и пострига (2 февраля 1479 г.) Марии.

Свадьба и постриг, за которыми следовало обретение нового статуса, были «переходными» обрядами в принципиально новое состояние. Происходило вступление в новую семью и общину. В числе прочего, таинство пострижения символизирует своего рода второе крещение, духовное перерождение и обновление, что, в частности, отражает получение нового, инокского, имени. Новую «фамилию» приобретает и новобрачная. Венчанию в рамках сложноорганизованного свадебного обряда, включавшего ряд мероприятий, предшествовала их недельная череда, и если свадьба Марии

была увязана со днем рождения, то получается, что связанные с ней мероприятия начались в начале февраля. Можно думать, что Мария родилась 1 февраля (или около этой даты) в 1420 или 1421 г., если брак был сопряжен с ее взрослением. Косвенно это подтверждает выбор времени свадьбы, справлять которую можно было в определенные периоды. Одним из них было время после Крещения (6 января) и до Масленичной недели (когда вышла замуж Мария), но также и время с Успения до Рождественского поста (с 16 ноября по 23 декабря). Как известно ездивший в Золотую Орду Василий II вернулся оттуда 29 июня 1432 г. Интронизация состоялась 5 октября, и свадьбу можно было сыграть в конце 1432 г., но ее сыграли в феврале. Не был ли также приурочен ко дню рождения и постриг Марии? И если это было так, то не связала ли она после многолетнего вдовства этот шаг со своим 60-летием? В таком случае, Мария родилась в 1419 г., и, таким образом, вышла замуж в 14 лет. Это не исключает выбора времени свадьбы с учетом дня рождения, но не позволяет однозначно увязать ее с ожиданием определенного возраста невесты: ведь 13-летия Мария достигла еще во время пребывания будущего мужа в Орде, а возможно необходимые 12 лет имела ко времени его отъезда. Отложенный брак имеет объяснение. Женильба, несомненно, входила в комплекс мероприятий, знаменовавших переход Василия II в новое качество как возмужавшего главы государства, но все-таки была уместнее после его вступления на престол.

Если Мария родилась в феврале 1419 года, то ее брат родился в период с 1416 до июня 1418 года.

Е.В. Русина

к.и.н., в.н.с. Института истории Украины НАНУ

К вопросу о киевском летописании XV века

До сих пор остается не проясненным, почему в Киеве, одном из центров древнерусского летописания, его традиция прервалась после Батыева нашествия. Неясно и то, существовала ли она в так называемый литовский период, когда украинские земли пребывали под политическим контролем Вильно (XIV–XVI вв.). В Стависким была высказана гипотеза о киевском летописании времен княжения Владимира Ольгердовича (так называемом своде 1385 г.), фрагменты которого якобы сохранились в составе поздней, XVII в., Густынской летописи (*Ставискій В.И.* „Киевское княжение” в политике Золотой Орды (первая четверть XIV в.) // *Внешняя политика Древней Руси.* М., 1988. С. 99). Однако по сути исследователь счел оригинальными

известиями данные из хроник М. Стрыйковского и А. Гваньини, которыми активно пользовался составитель летописи (*Русина О.* До питання про кийвське літописання XIV–XVII ст. // Український історичний журнал. 2021. № 2. С. 186–195).

Впрочем, сама идея о возможности выявления в литературных памятниках XVII в. фрагментов более раннего киевского летописания отнюдь не беспочвенна. В этом смысле заслуживает внимания сложная компиляция середины XVII в., известная как Патриарший сборник, или Баркулабовский хронограф. В нем среди прочего содержатся два сообщения, датированные 1463 г. (Баркалабаўскі летапіс. Мінск, 2013. Т. 1. Лл. 65–65об.). В первом идет речь о чуде, происшедшем на Пасху в Киево-Печерской обители во времена княжения внука Владимира — Семена Олельковича; оно восходит к архаичной практике христосования на кладбищах с умершими (ср.: *Агапкина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002. С. 279).

До сих пор об этом событии было известно лишь из записи в Киево-Печерском Патерике, куда этот сюжет добавили в XVI в.: «В лето 6971 в Печерском монастыри створися знамение таково. При князи Семене Александровичи и при брате его князи Михаиле, а при архимандрите печерском Николе, печеру же тогда держал некто Дионисие, нарицаем Щепа. Сий прииде на Велик день в печеру покадити телеса усопших, и прииде, где зовется Община, и, покадив, рече: „Отци и братие, Христос воскрес! Сего дни есть Велик день”. И отвеща, яко гром тучен: „В истинну воскресе Христос!”» (*Абрамович Д.* Киево-Печерський Патерик. Киев, 1931. С. 193).

В Баркулабовском хронографе это известие передано неточно и без упоминания имени Михаила Олельковича, которое может навести на мысль о существовании неформального дуумвирата Олельковичей: «В лето 6971 в Печерском монастыри сотворисе знамение таково. При кнзю Семене Александровичи, при архимандрити Николе печеру же некто обдержа именем Динисей, прозвище Щепа. Сей придет на Великий ден вечеру телес усопших и п[р]ийде, где зовут Община, и покадит вечеру: „Отци и б[р]атия, Хс воскресе сего дни”. Отвеща, яко [г]ром тучен: „Воистинну воскрес[се] Хс!”».

Следующая за этим запись сохранилась частично: «И того ж лета князю Овдотю оддали за великого ...». Невыразительная на первый взгляд, эта заметка повествует о нерядовом событии в жизни Киевского княжества: заключении в 1463 г. брака Евдокии Олельковны с молдавским господарем Стефаном Великим. Данное известие уникально и не имеет аналогов — все упоминания об этом браке содержатся в молдавских источниках (Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. / Сост. Ф.А. Грекул. М., 1976. С. 26, 63, 106,

118). В комплексе с синхронной записью о пасхальном чуде оно указывает на существование в Киеве традиции письменной фиксации событий во времена княжения Семена Олельковича. К ней же, по-видимому, тяготеет полихромный рельеф-триптих с образами Марии Оранты, Антония и Феодосия, который был установлен после реставрации киевского Успенского собора, около 1470 г., на фасаде его центральной апсиды. На триптихе была помещена надпись: «Основана бысть церковь пресвятыя Богородицы Печерская на старом основании при великом короли Казимире благоверным князем Семеном Александровичем, отчичи Киевском, при архимандрите Иоанне».

Попутно вспомним и о наличии какого-то «киевского летописца» в книжном собрании Альбрехта Гаштольда (*Gudmantas K. Alberto Goštauto biblioteka ir Lietuvos metraščiai // Knygotyra. Vilnius, 2003. Т. 41. Р. 13, 20*). Вполне вероятно, что этот экземпляр оказался в библиотеке канцлера в силу того, что его отец Мартин Гаштольд после смерти Семена Олельковича, в 1471–1475 гг., был киевским воеводой. Сам Альбрехт был причастен к созданию белорусско-литовских летописей. Вместе с ними фрагменты «киевского летописца» могли попасть в Патриарший сборник.

Отметим также, что гипотеза о киевском летописании XV в. была высказана Надеждой Морозовой. Это предположение основывалось на серии кратких некрологов князей Олельковичей-Слуцких в составе Хроники Быховца. Правда, в работах исследовательницы этот факт не получил однозначную оценку: она соотносит его и с составленным в начале 1540-х гг. родословием Слуцких, и с Хроникой Олельковичей 1453–1486 гг. (*Морозова Н. К вопросу о времени создания Хроники Быховца // Kalbotyra. Vilnius, 2000. Т. 49 (2). Р. 137–141; Морозова Н. Проблемы языка и текстологии летописей Великого княжества Литовского: Хроника Быховца: Автореф. дисс. ... докт. гум. наук. Вильнюс, 2001. С. 15–17, 22–23*). Как первое, так и второе кажется вполне вероятным ввиду того, что, по нашим наблюдениям, этот княжеский род культивировал представления о собственной династичности, вытесняя из исторической памяти своих соперников — князей Гольшанских.

Правда, трудно сказать, с какими кругами, церковными или светскими, было связано летописание времен княжения Семена Олельковича. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что конец тогдашней анналистике положил погром Киева крымским ханом Менгли-Гиреем (1482 г.). Вполне очевидно, что после него региональные культурные процессы существенно замедлились и/или приостановились.

Таким образом, мы, с одной стороны, можем дополнить картину так называемого Ренессанса Олельковичей (каким бы услов-

ным ни было этот термин), а с другой констатировать, что возобновленная тогда традиция летописания вскоре вновь была прервана.

*Д.Е. Сарафанов
к.и.н., доц. Алтайского ГУ*

Исповедные ведомости как источник по изучению территории заводских приходов Колывано-Воскресенского горного округа во второй половине XVIII – начале XIX века

Епархиальное начальство, как и церковный причт, прилагали серьезные усилия, чтобы прихожане ежегодно исповедовались и причащались. Исповедные росписи, ведение которых было закреплено в России в первой четверти XVIII в., требовалось подавать в Консистории в конце отчетного года — с октября по декабрь. В российских архивах отложились массивы первичных церковных источников, материалы которых могут быть представлены в пространстве приходов.

В XVIII – начале XX в. приход являлся низовой единицей церковной организации. С одной стороны, он представлял собой церковный территориальный округ, включающий населенные пункты, причисленные к конкретной церкви, с другой — общину людей, которые молятся и удовлетворяют иные религиозные потребности в этом храме. Реальные границы на планах и картах того времени не фиксировались (автору не встречались). Масштабной целью нашего исследования является реконструкция системы приходов на юге Западной Сибири с использованием средств и возможностей ГИС, в рамках настоящей работы — реконструкция территории заводских приходов Колывано-Воскресенского горного округа второй половины XVIII – начала XIX века.

Работа основана на материалах исповедных росписей, отложившихся в фондах Государственного архива Томской области и Государственного архива Алтайского края. На сегодняшний день создан массив электронных данных за период с 1755 по 1829 год. Нижняя граница обусловлена временем появления источников на изучаемой территории, верхняя — существенными изменениями в составе приходов Барнаульского духовного правления.

На территории Колывано-Воскресенского горного округа система церковных учреждений возглавлялась Барнаульским приказным духовным правлением, образованным в 1750 году. В Духовном правлении действовали приходы при заводах, при рудниках, городские, сельские, при военных укреплениях. Объектом нашего исследования являются заводские приходы: Барнаульского завода Петро-

павловский, Одигитриевский и Захарьевский, Колыванского завода Воскресенский, Ново-Павловского завода Введенский, Нижне-Сузунского завода Вознесенский, Шульбинского завода Николаевский.

Приходы Барнаула нельзя однозначно отнести только к одному виду (заводскому или городскому), так как в изучаемое время административный статус населенного пункта менялся. Образованный в конце 1730-х гг. как поселок при заводе, он считался окружным городом только в 1780–1782 годах. В период существования Колыванской губернии (1783–1796 гг.) Барнаул являлся поселком при заводе, оставаясь при этом главным населенным пунктом новой губернии: в нем располагались губернский магистрат, губернское правление, палаты и уездное казначейство и пр. Статус города был получен только в 1824 году. С заводскими приходами Барнаул объединяет и то, что церкви при заводах строились и содержались за счет горного начальства, в отличие, например, от сельских.

Основой изучения территории прихода (построения границ приходов) является построение такой ГИС-модели, в которой учитывается расположение сети исходных опорных точек в виде системы населенных пунктов с расположенными в них церквями. На сегодня нами восстановлена сеть населенных пунктов, являвшихся составными частями того или иного прихода, по пяти временным срезам (за 1755, 1762, 1780, 1820, 1829 гг.).

В 1750-е годы действовало четыре заводские церкви. Две из них располагались в Барнауле: Петропавловский собор обслуживал только заводское население (иных поселений в приходе не зафиксировано), в составе Захарьевской церкви числилось население и завода, и сельской округи (13 деревень). Воскресенская церковь Колыванского завода обслуживала население 17 населенных пунктов, включая заводскую паству, а также население ряда сел и рудников.

В 1760-е гг. оформился количественный состав заводских приходов БДП. Их число возросло до шести — были открыты барнаульская Одигитриевская, Ново-Павловского завода Введенская и Нижне-Сузунского завода Вознесенская церкви. Николаевский приход Шульбинского завода перешел в ведение Омского духовного правления. Это привело к перераспределению населенных пунктов между приходами. На 1762 г. в состав Петропавловского прихода Барнаула было включено население семи деревень, к образованной Одигитриевской церкви приписаны общины трех деревень. Сеть поселений Захарьевского прихода сократилась до девяти (за счет передачи в Петропавловский собор). В составе Воскресенского прихода Колыванского завода стало числиться девять населенных пунктов. Ново-Павловский и Нижне-Сузунский заводы, запущенные в 1764–1766 гг., «обзавелись» своими исповедными ведомостями.

ми только к концу десятилетия, что не дало возможности выявить их населенные пункты для этого временного среза.

В 1780 г. в шести заводских приходах насчитывалось 73 населенных пункта. Наиболее густая сеть наблюдалась в Ново-Павловского завода Введенском (27), Барнаула Петропавловском (12) и Нижне-Сузунского завода Вознесенском (12) приходах, наименьшая — Кольванского завода Воскресенском (7).

Количество населенных пунктов к 1820-му году увеличилось в приходах до 123. Заметный прирост отмечен в Ново-Павловского завода Введенском (43) и Кольванского завода Воскресенском (28) приходах. Остальные церкви в территориальном отношении прибавили незначительно. Число населенных пунктов в них варьировалось в пределах 11–15 единиц. К 1829 г. соотношение приходов по числу поселений в них существенно не изменилось. Можно предположить, что к этому времени уже сформировалась стабильная сеть населенных пунктов на территории округа. Нагрузка духовенства росла не за счет увеличения числа поселений в приходах, а за счет роста численности населения в них.

Таким образом, территории заводских приходов не были стабильными. В 1750-60-х гг. шел процесс перераспределения населенных пунктов между приходами, связанный с формированием сети заводских церквей. В последующее время мы видим изменения границ приходов (рост числа населенных пунктов), обусловленные уже не церковным строительством, а формированием населенных пунктов на изучаемой территории.

*А.И. Свиридонова
асп. каф. ВИДА ИАИ РГГУ*

Материалы фонда РГАДА 1475 «Канцелярия архиепископа Московского и Всея Руси» как источники по изучению печатей приходов и общин Древлеправославной (Старообрядческой) Церкви Христовой начала XX века

Основной источниковой базы для изучения печатей приходов и общин старообрядческой церкви начала XX в. являются материалы фонда № 1475 РГАДА — «Канцелярия архиепископа Московского и Всея Руси». В фонде хранятся документы с 1887 по 1917 год. В предисловии к описи указывается, что дела данного фонда хранились на Рогожском кладбище, в Канцелярии архиепископа Московского и всея Руси до 1924 г., затем были переданы в историко-культурную секцию Единого Государственного Архивного Фонда, в

1930 г. вошли в состав ЦГАДА. К 1982 г. фонд насчитывал 659 единиц хранения.

Сохранившиеся в фонде РГАДА № 1475 материалы позволяют изучить печати старообрядческих приходов и общин. Печати — то, что может помочь определить подлинность, время и место создания документа, атрибутировать исторический источник. Особый интерес представляют церковные печати: в рамках церковной иерархии старообрядческой церкви после законов о веротерпимости 1905 и 1906 гг. каждая старообрядческая община и приход, зарегистрированные в государственном реестре, имели собственную печать с указанием названия общины по местности и имени святого или праздника, в честь которого был освящен храм данной общины.

Отдельные попытки изучения архиерейской сфрагистики были предприняты в рамках изучения преемственности епископов в Древлеправославной старообрядческой церкви (*Боченков В.В.* Старообрядчество советской эпохи. Епископы Русской Православной старообрядческой Церкви (1918–1991 гг.): библиографический словарь. М., 2019). Оттиски приходских печатей часто приводились в качестве иллюстраций краеведческих исследований по истории отдельных приходов (*Куприянова И.В.* Из истории храмостроительства Барнаульской белокриницкой общины // *Избранные страницы: Клубу любителей алтайской старины — 25 лет.* Барнаул, 2015. С. 233–249; *Мальцева Т.Г., Старухин Н.А., Деметьева Л.С.* 105 лет со времени регистрации старообрядческой общины церковного прихода во Имя Честного и Животворящего Креста Господня в Барнауле // *Барнаульский хронограф, 2013 г.: календарь знаменательных и памятных дат.* Барнаул, 2012. С. 24–27; *Во время оно...: история старообрядчества в свидетельствах и документах: приложение к журналу Церковь.* М., 2005–2009). Печати же приходов и общин изучены крайне скудно.

17 апреля 1905 г. императором Николаем II был подписан «Указ о началах веротерпимости», повлекший за собой ряд изменений в жизни старообрядческой церкви. Согласно пункту 9 Указа, все священнослужители, теперь именуемые «настоятелями и наставниками», должны были быть учтены государством и, соответственно, иметь документы, подтверждающие право заниматься духовным окормлением (Полное собрание законов Российской империи: Собр. 3-е. Т. XXV: 1905. СПб., 1908. С. 237–238). А 17 октября 1906 года в силу вступил, еще не одобренный Государственной Думой, законопроект «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов» (Именной высочайший Указ. О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских

общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов. М., 1906). Все это способствовало массовому появлению личных и приходских печатей.

На оттисках приходских печатей мы обязательно видим образный символ храма конкретного прихода, а иногда даже более изысканные изображения (например, благословляющий жест внутри схематического изображения храма). На приходских печатях также изображались: кресты с контрактурами, аббревиатуры общины (например, Санкт-Петербургской общины). На некоторых оттисках указано, что изображение является печатью храма (например, на печати Сретенского храма дер. Песьяное Пермской губ.).

Печати приходов и общин отличаются информативностью. Они, в основном круглой формы, рамки имеют орнаментальные украшения. Часть оттисков воско-мастичные. Примечательна форма оттиска печати Томской общины: четырехугольная, с выемками по типу немецкого щита.

Печатами скреплялись прошения или извещения к архиепископу от всего прихода или активной его части, приговоры на избрании священника или уполномоченных на всероссийский съезд или Освященный Собор.

Изучение печатей старообрядческих приходов и общин очень важно для исследований по истории приходов, атрибутирования окормления храмов, уточнения биографических данных отдельных священнослужителей, исследования деятельности отдельных выдающихся старообрядческих личностей.

Д.В. Сень
д.и.н., проф. ИИиМО ЮФУ

Реконструкции ранней биографии С.Т. Разина: дискуссионные вопросы

Реконструкции биографий лидеров народных движений в России XVII–XVIII веков остаются важным направлением изучения «русских бунтов». В новейшей историографии по-прежнему прилагаются активные усилия по исследованию биографий К.А. Булавина, Е.И. Пугачева, С.Т. Разина (В.Я. Мазуль, 2012–2014; Н.А. Мининков, 1987, 2002; Ю.А. Обухова, 2016; Р.А. Сапелин, 2020; В.М. Соловьев 1994; Е.Н. Трефилов, 2015; О.Г. Усенко, 2002). Вопросы их происхождения, состава родственных и иных связей, характера/внешности,

здоровья относятся к числу дискуссионных и порой рассматриваемых в историографии с противоположных позиций.

Сохраняющиеся в подобных биографических реконструкциях лакуны не единичны; традиционно считается, что они связаны с недостатком исторических источников. Биография С.Т. Разина — не исключение. В.М. Соловьев писал, что его жизнь «до восстания известна лишь в отдельных, очень скупых чертах. Историки буквально по крупицам реконструировали биографию этого легендарного бунтаря» (*Соловьев В.М.* *Анатомия русского бунта. Степан Разин: мифы и реальность.* М., 1994. С. 41). В истории реконструкций его биографии не раз случалось, что *верификация* того или иного суждения в процессе установления исторических фактов связывалась не с критикой источников, а с апеллированием к *мнению других ученых*, закрепившемуся в научных кругах (*Чистякова Е.В.* Степан Тимофеевич Разин // *Вопросы истории.* 1971. № 8. С.130; Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док. М., 1954. Т. I. С. 259). На примерах реконструкций ранней биографии С.Т. Разина выясняется, что такая форма конструирования научного знания имеет давнюю историографическую традицию, механизмы *некритической* трансляции которой подлежат изучению.

К числу *историографических* фактов, связанных с реконструкциями биографии С.Т. Разина, относятся утверждения о его принадлежности к домовитому казачеству и о духовном родстве (крестный/названный сын) с К. Яковлевым (крестный отец), являвшимся войсковым атаманом в 1660–1680 гг. (*Костомаров Н.[И].* Бунт Стеньки Разина. СПб., 1859. С. 211; *Савельев Е.П.* Древняя история казачества. М., 2010. С. 344; *Лебедев В.И.* Крестьянская война под предводительством Степана Разина 1667–1671 гг. М., 1955. С. 47; *Чистякова Е.В., Соловьев В.М.* Степан Разин и его соратники. М., 1988. С. 10; *Соловьев В.М.* *Анатомия.* С. 41; *Рябов С.И.* Донская земля в XVII веке. Волгоград, 1992. С. 117; Записки иностранцев о восстании Степана Разина / Под ред. А.Г. Манькова. Л., 1968. С. 120). Некоторые историки указывали, что отец С.Т. Разина — Тимофей Разя — являлся домовитым казаком/представителем зажиточной казачьей верхушки и кумом К. Яковлева, бывшего войсковым атаманом якобы уже при его жизни (*Чистякова Е.В.* Степан Тимофеевич Разин. С. 130; *Степанов И.В.* Крестьянская война под предводительством С.Т. Разина. Л., 1966. Т. 1. С. 314; *Соловьев В.М.* *Анатомия.* С. 41; *Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П., Мавродин В.В.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.: Л., 1966. С. 104). Е.В. Чистякова считала С.Т. Разина выходцем из «старинной казачьей семьи» (ср. у В.М. Соловьева о том, что С.Т. Разин «был хорошего казацкого рода») — но это мало соотносится с данными о воронежском происхождении Т. Рази и со сведениями других источ-

ников. Такие «факты» ранней биографии С.Т.Разина не подтверждаются источниками, порождая спорные основания для реконструкции его *последующей* биографии. В.А. Прохоров осторожно высказался в том смысле, что, будучи *пришлым*, Т. Разя «лишь через какое-то время был приближен к казачьей верхушке» (*Прохоров В.А. Никифор Черток — сподвижник Степана Разина // Вопросы истории. 1968. № 6. С. 211*).

Историографические данные о духовном родстве С.Т. Разина и К. Яковлева, транслируясь из одной работы в другую, имеют под собой скромную источниковую основу, недостаточную для утверждения об их достоверности. Наиболее ранний из известных науке нарративных источников относится к 1671 году. Он принадлежит европейскому Анониму: «Корнила Яковлев доводился Стеньке крестным отцом и всегда был почитаем им как родной отец...» (*Записки иностранцев. С. 113*). Не исключено, что этот текст (известный еще дореволюционным историкам) послужил основой для многочисленных повторов *сути сообщения* в историографии, начиная с XIX века. Второе, уже документальное, свидетельство, относится к январю 1668 года. По словам бывшего войскового дьяка А. Иванова, С.Т. Разин приходился названным сыном не упомянутому по имени тогдашнему (войсковому?) атаману (Крестьянская война. Т. I. С. 102–103). Скорее всего, речь идет о К. Яковлеве, но о большем в источнике — ни слова.

Конструирование в историографии слабо верифицируемых элементов биографии С.Т.Разина *регулярно* осуществлялось по нескольким направлениям. Так, К. Яковлев объявлялся связующим звеном между С.Т.Разиным и домовитым казачеством, покровителем будущего вождя, якобы способствующим совершенствованию его дипломатических талантов и даже организации похода в Персию (*Лебедев В.И. Крестьянская война. С. 47; Чистякова Е.В. Степан Тимофеевич Разин. С. 131; Соловьев В.М. Анатомия. С. 43*). Источники не подтверждают изначальную принадлежность К. Яковлева к домовитому казачеству: его положение на Дону упрочилось только в 1650-е годы. Атаманом же Войска Донского он стал в конце 1660 года, когда С.Т. Разин уже *прожил большую часть своей жизни*. В ближайшей перспективе необходимо оценить *парность* предполагаемого названного отцовства К. Яковлева в привязке к личности М. Говорухи, названной матери С.Т.Разина (Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док. М., 1959. Т. II. Ч. 2. С. 87). Замечу, что не всегда в восточнославянской культурной традиции *фигуры и функции* крестных отца/матери и названных отца/матери совпадали! Насколько известно, ни К. Яковлев, ни

М. Говоруха не фигурируют в известных науке письменных источниках XVII в. в качестве крестного отца/крестной матери С.Т.Разина. Кроме того, нет оснований согласиться с мнением В.М.Соловьева и других историков о том, что М. Говоруха приходилась *родственницей* С.Т.Разину. Таким образом, существенная часть ранней биографии С.Т. Разина реконструирована на основе историографических фактов, верификация которых представляется необходимой и своевременной.

А.В. Сергеев
к.и.н., зав. каф. ЧОУ ДПО «ИПБОТСП» (Санкт-Петербург)

Князья Гундоровы в Русском государстве XVI–XVII веков: служебная деятельность и землевладение

Гундоровы были одной из младших фамилий в «родословной лестнице» Стародубских Рюриковичей. Их социальный статус не был «первостепенным», поскольку никто из Гундоровых на протяжении XVI–XVII вв. не получил думных чинов. Они также не являлись «закосневшими» князьями, поскольку исполняли важные «разрядные» службы, числились в составе Государева двора, владели значительными вотчинами в «родовом гнезде» (*Корзинин А.Л.* Государев двор Русского государства в допричинный период (1550–1565 гг.). М.; СПб., 2016, С. 429). По своему общественному положению Гундоровы были второстепенной «разрядной», «вотчинной» княжеской фамилией. История этой не самой знаменитой княжеской фамилии представляет интерес в нескольких аспектах. Во-первых, ни одна из известных опубликованных родословных Гундоровых в полной мере не соответствует данным источников, имеет пропуски, искажения (Родословная книга князей и дворян российских и выезжих..., которая известна под названием Бархатной книги. М., 1787. Ч. 2. С. 81–82; *Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. 1. С. 170–173; *Любимов С.В.* Опыт исторических родословий: Гундоровы, Жижемские, Несвицкие, Сибирские, Зотовы и Остерманы. Пг., 1915. С. 3–13). Наименьшее число погрешностей в варианте, изданном С.В. Любимовым, но и в нем необходимы отдельные уточнения, дополнения. Реконструкция родословной в данном случае требует привлечения сведений разных памятников, некоторые из которых не были известны или не учитывались генеалогами XIX – начала XX в. (документы монастырских архивов, писцовые и «записные» книги Поместного приказа, Дворовая тетрадь 1550-х гг. и др.)). При этом важно установить не только правильный состав поколений данной фамилии, но и

попытаться понять причины «ошибок», допущенных в отмеченных вариантах родословной. Во-вторых, интерес представляет выяснение эволюции социального статуса и землевладения Гундоровых, влияние на эти процессы политических, демографических факторов. В связи с проблемой состава Стародубского «Княжеского списка» в Дворовой тетради важно установить, кто из князей этой фамилии мог в нем состоять (*Сергеев А.В.* Стародубские Рюриковичи в Тысячной книге 1550 г. и Дворовой тетради начала 1550-х гг. // *Клио.* 2018. № 8. С. 36–48). Интерес представляют также изменение поколенной численности фамилии, брачные союзы с другими титулованными и нетитулованными родами, местнические споры. С княгиней Ульяной Гундоровой связаны дошедшие до нас сведения об «Указе 1579/80 г.», предусматривавшем выкуп родовых вотчин князей Стародубских (Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. / Сост. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. М., 1998. С. 436–438). Учеными, исследовавшими эволюцию княжеского землевладения в данном уезде, были даны разные оценки степени реализации «Указа» (*Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 155; *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование: в 2 т. СПб., 2019. Т. 2. С. 56; *Давыдов М.И.* Стародуб Рязановский в XIII–70-х гг. XVI в.: политическое развитие, административно-территориальное устройство, эволюция структур землевладения. Дисс. канд. ист. наук. Владимир, 2004. С. 187). Следует оценить его влияние на эволюцию землевладения Гундоровых в последних десятилетиях XVI века. Еще один аспект историко-биографического изучения Гундоровых касается «питейной политики» в Московском государстве первой трети XVII в. В книге И.Г. Прыжова упоминается происшествие с князем И.И. Гундоровым (*Прыжов И.Г.* История нищенства, кабачества и кликушества на Руси. М., 1997. С. 177–179). Обращение к сохранившемуся в Ярославском архиве столбцу позволяет уточнить некоторые подробности этой истории (ГАЯО. Фонд № 582. Оп. 5. № 1702).

В результате историко-биографического изучения фамилии Гундоровых по поколениям, время деятельности которых пришлось на XVI–XVII вв., установлено, что их родословную следует дополнить князьями Александром Андреевичем, Афанасием Васильевичем, Иваном Афанасьевичем, рядом женских имен (Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря. С. 252–254, 336–337; Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. / Сост. А.В. Антонов и др. М., 2010. С. 559; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 96). В 1570-х гг. пресеклись все линии Гундоровых, кроме старшей. Примерно 3/4 их вотчинных владений ушли

по завещаниям в Суздальский Спасо-Евфимьев, Владимирский Рождественский монастыри, были взяты в «Дворцовые земли». Из Гундоровых в 1570-х–1580-х гг. продолжал служить числившийся еще в Дворовой тетради 1550-х гг. Андрей Иванович. Его служебная карьера была одной из наиболее успешных среди князей этой фамилии. Упоминалось даже о наличии у него чина окольного, но подтверждения в иных источниках эти сведения не имеют и, скорее всего, неверны (Дворцовые разряды XVII в... СПб., 1851. Т. 2. Стб. 36). Брачный союз А.И. Гундорова с княжной Наталией (молитвенное имя Екатерина) из фамилии князей Пронских указывает на достигнутый им высокий служебный и общественный статус. Остатки некогда большой вотчины Гундоровых в XVII в. были в распоряжении внуков и правнуков князя Давыда Гундорова. Единственным сыном Давыда был князь Иван Безногий. Как можно заключить из его прозвища, он вследствие увечья или заболевания не мог служить и почти неизвестен по разрядным записям, но благодаря ему фамилия Гундоровых не угасла в первых десятилетиях XVII в., а продолжилась. За ним и его сыновьями сохранился «вотчинный жребий» князя Давыда, равнявшийся примерно 500 ч., но этой земли было недостаточно для обеспечения службы. В начале XVII в. часть прежней вотчины князя Силы Гундорова на правах поместья была передана сыновьям И.Д. Безногого.

Сохранившиеся акты позволяют проследить этапы «сужения» вотчинного комплекса Гундоровых в 1565–1580-х годах. Какого-либо значительного действия «Указа 1579/80 г.» в данном процессе не наблюдается.

*Е.И. Серебрякова
с.н.с. ОР ГИМ*

**«Солнце Умное» (сказания о Богоматери Тихвинской)
из собрания П.И. Щукина (ГИМ, Щук.124):
кодицилогические и текстологические наблюдения**

В ОР ГИМ хранятся девять иллюминированных рукописей XVII–XVIII вв. с обширным циклом сказаний о чудотворной иконе Богоматери Тихвинской (*Серебрякова Е.И.* К вопросу о типах лицевых рукописных «Книг о Тихвинской иконе Богоматери» //Труды ГИМ. М., 2003. Вып. 136. С. 257–275). Среди них нами был выделен особый вариант с самоназванием «Солнце Умное», представленный тремя списками из собраний А.С. Уварова (Ув.373), Е.В. Барсова (Барс.904) и П.И. Щукина (Щук.124) (*Серебрякова Е.И.* «Солнце Умное» — книга о Тихвинской иконе Богоматери:

кодициологические и художественные особенности (по рукописям ГИМ) // На рубеже культур: Тихвин в XVII столетии. Мат-лы науч.-практич. конф. СПб., 2015. С. 132–141). В данной версии основой является текст редакции Симеона Полоцкого 1671 г., дополненный предисловием и послесловием к «Читателю люботщаливому», новыми двустижиями к «Стихам на Пречестный и чудотворный святой образ», статьей «На Знамение Солнца» с библейскими цитатами, поясняющими новое название книги; в конце помещено песнопение «Пречистая Дево Мати, даждь ми Твоя благодати...» с рефреном «Радуйся Чистая Дево», представленным в виде графического «лабиринта», читаемого от центра во всех направлениях и с миниатюрными рисунками чудотворных икон Богоматери по углам. В.И. Охотникова предположила литературную одаренность и склонность к стиховорству архимандрита Макария, трижды бывшего главой Тихвинской обители — в 1675–1676 гг., 1680–1689 гг., 1694–1696 гг. (*Охотникова В.И.* Макарий, книжник 2-й пол. XVII в., архимандрит Соловецкий, Хутынский и Тихвинский // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб, 2004. С. 371–379), так что возможна именно его причастность к созданию нового компилятивного свода Сказаний.

Хорошо известна исследователям рукопись «Солнца Умного» Ув.373 с вкладной записью 1680 г. бывшего тихвинского архимандрита Варсонофия в храм Богоматери Одигитрии «на Песках» в Калуге, где им был поставлен написанный по его заказу образ Тихвинской Богоматери с клеймами сюжетов Сказания (*Иванова И.А.* Икона Тихвинской Богоматери и ее связь со «Сказанием о чудесах иконы Тихвинской Богоматери // ТОДРЛ. 1966. Т. XXII, С. 419–420). Гораздо менее известен список «Солнца Умного» Щук.124 (*Яцимирский А.И.* Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П.И. Щукина. М., 1896. С. 185–186). В отличие от «парадного» полууставного письма Ув.373 он переписан несколькими скорописными почерками; переплет начала XVIII в. — доски в коже со слепым тиснением своеобразного рисунка (басмы в виде маленьких львов), переплетные листы с филигранью «герб Амстердама» (*Дианова Т.В.* Филигранные XVII–XVIII вв. «Гербы городов Амстердама». М., 1998. № 377–1700–1707 гг.). Основной водяной знак рукописи — «Голова шута» нескольких вариантов с литерными сопроводениями (*Дианова Т.В.* Филигранные XVII–XVIII вв. «Голова шута». М., 1997. № 258 – 1684 г., №№ 333–336–1680–1689 гг.). На полях лл. 6–13 идет полистная владельческая запись «тихвинца посадского человека Андрея Дмитриева сына Корнышева и детей его Василья да Матфея» с датой 1700 г.; на переплетном листе еще одна, более поздняя, запись «тихвинца посадского человека Сидора, да Василья, да Ивана и Елисея четверых братан Корнышевых, а

подписывал сию книгу Сидор Корнышев своеручно». Возможную связь тихвинского семейства Корнышевых со знаменитым иконописцем Родионом Сергиевым († 1689/90) можно предполагать на основе записи в приходно-расходной книге Тихвинского монастыря от 2 февраля 1689/90 г.: «Принес в монастырскую казну Андрей Дмитриев сын Корнышев по Родионе иконописце на сорокоуст денег 10 алтын» (Словарь русских иконописцев XI–XVII веков / Ред.-сост. И.А. Кочетков. М., 2009. С. 610).

В обеих рукописях «Солнца Умного» Ув.373 и Щук.124 в качестве «выходных» миниатюр перед «Стихами...» помещены крупные монохромные изображения иконы Богоматери Тихвинской, рисованные пером и чернилами. Фактически идентичные по иконографии, оба образа отличаются высоким мастерством исполнения, хотя наблюдаются некоторые нюансы в манере перовой графики. Не мог ли образ Богоматери в Щук.124 быть выполненным самим Родионом Сергиевым? Кроме того, рукопись «Солнца Умного» Щук.124 особенно интересна тем, что к корпусу чудес от иконы (последнее с датой 1678 г., как и в Ув.373) здесь прибавлены на вставной тетради еще три датированных чуда, в других списках нам не известные. Бумага и почерк вставки отличаются от основной части, хотя также датируются в пределах 1690-х годов. Это глава 98 «О болезновавшем иерее и рукою не владевшем» 1685 г., глава 99 «О утопшем муже» 1684 г., глава 100 «О бесном муже, ума иступившем» 1688 г. Все события, описанные в добавленных главах, происходят при архимандрите Тихвинского монастыря Макарии. Из текстов этих трех чудес, изобилующих живо описанными бытовыми реалиями, особенный интерес представляет чудо «О болезновавшем иерее» Афанасии Фаддееве, который был «поизвычен неколико иконнаго изографства». Болезнь лишает его правую руку возможности «рукоделия», он дает обет Тихвинской Богоматери в случае исцеления «образ Тифинский в меру чудотворнаго образа или вящши своима рукама написати, и в пречестную Ея обитель донести». Исцеление совершается, и икограф Афанасий Фаддеев «образ написа и некосно соверши того же преждереченнаго лета (1685 г.) маяя месяца во 12 день. И донесена бысть икона та ко Пречестней обители Владычицы на Тихфину того же лета июня мца в 21 день». Торжественно встреченная икона была поставлена «соборныя и апостольския церкви в приделе стаго славнаго пророка Илии Фезвитянина». Эти сведения дают возможность уточнения имени художника и даты создания одной из реплик чудотворной иконы Тихвинской Богоматери.

Возможности «сатурновых дел» в исторической связке Россия — Запад

1-я возможность. При Иване III, жившим в период 1440–1505 гг., была выпущена золотая монета — впервые спустя несколько столетий после чеканки «златников» князя Владимира (X–XI вв.). На ней есть четыре единорога, наряду с другими изображениями (например, корабля) и надписями, включая титулы «великий князь всея Руси» — Ивана III и его сына Ивана Ивановича, что позволяет датировать монету 1471–1490 годами. Для дальнейшего изложения важно учитывать, что для Сатурна любимым зодиакальным знаком является Козерог, а он на Руси в указанный период времени мог изображаться единорогом. Единорог на Руси звался Инорогом. Это название встречается в гадательной книге «Рафли» (*Райан В.Ф.* Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России. М., 2006. С. 484). Ранее изображение знака Козерога единорогом представлено в XI в. — в Изборнике Святослава 1073 г. (*Гириберг В.Б.* «Козльрог» в Изборнике Святослава 1073 г. // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. С. 81–89).

2-я возможность. Для того, чтобы представленный на монете Ивана III Инорог (единорог), как возможный образ Козерога, «заработал» в качестве охранительного тотема Руси, нужно магическое основание. О возможности магического «управления» Русью и ближайшими территориями, населенными русскими, свидетельствуют источники по «географической астрологии». Информация об этом в нескольких вариантах была издана А.И. Соболевским (*Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903. С. 141, 143, 425, 427); она в более полном виде воспроизводится в книге Рафли, в изложении В.Ф. Райана (*Райан В.Ф.* Баня. С. 501–502). Текст (в адаптированном виде) такой: Сатурн (Крон) магически управляет Русскою землею и Литовской, и Великим Новым градом, и Москвою.

Однако теоретически Сатурн своим «управляющим» влиянием мог нести Московской Руси не только «добро», но и определенное «зло». Реальные исторические события указывают на «добро» Сатурна: это подтверждается тем, что страна в рассматриваемый период находилась на подъеме, вскоре превратившись в могучую державу.

Тогда как на Западе Сатурн считался «большим несчастьем». Значит, для Московской Руси XV – начала XVI в. имелись магические предпосылки, выражаемые, в том числе Инорогом (единорогом) на золотой монете Ивана III, как своеобразным тотемом-покровителем населения русских территорий, образцом для золотой монеты Ивана III служила английская монета, на которой вместо

единорогов были расположены львы. Если причиной замены на русской монете львов была их недостаточная известность в XV в. русскому народу, то это понятно, — но почему их заменили на еще менее известных единорогов? Могли отчеканить на монете, например, медведей или других знакомых населению зверей. Если прибегнуть к аналогии и учесть, что львы на английской монете символизировали власть, то заменившие их единороги на русской монете также могли выражать властные устремления Ивана III. Которые он предполагал решить за счет магического влияния Козерога (в образе Инорога-единорога), как выразителя сатурновой «доброты» в пользу Руси, — при решении межгосударственных проблем.

3-я возможность. Есть еще одно свидетельство, утверждающее, что «управление» Сатурном Руси осознавалось задолго до эпохи правления Ивана III. Об этом свидетельствует арабский ученый и путешественник ал-Мас‘уди (ок. 896–956). Известно, что им был «описан храм славянского бога, которого М<ас‘уди> называет Зухалом (Сатурном)» (*Бейлис В.М.* ал-Мас‘уди // *Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / Под общ. ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. М., 2014. С. 478*). Этот факт согласуется с данными о Сатурне как «управителе» славяно-русскими территориями и Инороге (единороге), как зодиакальном знаке Козерога, сатурново «управление» Русью может быть очень древним феноменом, сохраняющим до сих пор определенное влияние на судьбу России. Об этом говорят даже пословицы, например, «Что русскому хорошо, то немцу — смерть». С позиции разницы между славяно-русской и западной традиции, где к Сатурну противоположное отношение (для Руси «добро», для Запада «зло»), вполне логично можно считать: что для русского человека хорошо (от Сатурна), то для немца может грозить смертельной опасностью (также от Сатурна).

Долговременное (более тысячи лет!) «управляющее» влияние Сатурна на население Руси могло привести к тому, что оно обрело особый — «сатурновский» облик. Этот облик зафиксирован в иконографии в виде сумрачного хромающего старика. Между тем сумрачные, неприветливые лица россиян поражают иностранцев, приезжающих в Россию, и эту особенность отмечающих.

4-я возможность. Что мы видим вокруг себя — Храмы! А почему наши православные храмы — такие разные (по времени), легко нами различаются на фоне массовой застройки? Вы скажите — потому, что они типовые. И будете правы. Только чем эта типизация была обусловлена в Средние века и почему сохраняется теперь? На эти вопросы ответила М.Н. Городова: « Храмы ... возводились не как точные копии, а как топологические подоби́я, путем воспроизведения канонической числовой модели» (*Городова М.Н.* Число и мера как универсалии древнерусского искусства храмо́строения // Авто-

реф. дисс. ... канд. иск. М., 2012. С. 25). Этим достигалась стабильность русского храмостроения, что соответствует сатурновскому стилю «управления», поскольку Сатурн аккумулирует принципы, «с помощью коих обретается стабильность, устойчивость» (Головин С.Ю. Астрологический словарь. Минск, 1998. С. 376). Следовательно, и в храмостроении русского православия может проявляться влияние Сатурна.

5-я возможность. Знаете ли Вы, почему Россия была и остается такой независимой в военном отношении страной? Потому, что она является единственным государством Евразии не испытывавшим зависимость от других стран (если не считать ордынского ига, которого, вроде, не было вовсе). Или оно было, но народом не осознавалось таковым. И первый русский царь — Иван Грозный — короновался ордынской короной, так называемой (впоследствии), «шапкой Мономаха». Такое положение сложилось — в том числе — также, возможно, из-за Сатурна. Из-за этого Запад, интуитивно созная Сатурн «большим несчастьем», может чрезмерно трагически и истерически относиться к российским военным интенциям. В связи с этим — в целях совершенствования средств государственной безопасности России, возможно, не было бы лишним (в качестве эксперимента) сформировать, например, при РГО небольшую исследовательскую группу по изучению «сатурновой проблемы», тем более, что при этом научном учреждении предусмотрена должность «аналитика-историка».

Общий итог. Исследования в области вспомогательных исторических дисциплин достаточно консервативны, точнее — устойчивы, и это, несомненно, можно отнести к достоинству этой дисциплины. Однако, стоит задуматься, — не является ли эта положительная черта проявлением влияния Сатурна? Успех разработки «сатурновой проблемы» обусловят реальные исторические источники (аутентичные тексты) по теме исследования, разработка которых к тому же не потребует значительных финансовых затрат. Главное — есть подготовленные исследователи, к знаниям которых в этом вопросе можно прибегнуть.

И.И. Синчук

науч. консульт. изд-ва «Белорусская энциклопедия» (Минск)

Об открытии новой группы источников по истории древнегреческой математики

В работе речь пойдет о забытых доэвклидовых чертежах древнегреческих геометров. Наиболее древними дошедшими до нас источниками по истории древнегреческой математики являются трактаты «О движущейся сфере» и «О восходах и заходах» (ок. 310 до н.э.)

Автолика из Питаны (ок. 360 – ок. 290 до н.э.) (*Autolyxi. De sphaera quae movetur liber. De ortibus et occasibus libri duo.* Lipsiae, 1885) и «Начала» (ок. 300 до н.э.) Эвклида (ок. 365 – ок. 270 до н.э.) (*Euclides. Elementa geometriae* / [editio princeps]. Venice, 1482; *Евклид. Начала* / С поясн. М.Е. Ващенко-Захарченко. К., 1880; *Euclid's Elements of Geometry* / Greek transl. J.L. Heiberg, English transl. R. Fitzpatrick. S.I., 2008).

Без сомнения, сохранившиеся произведения не были первыми, о чем говорит их стиль изложения и применение устоявшихся матриц (*Автолик Питанский. О движущейся сфере* / Предисл., пер. и коммент. И.П. Рушкина // *Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры.* М., 2017. Т. 6. С. 578–579). Их труды известны нам в списках, в арабских и латинских переводах (*Матвиевская Г.П. Сферика и сферическая тригонометрия в древности и на средневековом востоке* // Развитие методов астрономических исследований. М.; Л., 1979. Вып. 8. С. 89). «Начала» Эвклида традиционно считаются одним из самых печатаемых текстов после Библии, было выпущено более 1000 изданий.

Полагают, что книги I–IV «Начал» Эвклида восходят к несохранившимся «Началам» Гиппократы Хиосского (470–410 до н.э.) (*Van der Varден Б.Л. Пробуждающаяся наука: Математика древнего Египта, Вавилона и Греции.* М., 1959. С. 189), известно также о существовании ранних «Начал» Леона и Фейдия (*История математики.* М., 1970. Т. 1. С. 109).

Однако остался незамеченным ранее аутентичный источник — древнегреческие монеты. Ранние монеты многих греческих полисов несут изображения четырехчастного квадрата, разделенного медианами или диагоналями на четыре равные части (квадраты или треугольники). Иногда наблюдается деление квадрата медианами и диагоналями на восемь равных треугольников. Стоит заметить, что при этом квадрат был вписан в круг монетного поля, правильный настолько, насколько может быть правильной литая заготовка. Геометрические фигуры ранних монет наследовали культурным традициям Эгейского мира архаичной эпохи, времени господства геометрического стиля в искусстве.

На фоне остальных выделяются монеты острова Эгины с морской черепахой на аверсе, которые несли сложные геометрические построения (*Head B.V. Catalog of Greek Coins in the British Museum.* London, 1888. V. 11. P. LXIV–LXIX, Pl. XXIII–XXV). Они также прошли фазу простых фигур, но затем появились монеты с пятичастным делением квадрата.

Вначале на монетах с датировкой до 404 г. до н.э. получило распространение пятисекционное деление квадрата двумя пересекающимися на его диагонали отрезками прямых, и одним лежащим на диагонали отрезком луча, соединяющим точку их пересечения с

вершиной более удаленного угла. При этом каждый из отрезков прямых делил пересекаемые ими противоположные стороны в отношении $1 : 1$ и $1 : 2$. Отрезки прямых делили друг друга в постоянном отношении серебряного сечения $1 + \sqrt{2}$, а отрезок луча равнялся $\sqrt{2}$ при длине диагонали $1 + \sqrt{2}$. Это группа с неочевидным геометрическим изображением, образованным выглядящими «хаотичными» линиями.

Затем после 404 г. до н.э. появились монеты, несшие на реверсе правильный «прямоугольный» чертеж, который также делил квадрат на пять секций. В большом квадрате-рамке разместились два равных прямоугольника и два квадрата, причем больший из них делился диагональю на два равных равнобедренных прямоугольных треугольника, а диагональ-гипотенуза равнялась стороне квадрата-рамки. Гипотенуза в прямоугольном треугольнике с длиной катетов 1 равна $\sqrt{2}$, площадь квадрата с диагональю относится к площади квадрата-рамки как $1 : 2$ ибо $l_1 : l_2 = 1 : \sqrt{2}$, соответственно $S_1 : S_2 = 1 * 1 : \sqrt{2} * \sqrt{2} = 1 : 2$. Квадрат, построенный на гипотенузе меньшего квадрата, в 2 раза больше его, то есть квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. Описанная ситуация является частным случаем теоремы Пифагора для равнобедренного прямоугольного треугольника.

Надо отметить, что упрощенные чертежи часто встречаются в европейских манускриптах «Начал» Эвклида и даже в первом печатном издании 1482 года. Например, вместо параллелограмма может быть использован прямоугольник, а то и квадрат; иногда в маргинальных схолиях все варианты вычерчивались писцом друг под другом по мере усложнения чертежа. Даже в гимназических учебниках конца XIX – начала XX в. теорема Пифагора доказывалась в трактовке Эвклида (I, Предложения, 47), но на равнобедренном прямоугольном треугольнике (отсюда ныне непонятное «пифагоровы штаны во все стороны равны»).

Оба рисунка отличались друг от друга кроме содержательной части еще и техникой исполнения. В первом случае за пределы штемпеля выносились вспомогательные фигуры, служащие для построения чертежа на самом штемпеле, во втором чертеж мог создаваться непосредственно на штемпеле без выхода за его пределы.

Изображение монет младшей группы не имеет точного подобия среди чертежей Эвклида, однако оно в той или иной степени похоже на большое количество рисунков из его первой и второй книг. Важно, что изображенное на монетах не обязательно есть одна из теорем «Начал» (ок. 300 до н.э.) и даже не обязательно строится на тех же аксиомах.

Стоит еще раз отметить, что в научный оборот вводятся доэвклидовы чертежи древнегреческих геометров периода, от которого

не сохранилось никаких материальных свидетельств развития планиметрии, кроме названных монет. Но даже беглый анализ, скорее алгебраический нежели геометрический, показывает, что изображения не просто случайные рисунки, но чертежи со сложным взаимоотношением элементов.

*М.А. Смирнова
к.и.н., н.с. ОР РНБ, м.н.с. СПбИИ РАН*

Автобиографическое наследие библиофила Я.Ф. Березина-Ширяева

Исследование выполнено рамках проекта РНФ № 21-78-00072

Во второй половине XIX – начале XX вв. многие потомки старинных купеческих фамилий прекратили коммерческую деятельность и посвятили свою жизнь разнообразным увлечениям, поскольку накопленные их предками капиталы позволяли жить богатой жизнью и содержать семьи. Из купеческой среды вышло немало представителей творческой интеллигенции, ученых, благотворителей и общественных деятелей. Они были воспитаны в старых, а зачастую и патриархальных традициях, но получили неплохое образование и в полной мере ощутили на себе веяния дворянской культуры. Подобная двойственность ярко отражена в автобиографическом наследии библиофила Я.Ф. Березина-Ширяева, потомка известного рода петербургских купцов XIX в.

Яков Федулович Березин-Ширяев (1824–1898) происходил из купеческой семьи и поначалу сам вел торговлю отца в Гостином дворе, затем стал удачливым биржевым спекулянтom, но большинство современников знало его как библиографа, библиофила и собирателя. Ему принадлежит многотомное описание собственной библиотеки и коллекции (*Самарин А.Ю.* Березин-Ширяев Яков Федулович (1824–1898) — предприниматель, библиофил // URL: <https://encarch.kaisa.ru/enc/article/7106209>). Среди библиографов-профессионалов бытовало мнение о нем как о несведущем коллекционере — полуграмотном самоучке. Как отметил в воспоминаниях московский книготорговец-антиквар П.П. Шибанов, «с 1868 года начинается вакханалия Березина-Ширяева, возводившего в редкости без всякой церемонии самые ординарные книжонки» (*Шибанов П.П.* Антикварная книжная торговля в России // Книжная торговля: Пособие для работников книжного дела. М.; Л., 1925. С. 210). П.Н. Берков вывел «березин-ширяевство» в качестве собирательного образа новой буржуазной культуры. Единственную заслугу собирателя он увидел в его мемуарном наследии: «к концу жизни он стал начинателем нового, ранее в нашей библиофильской литературе почти не

существовавшего жанра — воспоминаний об умерших библиофилах, с которыми ему приходилось встречаться» (*Берков П.Н.* Русские книголюбы: Очерки. М.; Л., 1967. С. 198).

Я.Ф. Березин-Ширяев был плодовитым мемуаристом. Его перу принадлежит серия воспоминаний о знакомых ему библиофилах: отдельно изданные о Н.П. Дурове, Н.М. Лонгинове, С.А. Соболевском (*Березин-Ширяев Я.Ф.* Мое знакомство и переписка с С.А. Соболевским // РА. 1878. № 11. С. 374–392; *Березин-Ширяев Я.Ф.* Николай Павлович Дуров: (Из воспоминаний библиофила). СПб., 1887; *Березин-Ширяев Я.Ф.* Михаил Николаевич Лонгинов: (Из воспоминаний библиофила). СПб., 1892; *Березин-Ширяев Я.Ф.* Сергей Александрович Соболевский: (Из воспоминаний библиофила). СПб., 1892); произведение «Из записок Я.Ф. Березина-Ширяева» с воспоминаниями о М.И. Семевском, П.А. Ефремове и Г.Н. Геннади (*Березин-Ширяев Я.Ф.* Из записок Я.Ф. Березина-Ширяева. [СПб., 1892]), черновые материалы «Биографических очерков русских антиквариев» (НИОР РГБ. Ф. 431. К. 1. № 9). Отдельную область в литературных интересах Я.Ф. Березина-Ширяева занимали мемуарные работы об отце и родственниках, сохранившиеся в рукописи «Семейные записки» (НИОР РГБ. Ф. 431. К. 1. № 12), а также ряд автобиографических заметок (РО ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 1. № 395. Л. 56 об.; №. 396. Л. 127 об.; Ф. 377. Оп. 7. № 404. Л. 2–6).

Между воспоминаниями о современниках прослеживается определенное сходство в стиле повествования и форме подачи сведений. Каждое произведение открывается биографической справкой о персонаже, описываются обстоятельства знакомства мемуариста с ним, затем — наиболее яркие встречи и диалоги собеседников, в финале — их последняя встреча. По-видимому, Березиным-Ширяевым двигало не только «желание поделиться с читателями своими воспоминаниями» об известных библиофилах и коллекционерах (*Березин-Ширяев Я.Ф.* Сергей Александрович Соболевский. С. 3), но и в определенной степени стремление показать свою значимую позицию в их кругу.

«Семейные записки» Я.Ф. Березина-Ширяева занимают особое место в его автобиографическом наследии, они создавались автором для того, чтобы оставить память о членах своей семьи — представителях старого купеческого рода. Из переписки Березина-Ширяева с С.А. Венгеровым известно, что он планировал издать воспоминания. Прислав в 1888 г. по просьбе С.А. Венгерова свою краткую автобиографию для его «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых», он пояснил: «Что же касается до подробной моей биографии, то о ней я пока ничего не сообщаю для печати, потому что со временем она явится в свет в особой книге моих воспоминаний» (РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 404. Л. 1). «Семейные записки»

отличает большая эмоциональность в изображении близких автора – его отца Федула Степановича и других родственников. Рукопись произведения сохранилась в архиве Я.Ф. Березина-Ширяева в НИОР РГБ (Ф. 431) и представляет собой автограф на 22 листах.

Таким образом, в автобиографическом наследии Я.Ф. Березина-Ширяева ярко проявилась его сословная и профессиональная идентичность. Прежде всего, он воспринимал себя как библиографа и собирателя, который достиг определенных высот на этом поприще и был принят ведущими специалистами в этой области. С другой стороны, Березин-Ширяев не отрекался от своего купеческого происхождения и подчеркивал древность и коммерческие заслуги своего рода. В отличие от опубликованных очерков о современниках, «Семейные записки» Я.Ф. Березина-Ширяева практически не привлекали внимание исследователей. И пусть они не имеют особой литературной значимости, однако чрезвычайно интересны в рамках исследования автобиографической культуры русского купечества и заслуживают дальнейшего изучения и публикации.

Я.Г. Солодкин

д.и.н., проф. Нижневартовского ГУ

К предыстории создания «киприановской» редакции синодика «ермаковым казакам»

Самым ранним из дошедших до нас памятников книжной культуры Азиатской России является синодик «ермаковым казакам» (далее — С) в обнаруженной Е.К. Ромодановской редакции 1621/22 г., созданной по инициативе первого тобольского архиепископа Киприана. Не стоит полагать, что видная исследовательница ранней русской литературы Сибири нашла протограф С, а этот «помянник» стал первоначальным источником сибирского летописания. Введенный Е.К. Ромодановской в научный оборот в 1970 г. С содержит вставку о строительстве городов и храмов, имеющуюся и в более поздней редакции С из летописи Саввы Есипова, и явно восходит к тому же протографу, которым располагал составитель «миллеровского» списка участников знаменитой экспедиции. В рукописи С налицо «исправления текста, сделанные в строке в процессе переписки его, а также многочисленные дополнения и поправки на полях или над строкой» (Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. Предисловие // ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. С. 31).

Принято считать, что С возник на основе или согласно «данным» «написания» (где говорилось об обстоятельствах «одоления» казачьей «дружиной» Кучумова «царства»), принесенного ветеранами «Сибирского взятия» этому владыке. Получается, что в течение

без малого сорока лет память о Ермаке и его «братии», павших в ходе «покорения» «агарянского» юрта, сохранялась лишь в устной форме, а с приездом Киприана в Тобольск (1621 г.) остававшиеся в живых сподвижники «ратоборного» атамана сумели вспомнить имена 16 своих «товарищей», павших в походе до Белогорья, да и «избиенных» в «побоище» у Чувашева (Потчевашского) мыса, вблизи Абалака, «призванных» Карачей, наконец, разделивших участь своего «велеумного» предводителя на перекопи рядом с устьем Вагая. Это кажется маловероятным. Быть может, перечень имен, еще не приуроченных к отдельным эпизодам «Сибирского взятия», «первопрестольный» архиепископ, единодушно считающийся инициатором поминовения Ермака «з дружиною», получил в Троицком храме, «срубленном» при основании Тобольска в 1587 г., или в Никольской церкви, если не Вознесенской, сооруженных вскоре в городе, превратившемся в самом конце XVI в. в столицу «далечайшей государевой вотчины». Ранее считалось, что при Киприане найти иные, кроме показаний «ермаковых казаков», сведения о разгроме ханства Кучума русским «полком» было затруднительно (*Солодкин Я.Г.* Очерки по истории общерусского летописания конца XVI – первой трети XVII веков. Нижневартовск, 2008. С. 179. Прим. 80). Есипов же (самое раннее обнаруженное к настоящему времени известие об этом дьяке Тобольского архиерейского дома относится к 6 августа 1628 г.) мог и не знать о «помяннике», предшествовавшем С.

Судя по патриаршей грамоте от 25 февраля 1592 г. казанскому митрополиту Гермогену (посланной в ответ на его «челобитье», отправленное в Москву полутора месяцами ранее) (ПСРЛ. СПб., 1903. Т. XIX. Стлб. 493–496), тогда возобновилась сложившаяся в середине XVI в. практика поминовения воинов, павших «на казанских делах» (История татар с древнейших времен: в семи томах. Казань, 2014. Т. V. С. 184). Аналогичное поминовение «всячески нужно скончавшихся от нечестивых» (для которого не требовалось утверждения патриархом) атаманов и казаков, «убиенных» в годы «покорения» Сибири, было включено в состав общего Чина православия, совершаемого в неделю православия во время великого поста (Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / Изд. подг. Е.К. Ромодановская и О.Д. Журавель. Новосибирск, 2001. С. 355; *Ромодановская Е.К.* Синодик Ермаковым казакам // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. С–Я. С. 113, и др.). Напомним, что вслед за окончательным разгромом Кучума в августе 1598 г. Сибирь уже и формально подобно Казани и Астрахани превратилась в очередное «царство» московского государя.

После 21 октября 1621 г. Ермака и его «братию», павших в противостоянии с «кучумлянами», начали помянуть в освященном тогда Софийском соборе, и с использованием прежнего мартиролога и Н

был составлен П (с упоминанием Тимофея, пропущенного в сохранившемся списке), который в окружении Киприана приобрел вид довольно обширного С, с записями, снабженными датировками, о ключевых событиях беспримерной экспедиции, возможно, новыми именами; они наряду с тремя десятками других были отнесены к тем или иным боям и походам. Тобольский «первопрестольник», стало быть, может считаться инициатором «построения» не С, а его новой редакции.

Примечательно, что по сообщению автора трижды опубликованного с 1970 г. С, на перекопи близ устья Вагая русские «ужаснушася» (и обратились в бегство). Сибирские летописцы, за исключением создателя Абрамовской редакции «Сказания» Саввы Есипова (ПСРЛ. Т. 36. С. 92, 381), и московские книжники, рассказывавшие о «Ермаковой эпопее», вместо этого выражения употребляли другие: «убояся», «убояшася», «убояшася», «убояся страхом», «устрасися», «испужався» (Там же. С. 33, 34, 38, 40, 50, 52, 53, 59, 60, 73, 74, и др.). Лексема, сходная с использованной в концовке С, нередко встречается в документах и особенно нарративных памятниках (ПлДР. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 26, 144, 200, 310, 328; ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 43, 125, 144; Там же. М., 1978. Т. 34. С. 194, 205, 214, и др.), причем едва ли не чаще всего — в Летописной книге о Смутном времени (ПлДР. Конец XVI – начало XVII веков. С. 362, 372, 382, 384, 386, 388, 394, 396, 400, 408, 410, 418), послужившей источником протографа Основных редакций сочинений Есипова и анонимного строгановского «историографа». Этим протографом Р.Г. Скрынников вполне убедительно признал раннюю тобольскую летопись. Стало быть, последняя и С могли выйти из-под пера одного «писателя».

Н.Е. Соничева
к.и.н., доц., ИАИ РГГУ

Особенности источниковедческого изучения современной электронной переписки: к постановке проблемы

Эпоха цифровых технологий внесла изменения в источники личного происхождения. Появление электронной почты, социальных сетей и мессенджеров привело к изменению формуляра личной переписки. Отныне историк имеет дело не с классическим письменным источником на бумажном носителе, а с его электронной версией. И если в деловой переписке респонденты стараются выдерживать классический формуляр письма, то личная переписка претерпела существенные изменения.

Проблемы современного цифрового языка в переписке на сегодняшний день в основном исследуют лингвисты (*Космарская И.В.* Формирование строевых элементов письменной Интернет-речи (на материале смайлика и эмодзи) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 3/845), в то время как источниковедческие аспекты работы с таким источником еще не имеют определенной методики.

Помимо смены формуляра, цифровые технологии дали возможность авторам более четко выражать свои эмоции путем использования графических символов. В распоряжении пользователей появляются графические символы — эмотиконы — для выражения эмоций (эмотикон — «эмоциональная иконка», от *emotion* + *icon*). Ограниченные количеством символов в SMS-сообщениях, авторы стали использовать разные типографские знаки. (Например :-)) — смайл = улыбка). Появляются комбинации различной степени сложности, которые не всегда уже сейчас поддаются точной расшифровке. В России термин «эмотикон» не прижился в широких массах, и его заменил термин «смайл».

Если эмотиконы в основном использовались в электронной (личной) переписке и SMS-сообщениях, то с появлением мессенджеров в переписку вошли эмодзи, конкретные идеограммы, выражающие не только эмоции, но и другие объекты (времена года, цветы, подарки и пр.). С 1999 г. эмодзи вошли в повседневную жизнь пользователей телефонных мессенджеров благодаря С. Курита, разработавшего первый набор для японского телефонного оператора.

На сегодняшний день существует огромное количество эмодзи, с различной частотой использования (Энциклопедия эмодзи. URL.: <https://emojipedia.org>). В результате появляется источник, одновременно письменный и конвенциональный, работу с которым исследователь должен проводить с использованием новых методик. При подключении мессенджера пользователь сразу получает опцию выбора эмодзи (а в некоторых случаях и стикеров), которые ему дают возможность часть сообщения передать в графическом изображении.

Использование эмодзи и эмотиконов в переписке обусловлено двумя обстоятельствами:

1. Необходимость краткого сообщения (ограничения по символам в SMS-сообщениях или твиттере).
2. Возможность выразить эмоции.

Использование символов чаще всего происходит сообразно пониманию и интуиции автора. Необходимо понимать, что пользователи не изучают энциклопедию эмодзи, а выставляют символы по ощущениям. Здесь важно понимать, что четко выраженные символы скорее всего будут передавать реальные эмоции респондента, тогда

как существуют еще и символы, вызывающие споры (например эмодзи «сложенные руки» в большинстве означают молитвенную благодарность, но иногда воспринимаются как символ одобрения «дай пять»).

Поскольку стадия формирования цифрового этикета в переписке еще не завершена, то и работать с такими источниками довольно сложно. Во-первых, появление новых символов затрудняет расшифровку эмоциональной и текстовой составляющей. Во-вторых, многие пользователи злоупотребляют графикой (вставки большого количества эмодзи в самом тексте, многократное повторение одного символа и пр.). Кроме того, выразителем эмоций может быть текст без картинок, но набранный прописными буквами (*CapsLock*). Чаще всего это означает повышенный тон письменного сообщения. Таким же усилителем эмоций может быть многократное повторение вопросительного, восклицательного знаков и многоточия.

Личная переписка (дружеская, семейная) предполагает симметричное использование эмодзи. В противном случае отсутствие картинок воспринимается как нежелание продолжать беседу, обиду и просто отстраненность. Среди молодого поколения использование точки в конце предложения стало считаться проявлением агрессии (*Ягодкина М.В.* «Агрессивные точки» в современной Интернет-коммуникации // ART LOGOS. 2021. № 3/16).

Работая с современной перепиской, исследователю стало легче распознавать эмоции. Но если в бумажных письмах у автора было время обдумать текст и смягчить возможное эмоциональное содержание, то в современной переписке чаще всего эмоциональная составляющая берет верх.

Осложняет работу с источником и тот факт, что современные технологии позволяют формировать чаты из большого количества собеседников (рабочие, студенческие, домовые, групп по интересам, семейные, родительские и проч.).

Для историка, работающего с современной личной перепиской, есть определенные удобства — набор эмодзи уже определяет тон и настрой респондента. С другой стороны, у самих авторов нет четкого понимания использования символов для передачи сообщения, что может затруднять анализ источника.

Таким образом, историк оказывается не только перед необходимостью изучения значений эмодзи и стикеров для того, чтобы провести полноценное источниковедческое исследование, но и использовать личный опыт в такой переписке, чтобы получить полную картину как содержательной, так и эмоциональной составляющей текста.

Ю.В. Степанова
к.и.н., с.н.с. ИВИ РАН

П.В. Гаврилов
ТвГУ

Новгородское землевладение в Тверской половине Бежецкой пятины в конце XV в. по данным писцовых книг

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 20-09-00278

Бежецкая пятина занимает восточную и юго-восточную часть Новгородской земли и граничит на юге с Новоторжским и Тверским уездами, на востоке — с Бежецким Верхом, на севере — с Обонежской пятиной, и на западе — с Деревской пятиной. В 2020–2021 гг. авторами настоящей статьи было предпринято историко-географическое изучение Тверской половины Бежецкой пятины, в ходе которого на основе писцовых описаний конца XV–XVI в. и с использованием геоинформационных технологий были локализованы территории и центры погостов, «десятки» волости Удомля, а также уточнены границы Тверской половины. Веб-ГИС «Исторический атлас Бежецкой пятины (Тверской половины) Новгородской земли конца XV–XVII в.» размещена в сети Интернет: https://histgeo.ru/our_projects/project/1/.

Данные писцовых книг 1498/99 г. (Писцовая книга Бежецкой пятины письма Василия Григорьевича Наумова и Семена Захарьина сына Дятлова // Писцовые книги Новгородской земли. М., 1999. Т. 1. С. 145–239) и 1545 г. (Книга 1545 г. // Новгородские писцовые книги, изданные Императорской археографической комиссией. СПб., 1910. Т. 6: Книги Бежецкой пятины. Стб. 35–564) позволяют установить принадлежность земель Тверской половины Бежецкой пятины в домосковский период. Это представители новгородского боярства, новгородский архиепископ, монастыри, житьи люди и своеземцы — последние владельцы земли накануне или вскоре после вхождения Новгородской республики в состав Московского государства. Этим землевладениям соответствуют территории волостей, охарактеризованных в книге 1545 года. Среди землевладельцев первой группы (новгородских) — представители крупного новгородского боярства: Есиповы, Овиновы, Лошинские, Грузовы, Посохновы, Юрьевы, Доможировы, Скомантовы и др.; крупные новгородские монастыри (Аркажский и Спасский Хутынский) и архиепископ новгородский. В общей сложности, по данным книги 1545 г. насчитывается 136 отдельных владений, принадлежавших 124-м землевладельцам новгородского времени. Писцовая книга 1498/99 г. содержит описание еще одной волости — Удомля, принадлежавшей новгородскому владыке. В ней находились также владения небольшого Иоанно-Богословского монастыря.

Учет в ГИС имеющихся данных о землевладельцах позволил локализовать территории новгородского землевладения конца XV в. Определено местоположение 98% новгородских волосток. Для визуализации землевладений в ГИС был использован модуль Полигоны Вороного, позволяющий объединять объекты по признаку (в данном случае — принадлежность поселения к тому или иному землевладельцу). Полученная картина дает общее представление о размещении землевладений.

Около 60% приходится на крупные землевладения Есиповых, Овиновых, Грузовых, Лошинских, Кузьминых, Тучиных, Юрьевых, Посохновых, что уже отмечалось Г.В. Абрамовичем (*Абрамович Г.В. Бежецкая пятина // Аграрная история Север-Запада России. Л., 1971. С. 230*). Он же отметил, что в основном владения новгородского боярства были расположены компактно на территории пятин. Однако произведенная локализация топонимики показывает, что довольно много владений располагались анклавами. К крупнейшим по площади компактным землевладениям можно отнести обширную территорию Ивана Лошинского на севере Тверской половины в погостах волости Слезкино. Эти земли объединяли в себе Никольский, Ильинский, Спасский, Воскресенский погосты-округа. Во владения Ивана Лошинского входили также смежные земли Богородицкого Павского погоста. Однако, плотность населения в этой волости была относительно невелика, населенные пункты располагались неравномерно. Крупным и компактным было владение Ивана Кузьмина в Осеченском Воскресенском погосте. Меньшие по размерам компактные территории — сыновей Федора Юрьева, Луки и Якова, в Михайловском Костовском, Никифора Хмелева в Егорьевском Млевском, Матвея Домажирова в Егорьевском Чудинском погостах. Компактную волость образовывали земли Спасского Хутынского монастыря в Никольском Толмачевском и в Богородицком Залазенском погостах.

Прочие владения новгородского боярства располагались отдельными анклавами. Так, Федору Юрьеву принадлежали земли в Никольском Удомельском и Михайловском Трестенском погостах, Андрею Посохнову — земли в Покровском в Сорогошине и Михайловском Костовском погостах, Ивану Ящинскому — в Никольском Быстром и Никольском Молдинском, Василию Кузьмину — в Покровском Полянском, Никольском Молдинском, Егорьевском Удомельском в Илове погостах. Земли Матрены Есиповой располагались двумя анклавами в Никольском погосте на Вышнем Волочке; Офросиньи Лаврентьевой — в Васильевском Кострицком и Богородицком в Замутье погостах. Смежное расположение ряда владений Яковлевых, Есиповых, Зайцовых свидетельствует о разделе крупных некогда единых территорий между представителями этих родов.

Выявлены и локализованы совместные владения: например, Есиповых и Яковлевых в Никольском погосте на Вышнем Волочке; Есиповых, Лаврентьевых и Тучиных в Богородицком Рыбенском погостах. Установлено, что размеры совместных владений были невелики: по старому письму, в них насчитывалось 7–15 населенных пунктов. Небольшое количество совместных владений (всего 15), их скромные размеры, а также крупные владения, принадлежащие одной ветви рода, свидетельствуют об относительной стабильности новгородского землевладения (*Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина: историко-генеалогическое исследование. М., 1981. С. 256).

После вхождения Новгородской республики в состав Московского государства территории волостей были разделены между служилыми землевладельцами Московского государства первой половины XVI века. ГИС позволяет проследить динамику землевладения от конца XV в. до начала 1540-х годов. Наблюдения над динамикой землевладения свидетельствуют о дроблении новгородских землевладений на значительно меньшие по размерам поместья от последней четверти XV до 1540-х годов. К 1545 г. их насчитывалось 489 землевладений. Поместья в оброчной волости Удомля начали выделяться в 1560-х годах.

И.Е. Суриков
д.и.н., г.н.с. ИВИ РАН,
проф. ф-та культурологии РГГУ

Антропонимы и топонимы: Ойкисты и названия древнегреческих городов

Одной из дискуссионных проблем античной топонимики является вопрос о том, когда древнегреческие города (в первую очередь речь идет, понятно, о колониях) начали получать названия в честь своих основателей, ойкистов (эта практика получила широкое распространение в период эллинизма). Согласно долго преобладавшей точке зрения, первый случай, когда колония была названа по имени своего исторического (не легендарного) основателя, имел место в 357 г. до н.э.: тогда македонский царь Филипп II назвал в свою честь город Филиппы. Позже, в 342 г. до н.э., другой город получил от него же название Филиппополя. Примеру отца последовал Александр Великий, а за ним — диадохи и их потомки: все знают о многочисленных Александриях, а затем — Селевкиях, Антиохиях и пр.

Однако И. Малкин, видный специалист по греческой колонизации, в резонансной статье (*Malkin I. What's in a Name? The Eponymous Founders of Greek Colonies // Athenaeum. 1985. Vol. 63.*

Р. 114–130) попытался опровергнуть данное мнения, доказывая, что уже в архаическую эпоху можно указать прецеденты подобного же рода. Впрочем, аргументация этого исследователя выглядела во многом шаткой и уязвимой. Приведенные им примеры были проанализированы нами (*Суриков И.Е. Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы (к постановке проблемы) // Древности Боспора. 2012. Т. 16. С. 440–469*), и мы пришли к выводу, что большинство их являются либо иррелевантными (когда речь идет о мифических основателях, а не о реальных лицах), либо в высшей степени сомнительными (как в случае с афинянином Солоним, в чью честь будто бы был назван кипрский город Сола).

Оставались, в сущности, два города на Тамани — Фанагория и Гермонасса, основанные в VI в. до н.э. (и, заметим в скобках, еще Горгиппия, которую Малкин не учел в своих выкладках). Эти два уникальных случая озадачивали (тем более если учитывать, что речь идет о двух городах, лежащих буквально по соседству друг с другом), и мы в работе, на которую сослались чуть выше, попробовали предложить иную этимологию обоих топонимов, связывающую их не с ойкистами, а, возможно, с эпikleзами божеств.

Ныне вопрос получил «новое измерение» в связи с тем, что несколько лет назад стала известна весьма ранняя (около 520-х гг. до н.э.) фанагорийская надпись-граффито (наиболее подробно, со ссылками на литературу, см.: *Завойкина Н.В. Граффито ок. 520-х гг. до н.э. из Фанагории // КСИА. 2020. Вып. 258. С. 245–259*), в которой слово ФАНАГР и первоиздатель (Н.В. Завойкина), и другие участники дискуссии об этом памятнике (Ф.В. Шелов-Коведяев, С.Ю. Сапрыкин) восстанавливают в сокращенное и искаженное имя Фанагора (спор между ними идет по вопросу о возможном падеже, в котором оно стояло). Последний, таким образом, оказывается в их глазах не кем иным, как героизированным ойкистом (в надписи, помимо его имени, читаются теонимы).

Эта проблема заслуживает отдельного рассмотрения, а здесь хотелось бы отметить, что недавно нам удалось обнаружить нарративное свидетельство о городе, названном в честь своего ойкиста в еще более раннее время, причем свидетельство это, упущенное И. Малкиным, принадлежит такому авторитетному ученому, как Аристотель (Arist. fr. 514 Rose = Schol. Apoll. Rhod. I. 1177, единственный сохранившийся фрагмент из трактата «Киосская политика»). Речь идет о небольшом городе Киосе в Мисии. Киос — милетская колония, основанная, по данным других источников, во второй половине VII в. до н.э. (*Tsetskhladze G., Hargrave J. Colonisation Ancient and Modern: Some Observations // Gaudeamus igitur: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова / Под ред. Т.Н.*

Джаксон, И.Г. Коноваловой, Г.Р. Цецхладзе. М., 2010. Р. 393). Во фрагменте о Киосе сказано: «Это — город в Мисии, названный в честь Кия, основавшего там колонию милетян, как повествует Аристотель в “Киосской политии”. Населяли же его вначале мисийцы, затем — карийцы, третьими — милетяне». Таким образом, Стагирит указывает, что ойкистом Киоса был некий Кий (собственно, в оригинале имя этого человека полностью совпадает с названием города), в честь которого апойкия и была названа.

Отвергать достоверность данного сообщения нет серьезных оснований. Над циклом «Политий», как известно, работал под руководством Аристотеля весь Ликей, сотрудники которого, следуя традициям этой школы, скрупулезнейшим образом собирали данные. Из этого цикла до нас дошла «Афинская полития», и про нее ответственно можно сказать, что это один из самых ценных и надежных нарративных источников по древнегреческой истории. Следует полагать, что теми же характеристиками отличались и остальные «Политии».

Да и кому (а, главное, зачем?) потребовалось бы придумывать информацию о происхождении названия Киоса? Подчеркнем, что здесь перед нами не мифологический персонаж, как, скажем, Визант, которого традиция называла основателем Византия, но при этом помещала в далекую легендарную эпоху, до Троянской войны, в то время как Византий в действительности возник тоже в VII в. до н.э. (подробнее об основании Византия и проблеме его основателя или основателей см.: *Russell T. Byzantium and the Bosphorus: A Historical Study, from the Seventh Century BC until the Foundation of Constantinople. Oxford, 2017. P. 205–241; Prandi L. Bisanzio prima di Bisanzio: Una città greca fra due continenti. Roma; Bristol, 2020. P. 17–28*). Нет, тут перед нами вполне историческое время: архаический период, пора Великой греческой колонизации, едва ли не самым активным участником которой, как известно, являлся как раз Милет, ставший метрополией для нескольких десятков апойкий. В территориальном отношении милетская колонизационная активность была направлена преимущественно в зону Черноморских проливов, а далее — на побережья Понта Евксинского.

Итак, если бы И. Малкин в своей вышеупомянутой статье привел данный пример с Киосом, он стал бы чрезвычайно весомым аргументом в пользу его гипотезы о том, что уже в период архаики город мог получить имя своего основателя. Настолько весомым, что, собственно, вопрос можно было бы считать практически решенным положительно. К сожалению, исследователь упустил из виду этот аргумент, который мог бы очень ему помочь.

Личные печати казацкой старшины как источник по истории Украины XVII века

Традиция использования личных печатей была широко распространена на Украине в XVI–XVII веках, в период, когда она входила в Великое княжество Литовское и Речь Посполитую. Эта традиция сохранилась и при создании Украинского гетманства. Личные печати казацкой старшины, сохранившиеся как в виде самих печатей, так и в виде оттисков, дают обширный генеалогический, геральдический и даже бытовой материал. Прежде всего, они позволяют уточнить социальный статус старшин — происходили ли они из шляхетских родов (как Б. Хмельницкий, И. Мазепа, И. Выговский, И. Богун и др.), из реестрового казачества, мещанства и пр. Кроме того, печати отражают те звания, которые занимали старшины, — на печатях чаще всего обозначались «полковник такой-то».

Среди наиболее интересных печатей, которые сохраняются в музейных и частных коллекциях, можно назвать печать Петра Дорошенко (когда он был еще прилуцким полковником) (1000 років української печатки. Київ, 2013). Печать полкового судьи середины XVII века позволяет установить, как выглядел судейский клейнод — жезл.

Шедевром геральдического искусства является перстень-печатка Ивана Выговского с изображением его княжеского герба (Княжества Руського). Она может быть датирована 1659–1664 годами.

В последнее время была выявлена и атрибутирована княжеская печать Ивана Мазепы, изготовленная примерно в конце 1707 – начале 1708 года. Печать опровергает распространенное мнение, что Мазепа не успел получить княжеский титул, присвоенный ему императором Священной Римской империи.

Среди наиболее интересных оттисков можно назвать печать полковника Ивана Богуну, сохранившуюся на его универсале. Речь идет об изображении герба «Лук», принадлежавшем шляхте Великого княжества Литовского.

Среди документов, хранящихся в СПбИИ РАН, нами были выявлены оттиски личной шляхетской печати Ивана Мазепы, печать настоятельницы киевского Воскресенского монастыря Марии Магдалены и др.

Идеология особого пути развития немецкой письменной графики в Новое время

На рубеже XV–XVI вв. обозначился особый путь развития немецкого письма в Новое время. В отличие от других европейских стран, прежде всего, Италии, где постепенно совершался переход от ломаных форм готической графики к округлым и ясным буквам гуманистического письма, в Германии эволюция письма во всех трех его главных видах (*Fraktur, Kanzlei, Kurrent*) вплоть до середины XX в. продолжалась на основе готической традиции. Относительно наименования этого письма в профессиональной среде нет единодушия. Его часто называют «немецким / *deutsche Schrift*» (L. Santifaller, Fr. Beck). Однако, поскольку такое письмо почти до середины XIX в. употреблялось порой и для текстов на национальных языках в Скандинавских странах, Чехии и Венгрии, то немецкие ученые предложили называть письмо готической традиции Нового времени «неоготическим письмом / *neogotische Schrift*» (E. Kroman, K. Górski, J. Kašpar, B. Kanák). Среди немецких ученых в последнее время получило распространение понятие «неоготическо-немецкое письмо / *neugotisch-deutsche Schrift*» (Fr. Beck, G. Dütsch). Иногда употребляется понятие «готическая неография / *Neografia gotycka*» (K. Górski).

Неоготические формы букв выработались в письме документов — курсиве, мощный импульс для развития которого в начале XVI в. дали небывалый подъем экономики и активное строительство структур государственного управления. Если ревнители округлого письма, итальянские гуманисты, сознательно провозглашали разрыв с готической традицией, то развитие неоготических форм в Германии было своеобразным продолжением этих традиций. Видоизменяясь под влиянием стремления к беглости, готические изломы привели к «раздвоению» вертикалей в корпусах букв (*r, v, w, k*), «открытию» окружностей (*a, d, p, q*), возникло обилие длинных выносных с размашистыми петлями или специально заостренных (*ss, ff, ph*), появились специфические курсивные формы некоторых букв («длинная» *h, e*, похожая на *n*). Новые формы, распространялись и культивировались печатными учебниками письма, они переносились и специально стилизовались в крупных формах письма, печатной графике.

Причины особого пути развития немецкого письма в Новое время носят дискуссионный характер. Представители старшего поколения палеографов отмечали здесь особое «национальное чувство формы» (G. Dehio, J. Kirchner, W. Doede), считали неоготическое письмо «символом германского духа» (H. Delitsch). Другие указывали на рост национального самосознания и антиримскую направлен-

ность духовных движений в Германии в эпоху Реформации (Fr. Beck). Общепризнанным является влияние немецких печатных учебников письма, авторы которых, начиная с XVI в. (J. Neudörffer, W. Fugger), утверждали правила, по которым немецкие тексты следовало писать традиционным национальным письмом, а латинские — округлым гуманистическим. Также существует мнение, что отсутствие единого государства в Германии в Новое время было тормозом на пути процессов модернизации, в частности введения более практичного и открытого миру округлого письма.

«Двоякий стиль письма (*Zweischriftigkeit*)» в немецкоязычных странах и регионах далее закреплялся в XVII в., чему также способствовала деятельность многочисленных обществ ревнителей немецкой словесности. Только к концу XVIII в., в век Просвещения, стали слышны голоса противников изолированности письменной и в целом духовной культуры немцев от других стран Европы (писатели и ученые Гёте, Виланд, позже братья Я. и В. Гримм и др.). Их поддерживали некоторые политики, например, министр Прусского правительства, Р.К. von Alvensleben, составивший в 1798 г. на высочайшее имя записку с «Предложением о введении букв [округлого] латинского письма из государственных соображений». Его главным доводом были интересы ассимиляции польского населения на территориях, присоединенных к Пруссии вследствие Третьего раздела Польши в 1795 г. Сторонникам округлого письма (антиквы) противостояли защитники фразктуры, усилившиеся в начале XIX в. в борьбе за национальное единство Германии в период освободительных войн против Наполеона.

Политизация полемики о «двояком стиле письма» резко усилилась после объединения Германии и так называемой *Kulturkampf* Бисмарка, политики, имевшей антиримскую и антикатолическую направленность. Возникли даже противостоявшие друг другу общественные объединения: *Allgemeine Deutsche Schriftverein* (за фразктуру), *Verein für Altschrift* (за антикву) и др. Примечательно, что авторитетные немецкие палеографы того времени W. Wattenbach, H. Bresslau, L. Traube стояли подчеркнуто в стороне от идеологических столкновений, которые продолжались вплоть до Первой мировой войны. Усиление националистических тенденций в общественном климате кайзеровской Германии было в пользу сохранения монополии фразктуры в книгопечатании. В письме от руки господствовал неоготический курсив, его вариант (*Sütterlin*) перед Первой мировой войной был утвержден в Германии законодательно. Неоготическое письмо стало одним из составных элементов немецкой национальной идентичности.

Когда после падения монархии, в либеральный период Веймарской республики, в книгопечатании стала применяться и антиква, то

фрактурa сделалась одним из выражений идеологии постепенно набиравших популярность националистических движений. С приходом в 1933 г. Гитлера к власти правительство принялось активно поддерживать употребление фрактуры, и национальные ломаные шрифты стали одним из зримых символов национал-социализма.

Поэтому совершенно неожиданным для всех явился «Указ фюрера от 3 января 1941 г.», согласно которому ломаный шрифт фрактура и неоготический курсив *Sütterlin* повсеместно выводились из употребления. В книгопечатании, органах прессы, школе, государственных учреждениях и т.д. отныне допускалось лишь округлое письмо, получившее название *die Deutsche Normalschrift*. Основанием служило то, что «ломаное письмо вредит немецким интересам за границей, где его не могут читать вообще или делают это с большим трудом». Так мнимое почитание традиционных культурных ценностей со всем цинизмом и лицемерием отступило перед истинными захватническими целями преступного гитлеровского режима.

Н.В. Тихомиров
ст. преподаватель ИАИ РГГУ

Школьные учебники по истории СССР (1937–1964) как исторический источник

Школьные учебники по истории СССР представляют собой достаточно компактный комплекс документов. В современной историографии подробно разработан вопрос о создании первого стабильного учебника по истории СССР (*Дубровский А.М.* Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М., 2017; *Фукус А.Н.* Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – вторая половина 1930-х гг.). М., 2010 и др.). Значительное внимание уделено исследователями проблеме идейно-политического фактора в работе историков. При этом отсутствуют попытки научного анализа всего комплекса школьных пособий по истории с точки зрения отражения в них тенденций развития научной мысли, парадигмальных сдвигов в работе сообщества советских историков.

Советские учебники по истории СССР можно подразделить на две группы. Первую группу составляют пособия, выпущенные (в том числе в виде переизданий) в период с 1937 по 1956 годы. Во вторую группу входят учебники, написанные и изданные в период 1956–1964 годов. Такой подход в определении хронологических рамок для второй группы продиктован тем, что именно в данный период была осуществлена корректировка ряда положений, отражённых в учебных текстах, согласно изменившимся идейно-

теоретическим установкам (*Тихомиров Н.В.* Концепция русского централизованного государства в контексте «десталинизации» советского школьного образования (1956–1964 гг.) // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 3. С. 135–143). Работа авторов была направлена на устранение таких недостатков, как избыточность фактического материала, слабое раскрытие роли народных масс в историческом процессе, недостаточная освещенность вопроса культурного развития общества (О задачах преподавания истории и развитии методики истории в свете решений XX съезда КПСС // Преподавание истории в школе. 1956. № 4. С. 3–11).

Первый советский учебник по курсу отечественной истории был подготовлен коллективом МПГИ им. А.С. Бубнова под руководством профессора А.В. Шестакова. Он адресовался учащимся начальной школы 3-го и 4-го классов. Впервые книга была напечатана Учпедгизом в 1937 г. и с тех пор была переиздана 12 раз, последнее переиздание состоялось в 1955 году.

В 1940 г. был издан учебник по истории СССР в 3-х томах для средней школы (8, 9 и 10 классы) под общей редакцией А.М. Панкратовой. Судьба отдельных частей данной работы сложилась по-разному. Первый том выдержал 15 переизданий вплоть до 1956 г., второй том издавался 21 раз до 1962, а третий — 22 раза до 1963 года.

Обновление корпуса школьных пособий по отечественной истории пришлось на вторую половину 1950-х – первую половину 1960-х годов. Прежде всего, стоит упомянуть учебник История СССР для 8 класса за авторством Л.П. Бушика и под редакцией А.М. Панкратовой (впервые напечатан в 1956 г. и в дальнейшем несколько раз переиздан). Также вышли в свет История СССР для 7 класса (Вагин А.А., Сперанская Н.В., Шабалина Т.С., 1962), История СССР для 9–10 классов (Епифанов П.П., Федосов И.А., 1963), История СССР для 7 класса (Нечкина М.В., Фадеев А.В., 1962) и некоторые другие.

Классифицирующим признаком при разделении комплекса учебников на группы служит их хронологическая соотнесённость с событиями XX съезда КПСС (1956) и его решениями. Речь идет об официальном осуждении культа личности И.В. Сталина и принятой в этой связи научным сообществом установкой на искоренение его последствий. В том числе в деле разработки учебных и методических пособий. Таким образом, два указанных выше корпуса учебников могут быть условно обозначены как «сталинский» и «послесталинский».

Анализ структуры и содержания материалов каждой группы позволяет выявить ключевые факторы, определившие направленность работы авторов для каждого периода. Примечательно, что два пособия из первой группы прекратили издаваться именно после

1956 года. Это может быть объяснено тем, что их структура и содержание были признаны не только не удовлетворяющими актуальным идейно-теоретическим и методическим положениям, но также не подлежащими корректировке (подобно тому, как ранее вносились исправления в новые варианты изданий).

Содержательно данные публикации охватывают преимущественно период феодальной истории России (и других регионов СССР). Одним из центральных сюжетов в этом контексте является создание единого Русского государства. Выстраивание концепции государственного строительства в XV–XVI вв. стало одним из ключевых направлений в работе отечественных историков конца 1930-х – начала 1950-х гг. (*Юрганов А.Л.* Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011). Процесс формирования теории «русского централизованного государства» отразился в разных редакциях учебных пособий Шестакова и Панкратовой (*Тихомиров Н.В.* Отражение процесса централизации русского государства в школьных учебниках истории конца 1930-х – начала 1950-х гг. // Вестник Марийского государственного университета. Сер. «Исторические науки. Юридические науки». 2020. № 4. С. 401–406). Положения именно в этой области подверглись кардинальным изменениям в ходе работы над новыми учебными пособиями в период после 1956 г. (*Тихомиров Н.В.* Концепция русского централизованного государства в контексте «десталинизации» советского школьного образования (1956–1964 гг.) // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 3. С. 135–143).

Информационный потенциал советских учебников по истории СССР как исторического источника раскрывается в результате применения сравнительно-исторического, типологического, структурного и дискурсивно-аналитического методов. Представляется перспективным вовлечение данных источников в практику историографических исследований с целью углубления научных представлений об особенностях развития отечественной исторической науки в советский период.

В.В. Тихонов
д.и.н, ИАИ РГГУ, в.н.с. ИРИ РАН

Школа М.Н. Тихомирова через призму схолярных подходов

Школа М.Н. Тихомирова до сих пор требует специального изучения. Ученики историка не сомневались в ее существовании. А.А. Зимин писал о «школе Тихомирова» как об очевидном факте (*Зимин А.А.* Храм науки // Судьба творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М., 2015. С. 163). Е.В. Чистякова

подготовила статью, в которой также исходила из представления объективного существования школы, включив в нее всех тех, кто когда-либо писал диссертацию под руководством М.Н. Тихомирова (*Чистякова Е.В.* Школа М.Н. Тихомирова // *Общественное сознание, книжность, литература феодального периода: (К 60-летию Н.Н. Покровского)*. Новосибирск, 1990. С. 352–368). Много для утверждения представлений о школе Тихомирова сделал С.О. Шмидт. Так, уже на выступлении на первых Тихомировских чтениях (5 июня 1968 г.) он называл М.Н. Тихомирова «создателем научной школы» (*Шмидт С.О.* Вступительное слово на первых Тихомировских чтениях // *Шмидт С.О.* Московский историк Михаил Николаевич Тихомиров. Тихомировские традиции. М., 2012. С. 53; первая публикация: *Археографический ежегодник за 1968 год*. М., 1970). Впрочем, заметно, что перечисленные авторы не проблематизируют соотношение понятия ученики и концепта «научная школа». При этом авторы фокусируются на личности М.Н. Тихомирова, рассматривая его интересы, этические установки и исследовательские приемы в качестве ориентиров для его учеников. Учитывая широту интересов отца-основателя и нелюбовь его к теоретико-методологической рефлексии, цельной тематической программы школы не получается. Однако, неким каркасом школы рассматривается особое внимание к источниковедению и археографии, влекущие отказ от априорного теоретизирования.

В изучении научных школ сложилось несколько дополняющих друг друга подходов. Во-первых, эссенциалистский, постулирующий существование школ как объективной реальности академического мира и, как следствие, концентрирующегося на поиске критериев их выделения. Во-вторых, конструктивистский, сутью которого является изучение так называемых практик схолярного строительства, в особенности неформальных. Наконец, третий подход можно обозначить как инструменталистский. В его рамках научная школа рассматривается в качестве социального инструмента достижения каких-либо целей (доминирование в научном поле, получение финансирования, борьба с конкурентами и т.д.).

Применение всех трех подходов позволяет с уверенностью констатировать существование «школы Тихомирова». Так, Тихомиров действительно обладал широкими интересами, но они концентрировались в первую очередь на истории средневековой Руси и ее международных контактах, а ученики, особенно в начале своей карьеры, продолжали разработку тем, тесно соприкасавшихся с трудами их учителя. Научной программой можно считать акцентированный источниковедческий и археографический подход в изучении проблем. Большое значение в формировании такого подхода сыграл и «институциональный каркас», созданный по инициативе Тихомиро-

ва, — кафедра источниковедения МГУ им. М.В. Ломоносова (впрочем, там скорее утвердились подходы И.Д. Ковальченко и В.И. Бовыкина), Археографическая комиссия и Летописная группа в Институте истории АН СССР.

Немаловажную роль в конструировании школы играли формальные и неформальные практики: начиная от семинаров (включавших работу непосредственно с оригинальными рукописями) и заканчивая «пыточной», комнаткой в Государственном историческом музее, в которой мэтр распекал своих учеников. Важным элементом поддержания единства школы являлись неформальные вечерние посиделки в квартире академика. В письмах к учителю ученики подписывались уменьшительными именами — Зига, Саша, Леля и т.д., что должно было подчеркивать патриархальный дух взаимоотношений. Еще одним инструментом конструирования школы можно считать поездки и экспедиции Тихомирова и его учеников по историческим местам, причем география этих поездок охватывала практически весь Советский Союз. В их ходе происходило не только освоение учениками специфических историко-географического и археографического подходов учителя, но и приобщение к эстетике русской истории, игравшей значительную роль в мировосприятии Тихомирова. Здесь можно указать, что Тихомиров и его ученики, видимо, сыграли заметную роль в формировании моды на древнерусскую эстетику в позднесоветском обществе.

Также можно констатировать, что ученики Тихомирова обладали устойчивым scholarным сознанием, называя себя «тихомировцами» и поддерживая устойчивую связь с учителем и друг другом. Память о Тихомирове и ее последовательная культивация учениками (написание статей об учителе, проведение Тихомировских чтений, издание его наследия и т.д.) также наглядно свидетельствует о сформированности его школы.

Наконец, школа Тихомирова скреплялась и вполне прагматическими факторами. Высокий статус Тихомирова и его вес в академическом мире позволял его ученикам рассчитывать на продолжение карьеры в науке, продвигать свои публикации (особенно оказываясь в региональных университетах) и т.д. Впрочем, переписка с учениками свидетельствует, что, даже став академиком, он не был всемогущим, хотя его имя и много значило, а согласие стать ответственным редактором открывало многие двери («Не сердитесь за неаккуратность в письмах»: Письма М.Н. Тихомирова к А.П. Пронштейну. 1949–1964 гг. / Публ. Н.А. Комочев, А.В. Мельников, В.В. Тихонов // Исторический архив. 2020. № 4. С. 124–143). Сам Тихомиров мог рассчитывать на помощь учеников в своих многочисленных начинаниях и делая их основными исполнителями в созданных им институтах.

История лесных пожаров в России и США: Сравнительный историографический анализ

История окружающей среды заявила о себе как одно из направлений исторической науки во второй половине 60-х гг. минувшего века. Теперь она имеет весьма представительную историографию. Для реализованных и проектируемых исследовательских программ экологической истории в абсолютном большинстве характерны междисциплинарные подходы, которые, в свою очередь, на практике демонстрируют эффективность взаимопроникновения методов гуманитарных и естественных наук.

Ранний старт экоисторических исследований в США обеспечил американской историографии приоритет во многих исследовательских практиках, в том числе и в области изучения исторических лесных пожаров. Иногда прямо, порой опосредованно история лесных пожаров включается как составная часть больших тем: история взаимоотношений человека и природы во времени, изучение влияния природы на человека и общество, взаимодействие культуры и окружающей среды. Нередко исследователи ограничиваются простым описанием того или иного лесного пожара, не включая его в экоисторический контекст.

В СССР изучение лесных пожаров было сосредоточено в ряде научных центров. Направление соответствующих исследований получило наименование «лесная пирология». Так, в работах одного из советских лесных пирологов Э.Н. Валендика (1930–2021) исследовались пространственно-временные закономерности и изменчивость условий возникновения крупных лесных пожаров, их распространение под влиянием климатических, эколого-фитоценологических и антропогенных факторов на субконтинентальном, региональном и местном уровнях, а также изучению роли огня как постоянно действующего природного фактора в формировании и жизнедеятельности лесных экосистем.

Подходы и методы тушения, разработанные в различных странах, отношение властей к контролю за пожарами, подготовке местного населения, степень его информированности — таков примерный перечень вопросов, занимавших лесную пирологию.

Заметная часть американских исследований сконцентрирована на проблеме реакции и влиянию дыма от лесных пожаров на здоровье человека. Обращаясь к статистическим данным, они пытаются ответить на вопрос, как лесной пожар и дым, идущий от него, отражается на здоровье человека. В статье «A Screening-Level Assessment of the Health Risks of Chronic Smoke Exposure for Wildland Firefighters»

(2004) ее авторы (Booze T.F., Reinhardt T.E., Quiring S.J., Ottmar R.D.) прослеживают влияние пожарного дыма, изучая здоровье пожарных. Необходимое руководство было подготовлено в 2013 г. усилиями ученых, специалистов по качеству воздуха и общественного здравоохранения. По существу, это рекомендации, как гражданам вести себя, когда дым от лесных пожаров доходит до населенных пунктов.

Многие работы имеют обзорный характер и сконцентрированы на определённой местности, будь то сибирские леса, или лесные пожары в лесах Калифорнии. Например, в работе В.П. Зиновьева «Лесные пожары в Сибири в XIX – начале XX века» приводится большое количество фактов, характеризующих проблему лесных пожаров в регионе. В.П. Зиновьев настаивает на том, что леса в Сибири горели постоянно, с конца XVII в. эти данные подтверждаются источниками. Автор разделил лесные пожары в Сибири по периодам и отметил, что человеческий фактор сыграл важную роль в распространении лесных пожаров. В XVII–XIX вв. пожары участились из-за промышленной и аграрной колонизации, а в конце XIX и начале XX в. индустриальное освоение территории сыграло негативную роль — количество лесных пожаров резко возросло.

Большое внимание в научной литературе об истории лесных пожаров уделяется климатическому фактору, существенно увеличивающему пожароопасную ситуацию. В работе «Effects of Climate Change on Natural-Caused Fire Activity in Western U.S. National Forests» авторы анализируют процесс изменения климата и то, как это сказывается на лесах, находящихся на западе США. Важной особенностью этой работы являются расчеты, позволяющий заглянуть в будущее и прогнозировать возможные очаги пожаров.

Сравнение и сопоставление исследований двух стран по истории лесных пожаров открывают новые возможности для координации и проведения совместных работ в сфере лесной пирологии.

*И.А. Устинова
к.и.н, с.н.с. ИРИ РАН*

Был ли митрополит Рязанский Стефан местоблюстителем патриаршего престола? Источниковедческий аспект

В историографии сложилась традиция, согласно которой царским указом от 16 декабря 1700 г. о закрытии Патриаршего Разрядного приказа и передаче его дел Поместному, Московскому судному и Патриаршему Духовному приказам, Рязанский митрополит Стефан (Яворский) был назначен местоблюстителем патриаршего престола (напр.: *Верховской П.В.* Учреждение Духовной Коллегии и

духовный регламент. Ростов н/Д, 1916. Т. 1. С. 522). Более того, в литературе установилась традиция уже с 1700 г. усваивать Стефану титул «экзарха, блюстителя и администратора» патриаршего престола (*Смолич И.К. История русской церкви 1700–1917 // Макарий (Булгаков), митрополит Московский. История русской церкви. М., 1996. Кн. 8. С. 71*). Однако непосредственно в тексте указа Стефан назван лишь митрополитом Рязанскими и Муромским (ПЗРИ. СПб., 1830. Т. 4. № 1818. С. 87–88). Исследуя этот вопрос, Дж. Крейкрафт отметил, что и «во всех последующих официальных документах» Стефан «хранителем» патриаршего престола не аттестуется. Исследователь высказал мнение, что титул местоблюстителя и экзарха был присвоен Стефану позднейшими исследователями — С.М. Соловьевым, С.Г. Рункевичем, П.В. Верховским, И.К. Смоличем и другими (*Cracraft J. The Church Reform of Peter the Great. Stanford University Press, 1971. P. 115. Note 3*). В.М. Живов, солидаризуясь с мнением Дж. Крейкрафта, предположил, что впервые этот титул Стефан «получил» в тексте предисловия к «Камню веры», написанном Феофилактом Лопатинским в 1728 г. (*Живов В.М. Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. М., 2004. С. 123*).

Замечания Дж. Крайкрафта и В.М. Живова справедливы в отношении официальных светских документов (по крайней мере опубликованных) — в них действительно в отношении «должности» Стефана, кроме указания на его митрополичий сан, никаких дополнительных определений не встречается. Однако тексты церковных документов дают несколько иную картину. Так, в настольной грамоте архимандриту Троице-Сергиева монастыря Илариону (Властевинскому) от 6 января 1701 г. сказано, что последний был благословлен «сущим между патриаршества патриарша престола блюстителем преосвященным господином Стефаном митрополитом Рязанским и Муромским» (ОР РГБ. Ф. 301.1. № 897). Аналогичным образом аттестует Стефана и настольная грамота архимандрита Троице-Сергиева монастыря Сильвестра ноября 1704 г. (*Древняя российская вивлеофика. М., 1791. Ч. 18. С. 139*). В ставленных и настольных грамотах более позднего периода (1710 и 1715 гг.) сказано, что по царскому указу их благословил «митрополит Рязанский и Муромский ... между патриаршества» (ОР ГИМ. Син. грам. 1570, 1572). Далее, в грамоте Стефана Яворского Благовещенскому Назарет Богородичному монастырю 1717 г. указано, что он «воспремши правление престола патриаршеского всероссийского в лето Христово 1700 междупатриаршеством». Подпись Стефана на грамоте имеет следующий вид: «Божиею милостию, православный архиепископ-митрополит Рязанский и Муромский, экзарх ... патриаршеского престола, между патриаршеством» (Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода.

СПб., 1868. Т. 1. Прил. 4. С. 870–872, 875, 877–878). Итак, очевидно, что наблюдение Дж. Крейкрафта неполно — в современных Стефану церковных документах существовали разные варианты титулования Стефана, в том числе и термины местоблюститель, экзарх.

Оценить, насколько такое положение дел было новаторским или традиционным для русской церкви, позволяет обращение к практике XVII века. В документах допетровского времени также употреблялись разные варианты для обозначения статуса временного главы церкви в отсутствие патриарха. Митрополит Крутицкий Иона в 1610-е гг. при рассмотрении дел подписывался «яз, смиренный Иона, меж патриархи» (Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1961. Ч. 3. № 261. С. 241). В большинстве же современных Ионе документов он назван лишь митрополитом Сарским и Подонским (Акты. С. 244, 245, 246 и др).

Следующий продолжительный период отсутствия патриарха в XVII в. пришелся на 1660-е годы. После оставления Никоном патриаршего престола «блюли» церковь митрополиты Питирим Крутицкий, Иона Ростовский, Павел Крутицкий. Термин «блюститель» по отношению к ним используется очень редко. Так, в настольной грамоте 1664 г. архимандриту Чудова монастыря Иоакиму использована формула: «Питирим митрополит ... меж патриаршества благословил» (ОР ГИМ. Син. грам. 1225). Фактически использование этого термина едва ли не ограничивается документами, возникшими при разбирательстве по делу митрополита Ионы Ростовского 1665 г., который принял благословение от неожиданно явившегося в Успенский собор патриарха Никона. Царь и собор обвинили Иону, что «он митрополит поставлен блюститель соборные апостольские церкви», но своим поступком вызвал гнев государя, «за неопасное блюстительство соборныя апостольские церкви». По этому поводу царь задал собору вопрос: «Ионе митрополиту соборные апостольские церкви блюстителем быть ли?» (Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897. № 40. С. 165, 166, 168, 170). Дело Ионы, однако, является исключением, поскольку предметом разбирательства стал именно его статус номинального главы церкви.

Итак, в обычной практике XVII в. довольно редко указывался статус местоблюстителя патриаршего престола — обычно упоминался лишь его духовный сан или давалось указание, что он действовал «меж патриархи». В начале XVIII в. в текстах источников наблюдается аналогичная ситуация, поэтому «глубокое сомнение» В.М. Живова в правильности утверждения «о его (Стефана. — *И. У.*) местоблюстительстве, и о периоде с 1700 по 1721 г. как междупатриаршестве» (*Живов В.М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 351) не получает достаточного подтверждения.

Письма «новгородских гостей» Любека времен начала Ливонской войны (из Таллинского городского архива)

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ №19-18-00183

Усиление роли Любека в ганзейской торговле, обозначившееся в первой половине XVI века, неминуемо вызвало активное противодействие со стороны ливонских городов, контролировавших русский рынок. Ситуация значительно осложнилась с началом Ливонской войны (1558–1583), результатом которой являлось коренная перестройка ганзейской торговли в Ливонии. В связи с тем, что «новгородские гости» Любека (*die Lübecker Nowgorodfahrer*) представляли собой влиятельное коммерческое объединение любекских бюргеров, имевших к середине XVI в. широкое торговое представительство в русских и ливонских городах, взаимоотношения купцов корпорации с магистратом Ревеля в рассматриваемый период также претерпели ряд изменений, что не могло не сказаться на положении «заморских» ганзейцев в Ливонии. Особенности русско-ганзейской торговли периода Ливонской войны на данный момент остаются крайне перспективной темой для исследования, так как нововременная Ганза все еще остается мало изученной, а большинство ученых, интересующихся Ливонской войной, слабо затрагивают ее экономический аспект. Письма «новгородских гостей» магистрату Любека, хранящиеся в фонде 230 Таллинского городского архива (Tallinna Linnaarhiiv, TLA), позволяют обратиться к проблеме противоречий, существовавших между корпорацией и городским советом Ревеля, чтобы выявить некоторые особенности их сотрудничества.

При изучении данной проблематики в распоряжении исследователя имеются оригиналы трех писем «новгородских гостей» к магистрату Любека, приблизительно датируемые 1560 годом и сохранившиеся с некоторыми дефектами (TLA, f. 230, BD 14 IV, fol. 13–20). В их содержании отразилось недовольство любечан осложнением условий торговли в Ливонии в связи с введением ревельцами дополнительных пошлин, касавшихся взвешивания товаров. Причиной данного постановления послужила необходимость ремонта портового больверка, требовавшего значительных средств, в связи с чем любечане оказались обязаны дважды взвешивать всякие товары, поступавшие в Ревель из Дерпта, Нарвы или русских городов, что противоречило старинным традициям, согласно которым купцы или торговые приказчики взвешивали товары в Ревеле исключительно по собственной воле (fol. 13v.). Кроме того, был увеличен сам размер весчего. «Новгородские гости» посчитали, что подобная причина не

является основополагающей, так как в предшествующие времена больверк поддерживался в надлежащем состоянии за счет платы, взимаемой с кораблей за стоянку в ревельской гавани, и, по их мнению, введение экстраординарных пошлин продиктовано стремлением ливонцев снизить прибыльность торговли любечан и вынудить последних отказаться от торгового представительства в Ливонии (fol. 19v.). По мнению «новгородских гостей», городские советы Ревеля и Дерпта приняли совместное решение отяготить торговлю любечан, учреждая новые поборы и обременения, а также препятствуя сделкам с русскими (fol. 16r.). Соперничество любечан и ливонцев за главенствующую роль в русско-ганзейской торговле в первой половине XVI в. достигло своего пика, стороны всячески старались ослабить влияние друг друга на условия товарообмена (*Tiberg E. Moskau, Livland und die Hanse // Hansische Geschichtsblätter. 1975. Bd. 93. S. 23*), поэтому проводимая магистратами Ревеля и Дерпта в 1560 г. политика по отношению к «заморским» ганзейцам не отличалась новизной, однако стремительно ужесточалась. К примеру, вопреки старинному обычаю, было принято постановление, по которому предполагалось растапливать сало для последующей перевозки, отмечая бочки соответствующим клеймом, но при этом в таком виде его никто не покупал, что сделало для любечан торговлю данным товаром невозможной. К тому же шкиперам запрещалось перевозить на борту более двух бочек квасцов, причем причина подобного запрета не была объяснена. «Новгородские гости» отмечали, что ревельцы, торгуя в Любеке, пользуются соответствующими привилегиями, в то время как любечане в Ревеле обременены большим количеством поборов, что делает условия торговли совершенно неравнозначными (fol. 18r.–19r.). В связи с подобными действиями ливонцев любечане оказались вынуждены отказаться от торгового присутствия в Ливонии, если ситуация не изменится к лучшему. Похожее положение дел имело место в 1542 году, когда «новгородские гости» в связи с торговыми запретами со стороны дерптского магистрата могли оставить торговлю в Пскове и Дерпте (*Бессуднова М.Б. Русско-ганзейская торговля в первой половине XVI века. СПб., 2021. С. 249–250*).

Таким образом, письма «новгородских гостей» к магистрату Любека времен начала Ливонской войны позволяют судить о характере противоречий, существовавших между любечанами и ливонцами в связи с трансформацией ганзейских торговых механизмов, а также видоизменением политической ситуации в регионе. Усиление позиций любечан в Ливонии привело к активному противодействию со стороны магистратов Ревеля и Дерпта, выразившемуся в повышении торговых пошлин, лишении любечан определенных торговых привилегий и пересмотре некоторых традиций «старины».

Дальнейшее изучение русско-ганзейской торговли во второй половине XVI в. позволит расширить имеющиеся представления об экономическом аспекте борьбы за Балтику.

А.А. Фролов
д.и.н., в.н.с. ИВИ РАН

Хлебный оброк на землях, подведомственных новгородскому Дворцу в последней четверти XV – начале XVI века

Сравнительное изучение различных форм экономической эксплуатации новгородских земель по древнейшим писцовым книгам (рубеж XV–XVI вв.) началось более ста лет назад (*Загорский В.Ф.* История землевладения Шелонской пятины в конце XV и XVI веках // Журнал Министерства юстиции. 1909. № 8–10; *Кауфман А.А.* Отзыв о сочинении Н.Н. Нордмана: «Статистика в русской истории. Опыт статистической обработки писцовых новгородских оброчных книг ок. 1498 года» (рукопись). СПб., 1912; *Андрিয়াшев А.М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли. М., 1914. Вып. 1: Списки селений; Аграрная история Северо-Запада России. Л., 1971. Т. 1: Вторая половина XV – начало XVI в. / Отв. ред. А.Л. Шапиро). Основным направлением здесь стало применение статистических подходов, при котором делались наблюдения над динамикой различных количественных показателей — единиц налогообложения, числа дворов, «людей», различных статей дохода. При этом в качестве сопоставляемых хронологических моментов всегда рассматриваются два, предлагаемые самими источниками: новгородские писцовые книги (НПК) систематически сравнивают состояние «нового письма» (НП) со «старым письмом» (СП). Представления о дате и содержании СП у разных исследователей разнятся.

По мере изучения НПК осознается необходимость искать более сложные подходы, поскольку простое сопоставление цифр оказывается малоинформативно. Например, Л.А. Бассальго показал, что под термином «люди» в СП и НП подразумеваются разные сущности (*Бассальго Л.А.* «Люди» новгородских писцовых книг второго («нового») письма (1495–1501 гг.) // Великий Новгород в истории средневековой Европы: к 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М., 1999. С. 194–206), так что сравнение численности «людей» не может служить индикатором демографических процессов. Все более очевидным становится и то, что СП по составу сведений и особенностям аккумуляции в нем данных существенно отличается от НП. Наконец, на смену представлению о двух временных срезах приходит понимание сложности состава и многослойности сведений НПК. В частности, сведения о доходах с крестьянских хозяйств со-

относятся не с моментом фиксации их тяглоспособности писцами, а с моментом конфискации земли у новгородских вотчинников, который может датироваться как одним из годов между СП и НП, так и после НП (*Фролов А.А.* Новгородские писцовые книги: источники и методы исследования. М; СПб., 2017. С. 278–308). В настоящей работе качественное различие данных СП и НП демонстрируется на примере денежных сумм, взимаемых за хлебный оброк («хлеб поспом») с дворцовых земель Водской пятины.

Сравнение возможно благодаря тому, что с дворцовых земель поспонный хлеб взимался в оброке, указанном в итогах как по НП, так и по СП. Однако книга дворцовых земель Деревской пятины малоинформативна в этом отношении: она сохранилась в списке первой половины XIX в. и в итогах по отдельным владениям содержит в основном лишь суммарные данные о денежной сумме оброка, заменившей собой и хлебный, и мелкий доход (ПКНЗ. М., 1999. Т. 1. С. 29–81.). Такую же информацию содержит и список середины XVI в. с дворцовой книги Бежецкой пятины (НПК. СПб., 1910. Т. VI. Стб. 1–34). Список XVIII в. с книги дворцовых земель Шелонской пятины лишь иногда содержит для старого оброка суммарные значения денежного эквивалента за все платежи и столь же лаконичен в отношении нового оброка (НПК. СПб., 1905. Т. V. Стб. 287–315).

Описание земель Дворца в Водской пятине сохранилось не в виде особой книги (дворцовые земли обычно описывались отдельно от всех остальных), а в составе общих книг, в историографии обозначаемых иногда как «сошные» и содержащих сведения о землях оброчных, помещичьих, владычных, монастырских и своеземческих (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. Д. 3. Ч. 2. Л. 631–745; далее — КВП). Причина размещения этих описаний в конце «сошных» книг ясна из заголовка соответствующего раздела: «А се те волости, что были дворцовые старые по рубежу и в Поморье. И лета семь тысяч десь(то)го и лета 7011 роздал их князь велики в поместье и с оброком з денежным и з хлебным и с мелким доход(ом) опричь обежные дани» (КВП. Л. 631).

В итогах по каждому владению приведены подробные сведения о поспонном хлебе, ценах на него и денежной сумме, которая взималась, если «в котором году не имали хлеба хлебом» — как в новом, так и в старом оброках. Это позволяет проверить, соответствуют ли указанные составителем писцовой книги денежные суммы количеству поспонного хлеба. На 15 земельных массивов лишь в одном проверке выявила ошибку размером в 1 деньгу — 1099 денег вместо 1100 (КВП. Л. 662–668 об.), полученных путем умножения указанного в итоге количества коробей на приведенную здесь же цену. Причем безошибочно рассчитаны суммы довольно сложного состава, например, в волости Коложицы: 384,5 коробьи с полчетвер-

кою ржи по цене 7 денег плюс 586 коробей и полторы четверки овса по 4 деньги плюс 240 коробей с получетверкой ячменя по 7 денег плюс 17 коробей пшеницы по 10 денег плюс 17 коробей хмеля по гривне (14 денег) — всего 33 рубля без деньги и без четверетцы (7126,75 денег) (КВП. Л. 641 об.–650 об.).

Гораздо менее оптимистичная картина для дворцовых оброков по новому письму: на 13 итогов приходится два ошибочных, причем ошибка составляет 7 и 10 денег (КВП. Л. 631–634 об., 697–702 об.), хотя один из них можно сосчитать даже «в уме»: 27 коробей ржи по 10 денег плюс 47 коробей овса по 5 денег.

На мой взгляд, заметно бо́льшая точность подсчетов денег за хлеб старого оброка в дворцовых землях в сравнении с новым оброком связана с тем, что суммы старого оброка были уже многократно проверены на практике. Массив дворцовых земель был образован из вотчин, отобранных у новгородцев раньше всего, и практика взимания оброка посопным хлебом с эквивалентом в деньгах возникла задолго до второй половины 1490-х годов. Эти выверенные суммы «старого оброка» при создании книг рубежа XV–XVI вв. просто переносились из старой документации уже без ошибок.

При создании «новых книг» суммы оброка пересматривались в соответствии с изменившимися ценами, поэтому расчет приходилось делать заново. Но почему же ошибки, сделанные при подсчете итогов НП, не были исправлены позднее? Очевидно, по той же причине, по какой до нас не дошли ошибки из СП: допущенные при первичном подсчете сумм ошибки становились явными при попытке фактически получить записанную в книге сумму. Но суммы, записанные в итогах НП, никогда не взыскивались на практике: попадая к помещику, земля переставала платить оброк в пользу Дворца.

О.И. Хоруженко
к.и.н., в.н.с. ИРИ РАН

Известие В.Я. Левашова о рядной записи Дмитрия Ивановича Донского

Московско-литовские договорные грамоты XIV в. практически не сохранились: из 13 единиц до нас дошел только один текст — перемирная грамота 1372 г. Содержание других докончаний может быть установлено только на основе их лаконичных описаний в описи 1626 года. Тем интересней упоминание еще одного документа из этого комплекса, о котором свидетельствовал один из «птенцов гнезда Петрова» Василий Яковлевич Левашов (1667–1751).

В.Я. Левашов — участник всех значимых военных походов Петра I: он прошел Нарву, Шлиссельбург, Полтаву, Ригу, Прут, По-

меранию и Персию. В 1747 г. В.Я. Левашов, на то время московский главнокомандующий, обратился к секретарю императорского Кабинета В.И. Демидову с письмом, в котором излагал историю обретення и утраты уникального документа.

Он сообщил, что в 1719 г. нашел в Швеции рядную запись князя Дмитрия Ивановича Донского, «как племянницу сваю, великаго князя Андрея дочь, кнежну Алену, за литовскаго князя замуж отдавал». Сняв для себя копию, Левашов передал подлинную запись Петру I, «и она за древность весьма милостивно принята». Но копия Левашова «за разными... в разные краи переездоми утратилася, или в Азове... згарела» (РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 41. Л. 325–325 об.).

Сообщение В.Я. Левашова вызывает доверие. Он принимал участие в десантах июля-августа 1719 г. в шведский тыл и мог там обрести свой трофей. Пожар в Азове случился 4 июня 1739 года. По всей видимости, только после назначения в Москву (1744 г.) Левашов смог приступить к разбору своих бумаг, тогда и обнаружилась пропажа. В 1745 г. Левашов просил кабинет-секретаря И.А. Черкасова отыскать документ в Кабинете среди бумаг Петра I. Не дождавшись ответа, он обратился с такой же просьбой к Демидову. У Левашова трудно предположить какие-то мотивы для мистификации. Он явно был заинтересован только в получении копии с манускрипта и верил в то, что он хранится в делах Кабинета. Попытаемся рассмотреть приводимые В.Я. Левашовым сведения об этом документе.

Рядная, как ее описывал В.Я. Левашов, была «чорная», то есть содержала какие-то исправления, и не имела признаков удостоверения. «На столпцах писанная» запись должна быть не черновиком, как это представлялось Левашову, а более поздней копией — столбцовая форма делопроизводства отмечается на Руси с XVI века. Впрочем, «столпец» мог означать для Левашова формат листа — довольно узкий и длинный.

Содержание обнаруженного и утраченного документа уникально. Другим источникам неизвестна княжна Алена, дочь великаго князя Андрея и племянница Дмитрия Донского, которая была выдана или посватана за некоего литовскаго князя. Она должна была приходиться московскому великому князю родной племянницей, поскольку более отдаленные степени родства (внучатая, двоюродная) не объясняют активного участия Дмитрия Донского в устройстве судьбы этой женщины.

Племянница-братанична должна быть исключена: единственный родной брат Дмитрия Донского Иван умер в детстве и не мог оставить потомства. Очевидно, в рядной записи имелась в виду племянница-сестрична, что заставляет обратиться к вопросу о сестре или сестрах Дмитрия Донского.

Летописи упоминают о том, что сестра Дмитрия Ивановича была отправлена в 1356 г. в Литву, чтобы выйти замуж за одного из сыновей князя Кориата, не названного по имени. Точное количество и имена сыновей Кориата неизвестны, но никаких указаний на то, что среди них был и князь Андрей, источники не содержат.

В наиболее ранней росписи Волынских в составе Летописной редакции родословных книг (первая треть XVI в.) у Дмитрия Донского появляется еще одна сестра Анна, которую он якобы выдал замуж за своего воеводу Дмитрия Боброка.

Попытки контаминировать два различных известия, в результате которых Дмитрий Боброк становится князем Дмитрием Кориатовичем, не представляются убедительными. Вне зависимости от степени достоверности родословной легенды Волынских в разных источниках речь идет о судьбе двух разных женщин. Первая, неизвестная по имени, была отправлена в Литву великим князем Иваном Ивановичем. Должно быть, это была старшая сестра Дмитрия — на момент ее отъезда будущему великому князю было 5–6 лет. Вторая, Анна, была выдана замуж уже при великом княжении Дмитрия Ивановича, то есть не ранее 1363 г., причем «в Москву». Родословная легенда Волынских относит выезд Дмитрия Боброка и его брак с княжной Анной Ивановной к 6888 (1379/80) году. Но у великого князя Ивана Ивановича, кроме одной несомненной и одной предполагаемой дочери, могли быть и другие, чьи имена источники не сохранили.

Установить отца княжны Алены можно довольно уверенно. Этого современника Дмитрия Донского звали Андреем, он пользовался титулом великого князя, признаваемым в межкняжеской дипломатии, и, по крайней мере, на какое-то время оставил своих детей без попечения. Таковым был полоцкий великий князь Андрей Ольгердович. Титуловалась великой княгиней и его неизвестная по имени и отчеству супруга (Полоцкие грамоты. Т. 1. С. 79–80, № 15). Если довериться показаниям описанной В.Я. Левашовым рядной, она была сестрой московского князя, скорее всего — старшей. Ее сын Михаил погиб в походе 1385 г.; он должен был появиться на свет не позднее 60-х годов XIV в., когда Дмитрий Иванович только входил в подростковый возраст.

Андрей Ольгердович в начале 1387 г. был пленен своим братом Скиргайло и до марта 1394 г. пребывал в заточении в Хенцинском замке. В это время члены семьи князя Андрея могли находиться под опекой Дмитрия Донского, но не слишком продолжительной — он умер 19 мая 1389 года.

Какой именно «литовский князь» предназначался в женихи княжне Алене Андреевне, неясно — так могли назвать любого кня-

зя, подданного Великого княжества Литовского, в том числе и не из рода Гедимины.

Рядная запись, таким образом, должна быть датирована периодом с начала 1387 по май 1389 года. В целом сведения В.Я. Левашова, хотя и не подтверждаются прямо иными источниками, но и не противоречат им.

К.С. Худин
к.и.н., РГГУ, ИВИ РАН

Рукопись Аптекарского приказа «Алфавитный перечень лекарств...»: к вопросу о датировке и атрибуции

Исследуемый источник демонстрирует широту номенклатуры лекарственных средств, использовавшихся в России, и содержит ценную информацию об их стоимости в XVII веке. В описи он не датирован и названия ему были даны уже архивистами XVIII в. («Цена лекарствам» «Коего году неведомо») (РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 1а. Л. II), а затем в XIX в. (более раннее — «Оценка лекарствам без означения года на 14 полулистах» и более позднее — «Алфавитный перечень лекарств с обозначением их стоимости (на 14 листах)» (Там же. Л. I)). Документ относится к описи 1, в которой числятся документы времени правления царя Михаила Федоровича, что может вводить исследователей в заблуждение относительно датировки этого источника.

По почерку его стоит отнести ко второй половине XVII века. Листы скреплены в тетрадь из восьми листов в 4°, она целая, утрачена лишь половина последнего чистого листа. Обложка дела на голубой бумаге XIX в., на ней помещены указанные выше заголовки, а также чернильные номера: № 72, который зачеркнут, и № 76. Чернилами же, судя по всему, конца XIX – начала XX в., проставлен и ныне действующий номер дела «№ 1/а».

Источник представляет собой словарь, где в алфавитном порядке записаны различные лекарственные товары. Каждая алфавитная статья начинается с буквы в порядке алфавита. Текст написан разными, перемежающимися друг друга, почерками. Можно выделить, как минимум, два почерка: основной (которым написаны заглавия алфавитных статей) и другой почерк, который назовем дополнительным. Важно подчеркнуть, что почерки относятся к одному времени, так как следуют вперемежку — следовательно, тетрадь заполнялась двумя людьми. Учитывая разную плотность текста на странице, заголовки были составлены сначала, а названия вписывались под необходимой литерой постепенно, по мере описания аптекарских запасов.

Используя методы филигранологии, удалось установить, что на бумаге имеются филигранные знаки, относящиеся к типу так называемого «Агнца пасхального». Бумажный знак схож с образцами № 1480 (1658 г.) в альбоме А.А. Гераклитова, а также с №№ 2–12 в каталоге рукописных источников ГИМа, особенно с №№ 3 (1646 г.), 4 (1646 г.) и 12 (1673 г.) этого справочника (*Гераклитов А.А. Филигранные знаки XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963. С. 223; Водяные знаки рукописей России XVII века по материалам Отдела рукописей ГИМ. М., 1980. С. 9–10.*)

Дополнительную информацию может дать сопоставление по черкам источника с почерками других документов из фонда Аптекарского приказа. Прояснение обстоятельств создания рукописей позволит уточнить ее функции в делопроизводстве Аптекарского приказа, а также ее датировку.

Д.О. Цыпкин
к.и.н., зав. кафедрой Института истории СПбГУ,
директор по особо ценным фондам РНБ

«Азбука фряская» 1604 года и проблема взаимодействия книжного письма и книгопечатания в Московской Руси конца XVI – начала XVII века

Доклад продолжает тему изменений в технике и технологии древнерусского письма и книги в XVI – начале XVII века. Она рассматривается нами в контексте изучения начала Нового времени в культуре Московской Руси (*Цыпкин Д.О. К вопросу о начале Нового времени в истории русского письма: несколько предварительных наблюдений // Авраамиевская седмица: Мат-лы междунар. конф. Смоленск, 2020. Вып. IV. С. 204–223*). Объект всего исследования можно определить как *навыковый перелом*, который, в итоге, приводит (посредством интериоризации) к *когнитивным трансформациям*. Такие трансформации, для которых выработка и усвоение новых навыков и привычек создает своего рода психофизиологический субстрат, являются, по нашему мнению, важнейшей частью процесса формирования человека Нового времени внутри древнерусской культуры. В понимании *навыкового перелома* рассмотрение техноконструктивных изменений (например, в области производства книги и документа) имеет исключительно важное значение, поскольку они в очень большой степени служат его причиной, будучи источником образования новых навыков. Показательным примером *когнитивной трансформации* может служить процесс, начавшийся в результате сложения на базе скорописной техники письма для исполнения «черновых» текстов, записей, помет и т.п. («метного письма»),

которое в ходе своего развития (соответствующей «синхронизации» процесса записи с внутренней речью пишущего), очевидно, стало основой для формирования у русских пишущих *письменного мышления* (навыка и привычки «думать на бумагу»).

Особый интерес в качестве источника по истории русского письма конца XVI–XVII в. как с точки зрения его техники и организации, так и с точки зрения его эстетики и осознания самими пишущими, представляют древнерусские каллиграфические пособия. Это относится и к области *скорописи*, и к области *книжного письма*.

В настоящей работе вновь идет речь об «Азбуке фряской» 1604 г. (СПБНИИ РАН, ф. 115, № 160), которая уже не раз становилась предметом нашего исследования (*Цыпкин Д.О.* О формировании эстетики древнерусской скорописи (по результатам исследования рукописи СПБНИИ РАН, ф. 115, № 160) // Актуальные проблемы теории и истории искусства: Сб. ст. СПб.; М., 2021. Вып. 11. С. 907–924). В данном случае материал этого памятника рассматривается в качестве возможного источника изучения влияния техники книгопечатания на древнерусское *книжное письмо*, на его осмысление книгописцами-профессионалами и на его представление в ранних отечественных каллиграфических пособиях.

То, что творчество Ф.С. Басова — создателя основного объема «Азбуки» (являющейся по своему характеру *каллиграфическим подлинником*) — находилось во взаимодействии с культурой московского книгопечатания, вряд ли может вызвать сомнение. В литературе высказывались предположения о том, что он и сам имел непосредственное отношение к работе Московского Печатного двора (*Парфентьев Н.П.* Творчество книгописцев и художников-знаменщиков братьев Басовых (1580–1630-е гг.) // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Социально-гуманитарные науки». 2014. Т. 14. № 3. С. 34–36). В нашем докладе обосновывается тезис о том, что специфика представления вариантов *книжного письма* в «Азбуке фряской» 1604 г. в виде нескольких унифицированных алфавитов (что отличается от представления в этом же памятнике *скорописи*) связана с влиянием книгопечатания. Именно формирующаяся культура печатного тиражирования текста, очевидно, определила восприятие и осмысление московским каллиграфом Ф. Басовым *книжного письма* как своего рода «шрифта».

Отдельно рассматривается вопрос о возможной роли и функциях каллиграфов в создании шрифтов ранних отечественных типографий и о вероятном использовании в этом процессе техники плоской печати (копирования «на отлип») — при изготовлении нарезных пуансонов для производства литер. Думается, что для создания типографского шрифта его необходимо было сначала исполнить в виде рукописного алфавита, в котором все письменные знаки были

бы соотнесены друг с другом (типа алфавитов *книжного письма* в нашей рукописи). После этого изображения отдельных литер посредством плоской печати уже могли переноситься на заготовки для производства на их основе пуансонов. Здесь необходимо особо отметить тот факт, что в «Азбуке фряской» 1604 г. техника плоской печати используется в очень большом объеме. С ее помощью созданы различные инициалы, заставки и т.д. Видимо, и сам наш каллиграфический подлинник рассматривался его создателем в качестве свода образцов, предназначенных для тиражирования с использованием этой техники.

Н.В. Чекунина
зав. сектором, хранитель коллекции «Нумизматика»,
Тверского гос. объединенного музея

Самобытный герб дьяка Семена Румянцева на блюде из собрания Тверского музея

11 октября 1926 г. в Тверской музей из тверского Спасо-Преображенского собора поступило круглое глубокое серебряное блюдо на низком поддоне русской работы (Тв. М КП 925. Размер — 5,5 x 31, 7 x 31,7 см. Вес — 588,08 г. Серебро 600 пр.). Надпись вязью по его борту гласит: «188 году (1679/ 1680 г.) декабря в 25 ден да сие блюдо во Тверь в Соборную церковь Преображения Спасова дьяк Семень Володимировичь Румянцов при Архиепископе Симеоне Тверском и Кашинском по своих родителях». На дне с тыльной стороны блюда — помета: «весу в ней: фунт и 57 золотников». В писцовой и межевой книге Твери 1685–1686 гг. блюдо названо среди предметов из ризницы Спасо-Преображенского собора как «кутейное».

Вкладчик Румянцев Семен Владимирович (? – не ранее 1685) — известный приказной служитель, дьяк (с 1659), служил в Тобольске (1659–1664), переписывал казну на Казенном дворе (1665), со стольником П.И. Потемкиным посланник в Испанию и Францию (1667–1668), дьяк Поместного приказа (1669–1676) и Новой чети (1664–1666, 1671), дьяк Астраханский (1676–1678), вместе со стольником С.Е. Алмазовым посланник в Дании и Бранденбурге (1679), дьяк Сибирского приказа (1680–1685).

Блюдо дьяка С.В. Румянцева в числе прочего интересно тем, что между началом и концом вкладной надписи на нем помещено изображение герба. В щите-картуше — изображение двухъярусной башни (с зубцами и воротами), пронзенной стрелой наискось вправо; геральдические цвета не обозначены. Щит без шлема увенчан дворянской короной, нашлемник — герб «Корчак» (польск. *Korczak*) — гамеиды (три бруска, сужающиеся от верхнего к нижнему). Гер-

бовый щит с наметом заключен в овальный венок из листьев, перевязанный крестообразно сверху и снизу.

По сторонам от герба — сокращенная уточняющая надпись из литер: «S», «R»/ «S», «Z»/ «N», «S», видимо, начинающаяся с имени вкладчика: «С[емен] Р[умянцев]...». Само изображение, таким образом, можно рассматривать как его самобытный личный герб. Приписывать этот знак и родителям Семена Владимировича, имен которых он не называет, вероятно, не следует.

Официально утвержденные гербы графов и дворян Румянцевых (ОГ III, 4 и IX, 43) к этому изображению никакого отношения не имеют, как и самобытный герб графа П.А. Румянцева-Задунайского (Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года, № 388 (98)). Известны графский и несколько дворянских родов Румянцевых (иногда Румянцовых), в родословии которых остаётся много вопросов.

Схожий с личным знаком дьяка Семена Румянцева герб использовался в конце XVII – начале XVIII в. дворянским родом Зеленских (польск. *Zieleński*) — потомством полковника Лубенского Дмитрия Зеленского (1701–1708). «В красном поле башня, пронзенная стрелой наось вправо. Щит увенчан дворянскими шлемом и короной. Нашлемник: вооруженная мечом рука. Намет на щите красный подложенный серебром» (*Лукомский Б.К., Модзалевский В.Л.* Малороссийский гербовник. Минск, 2011. С. 60–61). Причина заимствования С.В. Румянцевым именно этого изображения точно не ясна.

Размещение личного герба на поминальном предмете, предназначенном для пространства церкви, в русской традиции XVII в. не было распространенной практикой. Самобытная геральдика приказных людей, как правило, ограничивалась областью прикладных печатей. Предметы же церковного назначения с гербами изготавливались по заказам социальной верхушки (цари, князья), а также были характерны для малороссийской дворянской традиции. Однако для середины XVII в. исследователями отмечается изменение мотивации вкладчиков, проявившееся в стремлении к индивидуализации вклада, «присоединению к церковно-богослужбному поминовению светской коммеморации».

Блюдо было прислано С.В. Румянцевым в Тверь какое-то время спустя после смерти его родителей, когда вкладчик уже сам был далеко не молод. Помимо спасения душ своей и родителей он своим вкладом очевидно преследовал и задачу сохранения памяти о себе и своем роде в ее социально-престижном аспекте. При этом выбор для вклада блюда для кутьи — предмета индивидуального, именного, специально предназначенного для поминовения — здесь вряд ли случаен. Неприкосновенность имущества храма способствовала сохранению памяти о вкладчике. Но в храмах, в отличие от мона-

стырей, как правило, не было вкладных книг, поэтому важную роль в этом деле играла вкладная надпись на самом предмете.

Решению задачи визуализации и утверждения социального статуса вкладчика служил и герб на рассматриваемом блюде — признак принадлежности к дворянской элите. Своим появлением этот личный символ мог быть обязан тому, что его владелец (участник нескольких заграничных дипломатических миссий) был хорошо знаком с европейскими геральдическими традициями. На это указывает и использование в уточняющей надписи к гербу латинских букв.

Интересны побудительные мотивы иногороднего вкладчика при выборе тверской соборной церкви (предположение о его происхождении из Твери не подтверждается документами). Семен Румянцев был вотчинником в Городском стане Чернского и Московском уездах, помещиком можайским, вологодским, кинешемским и ярославским.

Возможно, что размещение им вклада в тверском храме было обусловлено авторитетом древней Тверской епархии (дьяком поместного приказа Семеном Румянцевым составлялись выписи для Тверского архиерейского дома в 1672–1674 гг.). Вкладчиками в Тверской Спасо-Преображенский собор были современники С.В. Румянцева: цари Алексей Михайлович и Федор Алексеевич, а также — «товарищ» дьяка Семена по посольству в Испанию и Францию стольник Петр Иванович Потемкин. Известно, что Румянцев и Потемкин были в Твери как минимум однажды. Указные грамоты из Посольского приказа зафиксировали, что вернувшееся на родину русское посольство, заставшее в Испании «вспышку морового поветрия», выдерживали в карантине: сначала в Пскове и Новгороде, а потом — около двух недель в декабре-январе 1668/1669 г. — в Твери.

*М.С. Черкасова
д.и.н., проф. Вологодского ГУ*

Метрология и терминология хозяйственной документации Спасо-Прилуцкого монастыря конца XVI–XVII веков

В экономике севернорусских монастырей важное значение имела промыслово-торговая сфера. В архиве вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря сохранился обширный массив приходо-расходных книг конца XVI–XVII в., отразивших организацию и функционирование его солеварения в Тотьме, Сольвычегодске и на Унском посаде Беломорья. Данная документация рассредоточена как в региональных (Гос. архив Вологодской обл.), так и федеральных архивах (ГИМ, ОР РГБ, РГАДА, Архив СПбИИ РАН). Из научных

разработок на эту тему следует указать монографию Л.С. Прокофьевой «Вотчинное хозяйство в XVII в.» (Л., 1959), ее же публикацию «Вотчинные хозяйственные книги 1574–1600 гг.» (М.; Л., 1979. Вып. 1–2, далее — ВХК–1,2) и исследования современных авторов М.М. Дадькиной и А.В. Крайковского.

Наиболее употребляемая единица по учету соли — это рогожа, рогожной мех / мешок. По характеру использования и материалу изготовления различались рогожи-матицы, -решмы (суровая холстина), -подстильные. В исторической метрологии общепризнана вместимость рогожи соли в 30–32–33 пуда. Прилуцкими материалами эта цифра тоже подтверждается (ОР РГБ. Ф. 228. Оп. 1. Кн. 187. Л. 175), хотя наблюдается широкая вариативность рогожного меха от 26 до 37 пудов (ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Кн. 76. Л. 42–51). Не только вес и материал изготовления, но и внешний вид соляной тары отличался — рогожи большие, кульковые, кули, четвертные кульки, соляные коробки, корыта и лари. В кулях и кульках учитывался также хлеб, доставляемый из Вологды и из монастыря к его северным усольям. Интересно тяготение к более дробным единицам: куль и кулек, пуд и пудок, четверть и четвертка, что указывает на тщательность учета соли и хлеба. По происхождению и времени производства соль различалась: «своеварная», «купленная зимовая», «сеголетняя» (ВХК–1. С. 134).

Вываренная соль не сразу насыпалась в мешки-рогожи, нередко она помещалась в крупные лодки / лоды: «вынесли в анбар лодью соли»; «соль в анбар носили сыпью» (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 2. № 678; ВХК–1. С. 151–152). В приходных книгах Унского усолья фигурирует «полуладья соли, а в ней рогожным числом 45 рогож», то есть 1350 пудов, что дает вес «лодья соли» примерно в 2,7 тыс. пудов. Или: «на Уне набили 7 лодей, а рогожным числом 617 рогож» — выходит по 88 рогож в ладье, или 2,64 тыс. пудов (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 2. № 66. Л. 13, 22 об. – 23; № 679). Максимальный вес прилуцкой соляной ладьи — 2,8 тыс. пудов, минимальный — 609 пудов (ВХК–1. С. 120, 124–125, 144–145).

Такие сведения важны для исчисления грузоподъемности речных судов и павосков, что было обусловлено различием в их размерах, выражаемых в сажнях и локтях. От этого зависела величина взимаемых таможенных пошлин и количество экипажа (старцев, слуг, ярыжных, а их могло быть 34–65 и более чел.) — посаженного, весового («весовщины»), пудового («пудовщины»), «головщины» и т.п. Набываемая на Уне в ладьи соль затем отправлялась в Холмогоры, где часть ее затоваривалась в рогожные меха по 30–33 пуда, чтобы затем «спровадить» ее на дощаниках и насадах по Двине и Сухо-не в Устюг, Тотьму, Вологду. Другая же часть оставалась в амбарах «на зимовище». Делалось это наемными казаками-«солобоями

/набойщиками», отсюда определение «соль лодейная казачья». Работа их оплачивалась понедельно («понедельщина») или поденно («поденщина»). В силу короткой северной навигации перед приказными старцами стояла задача как можно больше и быстрее в течение мая-сентября вывезти соли с Уны на Холмогоры и далее направить по назначению по Сухоно-Двинскому пути.

Вываренная на варницах соль учитывалась сугребами — это суммарная продуктивность сразу нескольких варниц данного усолья: «на Уне в трех варницах сварено 393 сугреба», иногда с уточнением «по смете 40–50 пудов в сугребе». Этого требовала практика сдачи в аренду сторонним лицам части варниц с нормированной ценой — по 7 алт. с сугреба. Слово происходило от сгребания соли по окончании варничного цикла с црена — сковороды и его «отрясывания; по згребам отрясывать». В Соли Вычегодской проживали работники по фамилии Отрясывальниковы. Так рабочая специализация сказалась на местной антропонимии. Часть соли складировалась непосредственно в «лари», но из источников («починивал мастер в варнице ларь соляной», «ларь конопатили») их вместимость неясна (ВХК–1. С. 113–114).

Для стабильной работы соляных варниц всегда требовалось большое количество дров. Дрова, бревна и другие лесоматериалы учитывались сажнями, возами, кряжами, плотами, «сороками», «творилами». Выкладка дров производилась «пятками» (в пять рядов-уровней): так, на берегу р. Песья Деньга было выложено семь пятков двухсаженных дров для последующей их отправки вниз по р. Сухоне к соляным варницам в Тотье (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 2. № 320). По времени заготовки — весной — дрова назывались «веснодели» и отличались от дров «чертежных в лесу в осени» (ВХК–1. С. 75–76, 188). Сажнями измерялись и «дрова-чурки сеченье в кострах/кострицах». Вывоз из леса больших запасов дров назывался «лешая возовщина» (ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Кн. 66. Л. 15). Очищенные от сучьев бревна — оследи — учитывались «сороками» (видимо, связками по 40 штук): «...купил оследей два сорока».

В отношении плотов указывается их стоимость, включая дробные части («купил пол-2 плота, пол-6, пол-10 плотов» – ВКХ–1. С. 107–108), расценки за работу наёмных казаков (по 5 алт. 2 ден. за сечку одного плота), но не вместимость или «объем», масштаб самого плота как единицы измерения. При этом вполне отчетлива местная черта: «плоты высоких вычегодских дров», поскольку плоты сплавлялись именно из Соли Вычегодской. «Творилом» исчислялась некая совокупность плотовых дров, и удалось найти упоминание, когда 3 плота заключали в себе 2 творила (ВХК–1. С. 168–170, 183).

Источники геральдических знаний в трактате Б. Морено де Варгаса «Рассуждения о знати Испании» 1622 г.

Среди трактатов о знати заметное место занимает трактат Бернабе Морено де Варгаса «Рассуждения о знати Испании» (*Bernabé Moreno de Vargas*) (1576–† 1648) 1622 года. В XVII в. трактата о знати и знатности без включенной в него геральдической части быть не могло. Отсюда и интерес к источникам геральдических знаний авторов этих трактатов.

Уже с начального XVI рассуждения «О происхождении и начале гербов» (*Moreno de Vargas B. Discursos de la nobleza de España. Madrid, 1622. 2ª ed. 1795. P. 147–155*), Б. Морено де Варгас опирается не только на античных авторов, но и на геральдических. Один из авторитетнейших его источников — общеевропейски известный трактат Бартоло де Сассофerratто «О знаках и гербах» 1355 года. Популярность Бартоло на Пиренейском полуострове связана, надо полагать, с его провластной позицией, с безусловной поддержкой им верховной власти. И для Морено де Варгаса Бартоло он сохранял важность.

В испанской геральдической рефлексии с Бартоло непосредственно связан трактат Феррана Мехии (1426–† 1499) «Об истинном благородстве» (*Mexia F. Nobiliario Vero. Sevilla, 1492; facsim. Madrid, 1974; 1992*). Этот написанный в 1477 г. и изданный в 1492 г. трактат в первой части определял знать и знатность (*nobleza*) через род и богатство предков. Вторая часть — это полемика с аргументами Бартоло (*Morales Borrero M. Hernán Mexía, escritor giennense del siglo XV. Jaén, 1997*), третья посвящена гербам, блазнам и гербовым коттам. Мехиа пытался корректировать концепции Бартоло о знати и связывал знатность не только с родом, но и с благородной кровью. Аноблирование ротюрье становилось действительным только в четвертом поколении, чтобы «его плебейская кровь была очищена» (*Heusch C. Le chevalier Ferrán Mexía et son Nobiliario vero (1492): de l'imaginaire chevaleresque à la logique de l'exclusion // Atalaya. Revue d'études médiévales romanes. Université de Lyon, 2009. [Электронный ресурс] – URL : <http://atalaya.revues.org/598> (дата обращения: 08.12.2021)*). Мехиа вслед за Диего де Валерой менял плебейскую традицию происхождения герольдов — он был кабальеро, принадлежал к благородному сословию. Свой трактат он писал уже зрелым человеком, с жизненным и социальным опытом и его геральдический авторитет сохранился надолго.

Авторитетным для Морено де Варгаса геральдистом был Кассанеус. Юрист Бартоломéус Кассанеус (по-французски – де Шассенé) (1480–† 1541) известен как комментатор купюм Бургундии, а в исто-

рии геральдики прославился своим *Catologus gloriae mundi* (*Chasseneus [Cassaneus] Bartholomaeus de. Catologus gloriae mundi...* Paris, 1527; *Françofurti ad Moenum*, 1579). «Каталог» пользовался в XVI в. репутацией энциклопедии и был широко распространен в Европе. Он действительно вообрал в себя знания эпохи в разных областях: геральдики, теологии, астрономии и прочего. «Каталог» Кассанеуса оказал влияние на большинство авторов-геральдистов раннего Нового времени, ссылки на него встречаются во всех трудах XVII в., претендовавших на геральдическую эрудицию.

Нельзя не упомянуть еще один источник геральдических знаний автора трактата — книгу Гонсало Арготе де Молина (*Gonzalo Argote de Molina*) (? – † втор. пол. XVI в.) «Знать Андалусии» (*Argote de Molina G. Nobleza de Andalucia. Sevilla, 1588; Jaén, 1866; facsim. Jaén, 1991*). Он был одним из 24 (*Veintiquatro*) в Севилье, провинциалом Эрмандады; во время войны с гранадскими морисками в 1568 г. занимал должность главного знаменосца Андалусии. Он считался знатоком древней истории Испании, специалистом в области генеалогии. Он плодовитый автор, но книга о геральдике у него всего одна. По замыслу она должна была состоять из трех частей. Законченный к 1579 г. труд посвящен в основном андалусийской знати, кабальеро епископства Хаен в Андалусии, но одновременно и другим испанским родам. На первый взгляд это трактат о региональной знати (250 знатных родов, хотя предполагалось описать 500), но в действительности он шире и полон наблюдений, основанных на многочисленных архивных материалах, надгробиях и хрониках.

Тематически «Рассуждения» Б. Морено де Варгаса стали развитием труда библиотекаря и историка Хуана Бенито Гуардиола (*† 1600*) на сходную тему — «Трактата о благородстве» 1591 г. (*Guardiola J.B. Tratado de nobleza, y de los titulos y ditados que oy dia tienen los varones claros y grandes de Espana [...]. Madrid, 1591*). Х. Гуардиола, как впоследствии и Б. Морено де Варгаса, занимали знатность и сопутствующие ей обстоятельства, коллизии и атрибуты. Именно в этом качестве у Гуардиола появилась геральдика, которой посвящены девять глав его труда (*Черных А.П. Геральдика конца XVI в. в трактате Х. Гуардиола «О благородстве» // Signum. М., 2019. Вып. 10. С. 85–105*). Трактат Гуардиола, вышедший из печати в конце XVI в., оказал сильное воздействие на испанское гербоведение. Среди кастильских трактатов Нового времени, посвященных проблемам знати, он является одним из фундаментальных. Формальная геральдика в его изложении достаточно скромна. Гуардиола обращался к происхождению и началу гербов, к правовому режиму герба, к проблемам его обретения, к так называемым злоупотреблениям в отношении гербов. Эти темы интересовали и Б. Морено де Варгаса.

В трактате Гуардиолы обнаруживается начало понимания геральдики как атрибута и признака привилегированного сословия, которое в Новое время стало господствующим и сменило ее средневековое восприятие. В трактатах, схожих с трактатом Гуардиолы, геральдика позиционировалась как знание, которое необходимо благородному человеку в числе прочих знаний, присутствуя как бы с образовательной целью. Это общее место геральдического изложения присутствует в трактатах с конца XV века.

Здесь не анализируется контекст, в котором упоминаются геральдические труды, а представлен лишь их обзор. Тем не менее, видно, что впечатление, будто бы геральдические трактаты XVII в. основаны на тщательном изучении источников, — в ряде случаев ложное; по сути они представляют собой компиляции известных трудов, общеевропейской известности и значения или сугубо пиренейские. Так обстоит дело с «Рассуждениями о знати Испании» Морено де Варгаса. Его геральдические источники — не печати и гербовники, это сочинения геральдистов. Труд Б. Морено де Варгаса обозначил тот порочный круг геральдического знания, в который оно попало к середине XVII в. и который отразили геральдические трактаты. Выход из него был обозначен позже трудами Кл.-Фр. де Менетрье.

Е.К. Шадунц

*с.н.с. Переславского гос. историко-архитектурного
и художественного музея-заповедника*

Граффити-рисунки Переславского Спасо-Преображенского собора в контексте памятников Владимиро-Суздальского белокаменного зодчества

Эпиграфический комплекс на поверхности каменной кладки стен Переславского Спасо-Преображенского собора был впервые целиком открыт во время реставрации 2015 года. В рамках проекта реставрации 2020–2021 гг. на основе лазерного сканирования выполнены чертежи с фиксацией каждого камня и картированием эпиграфического комплекса в интерьере и на фасадах, включая археологические шурфы (Архив ЦНРПМ, 20000092-632-НИ-ИЭГ).

В настоящее время обнаружено 205 блоков с граффити, из них 36 с надписями, 55 с маркировкой мастеров, 30 с орнаментами. Натурные исследования сопровождались лингвистическим анализом текстовых граффити. Палеографические особенности изученных надписей дают основание датировать их в интервале середины XII – начала XIV в. (*Гинтуис А.А., Михеев С.М.* Несколько древних надписей на фасадах Спасского собора в Переславле-Залесском // *Graphosphaera*. 2021. № 1. С. 1–11.)

Граффити в виде крестов составляют большую часть изображений на камнях стен Спасо-Преображенского собора, покрывая также камни с другими видами знаков. Ставрографический комплекс был описан по общим признакам, но не исследован системно. Кресты можно разделить по технике начертания: неглубоко процарапанные тонкими линиями; уверенно очерченные тонкими линиями глубиной 1–2 мм; прорезанные инструментом, с треугольным профилем ветвей глубиной до 5 мм, шириной 3–5 мм. При фотофиксации открытой в 2015 г. поверхности стен были выявлены формы крестов: четырехконечный «жорсунский», шестиконечный, восьмиконечный, крест-гольгофа, процветший крест. Встречаются кресты с раздвоенными концами и с окончаниями в виде кругов и треугольников. Картирование граффити выявило и другие формы, требующие системного описания по конструкции и метрике.

Картограммы позволяют видеть, что большая часть крестов расположена в нижней части стен собора, на высоте первых трех рядов блоков над цоколем, и только на апсидах блоки с крестами поставлены вразброс на всей высоте кладки. Еще одно необычное место — верхние ряды юго-западной лопатки вблизи перепада толщины стен (на уровне пола хор), где найдены два блока с крупными резными крестами и надписями. Наибольшее количество крестов начертано на западном и южном фасадах и на апсидах на высоте человеческого роста.

На апсидах обнаружено четыре блока с перевернутыми крестами, один из которых находится в третьем ряду кладки над цоколем (центральная апсида), второй и третий — в первом ряду кладки цоколя южной и центральной апсид, четвертый — в первом ряду кладки цоколя северного фасада. Местоположение в самом нижнем ряду делает невозможным выполнение граффити *in situ*, что дало основание А.А. Гиппиусу и С.М. Михееву предположить, что эти блоки находятся во вторичном использовании. По другой версии, граффити были нанесены на блоки до их установки в кладку, а поворот на 180° произошел в процессе монтажа. В пользу второго предположения свидетельствует метрический анализ кладки апсид по картограммам-разверткам. Переставить камни по высоте без подтески невозможно: ряды блоков имеют разную высоту и кривизну, при этом отклонение от вертикали между цоколем и верхом стен достигает 9 см.

Данные картограмм можно сравнить с опубликованными граффити церкви Бориса и Глеба в Кидекше — памятнике «долгоруковского» круга, и Георгиевского собора в Юрьеве-Польском — географически ближайшего памятника владими́ро-суздальского белокаменного зодчества (*Вахтанов С.Н.* Граффити церкви свв. Бориса и Глеба XII в. в селе Кидекше // Государственный Владими-

ро-Суздальский музей-заповедник: Мат-лы исследований. Владимир, 2007. Вып. 13. С. 20–25).

Кроме сходства типов «знаков мастеров» (стрелка, стрелка в круге, косой крест) с церковью в Кидекше, можно обратить внимание на расположение блоков с этими метками в кладке. Предположение С.Н. Вахтанова о пометках партий блоков в целях пространственной ориентации представляется весьма вероятным. Исключения из этого правила заставляют вспомнить о европейской традиции использования «знаков мастеров» в качестве подписи, что также характерно для Закавказья (*Казарян А.Ю.* Автографы мастеров-каменщиков VII века. Армения, Иверия, Кавказская Албания. М., 2012).

Иконография Голгофы в граффити Спасо-Преображенского собора представлена основанием креста в виде однодвухступенчатого возвышения, трехступенчатый вариант отсутствует. Нижняя косая перекладина восьмиконечных крестов в большинстве случаев имеет наклон слева направо, как в Борисоглебской церкви. Исключение составляет блок на южном фасаде, где восьмиконечный крест с нижней перекладиной противоположного наклона соседствует с изображением креста под сенью. Подобное граффити на блоке центральной апсиды Георгиевского собора идентифицировано С.Н. Вахтановым как храм с двумя крестами: больший расположен на фасаде, меньший венчает постройку. На южном фасаде переславского собора расположены несколько равноконечных крестов с треугольными расширениями на концах, имеющие аналоги на фасадах юрьев-польского собора и не встречающихся в Кидекше. Еще один тип, аналогичный имеющемуся на Георгиевском соборе граффито, — процветший крест. Два таких креста находятся в составе ставрографического комплекса на блоке под окном южной апсиды, еще один на южном фасаде, в третьем ряду над цоколем. Аналогом может быть процветший крест на новгородской барме конца XII – начале XIII века. В таком случае, это изображение современно времени строительства Георгиевского собора, а на Преображенском могло быть сделано с лесов во время поновления начала XIII века.

В продолжение исследований предполагается выполнить морфологический анализ изображений (*Пежемский Д.В.* Пути объективизации ставрографических исследований. Ч. II // Ставрографический сборник. М., 2005. Кн. 3. С. 645–656), позволяющий объективно сравнить семиотику граффити Спасо-Преображенского собора с памятниками его круга.

Определение маршрута сезонных перекочевок Малых Ногаев в XVII веке по данным западноевропейских источников

Если говорить о маршрутах сезонных перекочевок ногаев вообще, то они достаточно подробно рассмотрены и описаны ведущим ногаеведом России В.В. Трепавловым (*Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2020. С. 684–689*). В своем фундаментальном труде, посвященном истории Ногайской Орды в XV–XVII вв., он обратил внимание на кочевые циклы, используемые ногаями во времена существования единой Ногайской Орды и затем, после ее распада во второй половине XVI в., на новый цикл сезонных перекочевок уже Больших Ногаев. Что касается Малых Ногаев или Малой Ногайской Орды («Казыева улуса»), то В.В. Трепавлов ограничивается лишь очерчиванием территории, на которой располагались их кочевья в XVI–XVII веках. На основе анализа большого количества русских источников автор приходит к выводу, что в этот период времени основные кочевья Малых Ногаев располагались в центральном регионе степного Предкавказья, соответствующем степным районам нынешнего Ставропольского края (*Трепавлов В.В. История... С. 543–544*). Как справедливо замечает ученый, малочисленность Малых Ногаев и враждебность окружающего населения заставляли их селиться более или менее компактно и не распространять маршруты сезонных передвижений на очень большие расстояния (*Трепавлов В.В. История... С. 544*). Собственно материалы посольских книг по связям России с Ногайской Ордой и Крымским ханством традиционно указывают на то, что кочевья Казыева улуса размещались «на поле ... меж черкас и Азова» (Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572. М., 2016. С. 349). Поэтому в целом очертить границы Малой Ногайской Орды можно по широтной линии между устьями Дона и Волги на севере, Каспийским морем на востоке, реками Кума и Кубань на юге, Азовским морем на западе. Но о маршрутах сезонных перекочевок Малых Ногаев внутри очерченной нами территории русские источники ничего определенного не сообщают. И здесь нам на помощь приходят источники западноевропейского происхождения.

В 1705 г. вышло в свет второе, расширенное издание книги амстердамского бургомистра Николааса Витсена «Северная и Восточная Тартария». Столь обстоятельное собрание всевозможных сведений о Крыме, Кавказе, Поволжье, Урале, Сибири, Приамурье, Монголии и Центральной Азии не имело аналогов в историографической традиции на тот момент времени (*Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. В 3-х тт. Амстердам, 2010. Т. III. С. 7*). Побывав в Москве

в 1664–1665 гг. и став впоследствии одним из директоров Ост-Индской компании, Витсен начал собирать сведения об Азиатском континенте, опираясь не только на уже существующие источники, но и на обширнейшие материалы своих осведомителей, широкую сеть которых он создал по всей Западной Европе, России и Азии.

Для нас наибольший интерес представляет сообщение, извлеченное Витсеном из рассказа некоего английского военного чиновника, побывавшего в плену у крымских татар около 1620 г. (*Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. Т. II. С. 750–769*). Как непосредственный очевидец, он оставил нам уникальное описание маршрута сезонных перекочевок Малых Ногаев в первой четверти XVII века. Свой рассказ Витсен предваряет сообщением, что от Крыма он переходит к описанию Малого Нагая и Азова «у Дона, который течет вниз от Белого озера». Дон служит границей между Малыми Ногаями и пустыней «Ингул или Юнгул». Получается, что под этой пустыней европеец имел в виду степные пространства Северного Причерноморья, расположенные на запад от правого берега Дона, впадающего несколько ниже Азова в «Тейн-море». По Дону живут казаки, которые промышляют пиратством и грабежом. Из опасения со стороны турок и татар, казаки построили вдоль Дона 16 крепостей, с «пушками и всем необходимым». В этих крепостях проживало не менее 10 000 казаков, не считая тех, кто выходит в море для грабежа (*Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. Т. II. С. 750–751*).

Земля Малых Ногаев простирается между Черным морем на западе и Каспийским морем на востоке. На юге они граничат с Черкесией, а на севере с Волгой. Во всей их стране есть только один город — Азов. Сезонные перекочевки Малые Ногаи начинали после того, как засеют свои поля «со стороны моря и около Азова» просом (*Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. Т. II. С. 751*). Это известие подтверждается и другими имеющимися в нашем распоряжении источниками, которые сообщают, что поля казыевцев располагались неподалеку от Азова (*Трепавлов В.В. История... С. 696*). Следовательно, можно с уверенностью говорить, что хозяйство Малых Ногаев сочетало как кочевое скотоводство, так и некоторые зачатки земледелия. Закончив с посевом проса на южном побережье Таганрогского залива, Малые Ногаи отправлялись пасти свои стада «у Дона, идут по Кабани, Шурпоке, Йедекулу, Коме, Куре, Массхаргородку и до страны чиркасов, вниз по рекам Тереку и Балку, почти до Пятигора и реки Куфа, а оттуда возвращаются к Черному морю» (*Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. Т. II. С. 751*).

Итак, исходя из полученной от современника информации, попытаемся построить маршрут сезонных перекочевок Малых Ногаев. Как видно, кочевать они начинали ранней весной после того, как засеивали просом свои поля под Азовом. От Дона казыевцы шли на

юг-восток вдоль рек Шурпока (?), Йедекул (возможно Ея), нижнего течения Кубани до реки Комы (Кумы), где находилось Маджарское городище (Массхар-городок), затем к Тереку и далее вверх (в источнике вниз) по Тереку, по Малке (Балку) и реке Куре (мелкая речка в Ставропольском крае, отвод реки Малки) до Пятигорья и Кубани (Куфы?) и вдоль предгорий на запад к Черному морю.

Малые Ногаи возвращались назад, к Азову, к моменту сбора урожая проса, в конце лета. Таким образом, весь цикл кочевания занимал у них примерно полгода. Источник сообщает, что, собрав просо, ногаи оставались зимовать вдоль морского берега (южного побережья Таганрогского залива), «между камышами» (*Витсен Н. Северная и Восточная Тартария. Т. II. С. 751*).

Конечно, построенный нами маршрут кочевания Малых Ногаев весьма приблизителен и требует дальнейшего уточнения по мере появления новых данных, а также более надежного отождествления географических объектов, упоминаемых в источнике, с современными топонимами.

С.М. Шамин

д.и.н., в.н.с. ИРИ РАН

Обманутая императрица Анна Иоанновна, или Кто помог убить воронежского священника Савву Дугина?

Имя воронежского священника С.И. Дугина уже более столетия привлекает внимание исследователей. Созданные Дугиным в 1731 г. «Книга Устав христианского жития» и «Книга Известительный доклад» получили высокую оценку еще в трудах известного историка и археографа рубежа XIX–XX столетий князя Н.В. Голицына (*Медведева Т.В. Неизвестный труд кн. Н.В. Голицына о священнике Савве Дугине // Вестник церковной истории. 2022. № 1/2, в печати*). Жизнь Дугина трагически оборвалась в 1732 г., когда его казнили в Петербурге по ложному обвинению в оскорблении императрицы, хуле на Бога и Церковь, стремлении возмутить иноверцев и лживом доносе.

Фактической причиной казни стал донос Дугина на князя А.И. Шаховского, который, проезжая через Коломну, в разговоре с местными ямщиками похвастал, что едет «владеть черкасские городы» и будет там «самодержавцем». При этом князь подчеркнул, что императрица — женщина, явно подразумевая при этом собственное гендерное превосходство. Ситуация, в которой были произнесены неосторожные слова, вполне понятна. Весной 1730 г. Шаховского назначили в Сенат, а осенью того же года послали на Украину для производства следствия по делу гетмана Д.П. Апостола (любопытно, что позднее, после смерти Апостола, Шаховской на короткое время

действительно стал фактическим правителем Украины). По пути на юг Шаховской недоплатил коломенским ямщикам, мотивируя свое поведение высоким статусом. Очевидно, что князя, находившегося на взлете своей карьеры, подвело чувство меры.

Дугин использовал полученную от ямщиков информацию о «непристойных» словах князя, для того чтобы перенести разбирательство по собственному делу из юрисдикции местных властей в столицу. Лично к Шаховскому он неприязни не испытывал, да и не мог испытывать, поскольку никогда с ним не встречался. Священник добивался того, чтобы его личным делом занялись в Тайной канцелярии, где он рассчитывал найти управу на воронежское начальство, с которым долго боролся за свою «деревеньку».

Перед главой канцелярии А.И. Ушаковым встал выбор, начать ли следствие над Шаховским, что означало неизбежный конец его блистательной карьеры, или же что-то сделать с обвинителем. Изначально Ушаков добился расстрижения Дугина и его ссылки на каторгу. Однако «распоп» по пути на каторгу направил императрице новый донос, который поставил под удар карьеру самого Ушакова. После этого глава Тайной канцелярии организовал казнь Дугина. Поскольку обвинения были сфабрикованы, то, по сути, мы имеем дело не с казнью, а с совершенным руками палача политическим убийством. Технология данного убийства была рассмотрена в специальном исследовании. В этой же работе нас интересует круг лиц, которые были причастны к следствию, знали об истории с Шаховским, но промолчали о происходившем. В результате императрица подписала смертный приговор человеку, который, несмотря на всю сомнительность своего морального облика, не был виновен в том, за что ему отрубили голову.

Первым, разумеется, стоит назвать самого князя Шаховского. Как раз в 1731 г. в период следствия над Дугиным он стал сначала генерал-адъютантом, а потом подполковником лейб-гвардии Конного полка. Это говорит об особом доверии императрицы. Подчеркнем, что ну нас нет ни одного документа, который свидетельствовал бы о том, что Ушаков сообщал Шаховскому о Дугине. Однако сомневаться в информированности Шаховского не приходится. Глава Тайной канцелярии изначально вел дело так, чтобы замаять историю с Шаховским и, соответственно, знал о ее реальности. Достаточно упомянуть, что из коломенских ямщиков был опрошен один единственный — тот, на которого ссылался Дугин. Получить фактическую информацию Ушаков мог только от самого князя.

Сам же Ушаков, оставаясь в кругу наиболее близких к императрице людей, не только покрывал Ушакова, но и вовлек в это служащих Тайной канцелярии, по крайней мере, ее секретаря Василия Казаринова, чье имя регулярно мелькает на страницах дела Дугина.

Понятно, что в рассматриваемой ситуации речь не шла о заговоре против Анны Иоанновны, однако все-таки очевидно, что Казаринов был более лоялен к своему непосредственному начальству, чем к царице. Кроме Казаринова об истории с Шаховским знали еще два весьма видных человека — начальник Тавровских верфей вице-адмирал М.Х. Змаевич и вице-губернатор Воронежа Е.И. Пашков, которые и передали Дугина в ведомство Ушакова.

Заниматься делом Дугина пришлось также главе Синода Феофану (Прокоповичу). Во время заключения Дугин провел некоторое время вместе с иеродиаконом Ионой, сторонником архимандрита новгородского Юрьева монастыря Маркеллом (Радышевским), выступавшего против церковных нововведений Феофана (Прокоповича). Священник решил «подыграть» противникам, объявив о чудесном видении, направленном против главы Синода. Задумка не удалась. Дугина передали для расследования его чудес в Синод, который признал видения ложными и лишил его сана. Материалы основного следствия в Синод не посылались. Говорил ли Дугин в Синоде про Шаховского или нет, неизвестно. Таким образом, у нас есть две вероятности. Первая — Дугин рассказал про Шаховского, но синодальные власти предпочли об этом не услышать. Вторая — Дугин про Шаховского на этот раз промолчал. Тогда получается, что, принимая колодника из Тайной канцелярии, синодальные власти изначально в принципе не желали интересоваться тем, как он туда попал.

Таким образом, мы видим, что круг людей, имевших доступ к информации о проступке Шаховского, не был совсем уж узким, даже если говорить только о представителях высшей знати. Тем не менее Ушаков был уверен, что доноса императрице не последует. Это позволяет взглянуть под новым углом на вопрос о лояльности российской знати новоизбранной императрице. Получается, что в России 1730 г. Ушакова боялись больше, чем царицу.

*И.Н. Шамина
к.и.н., н.с. ИРИ РАН*

Рукоприкладства, пометы и скрепы в переписных книгах Коломенской епархии 1701–1702 годов

Начало описанию архиерейских домов, монастырей и церквей в 1701–1703 гг. положил именной указ Петра I от 31 января 1701 г. (ПСЗ-I. Т. 4. № 1834. С. 139). Главной задачей описания являлось определение размеров богатств Церкви, которые переходили в ведение воссозданного 24 января 1701 г. Монастырского приказа. Данная перепись уже неоднократно привлекала внимание исследователей,

однако многие вопросы, связанные с составлением переписных книг, до сих пор специально не изучались. В настоящем исследовании я попытаюсь показать, что могут дать скрепы, пометы и рукоприкладства, оставленные на листах переписных книг Коломенского архиерейского дома и монастырей Коломенской епархии, для изучения практики проведения переписных мероприятий.

Основная масса дошедших до наших дней переписных книг 1701–1703 гг. хранится в фонде 237 (Монастырский приказ) РГАДА. В их числе и переписная книга Коломенской епархии (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 58). Рукопись включает в себя описания Коломенского архиерейского дома и 12 монастырей. Она имеет двойную нумерацию листов. Первая выполнена чернилами того же цвета, что и основной текст, вторая — очевидно, архивная, — карандашом. При этом первая нумерация карандашом же перечеркнута. Вероятно, проставление новой нумерации и перечеркивание старой шло параллельно. Повторная нумерация понадобилась из-за того, что часть листов, изначально составлявших рукопись, оказалась удалена.

На страницах переписной книги Коломенской епархии имеются рукоприкладства, пометы и скрепы разных лиц. Так, в процессе составления описей рукоприкладства оставили представители монастырской администрации. Особенно ярко это показывает переписная книга тульского Иоанно-Предтеченского монастыря, где игумен и казначей оставили свои подписи многократно (Там же. Л. 479–577). Обязательные рукоприкладства содержит раздел переписных книг, содержащий «указ по наказу» — документ, составленный на основе указов Петра I, который в каждом из монастырей зачитывал stolnik. Его подписывали также другие монахи и слуги. Однако в небольших монастырях подписи под указом оставили только настоятель и казначей.

Рукоприкладствами священников сопровождаются записи раздела «Коломенского уезду коломенских соборных попов», где приведены размеры их денежного и натурального дохода (Там же. Л. 222 об. – 223 об.).

Переписная книга Коломенской епархии содержит пометы двух видов. Первые принадлежат приказным Коломенского архиерейского дома и завершают разделы описаний: «Справил Петрушко Филипов. Справил Васко Шонуров». Вторые — на верхних полях листов, начинающих новый раздел, — содержат информацию о передаче материалов переписи в Монастырский приказ. В некоторых записях указаны имена людей, передавших описания. Если соотнести даты из этих записей с датами, указанными в преамбулах переписных книг как начало работ, можно установить, сколько времени занимало составление той или иной описи. Так, работа по описанию четырех монастырей Коломны завершилась в течение трех месяцев.

Интересную информацию представляют скрепы. В рассматриваемой рукописи они располагаются по нижним и по правым полям листов. На нижних полях разных разделов и описаний оставили скрепы архиерейские служащие, священнослужители, настоятели монастырей и казначеи. Священники же скрепили листы с описаниями женских коломенского Брусенского и орловского Введенского монастырей вместо их настоятельниц. На листах же переписной книги тульского женского Успенского монастыря и каширских Саввиной и Соколовой пустыней скреп на нижнем поле нет вовсе. Возможно, их забыли или по какой-то причине просто не успели поставить.

Описанные скрепы позволяют уточнить и дополнить содержание переписных книг. Так, например, становится известна мирская фамилия (прозвище) казначея тульского Иоанно-Предтеченского монастыря Иосифа — Богданов (Там же. Л. 480–526), а скрепа на листах переписной книги Николаевского монастыря на реке Гнилуше позволяет уточнить месторасположение последнего: «на *старом городищи* на речке Гнилуши» (Там же. Л. 714–729 об.).

На правых полях листов скрепы оставили дьяки Монастырского приказа — Герасим Потапиев, Иван Иванов и Гавриил Окуньков, а также стольники — И.В. Кикин и М.Т. Толубеев. По смене дьяческих скреп можно, например, установить, что монастыри Коломенской епархии и их вотчины описывались отдельно, в то время как из содержания источников это непонятно. Необходимо отметить, что скрепы дьяков есть не на всех листах рукописи. Иногда ими пропущены целые разделы описаний. Это было характерно и для других переписных книг, в частности Крутицкой епархии (Там же. Кн. 21).

Обращает на себя внимание и то, что часть скреп дьяков имеют пропуски отдельных элементов. Причем пропущенные части, судя по всему, находились на отсутствующих по старой нумерации листах. Очевидно, при переплете книг были изъяты листы без записей, имеющие лишь дьяческие скрепы, поскольку смысловых лакун в текстах переписных книг не обнаружено. Последними, уже готовую рукопись, заверяли стольники, проводившие описание. Их скрепы есть на всех листах и пропусков отдельных элементов они не имеют.

Таким образом, рукоприкладства, пометы и скрепы на листах переписных книг Коломенской епархии 1701–1702 гг. позволяют определить круг лиц, непосредственно участвовавших в этой работе, а также проследить процесс составления источника. На местах в работе участвовали представители монастырской и архиерейской администрации, архиерейские приказные служащие, в Монастырском приказе — дьяки. После поступления материалов описания в Монастырский приказ из них составлялась подборка по епархиям или отдельным владельцам, и тетради с описями получали единую

нумерацию листов. Затем книги переплетались, причем листы, не имевшие записей, могли изыматься. Этим можно объяснить отсутствие части листов по первоначальной нумерации и потери некоторых элементов дьяческих скреп. Завершали работу над переписными книгами стольники.

*Г.В. Шебалдина
к.и.н., доц. РГГУ*

Списки реляций Чрезвычайного Посла князя В.Л. Долгорукого из Швеции 1726–1727 годов

Посольство тайного советника сенатора князя Василия Лукича Долгорукова в Швецию в 1726–1727 гг., к сожалению, недостаточно полно представлено в современной историографии. Возможно, это связано с тем, что в свое время С.М. Соловьев подробно о нем написал (*Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. СПб., 1895–1896. Кн. 5. Т. XIX. Гл. 1.). Тогда же были опубликованы довольно полные биографии князя, в которых есть упоминания об этом эпизоде его дипломатической карьеры (*Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей русской земли. М., 1836. Т. 2. С. 257–272; *Корсакова В.* Василий Лукич Долгоруков // РБС. СПб., 1905. Т. 6. С. 511–522). А между тем, с миссией Долгорукова связаны важные события на пути формирования нового внешнеполитического статуса российского государства. К счастью исследователей, в Архиве внешней политики Российской Империи отложился большой и разноплановый документальный комплекс за 1726 и 1727 гг., который способен в значительной степени расширить представления о самом событии и о политической повседневности первых лет новой империи.

Наше внимание привлекло дело № 12 за 1726–1727 гг. под названием «Списки с реляций чрезвычайного в Швеции посла князя Долгорукова. 1) в кабинет и 2) в коллегия иностранных дел». Обстоятельства появления этих отчетов таковы. Спешно отозванного от решения дел в Польше и Курляндии, опытного дипломата В.Л. Долгорукова отправляют в Швецию, чтобы он постарался предотвратить присоединение королевства к Ганноверскому союзу и тем самым «вернул» Швецию в русло российской политики.

Со шведской стороны ему противостоит еще более опытный политик граф А.Б. Горн, по словам князя, «человек высокоумный и славлюбивый» (АВПРИ Ф. 96. Оп. 1. 1726 г. № 12. Л. 26 об.). Кроме этих основных акторов было немало важных и весьма заинтересованных лиц из числа сторонников и противников российско-шведского альянса.

Как известно, несмотря на все усилия Долгорукова, 14 марта 1727 г. Фредрик I подписал договор о присоединении к Ганноверскому союзу, гарантировавший защиту от грозного соседа и так необходимые для восстановления хозяйства, щедрые субсидии.

Изучая документальное наследие этого посольства, можно с уверенностью говорить о том, что князь очень внимательно подходил к составлению отчетов о своей деятельности. Даже при том, а скорее и по причине того, что вице-канцлер и основной конфидент-координатор Долгорукова А.И. Остерман неоднократно писал, что императрица Екатерина и сам он предоставляют ему свободу выбора действий, умудренный политик решил, что лучше иметь письменные подтверждения. Примечательно, что, собираясь покинуть Швецию, князь наотрез отказался оставить часть документации на временное хранение посланнику Головину, так как на памяти была история бегства ученика Ф. Соловьева с книгой реляций вышеназванного, которую он передал датскому послу, а тот показал ее англичанам. В ней, по сообщению Долгорукова, «видны имена наших друзей и их поступки и они опасаются» (АВПРИ Ф. 96. Оп. 1. 1726 г. № 12. Л. 104 об.).

В.Л. Долгоруков составлял свои реляции с завидной регулярностью, примерно каждые 5–7 дней, а по мере того, как дело подошло к развязке, в феврале–марте 1727 г., их численность, а главное, объем значительно увеличились. Донесения, что предназначались для Кабинета Екатерины I, не должны были утомлять императрицу и надолго отвлекать ее от более приятных занятий, в то время как руководители внешней политики империи получали максимальный объем информации о связанных с выполнением главной задачи событиях.

В качестве иллюстрации приведем пример реляций, составленных князем 17 марта 1727 года. В Кабинет он написал, что король велел советнику фон Кохену посетить 15 марта всех чужестранных министров и сообщить о подписании «акцессии». Но Долгоруков не готов сдать и надеется, что завтра «на пленуме» (заседании Риксрода) «будет великий крик», так как они с цесарским послом раздали 4000 червонных нужным лицам из купеческого и крестьянского сословий (АВПРИ. Ф. 96. Оп.1. 1726 г. №12. Л. 25-26).

В этот же день князь написал пять реляций в КИД — две секретные и три ординарные. В ординарных он решал сугубо практические дела с жалованием, оплатой наемного дома и присылкой двух галиотов для отправки его вещей на родину. В двух секретных реляциях (№ 12 и № 13) на 22 листах он создал подробнейшую картину событий со 2 марта, т.е. дней, предшествующих подписанию союзного договора. Столь подробное изложение позволяет увидеть в том числе и методы князя Долгорукова, которыми он до последнего пы-

тался исправить ситуацию и предотвратить «измену» Швеции. Конечно, основное внимание уделяется финансовым инструментам в самых разнообразных направлениях: от готовности увеличить размер российско-цесарской субсидии до раздачи денег представителям сословий в надежде «на шум в пленуме». Но он готов использовать и более коварные методы воздействия. Например, призывая русские власти не отдавать уже купленного шведами в Риге хлеба на 100 000 рублей. Или информируя Остермана о том, что приказал всем русским купцам «собирать товары и делать вид, что уедем если заключат акцессию». Князь просит рассмотреть предложение «доброжелательных особ» о возможности отправки галер к Выборгу и войск к финляндскому рубежу, «чтоб ходили по границе, но не переходили», а командование ими поручить фельдмаршалу князю Голицыну, так как «финляндский народ его любит и опасается».

В этих же реляциях Долгоруков высказывает свои соображения по поводу будущего шведского королевства, которые напрямую связаны с политическими амбициями А. Горна. Упомянув для порядка реваншистские планы канцлера и его партии, князь уверяет, что они хотят посадить на трон внука английского короля, «российской кредит у здешнего народа вовсе искоренить», а Швецию сделать «прямою республикой» (АВПРИ. Ф. 96. Оп. 1. 1726 г. № 12. Л. 92 об. - 102).

Очевидно, что даже то небольшое, что представлено в этом сообщении, свидетельствует о чрезвычайно интересном содержании документального комплекса из архива чрезвычайного посольства князя В.Л. Долгорукова в Швецию.

*С.Ю. Шокарев
к.и.н., в.н.с., доц.*

Сергиево-Посадский музей-заповедник, РГГУ

Семья князя Андрея Большого Углицкого: Статус, генеалогия, антропонимика

Князь Андрей Васильевич Большой Углицкий (1446–1493), младший брат Ивана III, — малоизвестный герой русской истории, которого воспринимают, прежде всего, как жертву властолюбия старшего брата: великий князь отправил углицкого правителя в тюрьму, где тот и умер. Между тем, эта фигура представляет собой значительный интерес, в том числе примечательна история его семьи и ее положение в правящей среде Московского государства второй половины XV – первой половины XVI века.

По завещанию отца Андрей Большой (это прозвище отличало его от младшего брата Андрея Вологодского) получил Угличский удел и соседние земли — Бежецкий Верх, Устюжну, ряд ярославских

волостей, а также Звенигород. 27 мая 1470 г. 23-летний князь Андрей женился на княжне Елене Романовне Мезецкой, дочери князя Романа Андреевича, одного из удельных правителей так называемых Верховских княжеств (ПСРЛ. Т. 12. С. 124). По-видимому, никакого влияния на отношения Московской Руси с Верховскими княжествами и с Литвой этот брак не оказывал. Для удельного князя московского дома он являлся статусным — тесть занимал положение в феодальной иерархии ниже зятя, что соответствовало распространенной практике (первый брак Ивана III на дочери Бориса Тверского, брак Бориса Волоцкого на дочери Михаила Холмского, брак Василия II на серпуховской княжне, Дмитрия Шемяки — на заозерской и т.д.). Вместе с тем сохранялось правило женитьбы на удельной княжне, которому последовал и Борис Волоцкий, младший брат Андрея Большого.

Для братьев и сыновей Ивана III женитьба являлась проблемой. По-видимому, великий князь препятствовал бракам Юрия Дмитровского и Андрея Вологодского, двух наиболее близких к нему братьев, однако, Андрей Большой и Борис женились, проявив самостоятельность (хотя и позднее, чем Иван III). Из братьев Василия III жениться сумел только Андрей Старицкий, но уже на дочери служилого феодала, а не удельного князя, княжне Евфросинье Хованской. Таким образом, браки Андрея Большого и Бориса Волоцкого являлись последними традиционными браками удельной эпохи.

В отношении статуса показательны браки дочерей Андрея Большого. Родословцы не сообщают их имена, но указывают, что старшая вышла замуж за князя Андрея Дмитриевича Курбского, а младшая — за князя Ивана Семеновича Кубенского (Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А.В. Антонов. М., 2011. С. 22). На первый взгляд, может показаться, что сохраняются традиции удельных браков, так как оба князя были потомками мелких ярославских удельных правителей. Однако биографии А.Д. Курбского и И.С. Кубенского Большого свидетельствуют о том, что они полностью связали свою жизнь с великокняжеской службой. Таким образом, следующее поколение московских Рюриковичей уже лишилось возможности междудельных браков просто потому, что к концу XV в. уделы почти прекратили существование. Двоюродная сестра угличских княжон, Феодосия Ивановна (дочь Ивана III) также вышла за потомка удельных князей В.Д. Холмского, но тот не имел отношения к бывшему делу своих предков.

По косвенным данным можно вычислить возраст дочерей князя Андрея Большого. Н.К. Голейзовский установил, что старший сын князя, Иван, родился 1480 г., вероятно в Великих Луках, а младший Дмитрий — в 1482 г. (*Голейзовский Н.К.* Начало деятельности Кас-

сиана Учемского по письменным источникам // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 4 (10). С. 22, 23). Поскольку княгиня Елена Романовна умерла 2 апреля 1483 г. (ПСРЛ. Т. 12. С. 214), следовательно, дочери родились в 1470-е гг., и к моменту ареста отца в 1491 г. уже вышли замуж. В ином случае их постригли бы в монахини, как это обычно бывало.

Предполагаю, что старшую дочь князя Андрея Большого звали Софья. Об этом свидетельствует помянник князя А.Д. Курбского в синодике Успенского собора: «Князя Димитрия, княгиню Марфу, князя Андрея, князя Евдокима, княгиню Софию, княгиню Ефросинию» (Архив РАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 173. Л. 118). Эту запись можно расшифровать следующим образом: первыми названы родители — князь Дмитрий Семенович и его супруга, княгиня Марфа, затем — князь Андрей Дмитриевич, потом — его брат Александр, молитвенное (крестильное) имя которого было Евдоким, а потом их жены — Софья и Евфросинья.

Имена второй дочери известны по эпитафии на надгробии и крышке саркофага из Смоленского собора Новоспасского монастыря. Надписи сообщают, что 15 мая 1537 г. преставилась княгиня Ульяна, инока Евпраксия (*Беляев Л.А., Шокарев С.Ю., Шуляев С.Г.* Погребальные памятники рода князей Кубенских в подклете собора Новодевичьего монастыря // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 4 (86). С. 90). В Новоспасском монастыре княгиню поминали дважды: на день кончины и 1 марта в день мученицы Евдокии (Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв.: Из архива Московского Новодевичьего монастыря: [в 2 вып.] / Под ред. В.И. Корецкого; подгот. текста и вступ. ст. В.Б. Павлова-Сильванского. М., 1985. Ч. 1. С. 186, 196). Очевидно, Евдокия было крестным (молитвенным) именем княжны, о чем свидетельствует также то, что ее монашеское имя также начинается на букву «Е». Сыновья княгини Евдокии — князья Иван и Михаил Ивановичи Кубенские — хорошо известны в источниках как крупные государственные деятели первой половины XVI века. Князь И.И. Кубенский пал жертвой гнева молодого Ивана Грозного, и был казнен. Этот род продолжился единственной дочерью М.И. Кубенского, которая также носила двойное имя — молитвенное Гликерия и публичное Елена. Она была женой боярина П.В. Морозова, и, вероятно, рано умерла (*Беляев Л.А., Шокарев С.Ю., Шуляев С.Г.* Погребальные памятники. С. 93, 98, 99).

Печальная судьба сыновей Андрея Углицкого, Ивана и Дмитрия общеизвестна (см.: *Панова Т.Д.* Между Угличем и Прилуками: заключение длиною в жизнь // Звучат лишь Письмена. К юбилею А.А. Медынцевой. М., 2019. С. 352–366). В 1491 г. они были заключены под стражу вместе с отцом и прожили всю жизнь в заключе-

нии. Иван, в монашестве Игнатий, скончался в 1522 г. (по другим сведениям, в 1523 г. или 1525 г.), Дмитрий — в 1543/1544 г., получив свободу только в 1540 году. Оба князя-страдальца почитаются как святые, старший — в общероссийском пантеоне, младший — местно. Из политической жизни угличские княжичи выбыли, не были женаты и не оставили потомства.

Судьба семьи князя Андрея Большого Углицкого позволяет увидеть процесс трансформации удельных князей в аристократическую знать. Вместе с тем, она показывает, что этот процесс был чреват трагическими жертвами, как среди князей, так и среди знати.

Е.Н. Шумилов
к.и.н. (Пермь)

О времени «исчезновения» чуди в Верхнекамье по данным топонимастики

О существовании в верхнем течении реки Камы светловолового народа вису нам известно из сообщений восточных авторов X – XII вв. (Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Л., 1939. С. 74). Данные археологии позволяют установить, что это население происходило из района Белого озера и было известно в русских летописях под именем весь. Миграция веси была тесно связана с представителями неволинской культуры, существовавшей в бассейне реки Сылвы, притока Чусовой, с IV по IX в. (Голдина Р.Д. Об общественном устройстве населения Неволинской культуры // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 3. С. 135–242). Неволинцы, являвшиеся пермско-финским племенем, под давлением тюрков устремились в IX в. на северо-запад и в конечном итоге осели в районе Белого озера, подчинив себе местное население — весь (Кудряшов А.В. Неволинские древности в бассейне р. Шексны // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. II. С. 240–242). В X в. неволинцы вернулись обратно в Приуралье и осели в верховьях Вычегды и Камы. При этом они смогли увлечь за собой часть веси — носителей восточно-балтийского антропологического типа, получивших позднее название «чудь белоглазая». Доминирование данного типа в Верхнекамье сохранялось вплоть до начала XIII века. При этом камская чудь находилась с X в. под властью волжских булгар, а вычегодская с конца XI в. — под властью русов (Савельева Э.А. Историко-культурные связи населения бассейна р. Вычегды и Верхнего Прикамья в эпоху средневековья (по материалам вымской и родановской археологических культур) // Вестник Пермского университета. 2021. Вып. 1 (52). С. 70–76).

Монгольское нашествие коренным образом изменило судьбу камской чуды — ее оттеснили к северу, где к XV в. формируется население, известное ныне как северные коми-пермяки. Северные пермяки сохранили до настоящего времени свой чудской восточно-балтийский тип и обычаи, которые существенно отличаются от обычаев южных коми-пермяков (например, быкобой — обычай, схожий с марийским). Более того, северные коми-пермяки считают себя потомками чуды. В Иньвенском поречье (бассейн р. Иньвы, правого притока Камы) с XIII в. начинает доминировать пришлое население — полукочевые тюрки-кыпчаки и удмурты. А местная чудь подвергалась дискриминации. Об этом свидетельствует сохранявшийся до недавнее времени у южных (иньвенских) коми-пермяков обычай конного топтания чудов (*Голева Т.Г.* Образы коня, быка и коровы в представлениях коми-пермяков // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь, 2009. Вып. 5. С. 204–210). Между южными и северными коми-пермяками на протяжении нескольких столетий существовала обширная полоса отчуждения — нейтральная зона, которую в начале XVIII в. заполнили русскоязычные выходцы из соседнего Кайгородского уезда, окончательно разделив две группы коми-пермяков (*Шумилов Е.Н.* О первых поселенцах на территории современного Юрлинского района Пермского края // Актуальные проблемы региональной истории: Мат-лы II Всероссийской с международным участием науч. конф. Ижевск, 2021. С. 59–62).

Население бассейна Вычегды не испытало на себе монгольского нашествия, но и там происходило постепенное замещение чудского (прибалтийско-финского) языка на язык коми. К XIV в. район Верхнекамья стал именоваться в русских источниках Пермью Великой, а район Вычегды — Пермью Малой (Вычегодской). Различия были лишь в том, что Пермь Великая находилась в составе Золотой Орды, а Пермь Малую контролировал Новгород, а затем — Москва (*Савельева Э.А.* Историко-культурные связи... С. 70–76).

Географическая карта современного Коми-Пермяцкого округа и сопредельных территорий, на которых проживает обрусевшее коми-пермяцкое население, представляет собой сложную топономастическую картину, большинство гидронимов на которой не поддаются объяснению с использованием коми-пермяцкого языка. Более того, даже те названия, которые принято считать коми-пермяцкими, в реальности оказываются комизированными: они имели в прошлом иное написание, да и современные их этимологии нельзя считать серьезными с точки зрения научной топономастики. Таковы, например, народные объяснения гидронимов: Айва — «лунная река», Велва — «лошадиная река», Иньва — «женская река» (вариант: Ен-ва — «божественная река»), Лысьва — «хвойная река», Низьва —

«соболиная река», Шаква — «грибная река», Яйва (ранее Ейва) — «мясная река» и т.д. Другие гидронимы типа Кува, Лытва, Люнва, Онолва, Полва, Усьва, Язьва вообще не поддаются объяснению, хотя и оформлены с помощью коми-пермяцкого языка: имеют окончания *-ва* — «вода, река» (*Кривошекова-Гантман А.С.* Географические названия Верхнего Прикамья. Пермь, 1983. С. 64–166).

Весьма примечательна топонимика района р. Язьвы, притока Вишеры, впадающей в Каму. Здесь в лесной глухомани близ Уральских гор проживает небольшая группа пермских финнов, известная как язьвинские пермяки (это их самоназвание). В языковом плане язьвинцы находятся ближе всего к нижнеиньвенским диалектам южных коми-пермяков. В антропологическом отношении 75 % язьвинцев относится к восточно-балтийскому типу, 25 % — к вятско-камскому (первоначальными носителями его являлись неволинцы), т. е. чудской элемент здесь доминирует. Очевидно, именно такое соотношение антропологических типов было у населения бассейна Иньвы в домонгольский период. Под давлением тюрков предки язьвинцев ушли на восток по реке Яйве, а с нее перешли на верховья Язьвы. Интересно, что на территории язьвинцев многие географические объекты, в частности горы и реки, имеют двойные названия. Одними пользуются в быту язьвинские пермяки, другие закрепились на географических картах и сейчас считаются официальными. Картографические топонимы не поддаются объяснению ни с помощью коми языка, ни мансийского, носители которого были в свое время соседями язьвинцев. Эти названия из ушедшего в небытие чудского языка. Они были получены от местных жителей первыми русскими поселенцами, появившимися в Верхнекамье во второй половине XV в. и окончательно закрепившимися здесь в XVI в. (*Лыткин В.И.* Коми-язьвинский диалект. М., 1961). То есть язык чуди к приходу русских еще функционировал.

Точно такая же ситуация наблюдалась и в бассейне Вычегды. Переписи и грамоты XV–XVI вв. донесли до нас имена рек и других объектов, которые звучат в речи современных коми-зырян по-иному. Широкое расселение зырян началось лишь в XVII веке. Тогда же произошло замещение или искажение чудских названий. Но русские по-прежнему в официальной документации используют чудские топонимы, известные им еще с XI века: Вашка (коми Ву), Весляна (коми Весыва), Вызь (коми Емва), Вычегда (коми Эжва), Ижма (коми Изьва), Мезень (коми Мозым), Уса (коми Усва), Цильма (коми Чилим) и т.д. (*Туркин А.И.* Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар, 1986. С. 7–45).

Таким образом, данные топономастики позволяют нам установить, что замещение и искажение чудских названий в коми среде заняло длительный период и завершилось в XVII веке. Этим време-

нем можно датировать и «исчезновение» чуди, то есть ее окончательную ассимиляцию носителями коми языков. При этом реальные потомки чуди никуда не исчезли: они представлены ныне в лице северных коми-пермяков и вычегодских коми-зырян, у которых восточно-балтийский антропологический тип является доминирующим до настоящего времени.

Ю.Э. Шустова
к.и.н., доц. РГГУ; РГБ

Образ города в изданиях эмблематической книги «Ифика иерополитика»

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 20-013-00535

Эмблематическая книга «Ифика иерополитика, или философия нравоучительная символами и приуподоблении изясненна к наставлению и ползе юным» стала важным морально-этическим чтением для отроков и получила широкое распространение в XVIII веке. Этот педагогический труд, задуманный как сборник нравоучительных текстов для воспитания юношества, был издан четырежды в трех странах.

Впервые книга была напечатана в Киеве в 1712 году. Гравюры к ней выполнил Никодим Зубрицкий. Вскоре книга была издана в Санкт-Петербурге. На титульном листе указан 1718 г., однако Т.А. Быкова считала, что фактически она была напечатана в 1724 г. (*Быкова Т.А.* Каталог русской книги кирилловской печати петербургских типографий XVIII века (1715–1800). Л., 1971. № 10. С. 26–27). Для издания было изготовлено две серии гравюр по рисункам Никодима Зубрицкого. Сначала они были выполнены в мастерской Питера Пикарта с его подписями и монограммами его учеников А.И. Ростовцева и Ивана Мякишева, а позже перегравированны с них в зеркальном отображении с подписями Ивана Мякишева.

В 1760 г. «Ифика иерополитика» была издана в типографии Львовского Успенского братства. Гравюры были выполнены Иваном Филипповичем (*Шустова Ю.* Діяльність львівського друкаря і гравера Івана Филиповича // Львівська Ставропігія: історія, персоналія, взаємини. Львів, 2017. С. 200–229). Еще одно переиздание книги было осуществлено в венской типографии Иосифа Курцбека в 1774 году. Мастер, выполнивший гравюры, не известен.

Несмотря на большую популярность книги среди читателей XVIII–XIX вв., она до сих пор остается малоизученной. В данной работе рассматривается образ города как часть эмблематического текста, прежде всего визуального, в контексте формирования моделей репрезентации городского пространства в педагогических и

воспитательных практиках. Образ города играет важную роль в учебной и учебно-назидательной литературе Нового времени (*Шустова Ю.Э.* Образ города в лицевом Букваре Кариона Истомина 1694 г. // *История и архивы.* 2021. № 3. С. 119–135), поэтому важно понять, как его использовали в книге «Ифика иерополитика» в разных изданиях.

Все гравюры в четырех рассматриваемых изданиях восходят к созданным Никодимом Зубрицким для киевского издания 1712 года. Последующие гравюры отличаются в основном мастерством исполнения, однако некоторые гравюры переосмысливались и становились оригинальными авторскими произведениями. Образ города присутствует на семи гравюрах в одних и тех же эмблематических текстах, а в венском их образ города появляется еще на двух.

Можно выделить следующие модели образа города, которые используются в визуальных текстах для иллюстрации статьи-моралите: сакральный (библейский), город как пейзаж, город как место действия. Особо выделяется статья «Примирение ко всем», где город предстает как символ взаимопомощи, согласия, братолюбия. На гравюрах представлен большой европейский город, а на переднем плане — угломер, линейка, угольник, циркуль — приборы, необходимые при строительстве города. Смысл образа раскрывает четверостишие: «Град веру горы стоящ всем есть зримый / светел, красен и непреоборимый. / Примирение к всем, град есть таковы, / не разорят и ни вражды, ни ковы». Согласие, взаимопомощь, слаженность в действиях нужны и при строительстве города, и при его защите, и во время проживания. На гравюре работы Ивана Филипповича отсутствуют измерительные приборы, а град изображен на горе, окруженный крепостной стеной. Здесь используется классический образ средневекового европейского города.

Сакральный город представлен в гравюрах к статьям «Воздаяние родителем», «Путь двойственный», «Претерпение или постоянство». Эмблематический текст «Воздаяние родителем» предваряется гравюрой с изображением храма Соломона в Иерусалиме. На в трех изданиях, кроме львовского, изображения идентичны. Храм представляет собой высокое монументальное сооружение, окруженное тремя рядами крепостных стен. Иван Филиппович изобразил совершенно иной по архитектуре храм, на куполе которого возвышается огромная статуя. Никаких стен вокруг храма нет. В статье говорится о необходимости воздаяния родителям, «яко тело и воспитание давшим». Начинается текст с сентенции о том, что человек «по достоянию воздаяния сотворити не может Богу, родителем, учителем». Как царь Соломон воздвиг храм, отдавая должное Богу, так и каждый человек должен почитать и быть благодарным родителям.

Только в венском издании на гравюре к тексту «Путь двойственный» мы видим изображение города. На гравюре показано два пути, которые ведут в град небесный и ад. Автор композиции противопоставлением града небесного и огненного ада усилил смысл статьи о том, что широкий, наполненный веселие путь приводит к гибели, а узкий, тернистый, наполненный страданиями — к спасению.

Текст «Претерпение или постоянство» посвящен необходимости постоянного самосовершенствования, духовного развития. Остановившийся в работе над собой и оборачивающийся назад сравнивается с женой Лота, которая остановилась и обернулась, чтобы посмотреть на горящий город Содом и превратилась в соляной столп. На гравюре изображен разрушаемый небесным огнем город и смотрящая на него женщина.

Город как пейзаж, расположенный на втором плане сюжетной композиции, присутствует в гравюрах к статьям «Предание человеческая». Основная мысль эмблемы выражена в стихах: «Ниже на десну и ниже на шую / страну попустим мысль нашу слабую. / Разве бо сице добре кто успеет / и пиявица добр путь тако меет». На переднем плане гравюры мы видим улитку («пиявицу»), которая переползает по веточке через речку, за которой раскинулся город. Город на всех гравюрах представлен церковью, колокольней и одним-двумя домами. Все строения выполнены в европейском архитектурном ренессансно-барочном стиле. Здесь образ города подчеркивает некую отправную или конечную точку пути, причем пути и земного, и духовного. В статье говорится о том, что как улитка медленно переправляется с одного берега на другой, так и человек, соблюдая все заповеди, чтя предание (Священное Писание), следуя катехизису (содержащемуся в «Букварях языка славенского») пройдет праведный путь по жизни.

Только в венском издании в статье «Любовь к ближнему» два отрока, обменивающимися венками и символизирующие любовь к ближнему, которая «светит и греет», изображены не на лоне природе, как в гравюрах к остальным изданиям, а на фоне городского пейзажа с регулярным парком.

Город как место действия предстает в гравюре, изображающей гибель царя Эгея, служащей иллюстрацией к статье «Любовь родителей к чадам». На гравюрах изображен царский дворец в Афинах на берегу моря, с балкона которого бросается в пучину Эгей, увидевший корабли, возвестившие о гибели сына Тесея. В статье говорится о необходимости быть внимательным к родителям в самых мелочах, ибо невнимание и нерадение могут не только их ранить, но и убить.

В статье «Долг сыновний» говорится о необходимости почитать родителей, повиноваться им на протяжении всей их жизни. На гравюрах представлено два дома западноевропейского города. Один дом крепкий, ухоженный — его создают своим почитанием, уважением и послушанием родителям дети. Другой дом — ветхий, вот-вот готовый обрушиться, символизирует нерадивых детей, не слушающих своих родителей. На гравюре Ивана Филипповича этот аллегорический образ еще более усилен. Второй дом показан как уже обрушившийся и нерадивые дети созерцают его руины.

На гравюре к тексту «Сребролюбие» мы видим городской пейзаж с памятником («идолом»). Сребролюбец сравнивается с идолопоклонником, отдающим душу бесу.

Образ города в книге «Ифа и иерополистика» использовался для обозначения места событий, сюжет которых использовался в назидательной статье, как образ конкретных городов из Священного Писания или мифологии (Иерусалим, Содом, Афины), а также как пейзаж, подчеркивающий топографию сюжета. Во всех гравюрах предстает образ европейского города, что говорит о влиянии книжного искусства западноевропейских мастеров на работы Никодима Зубрицкого, создавшего первоначальный визуальный книги и развиваемый последующими мастерами.

А.Д. Щеглов
д.и.н., в.н.с. ИВИ РАН

«Небольшая хроника, составленная на шведском языке»: рукопись XVI века и ее создатель

«Шведская хроника» реформатора и историка Олауса Петри — одно из важнейших шведских исторических сочинений XVI в. и ценный источник по истории Швеции. Датировка и история создания этой хроники являются предметом дискуссий. В связи с этим следует отметить, что в стокгольмской Королевской библиотеке хранится памятник, важный для датировки «Шведской хроники» и уточнения обстоятельств ее создания. Он представлен манускриптами D 25 (40-е гг. XVI в.) и D 439 (XVII в.). Список D 439 по каталогу библиотеки числится как самостоятельное произведение, основанное преимущественно на «Шведской хронике» Олауса Петри. В действительности, D 439 — позднейший список источника, представленного манускриптом D 25, и самостоятельного значения для дискуссии о «Шведской хронике» не имеет.

Значительно более важен манускрипт D 25 — книга *in quarto*, озаглавленная *En lithen krönika vt draghen påå swensko* («Небольшая хроника, составленная на шведском языке»). Текст выполнен од-

ним писцом — владельцем рукописи. Он указал свое имя — Педер Йонсон, дату — 1546 год и место создания — г. Стренгнес. Исследователи обратили внимание на этот источник. Э. Лундмарк считал, что D 25 — выжимка из хроники Олауса Петри в древнейшей версии — «редакции 1». Г.Э. Клемминг предположил: текст D 25 содержит выдержки из какой-то черновой версии хроники Олауса Петри. Но ни Клемминг, ни Лундмарк не осуществили подробный анализ текста D 25. В данном докладе я приведу результаты моего исследования рукописи, охарактеризую ее особенности, сделаю попытку установить личность писца и владельца манускрипта.

При знакомстве с памятником видно, что он состоит из лаконичных заметок — выписок, частично систематизированных, нередко обрывочных. По содержанию заметки близки хронике Олауса Петри. Своеобразна орфография: на письме, возможно, отразилось диалектальное произношение.

Текст D 25 имеет принципиальные отличия от «Шведской хроники». Они касаются компоновки материала, полноты сведений, стиля изложения. Различия видны уже в начале, где рассказывается о языческих верованиях. В D 25 нет, например, характерных для «Шведской хроники» параллелей с верованиями жителей Германии; нет ссылок на древние законы. Текст сухой, конспективный, с ним контрастирует живое, увлекательное повествование Олауса Петри. Нет оговорок типа «по всей видимости», «вероятно»: вся информация подана как полностью достоверная. Таким образом, в D 25 нет многого из того, что составляет авторский стиль Олауса Петри.

Материал в D 25 дан отчасти в виде тематических блоков, отчасти в виде коротких, обрывочных сообщений. Так, после «блока» сведений о языческих верованиях следует «блок» информации о готах. Эта информация примерно соответствует сведениям, содержащимся в «Шведской хронике». Но в D 25 материал о готах дан компактно, а в «Шведской хронике» распределен по тексту, в соответствии с хронологией и общим планом повествования.

Следующим «блоком» в D 25 дан рассказ о введении христианства в Швеции. Информация в значительной степени совпадает со сведениями «Шведской хроники», но есть и различия. Так, в D 25 в иной последовательности рассказано о деятельности миссионеров Стафана и Адальварда. Сначала полностью описана деятельность Стафана, вплоть до его смерти и захоронения, затем, так же компактно, приведены сведения о деяниях Адальварда. А в «Шведской хронике» Олауса Петри рассказ начинается с описания деятельности Стафана, затем сообщается об Адальварде, затем — вновь о Стафане.

Далее в D 25 следует «блок» о древних городах — Бирке, Скаре и Сигтуне. Вновь — характерная деталь: информация, которая у Олауса Петри дана с оговорками, в D 25 преподносится как абсолютно достоверная. У Олауса Петри сказано, что Бирка — повидимому, древнейший город, а по D 25 — однозначно древнейший. Компоновка сведений иная, чем в «Шведской хронике»: от рассказа о древнейших городах D 25 переходит к повествованию о торговых местечках (чёпингах) и о ввозимых иноземных товарах.

Далее по тексту D 25 мы видим те же отличия от «Шведской хроники»: изложение конспективно, обрывочно, хронологически непоследовательно; сведения не интегрированы в единое повествование. Отсутствуют оговорки типа «судя по всему», «как некоторые полагают». Отсутствуют многие рассуждения, характерные для Олауса Петри. Нет большинства ссылок на законы и многие другие источники, упомянутые в «Шведской хронике».

В рукописных собраниях Швеции имеется немало манускриптов, содержащих извлечения из хроники Олауса Петри. Кодекс D 25 не похож на эти компендиумы. Не исключено, что рукопись D 25 относится к подготовительной стадии работы над «Шведской хроникой» и соответствует не «редакции 1», а более раннему тексту — некой не сохранившейся черновой версии хроники.

Сложен вопрос о том, как выглядела эта версия. Являла ли она собой цельный, законченный текст? Или она представлена лишь текстами того же типа, что D 25? Так или иначе, D 25 отражает ранний этап в создании «Шведской хроники» и, возможно, содержит более архаичный текст, чем известные ранние версии хроники Олауса Петри.

Остается вопрос: кто такой Пер Йонссон — создатель и владелец рукописи? С большой степенью вероятности можно предположить, что речь идет о герре Пере Йоганссоне, священнике и купце, который по поручению короля Густава Васы закупал серебро на шведских приисках, затем стал бюргером Стокгольма, а впоследствии настоятелем церкви в Стренгнесе. Пер Йоганссон приходился отцом Йерану Перссону — могущественному советнику короля Эрика XIV — и дедом Эрику Йеранссону Тегелю, знаменитому шведскому историку.

В пользу предположения о том, что создателем рукописи являлся Пер Йоганссон, священник, бюргер и торговец, говорит и эпиграф — латинский стих *Non clamor, sed amor sonat in aure Dei* («Не вопль, но любовь отзывается в ухе Божьем»). Косвенным аргументом в пользу моего вывода является и очевидный интерес создателя текста к церковной истории, городам и торговле.

«Либеральствующий коммунист» Бухарин в сатирическом журнале «Крокодил» в 1929 году

В сатирическом журнале «Крокодил» за весь 1929 год умалчивается о тех, кто *был лично* причастен к «правым».

«Правый уклон» имеется, но «правых» деятелей не называют по именам, «тезисы» правого уклона разоблачают, но не персонально тех, кто их выдвигал. Страна знала, кто есть кто, но в сатирическом журнале «Крокодил» фактически было запрещено называть личности тех, кто создавал «правую опасность» в 1929 году. В тридцать третьем номере журнала за сентябрь был опубликован характерный рисунок с надписью, в которой высмеивается «правое высказывание», но не называется тот, кто *очень узнаваемо* изображен на рисунке, — Николай Иванович Бухарин.

Почему он, Бухарин, назван «шатающимся»? В партийной среде этот термин распространился в 1928 г. для обозначения тех, кто колеблется в мелкобуржуазной стихии, когда партия использует «чрезвычайные меры» в изымании «излишков» хлеба у крестьян. Вопрос этот обсуждался на июльском пленуме ЦК ВКП(б) в 1928 году. Сталин тогда впервые и к удивлению многих большевиков, в том числе Бухарина, назвал эти меры «данью», налагаемую на крестьян ради спасения всей экономики страны. Слова «либерализм», «либеральный» Сталин часто использовал для опровержения тех, кто сопротивлялся тезису о «дани». «Либеральный голос» Бухарина — явный отголосок тех дискуссий, особенно на пленуме ЦК партии в апреле 1929 г., когда Сталин едва ли не постоянно вводил в негативную оценку своих оппонентов упомянутые слова. Так, на пленуме произошел резкий спор с участием Сталина, когда Д.П. Розит, сторонник Бухарина, обвинил А.И. Микояна, наркома торговли, в «чрезвычайно низкой экономической грамотности» из-за попыток дискредитировать теорию Бухарина. Розит говорил: «...эта дискредитация (Микояну. — А. Ю.) не удалась, потому что цитата, которую он пытался приписать тов. Бухарину, насчет “мирного вращивания кулака в социализм”, оказалась гнуснейшей ложью, фальшивкой. У Бухарина нет этого, там сказано “кулацкие кооперативные гнезда” и эти кулацкие гнезда поставлены на одну доску с концессионными предприятиями. Микоян говорил, что нужно эту книгу распространить. Это правильно, тогда не будет фальсификации цитат из Бухарина и полезно вообще заглянуть в эту книгу» (Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1928 гг. В 5 тт. М., 2000. Т. 4: Объединенный пленум ЦК и ЦКК

ВКП(б) 16–23 апреля 1929 г. / Отв. ред. В.П. Данилов, А.Ю. Ватлин, О.В. Хлевнюк. С. 287).

Возникла перепалка:

«Рудзутак: А внук кулака?»

Розит: И “внук кулака”, если вы правильно понимаете, что такое концессионное предприятие, ничего не меняет в этом деле.

Сталин: Либерал.

Розит: Ваши крики насчет либерала не липнут к Бухарину.

Сталин: Это вы либерал.

Розит: Вы, тов. Сталин, стараетесь утверждать, выдавать за действительность свою ложную, неправильную, анти-ленинскую теорию дани, вы вслед за кулаками называете переплаты крестьянства данью, а либералом стараетесь изобразить Бухарина, это ложь, это в корне неверно, неправда (курсив мой. — А. Ю.). Вам словами не удастся замазать той действительности, которая существует. Бухарин лучший теоретик в нашей партии и Коминтерне» (Как ломали НЭП. С. 287).

Сталин, отвечая оппонентам, утверждал, что термин «дань» встречается даже у Ленина, и Бухарин «угодил пальцем в небо». Генсек максимально упрощал ситуацию, чтобы развести своих сторонников и противников на два лагеря. Противники оказывались не марксистами, а «либералами»: «Тов. Бухарин говорил здесь, что марксисты не должны терпеть в своей литературе слово “дань”. О каких марксистах он говорил? Если он имел в виду таких, с позволения сказать, марксистов, как Слепков, Марецкий, Петровский, Розит и т.д., которые смахивают скорее на либералов, чем на марксистов, то возмущение тов. Бухарина вполне понятно» (Как ломали НЭП. С. 476).

Сталин называл Бухарина «либеральствующим коммунистом», который пытается «развинтить партию в ее борьбе против правого уклона» (Как ломали НЭП. С. 495).

Слова «либерализм», «либеральный» на апрельском пленуме ЦК использовал и В.М. Молотов, улавливая в настроениях Сталина этот особый крен осуждения своих главных противников. А вот А.И. Рыков, когда опровергал обвинения в «правом уклоне», указывал на неприемлемость (и ненужность) этих слов при обсуждении серьезных проблем экономики страны.

Возражая А.И. Микояну, он говорил на апрельском пленуме: «Толковать теперь о росте товарности и увеличении товарооборота — это, говорят нам, значит скатываться к “либерализму”, “оп-

портунизму” и чему-нибудь еще в этом духе» (Как ломали НЭП. С. 343).

Никаких других *сближений* с лидерами объявленного (в начале 1929 г.) «правого уклона» не было ни в рисунках, ни в текстах журнала «Крокодил» за весь 1929 год. Цель пропагандистской кампании сводилась к тому, чтобы навязать борьбу не с отдельными лидерами «правого уклона», которых надо постоянно уличать и разоблачать, а со всеми теми, кто выражал веру в успех политики НЭПа, как он был задуман Лениным и осуществлялся главным теоретиком партии — Н.И. Бухариным.

Д.Г. Юшко
н.с. ОПИ ГИМ, аспирант РГГУ

Управляющий имениями и крестьяне: по материалам пособия А.К. Бодэ «Управитель русского имения»

Александр Карлович Бодэ (1780 – не ранее 1857) принадлежал к французской дворянской семье, которая в 1795 г. эмигрировала в Россию. Служил на военной и гражданской службе. Стоит особенно выделить занимаемую им должность директора Училища виноделия в Судаке с 1824 по 1833 годы. Он первым в Крыму ввел рядовую и разреженную посадку лоз по сортам, обрезку и формировку кустов. При нем были высажены 28 тыс. лоз французских сортов, масличные, миндальные, ореховые деревья и лавр. Также служил управляющим в частных имениях Ланских, графов Соллогубов и т.д. (Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 305). Бодэ активно публиковался в различных хозяйственных изданиях и передавал свой опыт в Вольном экономическом обществе. Для нашего исследования важна та часть его жизни, которая была посвящена хозяйственной деятельности и послужила основой для его книги.

Пособие вышло в Санкт-Петербурге в 1847 г. отдельным изданием, объемом 120 листов: оно состоит из предисловия, 7 подразделов и оглавления.

В предисловии автор пишет: «Совестливое управление имением занятие весьма благородное и общепользное, одно из важнейших вспомогательных средств к утверждению государственного богатства и нравственности и незыблемости государственной самостоятельности. Я попытаюсь изложить подробно всю пользу, которую хороший управляющий имением может доставлять государству». (Бодэ А.К. Управитель русского имения. СПб. 1847. С. 2) Должностному соответствию управляющего и его государственной значимости посвящены первые два раздела пособия: «Польза государственная» и «Качества хорошего управителя».

На первый план выставлены нравственное поведение, умение вести себя должным образом как с вышестоящими — помещиками, так и с нижестоящими — крестьянами, то есть моральные ценности, а только потом практическая сторона дела.

Боде выделяет комплекс необходимых качеств для квалифицированного управляющего, главными из которых являются: непоколебимая честность; неутомимая деятельность; хладнокровность; христианское сознание; обладание милосердием и несварливым нравом. Управляющий должен быть из того сословия, что и помещик. Автором подмечено следующее: «а ежели ими будет начальствовать равный или близкий к их сословию, то и уважение к нему уменьшится в той же соразмерности...» (*Боде А.К. Управитель. С. 32.*) Ему следует быть образованным человеком в области архитектуры, земледелия, счетоводства. При этом он должен быть довольно хитер, чтобы понимать характер крестьян, потому что «эти люди, с наружным видом простоты, бывают чрезвычайно хитры, когда дело касается собственного их интереса» (*Боде А.К. Управитель. С. 37.*) В повседневной жизни управитель должен быть непременно трезвого поведения и желателно семьянином: «то есть давать собою подчиненным своим пример благочиния, строгих, честных правил, любви к ближнему, повиновения и уважения к отечественным законам, любознания и неутомимой полезной деятельности и получает этим нравственное право требовать от подчиненных последование его примеру» (*Боде А.К. Управитель. С. 3–4.*)

Практическая часть пособия представляет собой разделы, посвященные управлению имениями оброчным и состоящем на пашне. «Само собою разумеется, что управитель должен хорошо знать все, что относится до земледелия, скотоводства, пчеловодства, и вообще обыкновенных статей в сельском домоводств, и уметь применить общие правила к местностям». В качестве примеров Боде приводит хозяйственные особенности Лифляндии, Пензенской и Саратовской губерний, связанные с местами его службы. Основополагающими методами управления вотчиной и взаимодействия с крестьянами являются методы разумного убеждения, постепенности внедрения нововведений (в том числе на собственном примере) в хозяйственную деятельность. Особую значимость Боде придавал публичности «вотчинной жизни», то есть «прозрачности» решений с участием мира: «Для вернейшаго успеха в этом деле мирские совещания ... должны всегда происходить в присутствии управляющего, что удержит заносчивость богатых в должных пределах» (*Боде А.К. Управитель. С. 47.*)

Пособие по управлению имением барона А.К. Боде заметно отличается от других произведений подобного жанра. В издании тесно стыкуются между собой моральные и практические аспекты, спо-

собствующие продуктивной деятельности вотчины. Такой идеалистический подход современники приняли неоднозначно. Вот что писали на страницах журнала «Отечественные записки»: «Аксиома, которую доказывает барон Бодэ, не требовала доказательства, или сочинение книжки (это не книга) под заглавием “Управитель русского имения” есть действие, не имеющее достаточного основания». (11 Библиографическая хроника. Русская литература // ОЗ. 1847. Т. 55. С. 36–38).

Данная публикация была далека от той действительности, в которой находились дворянские имения в середине XIX века. Многие помещики не очень интересовались текущим положением вещей в имении, рассчитывая, в первую очередь, на получение максимальной прибыли, а пособие, предложенное автором, представляло набор чисто теоретических предложений. Вотчинникам, занимавшимся своим хозяйством, требовались практические рекомендации, которые Александр Карлович предложить не мог. Следует отметить, что Бодэ уважительно относился к русскому крестьянину: «Русский мужик очень смьшлен и рассуждает весьма основательно, когда только захочет» (*Бодэ А.К. Управитель. С. 4.*), но не всегда его понимал. Он надеялся, что нововведения, вводимые им путем убеждения крестьян: «приведут их самих к разным открытиям и усовершенствованиям» вместо «недостойного препровождения свободного времени» (*Бодэ А.К. Управитель. С. 15.*). А для лучшего взаимодействия с крестьянами управляющий «должен знать русскую грамоту, чтобы не был в зависимости у своего писаря».

«Наивные» представления автора пособия с реалиями крестьянской жизни не всегда совпадали. Поэтому данное пособие можно рассматривать как проект экономического преобразования помещичьего хозяйства, в котором Бодэ выстраивает идеальную вертикаль: помещик-управляющий-крестьяне, краеугольным камнем которой он видит управляющего. Проект невыполнимый, но сам автор желал, «чтобы долготелняя его опытность послужила для общественной пользы» (*Бодэ А.К. Управитель. С. 120.*)

*В. А. Якунина,
м.н.с. НИЦ НовГУ*

Специфика перевода некоторых терминов в письмах орденских и муниципальных властей Нарвы к Ревелю в XV веке

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ №19-18-00183

Архив средневековой Нарвы до наших дней не сохранился. Часть его, которая существовала к концу Ливонской войны, погибла во время крупных пожаров 1610 и 1659 гг. или же во время Северной войны 1700–1721 годов. Полностью не сохранился и архив

Нарвского замка, принадлежавший орденской администрации, хотя еще в преддверии XIX в. в одной из башен замка хранился архив фогтов Нарвы вместе с грамотами XVII в., который в 1823 г. за ненужностью был отослан на бумажную фабрику на переработку (*Dieckhoff E. Das Narvasche Stadtarchiv // Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1928. Dorpat, 1930. S. 96–115*).

В этой связи историкам остается обращаться к фондам Таллинского городского архива, а именно к фонду ревельского магистрата (Tallinna Linnaarhiiv, f. 230, Tallinna magistratuur), который содержит письма орденской администрации (фогтов и хаускомтуров) и городских властей (магистрата) Нарвы, адресованные в Ревель. В основу данной работы легли коллекция писем фогтов (TLA. 230, BV 52 I), включающая 84 документа за период с 1375 по 1510 годы, и документация нарвского магистрата (TLA. 230, BD 8 II), содержащая 66 писем, датируемых с 1473 по 1494 годы. На данный момент часть писем либо не опубликована, либо приведена на средненижнемецком языке в сборниках «Liv-, -Esth -und Curländisches Urkundenbuch» и «Hansisches Urkundenbuch». Небольшая часть (письма, касающиеся вопросов «Первой Ливонской войны» 1480–1481 гг., опубликована в переводах М.Б. Бессудновой (*Бессуднова М.Б. Первая Ливонская война, 1480–1481 годы. Документы. СПб., 2019*).

Одной из главных проблем исторического перевода является сохранение специфики значения термина, который должен быть органично вписан в исторический контекст и понятен читателю, при этом эквивалент в другом языке не всегда имеется. Ярким примером такой ситуации является термин «ordell» — *das Urteil* (вердикт, приговор, судебное решение, либо мнение, суждение, решение). В корреспонденции магистрата Нарвы в Ревель он употребляется более 80 раз. Мы наблюдаем два наиболее частых значения: первое — приговор, судебное постановление, второе — судебный иск. Для обозначения приговора по делу, который был вынесен судом, также используются термины «delinghe» (*die Teilung*) и «affsprake» (*das Aussprache*). В словаре под редакцией Карла Шиллера и Августа Люббена (*Schiller K., Lübben A. Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Bremen, 1875. Erster Band. A-E.*) для термина «delinghe» со знаком вопроса встречается еще определение «Antrag auf ein Urteil» (ходатайство на вынесение приговора), однако в указанном комплексе источников данное значение отсутствует. В значении «иск», «жалоба» у нас имеется указанный выше термин «ordell», а также «clage» (*die Klage*), при этом частота использования «ordell» гораздо выше, у нас имеется лишь менее десяти употреблений существительного «clage». При использовании термина «ordell» вместе с прилагательным «boschulden» (от *beschuldigen* — обвинять) корректным переводом является такое слово, которое бы обозначало обвинение, офици-

ально оглашенное пред членами Совета лично истцом, либо через полномочного представителя. Наиболее подходящим для нас в таком случае представляется словосочетание «обвинительный иск».

Отдельного внимания заслуживает вопрос перевода официальных русских должностей и социальных статусов. Так, наиболее простым для понимания является перенос русского названия, как в случае с определением «боярин», фигурирующим в письмах в фактически неизменном виде «beuag» (TLA. 230. BV 52 I, fol. 78). Однако гораздо чаще встречается попытка осмыслить статус должностного лица и перенести его должность на немецкий манер. В некоторых случаях, как с великим князем, именуемым «groethforstenn», проблем не возникает, но имеются и сложные для адаптации и перевода термины. Так, в указанном нами комплексе документов имеется письмо магистрата Нарвы в Ревель по поводу фальшивомонетчика Василия Сарая (TLA. 230. BD 8 II, fol. 50). В документе воевода Ям-города несколько раз упоминается то как «stadtholder», то как «hovetman», при этом так же именуется и комендант Выборга в письме фогта Герман фон Гимбте (TLA. 230. BV 52 I, fol. 25). Такая же неопределенность возникает для ряда других терминов, которую невозможно решить без обращения к историческому контексту и отказа от буквального, дословного перевода. Адаптация перевода к нормам и категориальному аппарату русского языка позволит наиболее точно понять и воспроизвести содержание средневековых текстов.

*Г.Р. Якушкин
историк-архивист*

*М.М. Якушкина
н.с. ОПИ ГИМ*

Участники борьбы за сохранение уникальных храмовых комплексов Пестяковского и Южского районов Ивановской области в 20-е – 30-е годы XX века

В Пестяковском и Южском районах Ивановской области находятся замечательные памятники архитектуры: храмовый комплекс на центральной площади и церковь на кладбище в селе Нижний Ландех; Святоезерская Иверская пустынь (женский монастырь) в селе Мугреевском. Отметим, что исторически это единая территория в составе Суздальского, а затем Гороховецкого уездов Владимирской губернии.

В 20-е–30-е гг. XX в. происходила борьба с религией и закрытие церквей, которой местные жители противодействовали. Нам представляется важным установление круга лиц, степени и формы

их участия в этом процессе, часто напрямую связанных с их биографиями.

Источниками данного исследования стали опросы нижнеландеховских и мугреевских жителей, проводимые историко-краеведческой экспедицией ГИМ с 1997 г., документы, хранящиеся в Государственном архиве Владимирской области (ГАВО) и в Государственном архиве Ивановской области (ГАИО) в фондах Пестяковского районного исполнительного комитета (РИК) и комиссии по вопросам культуры при Президиуме Ивановской промышленной области (ИПО).

Борьба за сохранение храмов напрямую была связана с деятельностью религиозных общин, полноценная деятельность которых, исходя из существовавшего в первые годы советской власти законодательства, определялась значительной группой прихожан, наличием двадцатки — только она могла получить в пользование церковь с имеющимся в ней имуществом, и знающими энергичными членами церковного совета. Первоначально существовали две общины: Нижнеландеховская (в составе более 3000 человек из 63 деревень) и Иверская (на территории Свято-Езерского монастыря).

27 марта 1923 г. в Нижнеландеховский исполком поступило заявление от Нижнеландеховской церковной общины: «Ввиду упразднения Свято-Озерского женского монастыря и приписанной к нему находящейся в Нижнем Ландехе часовни, дома и каменной палатки, а также движимого имущества, относящегося к религиозному культу, просим ВИК таковое имущество передать в ведение нашей общины на основании согласия общин с Нижнеландеховским совдепом от 5.01.1919 г., пп. I, II–V сего соглашения и назначить день к принятию такового имущества» (ГАИО. Ф. Р-1605. Д. 324. Л. 35).

Со своей стороны, за передачу храма Иверской Божьей матери общине на Святом озере боролись бывшие монахини и жители окрестных деревень, число которых достигло 85 человек. Из протокола мы узнаем, что совет общины возглавляла игуменья Платонида 2-я (Федосья Александровна Давыдова; 1860 – после 1930), а в состав совета и ревизионной комиссии входили монахини и послушницы Святоезерского монастыря. После окончательной ликвидации монастыря в 1930 г. часть насельниц переселилась в Нижний Ландех, где они влились в состав общины (среди них племянница игуменьи Софья Михайловна Давыдова, выполнявшая функции псаломщика) (ГАИО. Ф. Р-1605. Д. 324. Л. 38).

Из многочисленной Нижнеландеховской общины наиболее активные вошли в состав церковного совета: Н.В. Климовская (1872 – не ранее 1951), М.В. Малахов, А.В. Погорелкина (1870–1958), А. Бендина, Г.А. Соболев, Д.И. Курбатов (1863 – после 1929). Биографические сведения о них содержатся в жалобах в связи с лише-

нием избирательных прав. В заявлении в Пестяковскую районную избирательную комиссию Климовская протестовала против лишения избирательных прав как «служителя религиозного культа, мотивируя это тем, что она «является председателем церковного совета, занимая эту должность по выбору членов общины. Добавлю, что ранее я никогда избирательных прав не лишалась, торговли никакой не вела и чужим трудом не эксплуатировала — мой умерший в 1926-м году муж был всю жизнь кузнецом» (ГАИО. Ф. Р-1627. Оп. 1. Д. 159. Л. 6–6об.).

В целях сохранения храмов верующие упирали на соблюдение социалистической законности, в чем весьма преуспели, причем многие члены двадчатки выгодно отличались от представителей местной власти знанием существовавшего законодательства.

Д.И. Курбатов, занимавшийся «селькорством» и бывший в разные годы председателем Иверской общины и секретарем совета Нижне-Ландеховской, писал прокурору Иваново-Вознесенской губернии, в газету «Известия ВЦИК» о финансовых махинациях местных властей, нарушениях социалистической законности при закрытии церквей, бессмысленности репрофилирования церковных зданий под сельскохозяйственные и культурные нужды. В 1926 г. он ездил в Москву, побывал на приеме у М.И. Калинина, В.М. Молотова, П.Г. Сидовича и добился организации Иверской общины. Договор с общиной о передаче монастырского комплекса был заключен 28 мая 1926 г. Как ценный в историческом отношении комплекс, монастырь был поставлен на учет Главнаукой, то есть Главным управлением научными, научно-художественными и музейными учреждениями при наркомате просвещения, ведавшим тогда памятниками архитектуры (ГАИО. Ф. Р-1627. Оп. 2. Д. 11. Л. 17–23).

В апреле 1939 г. член совета общины Анна Васильевна Погорелкина в заявлении в Ивановский облисполком написала о незаконном расторжении договора с Нижнеландеховской общиной в 1938 г. и бесчинствах, совершенных сельсоветом против храмов. Ключи она оставила у себя, отказываясь отдавать их без согласия общины. На все попытки отобрать ключи она неизменно отвечала отказом. По воспоминаниям местных жителей, к ней неоднократно приезжала милиция. В 1944 г. она собственноручно открыла кладбищенскую церковь. На местном кладбище сохранилась ее могила, на кресте, покрашенном голубой краской, надпись: «Она сохранила Церковь».

В 1944 г. снова была сформирована «двадчатка», в нее вошли многие члены прежней, оставшиеся в живых и проживавшие на тот момент в селе.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редколлегии.....	5
ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ	
<i>Столярова Л.В.</i> Между прошлым и будущим: С.М. Каштанов в Историко-архивном институте.....	7
<i>Чернобаев А.А.</i> С.М. Каштанов и журнал «Исторический архив» (заметки коллеги и друга).....	15
<i>Дурновцев В.И.</i> Исторический источник в пространстве социогуманитарного и естественнонаучного знания.....	17
<i>Комочев Н.А.</i> О студенческом этапе научной биографии С.М. Каштанова.....	20
<i>Пчелов Е.В.</i> Геральдика в Историко-архивном институте РГГУ..	24
<i>Илизаров Б.С.</i> Заметка С.М. Каштанова «О типе русского государства в XIV–XVI вв.» (К проблеме синхронности исторических явлений).....	33
СЕКЦИОННЫЕ ДОКЛАДЫ	
<i>Авдеев А.Г.</i> Стихотворная эпитафия келарю Псково-Печерского монастыря Ионе: неизвестный памятник эпохи московского барокко.....	36
<i>Акимова Л.И.</i> Собака и птица в греческом искусстве: к символике образов.....	38
<i>Алексеев А.И.</i> О списке «Подробной летописи», принадлежавшем адмиралу А.И. Нагаеву.....	41
<i>Алексеева А.Н., Ляховицкий Е.А., Симонова Е.С., Сирро С.В., Цыпкин Д.О., Шибаев М.А.</i> Опыт комплексного исследования древнерусской рукописной книги: пергаменный иллюминированный Синодик ОР РНБ, ОСРК Ф.п.IV.1.....	43
<i>Алексеенко Н.А.</i> Рехенпфенниг испанского стиля мастера Корнелиуса Лауффера с Южного берега Крыма.....	45
<i>Афиани В.Ю.</i> О типологии публикаций исторических документов в электронном формате.....	48
<i>Ашмарина С.В.</i> Материалы IV Пермского губернского съезда врачей 1887 года как источник становления санитарной медицины в России.....	50

<i>Базарова Т.А.</i> Рукописные копии «Книги Марсовой, или Воинских дел...» в собрании Архива СПбИИ РАН.....	52
<i>Баранова С.И., Чернилово Л.М.</i> Описание музея Святейшего патриарха Никона в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре. 1875 г.....	55
<i>Бароне В.А.</i> Французские <i>fleurs de lys</i> как инструмент антианглий- ской пропаганды (по данным полемических трактатов первой половины XV в.).....	57
<i>Белоусов М.Р.</i> «Сказки» стряпчих июня 1653 г. и список стряпчих июля-августа 1653 г. со сведениями о крепостных дворах.....	59
<i>Богомазова А.А.</i> Весы по документам северных монастырей XVII – начала XVIII века.....	62
<i>Бондарева-Кутаренкова Т.С.</i> Звери и «оборотни» мировой дипломатии: бестиарная символика в карикатурах русской эмиграции первой волны.....	64
<i>Брюханова Е.А., Неженцева Н.В., Чекрыжова О.И.</i> Информационная система «Население городов Сибири на рубеже XIX–XX веков: по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года» как источник генеалогической информации.....	67
<i>Булатов А.М.</i> Картографическая <i>Rossica</i> . Фольклор карт Сахалина	68
<i>Булычева Е.В.</i> Данные эпиграфики об эйсфоре в Афинах IV в. до н.э.....	71
<i>Валева Н.Т.</i> «Беру уроки чистого афеизма...»: к значению и употреблению буквы <i>фита</i>	74
<i>Вершинина Ю.Е.</i> Генеалогии в «Церковной истории народа англов» Беды Досточтимого: Функции и особенности построения.....	76
<i>Вознесенская И.А.</i> К вопросу о происхождении гравюр из устава Адама Вейде.....	78
<i>Володихин Д.М.</i> К вопросу о причинах смены оформления российской серебряной банковской и золотой монеты общегосударственной регулярной чеканки при Александре III	80
<i>Вревская Н.А.</i> Трансфер бумажной технологии из Западной Европы в Россию в первой четверти XVIII века. Проблема историографии.....	82
<i>Гимон Т.В.</i> Зарождение института жалованной грамоты: дискуссия на англо-саксонском материале.....	84
<i>Глазьев В.Н.</i> Осадные головы Курска в XVII в.: коллективный портрет.....	87
<i>Горбатов Е.Н.</i> Титулованное дворянство в жилецких списках 1643–1651 годов.....	89

<i>Грязнов А.Л.</i> Канцелярия князя Юрия Васильевича Дмитровского	91
<i>Гуськов А.Г.</i> «Столбцы» — «столпы» — «столпики»: терминологическая дискуссия.....	93
<i>Добровольская Л.И.</i> Знаки ордена Св. Александра Невского в собрании Государственного Эрмитажа (обзор коллекции).....	96
<i>Дудина О.В.</i> Контроль за денежными сборами и мерами сыпучих тел на территории Белгородского разряда во второй половине XVII века.....	98
<i>Елохин К.А.</i> Двуглавый орел на медали, отчеканенной к провозглашению Фердинанда VII в 1808 году.....	100
<i>Емелин И.Б.</i> Герб-псевдоним графов Северных.....	103
<i>Ермолова И.Е.</i> Греко-римские алтари в Северном Причерноморье по Аммиану Марцелину.....	104
<i>Ерусалимский К.Ю.</i> Итинерарий Ивана Грозного. Проблемы интерпретации актовых источников.....	106
<i>Жуков А.Е.</i> К истории формирования Библии Матфея Десятого.....	108
<i>Звездина Ю.Н.</i> Герб Иисуса Христа в изобразительном искусстве XV–XIX веков.....	111
<i>Зверев С.В.</i> «Славянофильский» герб на российских медных монетах 1849–1858 гг. и бумажных деньгах 1841–1865 гг.....	112
<i>Зверев С.В., Кользин А.М.</i> Особенности монетного производства и техника изготовления пул в Тверском великом княжестве в XV веке.....	115
<i>Зверкина Г.А.</i> О возникновении десятичной нумерации.....	118
<i>Илизаров С.С.</i> «Приблизить к реальному читателю». Как было снято введение О.А. Добиаш-Рождественской к сборнику «Агрικультура в памятниках Западного средневековья».....	120
<i>Илларионова Л.И.</i> В.Д. Юшманов — палестиновед, издатель, архивист.....	123
<i>Казбекова Е.В.</i> Загадки переплета экземпляра Библии Гутенберга в РГБ.....	125
<i>Калинина Т.М.</i> Письмо «королевы франков» халифу ал-Муктафи...	128
<i>Каретников А.Л.</i> Чертеж 1691 года окрестностей сельца Медведево Кистемского стана Переславль-Залесского уезда...	130
<i>Кириллова Д.А.</i> «По новому чину и старому полку».....	132
<i>Кириллова Е.Н.</i> Лакуны XVII века в коллекции Ламуаньона (РГАДА).....	134
<i>Кобяк Н.А.</i> По ту сторону старообрядческих гектографированных изданий. Несколько слов о методике описания.....	136
<i>Колесов В.И.</i> Не все дороги ведут в Армавир: генеалогии, социальные связи и семейные истории черкесогоаев Богдасаровых.....	138

<i>Коновалова И.Г.</i> Образы стран в анонимном «Описании Восточной Европы» начала XIV века.....	141
<i>Корзинин А.Л.</i> Датировка писем Василия III Елене Глинской и перспективы исследования итинерариев великих князей и княгинь Московских XV – первой трети XVI века.....	144
<i>Королева А.В.</i> Правила приема младенцев в Воспитательные дома за 1882 и 1894 годы: источниковедческие аспекты.....	146
<i>Круглова Т.А.</i> О прообразе нескольких поддельных грамот, датируемых временем Ивана Грозного.....	148
<i>Кручинин А.С.</i> Флаг, герб, кокарды и пуговицы: сепаратистские тенденции в символике Всевеликого войска Донского (1918)...	151
<i>Кузьмин А.В.</i> «Сфера неподвижных звезд» и «беспредельное пространство Космоса»: к 450-летию со дня рождения Иоганна Кеплера (1571–1630).....	153
<i>Кулиев Т.А.</i> Монетные клады Карабаха.....	156
<i>Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.</i> Думный дяк Андрей Щелкалов и его личные имена.....	160
<i>Лобанов Д.В.</i> Некрополь Шервудов в Донском монастыре.....	162
<i>Локтева А.А.</i> Роль визуальных источников в исследовании пород домашних собак в повседневной жизни России в начале XX века.....	164
<i>Мажуга В.И.</i> Буквенная разметка глосс в юридических рукописях XIII века.....	165
<i>Майко В.В.</i> К вопросу о правомочности применения термина «закрытый комплекс» в российской бонистике 1917–1923 годов	167
<i>Малыгина А.А.</i> Роберт Бэст, Генри Лэйн, Дэниэл Сильвестр: английские «торговые мужики» на службе дипломатии.....	170
<i>Манцеров И.И.</i> Реки в городском ландшафте Твери на рубеже XIX–XX веков: эколого-исторический аспект.....	172
<i>Мартынова Я.В.</i> Польско-литовские шляхетские фамилии в России в XVII веке.....	175
<i>Матисон А.В.</i> Наследственная приказная служба в русских монастырях в XVII–XIX веках (тверской род Борзиковых).....	177
<i>Медведева Т.В.</i> «Тайные» публикации царской переписки: о двух археографических казусах в новейшей истории.....	179
<i>Мельник А.Г.</i> Новый источник по истории Ростовского княжества середины XV века.....	181
<i>Митрофанов А.А.</i> Городская геральдика в эпоху Наполеона: рецепция французского имперского опыта в Итальянском королевстве в начале XIX века.....	183
<i>Моисеев М.В.</i> Московское царство и ханства Средней Азии: маршруты движения дипломатических миссий.....	186

<i>Мокерова Е.Ю.</i> Нумизматические находки на территории Вятской губернии и Императорская Археологическая Комиссия.....	188
<i>Мошкова Л.В.</i> «Война текстов»: духовная князя Михаила Андреевича и его последнее dokonчание с Иваном III.....	191
<i>Мурзин-Гундоров В.В.</i> Погребальный замысел Нового Иерусалима: от гробниц-кенотафов и августейшей ниши до дворянского некрополя.....	193
<i>Незговорова В.В.</i> Офицерское собрание лейб-гвардии Саперного батальона в начале XX века.....	196
<i>Нуйкина Е.Ю.</i> К вопросу о применении методов дипломатики, разработанных С.М. Каштановым, при изучении документов судебно-следственных дел по обвинению духовенства в советский период.....	198
<i>Опарина Т.А.</i> «Кречетник» турецкого султана Михаил Дмитриев Дуганжи (Дунганжи) в России.....	200
<i>Паскаль А.Д.</i> Об ошибочной атрибуции Миней служебной, март (РГБ. Ф. 310. № 80) из библиотеки молдавского монастыря Путна.....	202
<i>Перхавко В.Б.</i> Вещественные памятники истории России (XVI – начало XX века): проблемы восприятия, выявления и учета....	205
<i>Петрова М.С.</i> Смерть у Имре Мадача в контексте просопографического исследования.....	208
<i>Полонский Д.Г., Рамазанова Д.Н.</i> Восточнославянские учебные издания и их сербские читатели первой половины XVIII века	211
<i>Поляков И.А.</i> Основные проблемы и перспективы реконструкции истории поступления документов с автографами императора Петра I в Императорскую публичную библиотеку.....	214
<i>Пономарева И.Г.</i> В добавление к генеалогии Серпуховской ветви московских Рюриковичей.....	217
<i>Русина Е.В.</i> К вопросу о киевском летописании XV века.....	219
<i>Сарафанов Д.Е.</i> Исповедные ведомости как источник по изучению территории заводских приходов Кольваново-Воскресенского горного округа во второй половине XVIII – начале XIX века.....	222
<i>Свиридонова А.А.</i> Материалы фонда РГАДА 1475 «Канцелярия архиепископа Московского и Всея Руси» как источники по изучению печатей приходов и общин Древлеправославной (Старообрядческой) Церкви Христовой начала XX века.....	224
<i>Сень Д.В.</i> Реконструкции ранней биографии С.Т. Разина: дискуссионные вопросы.....	226
<i>Сергеев А.В.</i> Князья Гундоровы в Русском государстве XVI–XVII веков: служебная деятельность и землевладение.....	229

<i>Серебрякова Е.И.</i> «Солнце Умное» (сказания о Богоматери Тихвинской) из собрания П.И. Щукина (ГИМ, Щук. 124): кодициологические и текстологические наблюдения.....	231
<i>Симонов Р.А.</i> Возможности «сатурновых дел» в исторической связке Россия — Запад.....	234
<i>Синчук И.И.</i> Об открытии новой группы источников по истории древнегреческой математики.....	236
<i>Смирнова М.А.</i> Автобиографическое наследие библиофила Я.Ф. Березина-Ширяева.....	239
<i>Солодкин Я.Г.</i> К предьстории создания «киприановской» редакции синодика «ермаковым казакам».....	241
<i>Сонищева Н.Е.</i> Особенности источниковедческого изучения современной электронной переписки: к постановке проблемы	243
<i>Степанова Ю.В., Гаврилов П.В.</i> Новгородское землевладение в Тверской половине Бежецкой пятины в конце XV века по данным писцовых книг.....	246
<i>Суриков И.Е.</i> Антропонимы и топонимы: ойкисты и названия древнегреческих городов.....	248
<i>Таирова Т.Г.</i> Личные печати казацкой старшины как источник по истории Украины XVII века.....	251
<i>Таценко Т.Н.</i> Идеология особого пути развития немецкой письменной графики в Новое время.....	252
<i>Тихомиров Н.В.</i> Школьные учебники по истории СССР (1937– 1964) как исторический источник.....	254
<i>Тихонов В.В.</i> Школа М.Н. Тихомирова через призму схолярных подходов.....	256
<i>Тугов К.М.</i> История лесных пожаров в России и США: сравнительный историографический анализ.....	259
<i>Устинова И.А.</i> Был ли митрополит Рязанский Стефан местоблюстителем патриаршего престола? Источниковедческий аспект.....	260
<i>Ушаков А.В.</i> Письма «новгородских гостей» Любека времен начала Ливонской войны (из Таллинского городского архива)..	263
<i>Фролов А.А.</i> Хлебный оброк на землях, подведомственных новгородскому Дворцу в последней четверти XV – начале XVI века.....	265
<i>Хоруженко О.И.</i> Известие В. Я. Левашова о рядной записи Дмитрия Ивановича Донского.....	267
<i>Худин К.С.</i> Рукопись Аптекарского приказа «Алфавитный перечень лекарств...»: к вопросу о датировке и атрибуции.....	270

<i>Цыпкин Д.О.</i> «Азбука фряская» 1604 года и проблема взаимодействия книжного письма и книгопечатания в Московской Руси конца XVI – начала XVII века.....	271
<i>Чекунина Н.В.</i> Самобытный герб дьяка Семена Румянцева на блюде из собрания Тверского музея.....	273
<i>Черкасова М.С.</i> Метрология и терминология хозяйственной документации Спасо-Прилуцкого монастыря конца XVI–XVII веков.....	275
<i>Черных А.П.</i> Источники геральдических знаний в трактате Б. Морено де Варгаса «Рассуждения о знати Испании» 1622 г.	278
<i>Шадуц Е.К.</i> Граффити-рисунки Переславского Спасо-Преображенского собора в контексте памятников Владимиро-Суздальского белокаменного зодчества.....	280
<i>Шалак М.Е.</i> Определение маршрута сезонных перекочевок Малых Ногаев в XVII веке по данным западноевропейских источников.....	283
<i>Шамин С.М.</i> Обманутая императрица Анна Иоанновна, или Кто помог убить воронежского священника Савву Дугина?.....	285
<i>Шамина И.Н.</i> Рукоприкладства, пометы и скрепы в переписных книгах Коломенской епархии 1701–1702 годов.....	287
<i>Шебалдина Г.В.</i> Списки реляций Чрезвычайного Посла князя В.Л. Долгорукого из Швеции 1726–1727 годов.....	290
<i>Шокарев С.Ю.</i> Семья князя Андрея Большого Углицкого: статус, генеалогия, антропонимика.....	292
<i>Шумилов Е.Н.</i> О времени «исчезновения» чуди в Верхнекамье по данным топономастики.....	295
<i>Шустова Ю.Э.</i> Образ города в изданиях эмблематической книги «Ифика иерополитика».....	298
<i>Щеглов А.Д.</i> «Небольшая хроника, составленная на шведском языке»: рукопись XVI века и ее создатель.....	301
<i>Юрганов А.Л.</i> «Либеральствующий коммунист» Бухарин в сатирическом журнале «Крокодил» в 1929 году.....	304
<i>Юшко Д.Г.</i> Управляющий имениями и крестьяне: по материалам пособия А.К. Бодэ «Управитель русского имения».....	306
<i>Якунина В.А.</i> Специфика перевода некоторых терминов в письмах орденских и муниципальных властей Нарвы к Ревелю в XV веке.....	308
<i>Якушкин Г.Р., Якушкина М.М.</i> Участники борьбы за сохранение уникальных храмовых комплексов на территории Пестяковского и Южского районов Ивановской области в 20-е – 30-е годы XX века.....	310